

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Евгений ЩЕПЕТНОВ

МОНАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Annotation

Параллельный мир... Как он там оказался? Кто его перенес? И, главное, зачем? Все похоже на Землю — вот только жители поклоняются злему демону, обладают умением колдовать, а по лесам бродят кикиморы и лешие. Трудно придется Андрею в этом мире. Он должен победить Зло... Но как это сделать? Может, подскажет древний дракон? Или объяснят умные книги? Он не знает. А пока что несут его крылья огромного дракона в неизвестность, а маленький дракончик на плече выпускает когти, посверкивая кошачьими глазами и ехидно объясняя человеку, кто в мире хозяин. Его ждут приключения, о которых он и не мечтал, и бывший монах, бывший наемный убийца, должен не просто выжить, но и защитить своих друзей. Получится ли это у него?

- [Евгений Щепетнов](#)

- [ПРОЛОГ](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
-

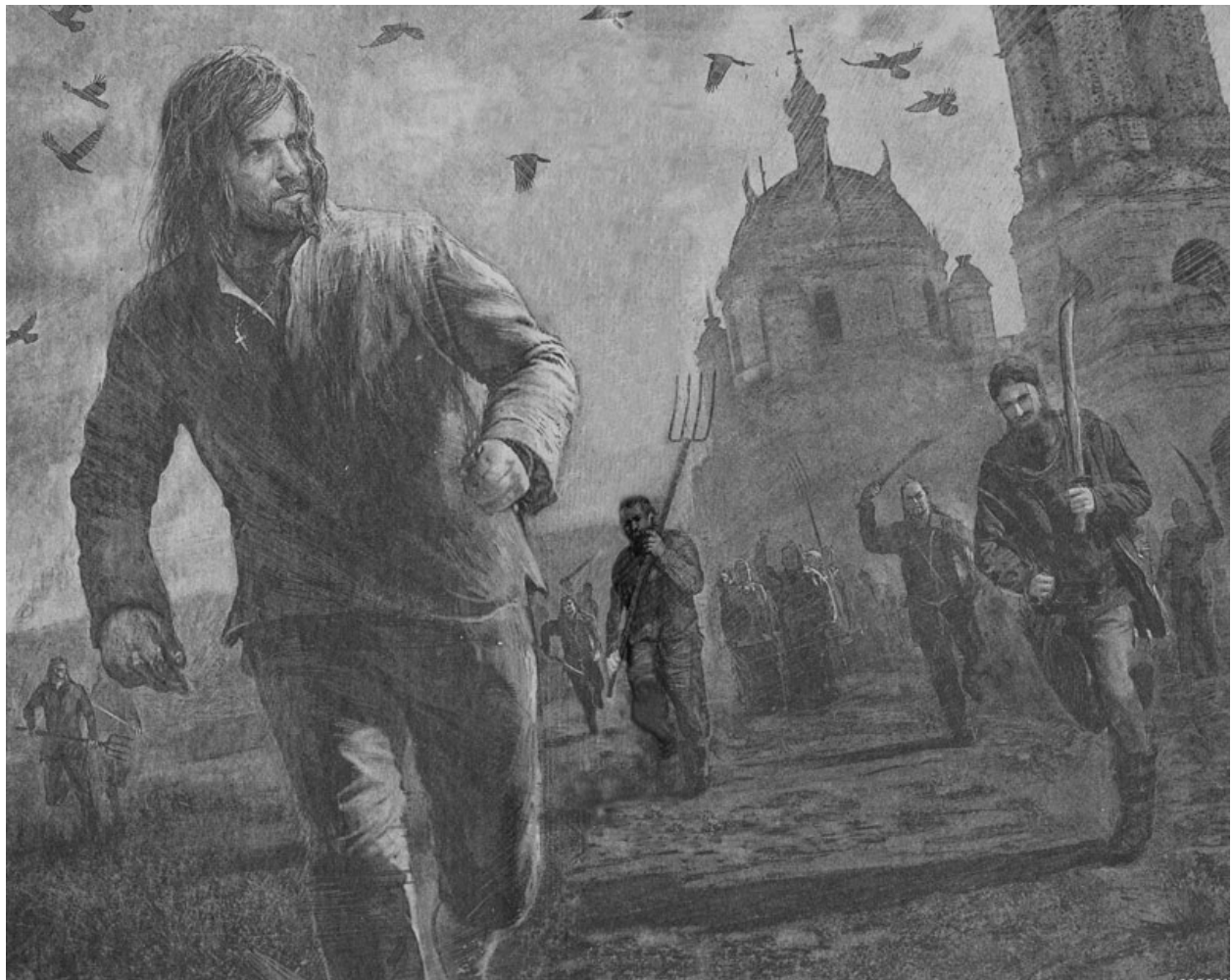
Евгений Щепетнов

МОНАХ

*Искусственных слез нам хватает, но вроде
Надо плакать, а мы улыбаемся,
Может быть, эти роли нам не подходят
И зря мы так сильно стараемся...*

Валентин Стрыкало

ПРОЛОГ

Андрей стоял и смотрел, как над младенцем заносят кривой вороненый нож. Вережка больно врезалась в кисти рук, он попробовал шевельнуться, но чуть не упал — ноги тоже были плотно связаны.

Ребенок заливался плачем, а толпа радостно ревела:

— Бей! Бей! Бей!

Крик ребенка оборвался, и исчадие показал толпе окровавленные руки, потом провел ими по своему лицу, оставляя красные полосы. Все еще громче заревели:

— Саган! Саган! Саган!

В толпе начали срывать с себя одежду, голые прихожане скакали возле алтаря Сагана и совершали неприличные телодвижения.

Затем исчадие повернулся к монаху и сказал:

— Теперь твоя очередь отправиться к нашему Отцу! Ты будешь служить ему, ползать у его ног, вылизывать плевки, проклятый боголюб! Что, страшно, ничтожество? Ну, где твой Светлый Бог, чего он тебя не защищает?

ГЛАВА 1

Утренний колокол как всегда прозвучал в пять утра. Андрей поднялся со своей узкой койки, не позволяя себе валяться ни секунды дольше, чем положено, натянул рясу и поспешил в храм. Обычная утренняя молитва, потом Божественная литургия, и вот уже грядки с огурцами.

Андрею нравилось это послушание в огороде, он выдергивал стебли сорняков, пробивавшиеся из навоза, в котором торчали огуречные всходы, и думал: «Сколько я здесь? Три года? Да, сегодня будет уже три года. Вряд ли кто-то меня ищет — за эти годы сменились правительства, одних олигархов разогнали, появились другие... а я все в этом монастыре. Однако юбилей!»

Он усмехнулся, потом посерьезнел, худое скуластое лицо обострилось, и его мысленному взору снова предстала картина: в прицеле винтовки лицо мужчины, мягкое нажатие на спусковой крючок... голова мужчины разлетается, и брызги крови заливают выбежавшую маленькую девочку, которая смотрит на мертвого отца. Она страшно кричит — ему не слышно крика, только в прицеле видно, как широко разевается ее маленький рот.

Он бросает СВД и уходит с крыши. На душе у него погано, а на его счете в банке прибавится сто тысяч долларов.

Ему нет оправдания, он знал это. Все двадцать лет жизни из тех сорока трех, что пока отпустил ему Господь, он убивал и убивал людей.

Вначале — на войне, на которую попал молодым парнем из глухой деревни.

Ему нравилось в армии — если в деревне ему надо было много работать за грошовую зарплату и в конце концов спиться и сдохнуть где-то под забором, как его отец, то в армии надо было только исполнять приказы командиров и умело убивать людей.

Да и людей ли? Они не были людьми — так, мишени в прицеле винтовки. Ему было интересно: хлоп! — и цель погасла. Как в тире. Подкрался к противнику, резанул ножом по горлу — труп.

Вскоре он достиг большого умения в уничтожении врага, его заметили и послали на специальные курсы — курсы диверсантов. Учили владеть всеми видами оружия, управлять транспортом, уметь маскироваться и втираться в доверие — с одной целью: убивать.

Государству всегда были нужны умелые убийцы, во все времена. Взянул что-то лишнее журналист — отрезать ему голову. Предприниматель

поднял голову — срезать ее. Политик мыслит неправильно, антинародно — сделать так, чтобы больше не мыслил совсем.

А ведь кроме этого есть и личные интересы — ведь столько людей мешают жить! Мешают зарабатывать... Андрей не помнил уже, как и в какой момент стал не солдатом, а наемным убийцей — наверное, с тех пор, как ему начали платить за ликвидации.

В армии все было проще: приказали — убил — выпил — лег спать. Ну и вариации — пожрал, потрахался... Тут же было сложнее — в мирной жизни ликвидатора надо было еще заинтересовать, чтобы работал лучше. И его заинтересовывали.

К сорока годам он обладал круглым счетом в банке, десятью ранениями — восемью легкими и двумя тяжелыми — и грузом воспоминаний.

У него не было ни семьи, ни друзей — он при такой жизни не мог позволить себе завести семью или сблизиться с кем-то настолько, чтобы стать другом. Ведь дружба подразумевает отсутствие лжи, семья — какую-то стационарную точку для проживания, а это приводит к уязвимости и, как следствие, к гибели.

В конце концов за ним накопился такой груз совершенных убийств, что кто-то наверху сказал: «Хватит! Он зажился! Он знает слишком много!» — и его попытались убрать.

О нет! Они научили его слишком многому, чтобы он мог так просто позволить себя грохнуть. Он ушел, уничтожив своих «чистильщиков», вот только и жить как прежде он тоже не мог. Все ждали, что он, любитель хорошего вина, красивых женщин, кинется в бега за границу — благо у него были заграничные паспорта нескольких стран на разные имена, — но Андрей, поразмыслив, поступил по-другому: он ушел в монастырь. Да не в такой монастырь, где рядом были большие города, комфорт и сладкая жизнь, а в настоящий — в тайге, далеко на севере, где монахи действительно думали о Боге, а не притворялись, мечтая во время молитвы о сладкой еде и удовольствиях.

Начал он с самых низов, послушником, а через два года принял постриг. Теперь его звали Андреем. Имя, которое дала ему мать в глухой пензенской деревеньке, осталось в прошлом, имя Андрей пристало к нему так, как будто было всегда связано с его личностью.

Вначале он не предполагал оставаться в монастыре долго — мол, отсижусь, пережду, пока гроза не пронесется над головой, а потом и вернусь в мир. Он не мог даже снять деньги со счета — его могли отследить, вычислить его передвижения.

Наличных ему едва хватило, чтобы доехать до дальнего монастыря, и то на попутках, так как вокзалы и аэропорты были для него закрыты. Убийцу неожиданно легко приняли в монастырь — он представил поддельный паспорт, — люди тут были просты и доверчивы, как и многие в глубинке, выделили келью, в которой он и жил уже три года.

Первое время Андрей посещал молебны, будто выполнял докучливую, но необходимую работу, как в армии, — ну надо так надо. Стой на коленях и повторяй молитву. Днем работай на послушании — копай, таскай, пили и руби.

И только вечером он оставался наедине со своими мыслями, в строгой келье. Не было телевизора, не было Интернета, не было книг — ничто не мешало мозгу перерабатывать всю ту информацию, что скопилась за годы.

То, чему Андрей не позволял вылезать на свет божий, начинало прорываться из-под поставленных им блоков — трупы, убийства, кровь. Он вертелся на постели, но мысли не оставляли его, перед глазами стояли сцены убийств, страшные картины, не оставляющие его ни днем ни ночью. Он не мог исповедаться — не решался. Во-первых: как отреагирует монашеская братия на появление в их рядах такого монстра, исчадия ада? Во-вторых: а если кто-то проговорится? Он боялся навлечь беду не только на себя — ведь могли зачистить и свидетелей, которые его видели и которым он мог что-то рассказать о своих делах на той же исповеди.

Он стал молиться. Он стал истово молиться, чтобы его прошлое не терзало душу, чтобы Бог простил его. Неожиданно для самого себя он глубоко уверовал — видимо, что-то есть такое в этих монастырях, если он, закоренелый убийца, смог понять глубину своего падения... а может, время пришло? Каждый человек, прожив долгую жизнь, начинает задумываться — а правильно ли он жил? И Андрей задумался...

Зазвенел колокол к обеду, Андрей разогнул усталую спину и пошел к бочке с дождевой водой — тщательно отмыл испачканные в земле и травяном зеленом соке руки и побрел в трапезную. После обеда будет недолгий отдых, опять работа на свежем воздухе, в пять часов вечернее богослужение, ужин и снова в келью.

Как всегда перед сном, Андрей встал на колени и долго молился, не обращая внимания на боль в коленях. Он просил у Бога освободить его от ночных кошмаров, терзающих его последние годы, и простить за совершенные преступления. Но, видимо, этих молитв было недостаточно, так как каждую ночь его преследовали лица убитых им людей, он бежал, прятался от них, но они снова и снова появлялись. Во сне кто-то его хватал, выталкивал навстречу тянущимся ледяным рукам убитых им людей... и он

просыпался в холодном поту, потом долго не мог уснуть, а иногда — не пытался заснуть, а становился на колени и молился до утра, повторяя и повторяя слова: «Прости мне, Господи, мои прегрешения!»

Прозвенел колокол ко сну, и Андрей дисциплинированно встал с колен, улегся на узкую жесткую койку, покрытую тонким ватным матрасом, накрылся колючим шерстяным одеялом и усилием воли попытался заснуть. Дисциплинированный, тренированный мозг отреагировал на посыл, и через пятнадцать минут он уже крепко спал.

Снилось ему, будто он лежит на пригорке, обдуваемый теплым весенним ветерком, вокруг чирикают и попискивают птички, щеку щекочет муравей, заползший на него с высокой сухой былинки. Андрей улыбнулся — хороший, приятный сон. Хотя не эти страшные кошмары...

Вдруг он осознал — какой сон?! Он и правда лежит на пригорке! И его вправду обдувает ветерком! Андрей осмотрел себя: он в нижнем белье — белая полотняная рубаша, полотняные штаны вместо трусов, так положено монастырским уставом, и больше ничего нет!

Монах сел и осмотрелся. Вокруг нетронутый лес — голубые ели, поляна, поросшая зеленой сочной травой и оранжевыми цветами... вроде как называются они «жарки», почему-то вспомнилось ему. Жужжали пчелы, и он подумал: «Где-то тут пасека. Надо идти к людям, там и определюсь, куда забросил меня Господь. Интересно, а куда делся монастырь?»

Андрей сделал несколько шагов, скривился — современный человек давно отвык ходить босиком. Не хватало еще проколоть подошву и получить заражение...

Подумав, снял рубашу и оторвал у нее рукава, засунул в них босые ноги, кое-как примотал оторванными от подола полосками ткани и сделал несколько неуверенных шагов — вроде нормально, теперь можно двигаться.

Осмотревшись, примерно определил: если и есть поблизости населенный пункт, то ниже по реке — внизу несла пенящиеся воды небольшая быстрая речка. Туда и следовало идти.

Через минут десять он доковылял до реки, все время оглядываясь — было странно тихо, настолько тихо, что собственное дыхание слышалось как громкий шум. Не было самолетов, не было никаких следов цивилизации.

Вдруг ему показалось, что снизу по течению послышался крик петуха. Он принюхался — нет, пахло дымом. Монах ободрился и зашагал вдоль реки, обходя коряги и упавшие, заросшие мхом стволы елей. Он прошел

около пятисот метров, когда показались первые дома — рубленые из толстых бревен, с крашеными наличниками и высокими козырьками над крылечками. С пригорка ему было видно, как на больших огородах позади домов ползают по грядкам люди. Носившиеся по улице ребятишки, заметив чужака, застыли с открытыми ртами.

Он усмехнулся — и правда дикое зрелище: сорокалетний худой высокий мужик в нижнем белье с оторванными рукавами, из рубахи торчат жилистые руки, перевитые крупными венами, — он как-то на спор ломал, разгибая, старую подкову, найденную в одной из горных деревень Кавказа.

Андрей махнул ребятишкам рукой и сказал:

— Эй, огольцы, где тут у вас телефон? Может, у вас есть? Дайте позвонить, я недолго!

Он решил позвонить в монастырь, номер настоятеля отца Павла он знал наизусть, память у бывшего убийцы была феноменальная, притом его специально тренировали запоминать — нужное умение для диверсанта.

Ребятишки странно посмотрели на него, потом один что-то сказал на непонятном языке — вроде и русский, слова похожи, но понять, что он говорит, было невозможно.

Андрей пожал плечами и пошел дальше, раздумывая: «Куда меня забросило? Или забросили? Опоили, что ли? То ли Сербия, то ли Западная Украина — язык вроде славянский, но не русский, это точно. Ладно, вон церковь видать, спрошу у местного священника, объясню ситуацию».

Солнечные лучи весело играли на золотых куполах небольшой церкви, кресты сверкали на солнце, успокаивая душу. Андрей бодро шагал к зданию, вот только почему-то на душе было тревожно. Он не мог понять, что же его раздражает в этой церкви, что-то непонятное не нравится ему в ней, но усилием воли он заставил себя успокоиться и к храму подошел расслабленным, благостным.

Поднявшись по ступенькам, он вошел в церковь, перешагнул порог и привычно, с поклоном перекрестился. В церкви шла служба, священник — почему-то в ярко-красном одеянии с темными полосами — распевал какие-то гимны, в которых все время повторялось: Саган! Саган!

Он заметил вошедшего и перекрестившегося человека, осекся на полуслове, стих и небольшой хор певчих, и все вытаращив глаза уставились на Андрея. Он удивился — чего так таращиться-то? Ну да, в нижнем белье, ну звиняйте! Так свой же, православный, в нижнем белье, что ли, не видали?

Он еще раз перекрестился на большую икону, и вдруг ему в глаза бросилось... о ужас! Вместо Христа на иконе была изображена мерзкая

рогатая рожа — Сатана!

Андрей присмотрелся — крест за алтарем был перевернут. Теперь ему стало ясно, что же так беспокоило его при виде церкви, — кресты на куполах тоже были перевернуты! «И как это мне сразу не бросилось-то в глаза, просто, похоже, я не мог поверить, мозг отказывался это воспринять, ведь *такого не может быть!*»

«Священник» с амвона указал на него рукой и крикнул что-то типа: «Стоять! Не двигаться!», но Андрей с омерзением плюнул в иконы, повернулся и пошел прочь — надо было выбираться из этого вертепа.

«Да куда же я попал, мать их за ногу?! — с отчаянием подумал он. — Что за сатанинский поселок? Сваливать отсюда надо, пока не взяли за задницу! Чую, тут пахнет жареным! А если сейчас не пахнет, то может запахнуть... только вот как-то не хочется, чтобы это был запах меня, жаренного на вертеле...»

Он вспомнил глаза этого «священника» — у того как будто даже челюсть отвалилась от неподчинения чужака, как будто он увидел морского змея.

Андрей не видел, как из дверей «церкви» вылетела толпа прихожан. Только когда они были уже рядом и стали слышны их пыхтение и топот, Андрей обернулся и разглядел своих преследователей.

На первый взгляд они ничем не отличались от обычных прихожан и на второй тоже, вот только не было в них никакой благодати, а в руках добрые прихожане держали здоровенные ножи, пригодные чтобы нашинковать не только капустку, но еще и заблудившегося христианина.

— Что вам надо? — спокойно спросил он, надеясь все-таки закончить миром. — Я сейчас уйду, и никому не будет неприятностей. Стойте на месте!

Позади пыхтящей и обливающейся потом паствы появился псевдосвященник. Он повелительно повел рукой, и толпа расступилась. «Священник» начал что-то говорить на «сербском» языке — как понял Андрей, вроде о святотатстве, что ли. Он показал на Андрея, а потом встал в позу, поднял руки над головой, затрясся, закатив глаза, и прокричал несколько слов, из которых Андрей узнал только «Саган! Саган!».

Все с любопытством замерли, как будто ожидали, что сейчас чужака разразит гром или он упадет мертвым. Ничего не случилось, Андрей пожал плечами, сказал:

— Шли бы вы отсюда, нехристи гребаные, — и перекрестил толпу и «священника», благословляя их к походу.

Это подействовало так, будто он облил их дерьмом или помочился на

них, — они отшатнулись, их лица искривились от отвращения, а «священник» яростно провизжал что-то и указал на супостата.

Тут же пассивность толпы сменилась яростным порывом, и вооруженные «мачете» отморозки дружно навалились на Андрея. Если бы это были молодые, тренированные ребята — тут бы ему и конец. Спасло то, что это были неспортивные и неуклюжие крестьяне, больше привыкшие махать косой, чем клинками, а потому Андрей легко ушел от размашистых ударов, перенаправив их в соседей — двое тут же оказались на земле, покалеченные своими же соратниками. Один упал от пушечного хлесткого удара в сердце — хотя Андрей и давно не тренировался в рукопашном бое, но умения никуда не делись, а благодаря тяжелому физическому труду на свежем воздухе и здоровому рациону питания он не лишился спортивной формы.

Еще один упал как кегля, еще... руки, ножи мелькали перед глазами, как лопасти вентилятора. Спину ожег удар палкой — гаденыш подкрался сбоку и все-таки достал его, — перехватив палку, монах вырубил негодяя.

На земле лежало уже с десяток противников, когда Андрей заметил бегущих им на подмогу человек двадцать мужиков с вилами и дрекольями и понял: теперь только ноги спасут. Он сбил с ног двух оставшихся сатанистов, прикинул — вроде успевает, — шагнул к одному из лежащих на земле и стащил с него хромовые сапоги. Этот тип был примерно одного с ним роста — около ста восьмидесяти сантиметров, и размер ноги, по прикидкам, должен быть таким же, как у Андрея. Еще десять секунд ушло на вытрясание придурка из толстой стеганой куртки, и вот Андрей бежит со всех ног вдоль улицы, спасаясь от разъяренных крестьян.

«Слава богу, что я в форме и не гнушался тяжелыми работами, — подумал он, легкими стелющимися прыжками удаляясь от толпы. — Пульс в норме, даже не запыхался — есть еще порох в пороховницах! Ну ладно, пороха нет, так есть теперь тесак!» Андрей взвесил в ладони этот «хлеборез», осмотрел его на ходу — тесак как тесак, кованный в кузне, не фабричного производства. Так что сказать, где он был сделан, невозможно. То есть страну определить нельзя.

Он бежал все дальше и дальше по проселочной дороге, пока не заметил километрах в пяти от села тропинку, уводящую в лес. Предположив, что это тропа к какому-то зимовью или шалашу косарей, Андрей свернул на нее, опасаясь погони на лошадях. Он всю дорогу так и бежал почти босиком, в импровизированных башмаках из рукавов рубахи.

Присев на пенек, Андрей прикинул по ноге сапоги, снял истертые «башмаки» и натянул трофейную обувь. Потопал ногой — слава богу! —

впору. Накинул на плечи куртку, снятую с нокаутированного, а может, мертвого сатаниста, и пошел дальше.

Тропа закончилась через метров пятьсот поляной, за которой просматривалось цветущее поле — похоже, гречишное. На поляне стояли несколько десятков ульев, мало отличающихся от тех, что Андрей видел в монастыре. За ними виднелся небольшой деревянный домишко, имевший вполне мирный вид. Однако, памятуя о событиях, случившихся часом раньше в селе, Андрей направился к домику, зажав в руке нож и будучи настороже — может, и здесь логово сатанистов? Кто знает, что происходит в этой стране... этак и Бабы-яги дождешься — ничуть не более удивительно, чем церковь Сатаны!

Как будто отвечая его мыслям, из домика вышла натуральная Баба-яга, сморщенная, как печеное яблоко, с темным костлявым лицом и тонкими руками, покрытыми пигментными пятнами.

Андрей подумал: «Сколько же тебе лет, старая? И ты, что ли, сатанизмом пробавляешься?»

Баба-яга поманила его рукой, сказала что-то — видимо, предложила заходить. Он вошел в полутемные сени, шагнул в избу и опять, увидев в красном углу закрытые занавеской образа, совершенно не думая, на автомате, широко перекрестился на них.

Бабка вздрогнула, закрыла рот рукой, схватилась за сердце, потом погрозила ему пальцем и что-то сказала. Оглянувшись, проворно задернула занавески на окнах и только потом раздвинула покровы в красном углу.

Андрей с облегчением увидел образа — немного отличающиеся от тех, которые он видел раньше в своей жизни, но вполне узнаваемые и родные. Он еще раз перекрестился на них и поклонился иконам.

Бабка подошла к нему, наклонила его голову и поцеловала в лоб. По ее щекам катились слезы, она что-то прошептала и указала ему на стул. Сама села напротив за столом и стала что-то спрашивать, настойчиво повторяя и указывая на куртку. Андрей развел руками — не понимаю, мол. Старуха досадливо крикнула, потом обратила внимание на его руку, на которой красовался здоровенный синяк — видимо, кто-то в свалке все-таки зацепил палкой, а он и не заметил. Она захлопотала, побежала к русской печи, достала оттуда чугунок, пододвинула из-за занавески деревянное корытце, налила туда воды и стала промывать Андрею его ссадины и царапины. Наконец все царапины были промыты, старуха заставила Андрея снять рубаху и внимательно осмотрела его, что-то сердито приговаривая и бесцеремонно поворачивая вправо-влево. С интересом коснулась шрамов — два были пулевые, от них остались небольшие звездчатые пятнышки,

три ножевые — тоже не спутаешь ни с чем... провела по ним пальцем и опять что-то спросила, покачивая укоризненно головой.

Неожиданно она насторожилась и, выглянув в щель между занавеской и рамой, поманила гостя пальцем — смотри, мол! Он нахмурился — по тропе, метрах в двухстах от дома, спешили на лошадях, вооруженные уже саблями и копьями («Почему копьями?! — удивился Андрей. — Из музея поперли, что ли?»), давешние его обидчики. Бабка показала на него пальцем, типа — тебя ищут? Он кивнул и огляделся, ища, куда бы спрятаться. Старуха подхватила, вытащила откуда-то иконы, на которых он заметил изображение нечистого, с отвращением плюнула на них, перекрестилась на образа Бога и прикрыла их богомерзкой доской. Задвинула занавеску, схватила Андрея за руку и поволокла из дома, как трактор, с неожиданной для такой старой бабки силой.

Возле дома была длинная, крытая соломой землянка — видимо, в ней зимой держали пчел, она так и называлась — пчельник. Старуха открыла дверь и толкнула Андрея внутрь — иди! Затем показала ему — прикройся там, мол, и сиди! Потом захлопнула дверь и умчалась, мелко топая ногами по тропинке.

Андрей усмехнулся — шустрая старушенция, интересно, сколько ей лет? Осмотрелся в темноте — глаза уже немного привыкли, а через щели в двери просачивались небольшие лучики света — и присел в дальнем углу, навалив на себя какую-то пыльную рогожу и обломки ульев. Было неприятно, за шиворот сыпалась труха и мышинное дерьмо, однако лучше быть в дерьме, но живым, рассудил Андрей. В первый раз, что ли? И в сортире, в выгребной яме приходилось отсиживаться, по сравнению с тем случаем этот — просто курорт.

Дверь в зимник распахнулась, послышались голоса, стало светло, затем легла какая-то тень — как будто в дверном проеме кто-то стоял и, наклонившись, пытался рассмотреть землянку изнутри. Наконец дверь опять захлопнулась, и вновь стало темно.

Андрей перевел дух и выпустил рукоять ножа, которую сжимал так, что рука побелела от напряжения. Он усмехнулся — отвык от таких стрессов, спокойная и размеренная жизнь монастыря расслабила, пора уж снова превращаться в убийцу... вот только пора ли? Ему стало тошно. И захотелось, чтобы все это безумие было лишь кошмарным сном и он снова бы проснулся в своей тесной полутемной келье.

Сколько прошло времени, он не знал, наверное, минут двадцать или чуть больше. Дверь снова распахнулась, и раздался голос старухи. Он не понял, что она сказала, и на всякий случай не стал покидать свое убежище.

Бабка, кряхтя, прошла вниз, сдернула с него рогожу и показала — пошли, мол. Андрей облегченно стряхнул с себя мусор и выбрался наружу.

Солнце, уже склоняющееся к горизонту, ослепило его яркими лучами — после темного подвала он никак не мог проморгаться, — и глаза заслезились. Пока протирал, рядом образовался старик, такой же древний, как и старуха, спрятавшая его в зимник. Он что-то резко спросил у старухи и осуждающе покачал головой. Она ответила, отмахнулась от него и показала Андрею — пошли к колодцу, мыться надо — и сняла с его головы паутину и труху.

Вот так начал свою жизнь в новом мире бывший убийца, потом монах, потом неизвестно кто — Андрей Бесфамильный. Бесфамильный — он всегда усмехался, читая это у себя в паспорте. Какой-то идиот из Управления не придумал ничего лучше, как дать такую фамилию человеку с фальшивой родословной, фальшивым именем и фальшивой жизнью. Может быть, он считал, по своей глупости, что такая фамилия будет меньше привлекать внимания? А может, наоборот, ему претил этот конвейер убийств и он хотел привлечь внимание к этому человеку? В любом случае — Андрей никогда не использовал документы с такой фамилией, и вот поди ж ты, она всплыла в его памяти как родная.

Уже месяц он жил у старика со старухой. К ним редко кто навещался — сезон меда только начался, за продуктами они ходили в лавку сами, а если все же появлялся гость, Андрей прятался по кустам или в пчельник. Он понимал, что долго это продолжаться не может и нельзя подвергать стариков опасности — если его тут увидят, найдут, то не миновать расправы: мало того что он осквернил храм Сагана, перекрестившись и плюнув в его иконы в знак презрения, так еще и убил двух прихожан. Бесполезно говорить, что убит лично им только один, а второй пал от рук своего подельника, когда Андрей увернулся от тесака, — все равно это результат его действий.

Во все окрестные деревни были разосланы ориентировки — высокий, худощавый бородатый мужчина с длинными черными с проседью волосами, связанными на затылке в хвост.

На всякий случай Евдокия — так звали старуху — побрила ему голову налысо, и от бороды он избавился, теперь скоблил щеки ножом каждый день. Подобрали ему из гардероба деда Пахома старые вещи, крепкие, почти ненадеванные.

За это время Андрей узнал об этом мире все, что можно было узнать, от стариков, проживших в деревне Лыськово всю жизнь. Начал он, конечно,

с языка и через неделю вполне сносно изъяснялся на славском языке. Язык чем-то напоминал старославянский — не зря ему показалось, что похоже на сербский язык, вот только тот был более современен, а потому его было легче понять. Много было и неизвестных слов — возможно, что эти слова позже были утрачены. Вернее, то, что они обозначали, стали обозначать другими словами, и даже значение многих слов изменилось, некоторые вполне произносимые слова стали в будущем даже ругательствами... Сложнее было с алфавитом — эти каракульки, букашки вместо привычных букв приводили Андрея в замешательство. Но через три недели он уже мог, с трудом, правда, читать молитвенник. Что еще можно было добиться от старика со старушкой? Они сами-то были полуграмотные...

Теперь, после того как овладел языком, Андрей мог уже расспросить — что же тут такое происходит, в самом-то деле, почему вера в Бога преследуется, как на Земле преследуется сатанизм, и даже гораздо беспощаднее, и где, в каком мире он вообще находится?

После долгих расспросов и уточнений он сумел сложить кое-какую картину: это была вроде и Земля, но Земля, как будто застывшая в раннем Средневековье, отставшая от его Земли на сотни, а может, и на тысячи лет. Впрочем, даже не так. Она не отстала, прогресс просто остановился. Не одобрялись никакие нововведения, никакие новые технологии — только то, что было на момент... на момент чего? Что произошло в определенный момент, какое событие, после которого цивилизация застыла?

Он решил оставить это на потом — старики все равно не могли сказать ничего вразумительного. Его интересовал главный вопрос: как так оказалось, что по стране стоят церкви Сатаны?

Выяснилось: много лет назад, старики и не знали, сколько именно лет, появились исчадия. Это были избранные темной силой люди, наделенные способностью воздействовать на людей — они могли убивать словом, превращать в бессловесных рабов. Никто не мог противостоять им. Те, кто не хотел принимать веру в черного бога, или уходили в леса, или убивались исчадиями, приносились в жертву. Церкви Светлого Бога захватывались, священники уничтожались — для исчадий не было лучшей жертвы, чем служитель Светлого, они говорили, что это особенно угодно Сагану.

Был ли Саган тем самым Сатаной? Этого Андрей не знал. Самое главное было то, что все, что было свято и правильно для людей его мира, здесь подвергалось поруганию. В храме проводились богохульные и нередко кровавые службы, на которых приносились в жертву люди, и очень часто — дети. Люди продавали своих детей, чтобы их приносили в жертву, и радостно наблюдали, как их убивают на алтаре, восхваляя Сагана.

Поклоняющиеся Светлому Богу остались, но они глубоко законспирировались, образа Бога передавались из поколения в поколение вместе с верой, и их, верующих, становилось все меньше и меньше.

В тесных общинах, где все на виду, жить без того, чтобы не участвовать в оргиях сатанистов, было невозможно — Андрей даже подумал, что эти деревеньки надо вообще сносить, настолько они были пропитаны духом нечистого. В городах положение было полегче — трудно уследить, ходит человек на моления или нет. Поэтому дух вольнолюбия и христианства там сохранился больше, хотя и выжигался каленым железом.

Худшее, что услышал Андрей, — сатанизм стал государственной религией. Он поддерживался власть имущими, насаждался ими, все богатые люди или были исчадиями, или же истово им служили. Проповедовался культ силы: если ты богатый, если ты могущественный, ты можешь делать все что угодно, разумеется, при условии, что это не входит в противоречие с интересами Сагана и его прислужников. Законы существовали, да. Но все они были направлены на то, чтобы сатанистам легче было управлять людьми, — бедные и слабые являлись, по сути, кормушкой для богатых.

Конечно, были ограничения — соблюдалась видимость законопорядка, бедный, обиженный богатым, мог обратиться за праведным судом к власти, но неизменно выходило так, что виноват бедный. И он прощался с имуществом, а то и с жизнью. Для этого всегда находился повод — кто-то видел, что этот человек плевался на храм Сагана или вел хулительные разговоры по пьянке... результат был один — «преступник» заканчивал жизнь на жертвенном алтаре. Поощрялись наркотики, пьянство, разврат — растленным народом легче управлять, легче держать его в узде.

Как-то ночью он долго думал над тем, почему оказался тут, и версии у него были разные. Первое, что пришло в голову, — может, его сослали сюда, как в ад? За все его прегрешения...

А может, это испытание? Сможет ли он в этом аду выдержать и остаться человеком, христианином?

Может, его задача умереть, сделаться мучеником, чтобы потом попасть в рай? Но он не хотел пока что умирать, не собирался... по крайней мере, не забрав с собой кучу врагов. Он уже пожил в собственном аду и не сдался, не дал себя убить, почему тут он должен капитулировать?

И главная версия, которую он никак не хотел допускать в свою голову: он послан, чтобы изменить этот мир, чтобы противостоять Сатане, чтобы уничтожить Сатану.

Смешно — ну как, как он может это сделать? Один против всего мира

Зла, без пушек и пулеметов, без каких-то умений, против исчадий, которые могли убить просто словом «умри!» — и человек падал замертво. Что он мог сделать?

Кстати сказать, вот эта «экстрасенсорика» исчадий его сильно заинтересовала, а еще больше тот факт, что он до сих пор жив. Ведь «священник»-исчадие в самом деле пытался воздействовать на него своей злой силой, но для него это было как осенний ветерок — только холод по коже, и все. Может быть, до тех пор, пока он верит в Бога, он защищен против исчадий? Господь дал ему способности, каких нет ни у одного из обитателей этого мира? Может быть, и так. По крайней мере, ему хотелось в это верить.

Через месяц он засобирався уходить. Нельзя было подставлять старика со старухой — они были хорошими людьми. И их гибель легла бы тяжким грузом на его душу. Он так нарисовался тут, в Лыськово, что каждый встречный тут же узнал бы его и сдал исчадиям. А уж их точно заинтересовало бы — что за человек такой попался, почему это на него не действует злое колдовство и не будет ли Сагану угодно принесение в жертву такого интересного человека.

Он мог затеряться только в большом городе. И такой город был не очень далеко: в ста километрах от Лыськова, а назывался он Нарск. По словам стариков, в нем людей было видимо-невидимо, после долгих расчетов и расспросов он с удивлением узнал, что в Нарске живет не менее ста тысяч человек, а может, и больше. Все-таки он попал не совсем в Средневековье — тогда столько людей не жило по миру. Из Нарска ходили караваны по всему материку, торговали всем, в том числе и рабами.

Рабство тут было в порядке вещей — кстати сказать, люди, которых он видел в огородах, когда только появился в этом мире, были рабами. Это его не удивило — если уж наркотики в ранге положенного, то уж рабство само напрашивалось как закон жизни. На Кавказе он не раз освобождал рабов, работавших на богатых хозяев, — обычно взрывал дом современного рабовладельца, бросив туда несколько гранат...

Итак, однажды ночью он покинул гостеприимных стариков. Евдокия всплакнула, перекрестила его, а Пахом крепко обнял и сказал:

— Держись. Не дай исчадиям себя убить. Зря, что ли, мы старались, прятали тебя? Нас, боголюбов, осталось мало, береги себя. Иди с Богом!

Он помахал им на прощание и двинулся в путь. Идти Андрей решил ночами, чтобы не привлекать к себе внимания. В котомке у него было два каравай хлеба, кусок сыра, кусок копченого мяса, кресало, чтобы разжигать огонь, тыквенная фляга и тот самый тесак, который он отобрал у

сатанистов. По его расчетам, через трое суток он должен был достигнуть конечной цели своего путешествия.

Ночи были прохладные, и Андрей спасался быстрой ходьбой, а также курткой, которую снял у убитого им сельчанина. Утром он останавливался на отдых где-нибудь подальше от тракта и спал под широкими лапами елей, на толстой подушке из иголок.

Как-то, закутавшись в куртку и засыпая, он подумал: «А может, действительно, это мне наказание такое? Может, Господь говорит — отправляйся к себе подобным! Всю жизнь ты служил Сатане, вот тут тебе и место, а не в монастыре!» От этих мыслей ему стало грустно и одиноко. Не радовали ни шелест деревьев, ни пение птиц, ни теплое прикосновение солнечных лучей к коже. Неприятно и горько чувствовать себя никому не нужным человеком, от которого отвернулся даже Бог...

На третий день он попал в беду. На него набрели охотники за рабами.

Он уже знал, что таких в этом мире хватало, они объединялись в шайки и искали добычу на пустынных дорогах — хватали одиноких путников, а потом продавали в рабство на рынках городов. Старики особо его предупреждали по поводу такой беды, и все-таки он не смог избежать неприятностей.

Обнаружили его совершенно случайно, Андрей успел проснуться, когда они подошли, но это уже не имело значения — скрыться не получится, ему оставалось только или бежать, или драться.

Ловцов людей было четверо. Здоровенные сытые мужики, вооруженные огромными тесаками — те служили в этом мире и плотницкими топорами, и оружием, и ножами для повседневных нужд. Кроме того, у охотников за рабами была сеть, которую набрасывали на жертву.

Сейчас воспользоваться сетью они не могли, так как Андрей лежал под елью — мешали ветки, но и шанса убежать работоторговцы давать ему не собирались, обступив дерево со всех сторон.

— Эй ты, вылезай оттуда, — насмешливо сказал рыжий мужик лет сорока, — все равно же достанем! Попался так попался! Теперь ты наш. Если сразу не вылезешь, будут неприятности, покалечить не покалечим, все-таки ты товар, но больно будет, это точно. Слышишь, что ли? Давай, говорю, вылезай!

— Щас вылезу... только дайте с духом собраться, — угрюмо буркнул Андрей. — А может, кого-нибудь еще поищите? Как-то не хочется мне с вами дело иметь!

Разбойники заржали:

— Ну насмешил! Смешной какой раб! Может, его шутком сделать? Отрежем ему уши, рот разрежем, татуировки сделаем — и продадим богатым, они любят веселых шутов! А что, Антип, и правда, может, отвести его к татуировщику, он его украсит, больше денег возьмем?

Андрей прервал их веселые рассуждения о том, как на него нанесут аэрографию, дабы он выглядел более презентабельным при продаже, и выкатился из-под ели, держа в руке нож-тесак.

Конечно, с мачете бандитов его железка сравниться не могла — короче чуть ли не в два раза и тоньше, но их мачете висели на поясах, а его нож был у него в руке.

Первым движением Андрей резанул отточенным лезвием по внутренней поверхности бедра рыжего предводителя — просто тот оказался ближе к нему, обратным движением подрезал подколенные сухожилия у второго.

На ногах осталось двое. Один из них, державший сеть, ловко кинул ее на катающегося по земле Андрея — тот лишь чудом увернулся, иначе его участь была бы предreshена.

Андрей вскочил на ноги, автоматически перебросил нож из руки в руку и побежал на оставшихся двух бандитов, страшно крича и вращая глазами — чтобы уstrasшить и внести смятение в их души.

Тот, что с сетью, видимо, был опытным бойцом и не отреагировал на его психическую атаку, а вот второй подался назад, зацепился ногой за поваленное дерево и чуть не упал, потеряв равновесие. Андрей воспользовался этим и длинным выпадом воткнул ему нож в бок, сразу отпрянув и встав в боевую стойку.

Бандит с сетью посмотрел на стонущих порезанных соратников, на убитого и миролюбиво сказал:

— Ну все, все, давай разойдемся. Вижу, мы выбрали не тут цель. По тебе же не скажешь, что ты воин, думали, бродяга какой-то. Давай не будем доводить дело до конца, а?

— Я бы не доводил, но, понимаешь, какое дело — я ненавижу рабовладельцев.

Еще не закончив фразу, Андрей сделал выпад и ткнул клинком в лицо бандита, тот не ожидал такой прыти, выронил тесак и зажал лицо руками — из-под его ладоней обильно потекла кровь, собираясь ручейком на подбородке и капая на землю. Андрей сделал еще выпад, и бандит упал с распоротой шеей.

Подобрал бандитский тесак и пошел к лежащим на земле подрезанным бандюкам. Опытным глазом определил: «Этот уже покойник,

вон сколько крови вылилось — наверное, бедренную артерию рассек. А этот... этот остался бы хромым... если бы я позволил». Он коротким движением рассек череп скулящего и ползающего по земле бандита, тот задергался в конвульсиях и умер.

Андрей присел, прислонившись спиной к одинокой березе, прилудившейся в этом еловом лесу, и, глядя на трупы, задумался: «Что, неужели я возвращаюсь к временам, когда я был хладнокровным убийцей? Мне это понравилось, то, что я убил этих идиотов? Вроде нет. Хотя определенное чувство удовлетворения у меня есть. Они служили Сатане, пусть, может быть, не осознанно, но служили, а потому — я сделал все правильно. Правильно? Да, правильно. Я освободил мир хоть от небольшого количества скверны. И что теперь? Я так и буду освобождать мир от скверны? Путем убийства? А почему нет? Выжигать скверну каленым железом, искоренять сатанизм и его пособников — разве это плохая дорога?»

Андрею после таких мыслей сразу стало легче. Все-таки какой-то путь вырисовывается, какой-то смысл жизни, кроме того что эту самую жизнь надо тупо сохранить. А почему тупо? Умно сохранить. И нанести воинству Сатаны как можно больше вреда.

Он выбрал подходящего по росту бандита, снял с него штаны, рубаху, куртку — они были гораздо более приличные, чем у него, он был одет действительно как бродяга в обноски Пахома, слишком ему короткие. Сапоги оставил — сапоги у него были хорошие, с зажиточного лыськовца. Обшарил трупы — нашел несколько серебряных монет, медяки, а у рыжего даже два золотых. Это его очень обрадовало — хотя Андрей и обходил все населенные пункты по широкой дуге, но в конце концов он придет в город, а там надо будет питаться, где-то ночевать, пока удастся найти какую-то работу. А он хоть и монах, но питаться молитвами еще не научился.

Собрав окровавленную одежду, Андрей пошел искать речку — впрочем, чего было ее искать, когда она протекала над горой, возле тракта, внизу. Подождав, когда проедут две подводы с мешками — наверное, мука или зерно, — он рысцой пересек тракт и спустился по обрыву, выбрав место, где его не было видно с дороги.

Выполоскав и отстирав пятна крови — благо, что она не успела как следует свернуться и потому сделать это было несложно, — Андрей отжал шмотки и, оглядываясь по сторонам, снова поднялся в лес. Отойдя километров десять от места боя, он разложил мокрую одежду на солнцепеке, а сам облегченно завалился спать, забравшись в густой колючий кустарник — что-то вроде терновника. Теперь подобраться к нему

было непросто. Уже когда он засыпал, в голову ему стукнула мысль — какого черта он не обшарил окрестности вокруг места драки — бандиты ведь, скорее всего, передвигались верхом! Вот что значит человек двадцать первого века, определил, что машина здесь не пройдет, а о лошадях даже не подумал.

Он встрепнулся — пойти сейчас туда, что ли? А если кто-то нашел трупы? А вдруг там люди, вдруг на кого-то нарвешься... зачем ему это? В седле он держится фигово... Да черт с ними, с этими лошадьми! Раньше надо было думать. С тем он и уснул.

Проснувшись под вечер и выбравшись из своего тернового куста, Андрей первым делом ощупал выложенную для просушки одежду — она была сухая и чистая, теперь можно было, не обладая особой брезгливостью, натянуть ее на себя, что он и сделал, оставив стариковские обноски для мышей. Андрей посмотрел на солнце, уже касающееся горизонта, на тихий лес и зашагал по дороге. Сегодня он рассчитывал дойти до Нарска, переночевать опять в лесу, а утром, когда откроются ворота, войти в город.

Выглядел он уже более или менее прилично, от Лыськова, где было много желающих с ним по квитаться, отошел довольно далеко, так что опасаться ему особо было нечего.

ГЛАВА 2

К Нарску Андрей подошел перед рассветом.

Он мог бы войти в город, но что ему было делать ранним утром на пустынных улицах, когда все еще спят, а магазины и лавки закрыты? Он должен найти работу, какую — еще не знал. Что он умел лучше всего? Хм... полоть сорняки на огуречной грядке. Носить воду и рубить дрова. Драться и убивать людей.

«Невелик выбор! — усмехнулся он. — Или грязная тупая работа, или возврат к своему черному прошлому. Вот только наемным убийцей я больше не буду. А кем тогда? Ну можно пойти в армию... есть же у них армия, в самом деле? Видимо, есть. А если тебя пошлют собирать людей для принесения их в жертву на алтаре Сатаны, пойдешь? Взбунтуешься? Тут тебе и конец. Кстати, а кто меня возьмет в армию-то, я же не умею фехтовать на мечах или саблях. Идти в рекруты, с молодыми парнями... стремно как-то. А СВД мне вряд ли выдадут, „Калашников“ тоже. В телохранители податься? А кто меня возьмет телохранителем — я же никто и звать меня никак. Кто доверит свою жизнь никому не известному мужику? Ладно. Там видно будет. Пока что надо переждать несколько часов, до тех пор пока город проснется».

Андрей зашагал к ближайшему лесу, на вид не сильно загаженному.

Впрочем, оказалось, это впечатление было обманчиво, и он долго искал незагаженный участок: как всегда и везде, горожане мало заботились о чистоте предместий и выкидывали мусор где попало.

Обозлившись, он выматерился и решил все-таки переночевать на постоялом дворе. Денег у него было мало, но не валяться же в строительном мусоре, собачьем дерьме и лошадиных яблоках?

Постоялый двор он обнаружил недалеко от городских ворот. Купцы или просто приезжие, не успевшие попасть в город засветло, могли переночевать здесь за небольшую плату. Впрочем, Андрею плата небольшой не показалась, и снять комнату на несколько часов за два серебряника он отказался.

После недолгой торговли ему было предложено спать в конюшне, на сеновале за три медяка. Дорого, конечно, но делать было нечего, и вскоре он уже лежал на втором этаже огромной конюшни, подложив себе под голову охапку сена.

Внизу фыркали лошади, пахло конским потом и навозом, и запах этот

почему-то показался ему таким уютным и успокаивающим, как будто он был в родном доме. Огромные животные переступали копытами, всхрапывали во сне, уснул и Андрей, утомившись за время ночной многокилометровой прогулки.

Проспал он часов пять, затем резко, как по команде, вскочил, отряхнулся и пошел к лесенке, ведущей вниз.

На постоялом дворе кипела жизнь — сутились мальчишки, таскающие воду лошадям и на кухню, купцы, проспавшие ранний выезд, покрикивали на конюших, запрягающих лошадей.

Андрей, не обращая внимания на суету, направился к воротам Нарска.

Стотысячный город был окружен мощной крепостной стеной, построенной скорее всего очень давно. Еще ночью Андрей заметил, что ворота крепости были открыты, но не очень удивился — может, просто устал, чтобы об этом думать, и хотел спать. Теперь же он вспомнил этот факт.

Из книг он знал, что на ночь крепости обычно закрывали ворота, с тем чтобы открыть их в определенное время утром, пропуская всех за пошлину. Тут и пошлины никто не взимал — все проходили свободно.

Вот только смотрели стражники на каждого входящего в город и выходящего из него очень внимательно. Андрей решил, что эти ворота что-то вроде КПП, служащие для того, чтобы фильтровать поток людей. Он взял себе это на заметку — пройти через КПП незаметно было практически невозможно.

Он миновал стражников беспрепятственно, наряд охраны ощупал его внимательными взглядами, но его заурядная внешность не вызвала никаких вопросов. Его волосы отросли, трехдневная борода ничуть не отличалась от таких же бород каких-нибудь возчиков или разнорабочих, в общем — обычный сорокалетний мужик, потертый жизнью.

Улицы города были вымощены брусчаткой, и на них было довольно чисто. Скоро Андрей понял почему — на каждом перекрестке он видел людей, подметающих, чистящих, моющих. Приятно удивился — он ожидал от Средневековья грязи, вони, отсутствия канализации, чумы и мор, а тут вот что... моют мостовую, понимаешь... Потом присмотрелся — а люди-то в железных ошейниках... и клеймо на щеке. Его передернуло — вот и он бы так же вскорости выскребал и надраивал мостовые... И улицы уже не казались ему такими великолепными и достойными подражания. Лучше бы воняли...

Вокруг суетился народ — толкали свои тележки зеленщики, с грохотом проезжали крытые повозки и кареты, сверкающие позолотой, с

важными, как крысы в «Золушке», кучерами на облучках. Они щедро рассыпали по улице удары кнута, стараясь зацепить как можно больше прохожих, как будто от этого зависел их социальный статус.

Прохожие молча или с руганью уворачивались от кнута и колес — степень возмущения зависела от статуса проезжающего и наличия охраны в кильватере кареты. Обложив матом важного господина, можно было получить и саблей вдоль спины — такой случай произошел буквально на глазах Андрея. Кучер одной золоченой кареты с громадными, в рост человека колесами ударил кожаным кнутом прохожего, несущего корзину с овощами, за то, что тот недостаточно быстро уступил ему дорогу.

Прохожий скривился от боли и покрыл и кучера, и карету с «разъезжающими богатыми уродами» великолепной матерной тирадой. Тут же налетела конная охрана богатея, и мужика забили саблями — слава богу, хоть плашмя, а не посекали остриями. Однако и этого хватило. Мужчина остался лежать на мостовой, обливаясь кровью, без сознания, а его товар из корзинки расхватили с хихиканьем оборванцы из ближайшей подворотни.

Люди равнодушно шли мимо лежащего на мостовой мужчины — ну сдох и сдох, что с того? Завтра и мы сдохнем... какое нам дело? Один из оборванцев подбежал и стал шарить по карманам и за пазухой лежащего, тут уже Андрей не выдержал и, подойдя сзади к мародеру, с силой врезал ему сапогом в копчик — тот взвыл от боли и улетел под ноги своим соратникам, где и приземлился вполне благополучно, возможно, сломал одну из своих мерзких ручонок. Шпана в подворотне, как и в мире Андрея, стала «возбухать»:

— Эй ты, козел! Че ты тут распоряжаешься?! Парня зашиб, придется заплатить за ущерб!

Андрею было противно смотреть на их мерзкие рожи, он подумал: «Шакалята, попались бы вы мне где-нибудь на войне... — на куски бы порезал паскуд!»

Потом лицо его просветлело — а что, не на войне, что ли? Он шагнул к ним, на ходу доставая здоровенный тесак, но ублюдков как ветром сдуло, как только из-за пазухи показалась рукоятка оружия. Эти порождения улиц прекрасно знали, когда выступать, а когда смываться.

Холодная ярость отступила, Андрей вернулся к лежащему на мостовой мужчине и услышал, что тот постанывает. Заниматься с ним Андрею было некогда — он и так припозднился из-за своей ночевки, за которую отдал аж три медяка, потому решил: «Оттащу его с проезжей части к стене дома, посидит, оклемается да и пойдет по своим делам».

Так он и поступил, однако не успел повернуться и уйти, как услышал

за спиной хриплый голос:

— Постой, уважаемый! Не уходи! Помоги мне дойти до дома, я боюсь, что меня снова ограбят и избьют, помоги! Я заплачу тебе! Пять медяков! Серебренник! Серебренник дам! Только доведи... — Мужчина закашлялся и стал заваливаться на бок.

«Деньги с него братъ, конечно, грех, — подумал Андрей, — но и бросать его тут, рядом с этой шпаной, еще больший грех. Опять меня испытывает Господь? Так и придется тащить... весь перемажусь в крови, мать его за ногу...»

Он вернулся к полулежащему у стены дома мужчине — того уже, пока Андрей раздумывал, вырвало на мостовую.

— Да ну что за день начался! — с отвращением буркнул Андрей. — Мне только блевотины еще не хватало! Цепляйся за шею, аника-воин, и показывай, куда идти.

Стараясь не обращать внимания на вонь, исходящую от пострадавшего, на кровь, заляпавшую его куртку, он поднял мужчину, перекинул его руку через свое плечо и пошел вперед, под разочарованными взглядами уличной шпаны, держащейся в почтительном отдалении.

Мужчина тяжело дышал, и его все время тошнило. Андрей уверенно определил — тяжелое сотрясение мозга. Да и немудрено, если вспомнить, как по его голове истово дубасили саблями охранники «олигарха».

Идти пришлось довольно долго — минут сорок, не меньше, пострадавший старался передвигать ноги, но глаза его закатывались, и он время от времени норовил потерять сознание.

Наконец они дошли — мужик ткнул пальцем в вывеску «Серый кот».

Это было какое-то питейное заведение, и, ввалившись в него вместе с раненым, Андрей, как и ожидал, увидел стойку бара, деревянные столы с поцарапанными лакированными крышками, людей, поглощавших какую-то еду и пивших пиво из глиняных кружек.

То, что это было пиво, Андрей определил сразу — в воздухе витал густой запах пролитой пенистой жидкости, знакомый ему по многочисленным пивным на Земле. Этот запах нравился ему — запах хлеба, запах хмеля, запах... мужской компании.

Он любил иногда отправиться в народ — пойти в какую-нибудь забегаловку, где продавали разливное пиво, и пить его, заедая сушеной воблой с красной горьковато-соленой икрой, слушая разговоры раскрасневшихся мужиков, обсуждающих последний футбольный матч, проклятых пиндосов, сующих нос не в свое дело, и продажных поляков, давших разместить пиндосские ракеты у нас в прихожей.

Такие выходы в народ были для него чем-то вроде релаксации, после них он возвращался в свою берлогу как будто подзарядившимся — ему казалось, что вроде как даже у него есть какие-то друзья, с которыми он может выпить, поговорить не только о ликвидациих и деньгах, а обо всем, что придет в голову.

Не раз и не два такие посиделки или «постоялки» заканчивались дракой — кто-то наезжал, кому-то не нравилось, что собутыльник болеет за «Спартак», а не за «Динамо» — но все было безобидно, без поножовщины, так, мордобой на уровне «Ты меня не уважаешь!». Это его забавляло тем больше, что он каждый раз успевал свалить до появления милиции, практика, умение не пропьяешь.

Вот и эта пивнушка была вроде тех «Зеркалок», «Штанов» и «Красненьких», в которых иногда зависал. Значные места частенько имели свои, народные имена: «Зеркалка» — кафе «Зеркальное», «Штаны» — кафе без названия, между двух сходящихся улиц, на острие их, «Красненькое» — из красного кирпича сложено...

Навстречу ввалившейся в пивнушку парочке грозно шагнул вышибала, парень лет тридцати, может, конечно, ему было и меньше, но из-за многочисленных шрамов и повреждений на лице трудно определить. Увидев, кого внес на себе вошедший, он закричал:

— Матрена, скорее сюда, тут Василия принесли! Побитый весь! — Потом обратился к Андрею: — Кто его? Грабители?

— Нет. Охрана какого-то важного чина. Кучер его кнутом перетянул, он и обматерил их.

— Я ведь ему говорила, я ему говорила — не связывайся! Сдерживай язык! — Дородная румяная женщина средних лет всплеснула руками и распорядилась: — Несите его в комнату, сейчас я его отмывать буду. Похоже, рана на голове.

Андрей и вышибала потащили раненого за барную стойку, где за бочками, бутылками и мешками виднелась дверь в подсобное помещение. За ней оказался длинный коридор, приведший их к нескольким комнатам, располагавшимся справа и слева. В одну из них было внесено тело несчастного бунтаря и уложено на постель.

Через полчаса Андрей сидел за столом в пивной, ел горячее рагу из баранины со специями, запивал холодным шипучим пивом, ласково пощипывающим нёбо, и размышлял о превратностях судьбы: «Еще три года назад я легко прошел бы мимо валяющегося на тротуаре заблеванного мужика — его беда, его проблема, зачем вмешиваться? А после монастыря стал мягче, как-то потек, что ли... Не привело бы это к непредсказуемым

последствиям. Этот мир не любит мягких и добрых. Василий даже не сомневался, что я помогу ему только из-за денег... Тут не принято помогать просто так. Не проколоться бы на этом... если будет предлагать деньги — надо брать. Маскироваться и еще раз маскироваться — помни, что ты здесь чужой, ты здесь враг! Любой неверный шаг — и ты труп. Хорошо хоть, что смысл с себя блевотину... а все равно какой-то кислый запах остался».

Андрей поморщился, отхлебнув пива.

— Что, плохое пиво? — заботливо спросил вышибала, подсевший за его столик. — Да вроде только вчера новую партию свежесваренного привезли, не должно было прокиснуть.

— Нет, отмывался-отмывался, а вонь все равно осталась, — посетовал Андрей. — Как кружку правой рукой подношу к губам, так сразу блевотину чую!

— Хе-хе... блевотина, она такая! Не сразу отмоешь! Ты сам-то откуда будешь? — перешел к делу вышибала, видимо решив, что они уже познакомились: раз блевотину обсудили — считай, дружбаны!

— Я? — Андрей мысленно выругался: болван, легенду не отработал! — Я с юга пришел. Работу ищу в городе.

— Работу? А что делать умеешь? — сразу переключился на животрепещущую тему вышибала. — Тут с работой в городе не очень-то хорошо, всю хорошую горожане делают. Пришлых только на грязную работу берут. И дорого все тут — комнату снять очень дорого. Хорошо вон, хозяин предоставляет жилье. Мы в комнате вдвоем живем, с конюхом Ефимкой. Василий с Матреной живут, они повара. А хозяина щас нету... он к вечеру приходит, смотрит, чтобы порядок был. Его Петр Михалыч звать. Поговори с ним, может, пристроит куда-нибудь, он так-то дядька неплохой, тоже не без придури, правда, но разумный дьяхан. И это... смотри, по улицам ночью не болтайся. Можешь или к охотникам за рабами попасть, или тебя исчадия заберут для принесения в жертву — у нас в городе не любят одиноких бродяг.

— А чем бродяги так насолили исчадиям? — вскользь, нарочито равнодушно поинтересовался Андрей.

— Хм... ну они ходят зря... бездельники. А Сагану нужны новые жертвы, чтобы спасти человечество. Да ну ты сам же знаешь, — облегченно засмеялся вышибала, — подкальываешь меня! Кстати, меня Петька звать, а тебя?

— Я Андрей. Скажи, Петя, а что, неужели больше нет работы в городе? Только грязная?

— Ну-у-у... можно в армию пойти. Сейчас вроде войны нету, будешь

сопровождать важных людей да разгонять бунтовщиков, тех, что против власти Сагана бунтуют. Только тебя сразу-то в армию не возьмут, вначале обучать будут полгода. Ниче хорошего — будешь сидеть в казармах днями и ночами да по плацу скакать. Муштра одна. Хм... есть еще одно — можешь пойти на Круг.

— А что такое Круг?

— Да ты че? Не знаешь, что такое Круг? Откуда же ты пришел? У вас там Кругов нет? — Вышибала недоверчиво прищурился и стал внимательно разглядывать Андрея.

— Петь, я издалека, из глухой деревеньки, сажал да полол, по огороду ползал. Я и не знаю про круги какие-то. Наломался за день, придешь — и спать. Какие там круги!

— А чего же сюда подался? Чего дом-то бросил? Грядки-огород? — продолжал подозрительно исследовать Андрея вышибала.

— У нас мор был, умерло полдеревни, чума какая-то... я и сбежал в город, тут искать пропитания.

— А-а-а... бывает. Видно, у вас против Сагана были выступления, вот он вас и наказал. Ну ладно. Расскажу. Круг — это когда пойманных еретиков выпускают на круглую площадку, а с ними бьются избранные бойцы. Бойцам за это платят деньги, за то, что они убивают еретиков. Они против Сагана бунтовали, вот и страдают. Я тоже работал бойцом в Кругу, — похвастался вышибала, — пока один еретик чуть меня зрения не лишил, гад, злобный попался. Правда, я все равно его убил, боголюба мерзкого, но решил после — больше не буду в Круге биться. Лучше вышибалой пойду. Денег поменьше, зато спокойно. Выкидывай из трактира подгулявших гостей да сиди в углу, девок разглядывай! Безопасно, весело, сытно.

У Андрея встал в глотке кусок, и он стал сосредоточенно его запивать, проталкивая внутрь. Подумал: «Нет, а что я хотел от мира, где правит Сатана? Было это все уже — первых христиан кидали на арену и травили львами. И тут то же самое».

— Скажи, а какой резон этим еретикам драться с тобой? Вот тот еретик, что тебе чуть глаза не выдрал, он чего на тебя так кидался? Зачем им драться вообще?

— Ну как зачем, своих детей, жену защищают — их же тоже выпускают на арену. Я как его жену и детей подрезал, он на меня и кинулся. Думал, убьет, вроде худой был, вот как ты, а столько силы оказалось. В вас, худых, сила таится, сразу не увидишь, а когда начнешь бороться, иногда и не сладишь. Вот помню, как-то пришел один наемник в

трактир, стали мы с ним на руках тягаться...

Андрей слушал болтовню вышибалы, окаменев как скала, и думал: «Если сейчас воткнуть тебе нож в глаз, ты, гаденыш, сильно будешь верещать? Господи, дай силы сдержаться! Если сейчас я его положу, мне отсюда надо будет бежать. Но ведь как хочется прирезать ублюдка! Он и сам не понимает, какой он подонок... ведь казалось бы — простой парень, даже незлобивый, но ведь тварь! Нет, твари — они Божьи, они не убивают ради развлечения, только люди это могут. А ведь я не сильно от него отличался...»

— ...Ну вот, это и есть Круг — важные господа сидят, смотрят, делают ставки — сколько продержатся еретики. И простой народ пускают, там есть кассы — принимают ставки, сколько минут продержатся. Один мой родственник как-то целую кучу денег выиграл на одном еретике, бывшем вояке, как оказалось! Он трех бойцов положил, прямо голыми руками, пришлось его исчадиям убивать. Напустили на него чуму, он так и сгнил на Кругу — покрылся черными язвами, и все хулу на Сагана кричал, чего-то про Бога, про веру... Мы так смеялись — лежит гниет, а все про Бога своего болтает! Не помог ему его Бог! Ну да ладно, ты доедай, а я пойду проверю, как там Василий, да надо уже за залом смотреть. Народ собирается, вечером вообще шумно будет. Дождись Петра Михалыча, он што-нить придумает.

Вышибала ушел, а Андрей сидел над остывшим горшком с мясом — есть ему расхотелось. «Как мог образоваться такой мир, в котором все перевернуто с ног на голову? — И усмехнулся. — Ты же сам жил перевернутый, чему удивляешься? Тому, что тут нет морали? Или такой вот, походя, жестокости и подлости? Что, на Земле такого нет? Ладно, надо укрепиться тут — обживусь, приму решение, как мне жить. Неужели тут все вот такие подонки, как этот парень?»

Он посидел еще некоторое время — может, час, может, два, он не замечал течения времени, погрузившись в подобие транса. Прикрыв глаза, он молился и просил Бога наставить его на путь истинный. К концу своих размышлений Андрей пришел к выводу, что послан в этот мир очистить его от скверны. И очистить так, как он умел это делать, — убивать. Выжигать каленым железом скверну. Иначе зачем он тут?

— Ты Андрей? Петька мне сказал, что ты ищешь работу, это так? — Перед Андреем стоял невысокий полноватый человек лет пятидесяти, с седыми, зачесанными назад и покрытыми чем-то вроде масла волосами. Его маленькие умные глаза внимательно обшаривали худую фигуру

монаха, как будто оценивая — много ли на нем мяса и пойдет ли оно в котел. — Что умеешь делать? Поварить? Конюхом?

— Я мало что умею, — признался Андрей, — могу помогать поварам, нарезать, мыть, могу прибираться или помогать конюху. Я быстро учусь. Могу на повара выучиться. Мне нужны работа и жилье, и я готов отработать.

— Хм... по крайней мере, честно, не наврал, — приятно удивился хозяин трактира. — Обычно начинают врать, рассказывать о том, какие они знатные повара и управляющие. Потом оказывается, что заправку-то для щей нарезать не умеют. Ну что ж, таких честных людей, как ты, надо ценить. Я возьму тебя разнорабочим, будешь помогать поварам. Таскать воду, рубить дрова, в общем, делать что скажут. В конюшню тебя не допущу — пусть конюх сам занимается, это его работа, а ты по кухне и по залу будешь работать. Жалованье тебе — серебреник в день, плюс питание. Жить будешь... хм, есть у меня комнатка, маленькая, правда — только кровать и встает. Так что будешь жить один. Это все вещи, что у тебя есть? — Он указал на тощую котомку Андрея.

— Да... как-то не обзавелся еще вещами. Вернее, бросил дома.

— Знаю, знаю... Петяка рассказал мне о тебе. Что ж, давай работай. Пойдем, я тебе твою комнату покажу.

Они прошли уже знакомым коридором через подсобку, и вскоре Андрей оказался в маленькой комнатке.

И вправду она не вмещала больше чем узкую кровать, похожую на ту, на которой он спал в монастырской келье. Он был очень рад, что жить будет один: во-первых, привык к одиночеству, а во-вторых, избавлен от такого соседа, как Петя, с утра до ночи рассуждающего о своих подвигах на Круге. Он бы или с ума сошел, слушая это изо дня в день, или придушил бы его при первой возможности. Скорее — второе.

Андрей не обольщался, что задержится тут надолго. Если он начнет убивать приспешников Сатаны — а он верил, что Господь послал его именно для этого, — в конце концов его вычислят, и придется бежать. Или погибать... Вернее всего — погибать. И может, это и было его Искушение?

Уже месяц он работал в трактире «Серый кот». Как ни странно, работа мало чем отличалась от его послушания в монастыре, она была Андрею не в тягость, к тяжелой и грязной работе он привык, не отлынивал, и постепенно трактирная челядь его приняла как своего. За исключением конюха.

Этот здоровенный ленивый парень все время старался как-то его

задеть, пошпынить, пройтись глупыми шутками по его безотказности и усердию.

Как-то раз Андрей проходил с полными ведрами мимо конюшни, на пороге которой сидел конюх Ефим, не упустивший случая в очередной раз высказаться в его адрес:

— Эй ты, придурок! Иди прибери у меня в конюшне! Ты же любишь работать, так иди поработай, подхалим хозяйский! Противно смотреть, как ты всем стараешься угодить! Как проститутка! А может, ты не мужик вообще, а шлюха? Пошли ко мне в конюшню, сделай мне хорошо, шлюха!

В дверях трактира и возле него собралась толпа зевак — посетители и случайные прохожие подзуживали конюха, надеясь на бесплатное развлечение: может, подерутся?

Видя такое внимание, конюх вошел в раж.

— Шлюха, ну иди скорее, я совсем уже распалился! Иди, сделай мне хорошо! — Он радостно зареготал, уверенный в полной своей безнаказанности. — А может, хозяину пожалуешься? Ты ему тоже делаешь хорошо? Кувыркаешься небось с ним, шлюха?

Андрей остановился, подумал секунду и, поставив одно ведро на землю, направился к сидящему на пороге и самодовольно скалящемуся Ефиму.

— Распалился, говоришь? Охладись! — И Андрей выплеснул ведро ледяной воды прямо в лицо негодяю.

Тот захлебнулся ледяной струей, ошеломленно заморгал, протирая глаза рукавом рубахи, а потом взревел и бросился на обидчика со всей дури своих ста двадцати килограммов:

— Убью, мразь!

Андрей автоматически увел в сторону летящий ему в лицо толстый, похожий на дыню кулак и встретил нападавшего прямым ударом в подмышечную впадину. Видимо, это было очень больно, потому что парень хрюкнул и зажал рукой больное место. После этого Андрей провел серию быстрых, как барабанная дробь, прямых ударов в солнечное сплетение — конюх свалился на землю, точно подрубленное дерево. Андрей немного подумал и врезал ему носком сапога по челюсти, выбив как минимум два передних зуба — чтобы помнил.

Потом повернулся, поднял брошенное ведро, подхватил второе, с водой, и зашагал к дверям трактира. Толпа зевак ошеломленно молчала, и только голос вышибалы слышался от дверей:

— Я же говорил, худые, они с сюрпризом, на вид и не скажешь, а у них в жилах вся сила!

Толпа расступилась, пропуская хмурого Андрея, и он продолжил свой путь к кухне. Ему надо было принести еще десять ведер воды.

Он ожидал, что хозяин его оштрафует или выгонит за то, что покалечил его работника, потому до вечера ходил хмурый и раздумывал, куда податься, если попрут из трактира.

Петр Михалыч пришел под вечер, как обычно. Он жил в нескольких кварталах отсюда, в обеспеченном районе, где обитал весь средний класс этого города. Андрей все ждал, когда же хозяин позовет его на расправу, но так и не дождался. Все шло своим чередом, и только поздним вечером он узнал от вышибалы, как трактирщик отреагировал на инцидент.

— Хозяин-то чуть конюха не выгнал из-за тебя, — смеясь, рассказывал Петька. — Ему передали, что конюх говорил, будто вы с хозяином занимаетесь мужеложством, а он страх как не любит мужеложцев. Так вот, он чуть конюха не выгнал и сказал, что ты правильно ему три зуба выбил. А ты злой, оказывается! Зачем ты ему зубы-то выбил?

— Чтобы помнил. И больше не лез, — хмуро пояснил Андрей. Он уже жалел, что не сдержался и покалечил глупого конюха.

— А ты интересный мужик... — задумчиво протянул Петька. — Где это ты так драться научился? Что-то не верится мне в глухую деревню. Что я, не видал, как дерутся бойцы? Может, расскажешь мне правду, откуда ты взялся? Все-все! Молчу! Не мое дело! — примирительно поднял руки вышибала, увидев, как на лице Андрея заходили тугие желваки. — Еще и мне зубы выбьешь!

Он засмеялся, не подозревая, насколько близок был к истине...

Вечером, лежа в постели и прокручивая в голове то, что видел за день, Андрей укладывал и сортировал информацию, планируя акции, прикидывая, как лучше сделать задуманное, да так, чтобы не засветиться. В общем, занимался тем же, чем занимался и на Земле.

Он нередко выходил в город — по поручению поваров закупал необходимые продукты, мясо, зелень, крупы... Раньше этим занимался Василий, во время одного из таких закупочных походов Андрей и познакомился с ним.

Теперь эта работа легла на Андрея, чем тот был доволен практически так же, как и Василий, с облегчением сбросивший с плеч груз забот. Андрей с интересом рассматривал город, запоминая пути отхода, расположение улиц, строение домов. Город производил странное впечатление. Не сказать чтобы в нем не было власти, но жизнь текла как-то по-своему, видимо, по принципу — чем хуже, тем лучше.

В глаза бросались лавки, торгующие наркотиками, — их было очень

много, как и курилен, где зависали те, кто не мог выносить своей жизни.

Эти люди отдавали все свое имущество, а частенько и домочадцев за понюшку наркоты, превращаясь в ходячих мертвецов. В конце концов, будучи не в силах заплатить за наркотик, они отдавали себя за определенное количество доз в рабство тем же наркоторговцам, которые потом перепродавали жалких ублюдков в храмы Сагана, где исчадия приносили их в жертву своему кумиру.

По улицам ходили женщины и мужчины, открыто предлагающие себя прохожим — и не в определенных кварталах, а везде, в обеспеченных, бедных или богатых. Они отличались только «качеством» — в бедных кварталах вряд ли взяли бы одетого в обноски мужеложца, а вот в богатых пожалуйста. Андрей сам видел, как золоченая карета остановилась рядом со смазливym раскрашенным парнем, оттуда высунулась рука, и мужеложца, счастливо улыбающегося от внимания сильного мира сего, поманили внутрь.

Андрей частенько пробегал мимо этого места на базар, но больше этого парня никогда не видел, хотя раньше тот частенько прохаживался по тротуару. Возможно, он нашел себе богатого «спонсора», а возможно — Андрей слышал такие рассказы, — его использовали для какого-нибудь сатанинского обряда, с муками и расчленением. Не раз и не два он собирался зайти в храм Сагана, посмотреть на службу этих исчадий, но так и не смог себя заставить это сделать. Он боялся не сдержаться, как-то выдать себя, разнести этот вертеп и погубить свою миссию. Все, что он пока что делал, — это определял расположение храмов, наблюдал, когда в них заканчивается служба, куда исчадия отправляются потом.

В городе было десять храмов Сагана, и в них служили примерно по десять исчадий. «При достаточном усилии, — прикидывал Андрей, — можно перебить всех исчадий за... хм... глупо планировать какие-то сроки. Как получится, так получится. А дальше что? А дальше убивать всех исчадий, что тут появятся. И они побоятся тут появляться. Параллельно надо заняться торговцами наркотиками — этих тварей точно надо уничтожить. Это пособники Сатаны. Итак: служба в храмах проходит с одиннадцати вечера и до полуночи, то есть черная месса. В остальное время они по своей воле устраивают различные молебны. Но на мессу они обязаны являться — по очереди, видимо. Видимо? А откуда видно-то? — Он выругал себя. — Что, хватку потерял? Нужен „язык“! Нужно поймать какого-нибудь исчадия и хорошенько допросить. И он будет первым, от кого я очищу этот мир. Без допроса этого порождения Зла невозможно поставить работу инквизитора как следует. Когда? Да хоть сегодня. Храм

ближе к окраине, в полночь закончится месса, полчаса они будут собираться — выследить одного из них, оттащить в безлюдное место и допросить. Пора начинать, хватит присматриваться».

Вечер начался как обычно. Андрей помогал на кухне, таскал воду и нарезал овощи, передвигал бочки с маслом и вином, подтаскивал дрова и выкидывал золу в яму за конюшней — в общем, все как всегда.

Посетителей в трактире в этот день было немного. Погода ясная и сухая, тепло — если бы был дождь, слякоть или мороз, народу бы набилось столько, что пришлось бы выставять дополнительные столики, и вот тогда бы началось безобразие — Петька-вышибала рассказывал. Из-за тесноты возникала давка, люди, возбужденные алкоголем и скоплением народа, начинали вести себя агрессивно, вспыхивали драки, и вот тут только успевай уворачиваться от столов, стульев, бутылок... Хозяину приходилось посылать за городской стражей и платить им, чтобы те утихомирили буянов и заставили их оплатить ущерб, нанесенный имуществу трактира.

Ближе к полуночи людей становилось все меньше, они расходились, и услуги Андрея больше не понадобились. Его отпустили отдыхать. Он провел в своей каморке с полчаса, выглянул из нее, чтобы убедиться, что в коридоре нет лишних глаз, и выскользнул из трактира через заднюю дверь.

Идти до храма было довольно далеко, он находился километрах в трех от трактира, поэтому Андрей перешел на бег — надо было успеть к окончанию мессы, да и опасался он, что его отсутствие заметят. В который раз он порадовался, что живет в каморке один и никто не может засечь его «прогулки».

Он бежал, стараясь держаться края мостовой. Улицы были безлюдны, редкие прохожие прятались при приближении бегущего незнакомца — кто знает, что у него на уме. В подворотнях копошились темные фигуры — то ли бандиты, то ли охотники за рабами... впрочем, частенько и те и другие были единым целым. Эти бандиты не успевали отреагировать на его появление, и он пробегал мимо их удивленных физиономий как ночная тень.

Оделся Андрей в темную одежду, а лицо завязал тонким платком, по типу того, как завязывали его киношные ниндзя, — ни к чему было светить свою физиономию на каждом углу. Скорее всего, после убийства исчадия, а особенно нескольких убийств, будут вспоминать и сопоставлять — кто ходил ночью, кого видели? И вот тогда всплывет информация о некой тени, пробегавшей по улицам города. «Ну и пусть! — подумал Андрей, размеренно дыша и ритмично передвигая ноги по мостовой. — Все равно лица не видно, а болтать можно все что угодно».

Минут через пятнадцать он уже стоял в подворотне у храма Сагана, наблюдая за дверями. Служба закончилась не так давно, а значит, исчадия покинут храм минут через пятнадцать — двадцать. Однако уже спустя десять минут он заметил, как дверь храма отворилась и из нее вышел исчадие в темно-красном одеянии, запер огромным ключом замок и спокойно пошел по улице.

В голову Андрею стукнула мысль: «А если?.. Почему бы и нет?!» Он тихими шагами, прячась в тени заборов, отправился следом за приспешником Сагана и, улучив момент, спринтерским броском кинулся к нему и оглушил ударом по затылку.

Проверив пульс, удостоверился — жив, скотина! Огляделся — все спокойно. Легко, словно это не был семидесятикилограммовый мужик, а сверток одеял, поднял сатаниста, перекинул через плечо и быстрым шагом пошел к храму. Опустил исчадие у входа, сорвал у него с груди ключ, отпер дверь — механизм замка сработал неслышно, как будто был смазан маслом.

Подумалось: «Все-таки кое-какая техника тут есть, не весь прогресс придушили, видимо. Вот сейчас и узнаем, что тут происходит!»

Толкнув дверь, Андрей вошел в храм, волоча за собой, как мешок картошки, бесчувственное исчадие, затем запер дверь изнутри и осмотрелся.

Храм был темен, не горели лампы у «икон» с изображением Сагана, потухли курильницы, только в воздухе витал какой-то неприятный запах то ли тлена, то ли нечистот.

Андрей сорвал висящий перед «иконой» светильник, поставил его на столик и поискал глазами кресало, нашел, хотя в храме было очень темно — глаза уже привыкли к темноте, притом что на улице фонарями и не пахло, — взял кусок кремня, металлический брусок и стал истово высекать искры на кусок ваты.

Наконец тот затлел, Андрей подул на него и появившееся небольшое пламя поднес к масляному светильнику. «Ну слава тебе, Господи! Как меня бесит в этом мире отсутствие нормальных человеческих спичек! Неделя понадобилась, чтобы я наострился обращаться с этим дурацким кресалом!»

На полу застонал исчадие, видимо, потихоньку приходил в себя, и Андрей озаботился тем, чтобы тот не доставил ему неприятностей. Он нашел какие-то полотенца в подозрительных бурых пятнах и крепко связал тому руки и ноги так, что исчадие при всем желании не мог бы высвободиться — руки были за спиной, а ноги плотно связаны и притянуты к рукам «ласточкой».

Закончив, Андрей сел на стул с высокой спинкой, вытянул ноги и стал дожидаться, когда сатанист очнется.

Ждать пришлось недолго: тот уже минут через пять открыл глаза, непонимающе посмотрел на Андрея, вокруг и спросил хриплым голосом:

— Это еще что такое?! Ты как посмел, червь? Ты же умрешь за это в муках! Сейчас же освободи меня, и я дарю тебе легкую смерть во имя нашего Господина!

— Послушай меня, исчадие, — спокойно сказал Андрей, глядя на лежащего у ног жреца, — сейчас ты червь, а не я. Ты в моей власти, и во имя Господа нашего я хочу с тобой поговорить. От твоих ответов будет зависеть, умрешь ты в муках или легко. Не заставляй меня прибегать к средствам, которые развяжут тебе язык, мне это глубоко неприятно, но я это сделаю.

— Ты, червь, сделаешь? Да ты ничего больше не сделаешь!!! О Саган, убей этого червя! Пусть он покроется язвами и умрет в муках! О Саган, убей его!

Андрей внезапно почувствовал, как его серебряный нательный крестик, который он не снимал уже много лет, висящий на шелковой веревочке, раскалится так, что чуть не обжег ему грудь. Монах с удивленным восклицанием схватился за него, распахнув рубаху, а исчадие замер, с мстительной улыбкой наблюдая за действиями супостата.

Андрей достал крестик и ощупал его, ощупал грудь — нет, грудь не обожжена, нет следов ожога, крестик был холоден, как и до того. Улыбка исчезла с тонких губ исчадия, и он еще раз попытался убить монаха заклятием:

— О Саган, Господин мой! Убей нечестивца самой страшной из мук!

Крестик в руке Андрея снова нагрелся так, что ему стало трудно держать его — но следов от соприкосновения с телом, с руками никаких! Монах удивился — видимо, такая реакция при соприкосновении креста с его телом происходила, когда исчадие возносил молитву своему кумиру.

Кстати сказать, Андрей вспомнил — он всегда чувствовал, когда подходил близко к храмам Сагана или к исчадиям, что крестик нагревался, но списывал это на субъективные ощущения: показалось, мол. И только когда исчадие выплюнул концентрированную злую волю в виде молитвы к Сагану, крест чуть не раскалится. Раскалится ли? Ведь следов-то ожога не было!

Андрей окончательно запутался в этом чуде и решил оставить обдумывание до лучших времен. Ну чудо и чудо. Удобное чудо. Теперь он мог чують исчадий прежде, чем их увидит. Даже в полной темноте. Даже

если они сменяют свои обличья и притворяются обычными людьми — а вот это ох как важно!

Исчадие заметил его манипуляции с крестиком:

— Ах вот оно что! Один из боголюбцев объявился. А я думал, что мы искоренили вас всех, слащавых рабов божьих! Вижу — нет. Чего тебе надо от меня, нечестивый? Если бы ты хотел убить — давно бы убил. О чем хочешь говорить? Может, я могу чем-то тебя заинтересовать? Деньги? Еще что-то?

— Я хочу знать, почему вы стали служить Сагану. Почему вы стали такими?

— Да ты глупец! Саган — это власть, это деньги, это все в этом мире. И в отличие от твоего Бога он не требует быть его рабом!

— Что за чушь?! Ты же без его ведома и шагу сделать не можешь. И вся сила у тебя от него — и ты говоришь, что не раб ему?

— Нет, не раб. У нас с ним как бы договоренность — я служу ему, он платит мне за службу. И надо сказать, щедро платит! Я могу иметь все, что я хочу, — деньги, женщин, лучшие кареты, власть, могу убить любого по моему желанию, кроме тех, что служат Великому Господину, и мне за это ничего не будет! Я могу делать все, что не противоречит воле Господина, — таковы условия договора. И ты спрашиваешь, зачем мы идем ему в услужение? Ты трижды глупец тогда. Я тебе предлагаю, боголюбец, отрекись от своего Бога, плюнь на крест, принеси клятву верности Сагану, и ты будешь с нами, в первых рядах у нас! Ты будешь богат, силен, здоров, ты будешь жить двести лет и больше — как позволит Господин. Я не знаю, почему на тебя не действует мое проклятие, но, может, это как раз воля нашего Господина, он позволил тебе пленить меня, чтобы ты уверовал в него. Мы тоже нужны нашему Господину — он питается от жертвоприношений, он любит души людей, особенно души некрещеных младенцев, а уж если удастся поймать боголюбца!.. Тогда его благодарность не знает предела — после принесения их в жертву тело наполняется энергией так, что неделю не хочется есть, а сил не убывает! Он милостив — он позволяет тебе делать все что хочешь. Ведь мораль — это удел слабых, удел толпы. Мораль требуется тем людям, которые не могут поручиться за свою способность принимать разумные решения. Таковы большинство людей, и поэтому большинству нужна мораль. Религия предназначается для большинства, и потому она всегда несет в себе мораль. Поклонение Сагану же предназначено для тех, чей разум выше, чем у большинства людей, кто готов нести ответственность за свои действия и кто поэтому в морали не нуждается. Саган, в отличие от твоего

Бога, старается поднять тебя до уровня бога, предлагает тебе стать богом! Ты можешь карать и миловать по своему усмотрению, ты становишься равен богам! Разве это не соблазнительно?! Присоединяйся к нам, и ты станешь богом!

— Скажи, а откуда в мире взялся Саган и где он обитает? Как я могу его увидеть?

Исчадие улыбнулся, как будто вопрос задал маленький ребенок:

— Сагана нельзя увидеть! Он нигде — и везде! Он появился в этом мире, чтобы показать нам дорогу к Истине!

— Ну где-то же вы взяли эти противные рожи с рогами и копытами, может, с кого-то срисовали? — усмехнулся Андрей. — Где вы взяли образец для изображения своего господина?

— Ну а где вы взяли портрет своего Бога? Мы так его видим, и все.

— А как вы становитесь исчадиями Сагана? Ну кто вам говорит, что вы исчадия?

— Мы слышим голос, который нам сообщает: «Ты мой!» И начинаем творить чудеса, волей Господина. Иногда это происходит в детстве, иногда в зрелом возрасте. Тогда за нами приезжают другие исчадия и увозят в академию. В ней учат, как правильно воздавать почести Сагану, как пользоваться своими способностями, как вести себя соответственно рангу. И ты, когда примешь служение Сагану, возможно, дойдешь до высшего ранга — чем выше ранг, тем больше у тебя власти, ты уже сможешь карать и тех исчадий, которые неверно трактуют служение Господину.

— А у тебя какой ранг?

— Пятый, — с гордостью заявил исчадие. — У нас в городе только двое имеют такой ранг. А всего рангов девять. Ну давай развяжи меня и прими служение Господину! — Исчадие подергал руками. — У меня уже руки затекли, совсем их не чувствую!

— Как же ты призываешь меня стать исчадием, если у меня, возможно, нет способностей? Вот лживая скотина! — усмехнулся Андрей. — Скажи, много людей ты принес в жертву?

— Не считал... может, тысячу, может, пять... Да какая разница?! Разве это люди? Это черви! Люди — это мы, те, кто управляет! Те, кто руководит умами, говорит, что надо делать! Они должны быть счастливы, что мы их не убиваем, а позволяем жить! Если бы не потребность Господина в подпитке душами их детей, мы давно бы их перебили. Ну кроме тех, кого оставили бы рабами — у нас тоже есть потребности. Представь только, что тебя целыми днями носят на руках рабы, вылизывая тебе зад! И это возможно, только надо достигнуть высших рангов. У нас до восьмого ранга

ограничения, вынуждены придерживаться законов — не всех, правда, но все-таки, — чтобы не возбуждать излишне толпу. Если возникают бунты, то гибнет слишком много материала. Много душ улетучивается бесполезно — ведь если их убили не исчадия, не на алтаре, то эти души просто пропадают бесполезно!

— Какова структура вашей... организации? — Андрей хотел сказать «церкви», но у него язык не повернулся употребить это слово применительно к сатанистам.

— Во главе стоит патриарх, ниже — девять апостолов девятого ранга, из них и выбирают патриарха, еще ниже восемнадцать апостолов восьмого ранга, ну а дальше уже все мы. Патриарх и апостолы живут в столице, а настоятели храмов по городам. Вот как я, к примеру. Все, достаточно. Освобождай меня и прими присягу Великому Господину!

Андрей задумался: «Как узнать, откуда все взялось? Как их всех разом извести? Главное, что мне известно, — они такие же люди, только с какими-то экстрасенсорными способностями, просыпающимися в определенное время. В мире некогда появилась какая-то сила, которую они обозвали Саган. Сатана это или нет, на самом деле неизвестно. Ясно одно — они получают энергию от человеческих жертвоприношений и проповедуют античеловеческую философию. Такие, как этот тип, замаскированные в крови жертв уроды не должны жить. Возможно, Господь и направил меня сюда, чтобы я их уничтожил, зная, какими способностями к убийству я владею. По мере искоренения ереси я, возможно, и узнаю, откуда растут ноги у ситуации. Версия такая: некая сила появилась в этом мире, наделяя способностями некоторых людей, возможно — какой-то из демонов. Кто-то из этих людей сообразил, что можно использовать свою силу для того, чтобы захватить власть. Каким-то способом — вариантов много — он сколотил организацию, секту, с помощью власть имущих, и образовалась секта Сагана. Может быть, вначале богачи и не подозревали, что в конце концов они потеряют контроль над саганистами, а потом уже стало поздно. Они захватили власть над всем миром. Да и чем они мешают? Они, саганисты, такие же богачи, а управлять чернью с их помощью стало гораздо легче. Вот и имеется в наличии мир Зла. Ну что же, свою задачу я понял. Пора приступать к выполнению? Припозднился я что-то...»

Андрей поднялся с места и на глазах замершего от ужаса исчадия достал из ножен на поясе большой тесак. Саганист заверещал, засучил ногами, пытаясь отдалиться от страшного лезвия, но монах неумолимо приближался, схватил того за длинные волосы и полоснул лезвием по

горлу. Брызнула темная кровь, мужчина забулькал, страшно захрипел, задержался и умер, лежа в луже расплывающейся крови.

Андрей прошел вдоль стены, сорвал «иконы» и бросил их на лежащего. Показалось мало, посрывал еще богохульных картинок, сложил над телом целую поленницу из изъеденных временем и древоточцами деревянных досок (подумалось — не на настоящих ли иконах писали эти богохульные мерзкие рожи? А что, с них станется! Скорее всего так и было).

Посдергивал масляные светильники, занавески облил маслом и кинул их в кучу, затем поднес язычок пламени из светильника... пламя весело затрещало, взметнулось к потолку, выбросило клубы черного дыма. Андрей закашлялся и побежал к двери. Выйдя на улицу, он запер храм на ключ и зашагал к трактиру. Ключ он выбросил далеко от пожарища, закинув его в чей-то сад.

Монах был доволен сегодняшней акцией. Он получил много информации, очень ценной, акция прошла успешно и требовала повторения. Позже.

Сейчас он хотел только добраться до постели и лечь спать, а утром — обдумает все и разложит по полочкам...

ГЛАВА 3

— Ты слышал? Храм сгорел на Кожевенной улице! — ворвался в каморку Андрея Петька. — Говорят, что настоятель нажрался, перевернул светильник, и весь храм сгорел дотла! Даже крыша обвалилась, ничего не осталось! Исчадия бегают как наскипидаренные, теперь, говорят, к ним проверка придет, большие чины из столицы! Будут искать нарушения, карать! Может, кого-нибудь в жертву принесут или устроят массовые бои с еретиками — вот забавно будет! Праздник точно будет. Наро-о-оду соберется в трактире... только успевай отмахиваться. Тьфу... работы прибавится! — внезапно поскучнел вышибала. — Давай поторапливайся, там Василий с Матреной тебя требуют, дров наколоть надо срочно.

Петька убежал, а Андрей остался сидеть на своей кровати, раздумывая: «Вон как повернулось... интересно, они решили скрыть, что исчадие был убит, или правда думают, что он напоролся вина и сгорел? И за ту версию, и за эту есть свои аргументы, это понятно. А что главное в сообщении? Главное, что приезжает важный чин... или чины! Интересно, могу я до него добраться или нет? Скорее всего он будет с большой охраной. А почему с охраной? Потому, что ему по статусу положена охрана. Но скорее всего, она будет символической, напыщенные офицеры в аксельбантах и с плюмажем на головных уборах для красоты — кто в своем уме будет нападать на исчадие, да еще высокого ранга? Вот еще вопрос — как убить исчадие на расстоянии, когда нет винтовки или автомата? Метнуть нож? Это не на расстоянии, все равно надо подойти на пять — десять метров. Устроить подрыв кортежа? Что, у тебя есть тротил и взрыватели? Сделать порох? Можно, да. Только это будет не порох, а черт-те что — хороший порох делается из калийной селитры, а ее в природе не найдешь. Серу, наверное, можно найти — вот только не вызовет ли подозрения закупка такого количества серы каким-то разнорабочим? После взрыва, даже если я сумею его произвести с порохом, сделанным из серы и гигроскопичной дерьмовой натриевой селитры, начнутся поиски подозрительных, вот тут мне и конец. Ну с древесным углем тут проблем нет, конечно, но порох, сделанный с натриевой селитрой, — штука отвратительная. Чуть дождик брызнет, влажность воздуха повысится, и будет большой пук вместо взрыва. Что остается? Что есть такое, что бьет как винтовка? Детский вопрос. Луки и арбалеты. Лук отпадает — он, конечно, скорострельнее и бьет дальше, но из него учатся стрелять годами.

Мне уже не научиться из лука стрелять как Робин Гуд. Значит, остается арбалет, тем более что меня учили из него стрелять, и применял я его не раз и не два. Только вот арбалеты те были другие, стальные, с лазерным прицелом. Да ну какая разница — с лазерным или нет? Главное, что арбалет бьет как пистолет, практически без дуговой траектории, какая есть у лука, похож на огнестрелы, только бесшумные. Значит, надо купить арбалет. Где купить? И главное — как? Если я его куплю, то могу засветиться, кто-то вспомнит, что подсобник из трактира „Серый кот“ покупал арбалет, а после этого начали погибать исчадия. Что будет после этого? Подсобник-рабочий после серии неприятных для него вопросов героически умрет на арене Круга. Надо это подсобнику? Как-то не хочется... Я, конечно, верующий, но пока не святой. Не готов в рай. Кстати сказать, зря я так скоропалительно отбросил лук как возможное оружие, им тоже надо владеть, но это уже позже... вначале арбалет».

Андрей колол смолистые чурбачки, складывал поленья в ровную горку и поглядывал на входящих и выходящих из трактира людей. В основном клиентами трактира были наемники-охранники и заезжие купцы. Местных, коренных ремесленников или торговцев, было довольно мало. Возможно, они облюбовали другие питейные заведения, а может, вообще не ходили по злачным местам — хотя вряд ли. Наличие такого огромного количества этих самых заведений свидетельствовало о том, что горожане любили их посещать, иначе бы эти заведения давно вымерли. Просто, скорее всего, у людей имелись свои предпочтения насчет посещения тех или иных трактиров. Вряд ли в «Серый кот» потащатся гомосексуалисты, когда известно, что хозяин трактира их терпеть не может. Вот проституток хватало везде. Самое отвратительное, что, как узнал Андрей, считалось вполне нормальным, если добропорядочная мать семейства вечером идет подработать проституцией или отправляет на панель свою дочь. Или еще пуще — вместе идут на панель, ну как будто на прогулку.

Исчадия поощряли распутство — говорили, что это угодно Сагану, а женщины вообще не должны отказывать мужчинам — их предназначение удовлетворять мужчин.

Так что в трактире частенько пребывало не меньше десятка таких непрофессионалок, точнее сказать, полупрофессионалок, пользующихся спросом даже больше, чем проститутки, посвятившие этому ремеслу жизнь.

Не раз и не два Андрею предлагали воспользоваться услугами этих дам, но он отказывался — в душе он так и оставался монахом, хотя в этом мире распутства и его приверженность чистоте могла дать трещину. В

прежней, до монастыря, жизни он никогда не отказывал себе ни в хорошем вине, ни в обществе красивых женщин. Первое время в монастыре он аж на стену лез, так ему хотелось секса... потом пообвык. Но тут было слишком много раздражителей...

Андрей еще активнее принялся махать колуном, с удовольствием разбивая звонкие чурбаки.

Внезапно его взгляд привлек один из стражников, вооруженный кроме обычного вооружения арбалетом. Он зашел в трактир, а Андрей задумался: «Вот и арбалет. И покупать не надо. Подстеречь в тихом месте, стукнуть по башке — и арбалет твой. Только не зашибить бы до смерти этого придурка-стражника... Да хоть бы и зашибить — служит ведь исчадиям, так чего с ним церемониться? Может, и так...»

Часа два он рубил и подтаскивал к кухне дрова, поглядывая на то, как наливается вином стражник, прислонивший арбалет к столу. Наконец солдат встал с места, покачнулся, поднял арбалет, положил его на плечо и вышел из трактира.

— Василий, я пойду схожу в лавку, мне надо иголку купить и ниток, поистрепался, надо подшить кое-что.

— Да Матрена тебе зашьет, чего ты будешь сам корячиться. У бабы и получится лучше, чем у тебя!

— Да, Андрей, давай я зашью, чего стесняешься? — откликнулась Матрена.

— Нет, спасибо, я сам. — Андрей открыл дверь и встал на пороге трактира. — Я быстро обернусь.

— Ладно, только не задерживайся, у нас скоро будет наплыв посетителей, помогать на кухне надо будет.

Андрей осторожно зашагал за солдатом, который уже отошел метров на двести. Он опасался упустить его из виду, а еще больше опасался того, что тот направлялся на службу, а не домой. В этом случае его акция будет провалена. В этот раз.

Впрочем, вряд ли тот шел на службу, нажравшись-то. Скорее всего сменился со службы, зашел в трактир, а сейчас идет домой или к бабе. Ведь что делать, когда ты нажрался и считаешь, что весь мир у тебя в кармане? Ну конечно — идти искать приключений на свою пятую точку.

Солдат шел медленно, его коренастая фигура в потертой кольчуге и стоптанных сапогах качалась из стороны в сторону, но он упорно преодолевал притяжение планеты и двигался вперед, сжимая вожделенный для Андрея предмет, удерживая его на плече. Старый вояка даже пьяный заботился об оружии и не выпускал его из рук.

Добротные дома на улице сменились простенькими домишками, те — хибарками, почти лачугами бедняков, и на улицах встречалось все меньше народу. Наконец солдат и его преследователь оказались в промежутке между длинными заборами — улица тут была очень узкой, между заборами было не более пяти метров.

Андрей прибавил шаг, догоняя солдата, приготовился к удару... и вдруг солдат резко остановился, обернулся и сказал практически трезвым голосом:

— Решил меня ограбить? Не советую. Я располосую тебя на части быстрее, чем ты скажешь «ап!». Ты идешь за мной от самого трактира, и ты подсобный рабочий в нем, я тебя там видел. Итак, есть несколько вариантов. Первый: я сейчас делаю попытку убить тебя, ты убегаешь, я нахожу тебя в трактире и достаю там. Второй: я не смогу тебя убить, так как, возможно, ты исчадие, в чем сомневаюсь, иначе ты меня давно бы убил. Третий — я не смогу тебя убить, потому что ты трезвый и более умелый в воинском искусстве — это тоже сомнительно, зачем бы ты работал в трактире, если бы обладал способностью завалить Федора Гнатьева. Четвертый — я тебя просто отпускаю, и ты уходишь, и мы навсегда забываем этот случай. И наконец, пятый — мы сейчас идем с тобой ко мне домой, разговариваем за жизнь, ты мне рассказываешь, какой ты несчастный и как у тебя не удалась жизнь, мы с тобой выпиваем, я даю тебе серебреник, и ты уходишь домой. Что выбираешь? Может, попытаешься напасть?

— А ты умеешь пользоваться этой железкой? — насмешливо улыбнулся Андрей и показал на саблю, висевшую на боку солдата. — Она вообще не прижавела там к ножнам-то?

— Эта-то? — усмехнулся солдат и мгновенно выхватил из ножен клинок, блеснувший в лучах солнечного света чистотой заточки и узорами, похожими на узоры инея. — К твоему сведению, я мастер фехтования, и, если я пьян, это не означает, что я менее опасен, чем когда трезв.

— А самому-то не стыдно стоять с обнаженным клинком против безоружного? — еще больше развеселился Андрей. Солдат ему нравился, вот только жаль, что не удалось добыть самострел. Впрочем, может, и правда поболтать с воякой, можно выведать что-то, что ему пригодится в будущем.

— Да кто знает, безоружен ты или нет, может, ты проклятое исчадие и просто со мной играешь, а через секунду убьешь! Только надеюсь, пока я гнию живо, отрубить тебе башку. Одной гнидой станет меньше!

— Хм... ты так ненавидишь исчадий? — удивился Андрей. — И не

боишься вот так болтать об этом с первым встречным?

— Положим, ты не первый встречный. И еще надо доказать, что я что-то говорил. Вокруг вроде как нет свидетелей? Или у меня глаза их не видят?

— Нет свидетелей. Ну что же, Федор Гнатьев, пошли побеседуем за жизнь. Может, уберешь все-таки свою железку?

— Э-э, попочтительнее с этой «железкой»! — возмущенно прикрикнул Федор. — Эта «железка» досталась мне от деда, а куплена на юге, сделана отличными мастерами и стоит столько, сколько десятков таких, как ты, не стоят! — Солдат плавным отработанным движением убрал саблю в ножны и повернулся вполоборота к Андрею. — Пошли! Тут недалеко мой домик, там я и живу. Сразу предупреждаю — сокровищ не храню, не нажил. Кроме бутылки вина... ну, может, пары бутылей, никаких ценностей дома нет. Но и бутылки я без боя не отдам, костями лягу, а сокровище не выпущу из рук!

Минут через десять улица привела их к довольно крепкому забору, за которым стоял большой дом с облупившейся голубой краской на шершавых от времени досках. Видно было, что дом знавал и лучшие времена.

— От родителей достался, — пояснил солдат, — я тогда был в походе на Матусию, которая не хотела признавать, что вера Сагана есть самая лучшая вера на свете.

— И что, теперь признала?

— Теперь признала, — угрюмо сказал Федор, — теперь нет Матусии. Долго они держались, но куда им против исчадий? Особенно когда чума выкосила половину страны. Думаю, без исчадий не обошлось. После этого я и ушел из армии. Давай садись, выпьем. Хоть будет с кем поболтать. А то я тут одичал совсем. Пить в одиночку верный способ сойти в могилу... впрочем, не в одиночку — тоже. Ну что, за знакомство, — поднял глиняную кружку солдат. — Кстати, как тебя звать-то?

— Андрей. За знакомство.

Они чокнулись, отпили из кружек, солдат посмотрел по сторонам, вроде как искал, чем закусить, не нашел и махнул рукой — нет так нет.

— И чего ты за мной тащился? Что хотел попереть? — спросил Федор, продолжая отхлебывать кисловатое красное вино из кружки. — Сокровищ у меня не наблюдается, железяк, как ты говоришь, на мне более чем достаточно, можно и по шее огрести... Так что тебе понадобилось от старого вояки? — Федор неожиданно ловко прилепнул пробегающего по столу таракана, вытер о штанину опоганенную ладонь и внимательно уставился в лицо гостю. — А может, тебя как раз мои железки-то и привлекли? Интересный случай... я верно угадал?

— Верно, — решился Андрей. — Мне нужен арбалет, а купить я его не могу.

— Почему не можешь? Дорого? Или другое что-то?

— И дорого, и не могу засвечиваться — зачем это кухонному рабочему боевой арбалет.

— И правда, — ухмыльнулся солдат, — зачем кухонному рабочему боевой арбалет?

— Можно, я тебе не скажу? — затвердев лицом, ответил Андрей. — Это мое дело, и я не хочу, чтобы кто-то, кроме меня, о нем знал.

— Похоже, кого-то пришить собрался? — посерьезнел Федор. — И не хочешь, чтобы дорожка привела к тебе. Могу понять. Тот, кого пришить собрался, заслуживает этого?

— Заслуживают.

— Ух ты! Да ты не одного собрался пришить, похоже на то. И дай-ка угадаю кого... ну-ка... не может быть! Так это не ты ли сжег храм Сагана? Я сразу не поверил, что это настоятель напился и поджег. И я слышал, что сюда приезжает комиссия адептов с проверкой... понятно. Теперь понятно. Но я в этом не хочу участвовать. Стоит попасть на глаза исчадию, и все — труп. Если узнают, что я дал тебе арбалет — я труп. Извини, Андрей, я хочу еще пожить.

— Хорошо. Но можешь мне подсказать, где взять арбалет и не засветиться? Вариантов, кроме как ограбить солдата и забрать оружие, у меня нет.

— Ну что тебе сказать... вариантов, кроме как ограбить солдата, у тебя нет. Что ж... считай, ты меня ограбил. Смотри, не сдай меня.

— Сколько я тебе должен? — настороженно спросил Андрей.

— Все равно у тебя столько нет. Давай так: скажи, почему ты ополчился на исчадий, и мы в расчете. Мне просто интересно. И как ты сумел убить исчадие... хотя это как раз несложно — они обнаглевшие, даже не могут и подумать, что кто-то решится на них напасть. Впрочем, сейчас уже могут подумать. И вряд ли подпустят к себе чужого, вот почему тебе и нужен арбалет. Итак, чем тебе насолили исчадия?

Андрей посмотрел в лукавые, окруженные морщинками серые глаза солдата, медленно расстегнул верхние пуговицы своей рубахи-косоворотки и достал серебряный крестик.

— Боголюб?! Я что-то подобное и подозревал. И не боишься носить крест на себе? Если кто-то увидит и донесет — ты или жертва, или развлечение на Круге. Непонятно, как ты вообще выжил в городе, как это никто не донес. За сообщение о боголюбe награда — двадцать золотых.

Представляешь, сколько вина можно купить на двадцать золотых? Ты небось в месяц один золотой зарабатываешь, а тут целых двадцать! Да не играй, не играй желваками... Я не собираюсь тебя сдавать. Мои деды, отец и мать молились Богу. Я не могу себя назвать боголюбом, но то, что сейчас творится вокруг, это нельзя терпеть. Только почему ты думаешь, что, если уничтожать исчадий, ты поправишь дело? Что жизнь станет лучше? В конце концов тебя вычислят и ты умрешь на жертвенном камне! Думаешь, я не вижу и не понимаю, что происходит? Думаешь, другие не понимают? Просто мы ничего не можем сделать. Потому и заливаем мозги вином, чтобы не видеть, чтобы забыть то, в чем мы вынуждены участвовать, чтобы выжить. Я неспроста даю тебе арбалет — может быть, это и мое искупление, может, так хоть часть вины за то, что я не нашел в себе силы вмешаться, сброшу с себя.

— Что тебе сказать, Федор... я тоже искупаю. Я не из этого мира. Как я здесь оказался — сам не знаю. В своем мире я был вначале солдатом, исполняющим грязные и кровавые приказы командиров, а потом наемным убийцей, который получает деньги за устранение людей. Но я раскаялся, уверовал в Бога и просил Его о прощении. Вот и допросился... Что я могу сделать в этом мире? Как избавить его от этой нечисти, от этого зла? Только убивать тех, кто является носителем зла. И я буду убивать. Чем больше я убью исчадий, тем меньше их будет в мире, значит, будет меньше зла. Наверное, это и есть моя миссия.

— Что же, у каждого своя миссия в жизни... моя, наверное, допить это вино, — усмехнулся солдат. — Допивай свою кружку, и пошли посмотрим, как ты умеешь обращаться с арбалетом. Надеюсь, что ты умеешь с ним обращаться, раз на него нацелился.

Они молча допили вино, оставили кружки на столе и через дверь в задней стене дома вышли в довольно широкий, укрытый за забором двор. Андрей удивился, что у такого непрезентабельного дома имелся двор, способный вместить несколько больших телег, так, что они могли спокойно, не задевая друг друга, развернуться на нем. Федор заметил удивленный взгляд гостя и пояснил:

— Мой отец занимался выездной торговлей, купцом был. Иногда тут скапливалось несколько повозок с товаром — видишь, склады бывшие, конюшня большая... наша семья знавала лучшие времена. Если бы я пошел по стопам своего отца, занялся бы торговлей... эх... я, болван, захотел славы, военной службы — вот и результат. Стареющий пьяница. Ладно. Рассказываю: арбалет у меня непростой, как и моя сабля. Он куплен на юге, где умеют выковывать сталь очень высокого качества, не ломающуюся на

изгибе, очень упругую. Видишь, у него тоже узоры по стали? Это очень дорогой арбалет, стальной, он бьет на двести метров и больше. Зависит от того, какие болты применяешь. Мои болты без оперения, но летят точно — этот самострел очень, очень мощный. На коротком расстоянии он бьет без поправки практически напрямую. Смотри.

Федор специальным приспособлением взвел арбалет, вложил в него короткий двадцатисантиметровый болт и прицелился в дверь склада метрах в тридцати от них, затем нажал спусковой крючок. Тетива щелкнула, и через доли секунды стальной болт пронзил деревянную дверь склада и исчез из глаз. Солдат усмехнулся:

— Теперь представляешь, что будет, если болт попадет в человека, одетого в кольчугу? Он насквозь пройдет, если не ударится в кость. Да и в этом случае может... в общем, и сплошные латы не дадут гарантии безопасности. У арбалета только один недостаток — он медленно заряжается. Ну в сравнении с луком, конечно. Давай попробуй, как он бьет. Бери, взводи.

Андрей взял арбалет, немного неловко взвел его, вложил болт, приложил к плечу приклад и выпустил стрелу туда же, куда попал болт Федора — его снаряд пробил двери сантиметрах в десяти от дырки. Андрей поморщился — надо привыкать к оружию. Погрешность для профессионала его класса была слишком велика.

— Ничего себе! — удивился солдат. — Ты что, когда-нибудь стрелял из такого оружия? Точность для первого раза потрясающая. Ты и правда умелец в своем деле...

— Это отвратительная точность. Мне надо тренироваться. Тут и отдача другая, и баланс другой — если на тридцати метрах такой разброс, что будет на ста метрах? А на двухстах? Нет, это отвратительно.

— А что ты хотел — незнакомым оружием, да с первого раза... Это нормально, не переживай.

— Федор, ты мне позволишь приходить сюда и тренироваться в стрельбе? Это не будет тебе в тягость? Ты где сейчас вообще служишь? Я не помешаю твоей службе?

— Нигде не служу, — грустно усмехнулся Федор. — Даже городская стража не выдержала моих запоев, и сегодня меня выгнали. Вот я и пропивал выходное пособие в «Сером коте». А как я мог смотреть на эти безобразия трезвым? Так что... никак ты мне не мешаешь в службе.

— А где работать думаешь? Есть идеи?

— Пойду охранять караваны. Довольно прибыльно, но опасно — грабителей по дорогам просто как комарья. Но другого ничего не остается.

Да и совесть почище будет. Когда в стражу шел, думал, перетерплю как-нибудь эти бесчинства, зато сытно, дома живешь, не мотаешься по городам и странам, но оказалось — не для меня это.

— Что же там такого, что ты не мог вытерпеть? — осторожно поинтересовался Андрей.

— Что? Вот ты думаешь — для чего стража? Чтобы наводить порядок, да? Нет. Стража для того, чтобы вымогать деньги у людей, чтобы зарабатывать. Если грабители напали на человека и он пожаловался стражникам — он все равно в ущербе. Если стражники поймали грабителя, они могут или забрать все награбленное себе и отпустить грабителя — он же им дает работу! — или забрать половину денег потерпевшего, а грабителя сунуть в тюрьму, это зависит от смены стражников или же от того, какой грабитель попадет. Если из организации — так его просто отпустят за часть добычи... Дальше: могут схватить любого простолюдина, объявить преступником, например поносящим Сагана и исчадий, и сдать его в тюрьму как еретика — десять золотых награды обеспечены. Защищать кого-то от преступников? Только за деньги. А без денег — стража будет стоять и смотреть, как разносят твой дом или твоё заведение. И палец о палец не ударят, чтобы помочь. Вот если попросили богатые, влиятельные горожане — тогда да, стражники в лепешку расшибутся, бегая по их поручениям. Или исчадия что-то поручили — они кипятком ссать будут, но сделают... можно же и сердца лишиться, на жертвенном камне вырежут из груди. Как ты думаешь, может это нормальный человек терпеть и не спиться? Эта система не выносит белых ворон — или становишься как они, или вылетаешь оттуда как пробка. Пьянство — это только повод. Там половина алкоголики, и никого это не волнует. Главное — мое нежелание подличать. Ну ладно там получать деньги за то, чтобы утихомирить буянов в трактире, но совсем другое — хватать простолюдина и тащить его в тюрьму за то, что он якобы проповедовал любовь к Богу. Аж двадцать золотых... Уроды. Ох уроды...

— Федор, я понял тебя. Еще вопрос: ты можешь меня обучить фехтованию на саблях, мечах? Ну до тех пор пока не уйдешь с караваном. Мне хоть азы фехтования знать, я в этом дуб дубом.

— Интересно — бывший военный и не умеешь фехтовать? — усмехнулся солдат. — Как так получилось?

— У нас другое оружие. Сабли и мечи давным-давно не актуальны. Так можешь обучить?

— Могу, почему нет? У меня есть еще кое-какой запас накопленных денег. С караваном я не скоро уйду — месяца на три прожить хватит. Да и

хочется поглядеть, какого ты в городе шороха наведешь... давай приходи завтра к обеду, будем учиться.

— Пока что можно я потренируюсь в стрельбе, прямо сейчас? Хочу пристрелять арбалет на разных расстояниях, почувствовать его. А завтра в обед мы займемся фехтованием, ладно? И пусть пока арбалет лежит у тебя, чтобы мне с ним не бегать по городу... как понадобится, я его возьму.

Следующие несколько недель Андрей посвятил воинским упражнениям. В середине дня он ходил к Федору, они обсуждали последние городские новости, потом брались за тупые сабли, которые солдат достал из кладовки, после фехтования Андрей тренировался с арбалетом, а также с луком — на всякий случай надо владеть по возможности всем оружием, которое имелось в этом мире.

К концу второй недели он со ста метров уже попадал болтом в кружок размером с куриное яйцо, это был очень неплохой результат, на таком расстоянии обычному человеку и из винтовки-то попасть трудно. А в стрельбе из лука результат был поскромнее, пока удавалось попасть только с расстояния метров двадцать — тридцать.

Но Андрей не был обычным человеком, его рефлексy, немного притупленные за время бездействия, возвращались, и скоро он снова станет той машиной для убийства, которой был до монастыря.

Его достижения в фехтовании оставляли желать лучшего — за пару недель нельзя стать классным фехтовальщиком, хотя он и мог уже кое-как противостоять не слишком искушенному бойцу с мечом. Федор хвалил его, уверяя, что таких успехов многие добились бы только через полгода, не меньше, однако Андрей был недоволен своими результатами.

В трактире не приветствовали его отлучки, все уже привыкли, что Андрей с утра до вечера трудится, никуда не ходит, не пьянствует и не прячется от работы. Но он доходчиво объяснил недовольным, что не желает торчать в трактире дни напролет, как раб, у него тоже может быть своя личная жизнь.

Так что, натаскав с утра воды, нарубив дров, Андрей до вечера уходил к Федору на тренировки. Тому нравилось общаться с ним — они обсуждали городскую жизнь, разговаривали на философские темы, сравнивали типы оружия, владение которым было коньком Федора.

Он оказался действительно великим мастером фехтования. Если стрельбе из арбалета он и не уделял достаточного внимания, то во владении саблей ему не было равных. Кроме всего прочего, солдат был обоеручным бойцом и категорически настаивал на том, чтобы его ученик тренировался

биться как правой, так и левой рукой, — в бою всякое может случиться, потому необходимо тренировать обе руки. Федор сказал, что заметил еще в юности — если человек тренирует параллельно обе руки, то эффект получается выше, чем если бы он тренировал только одну рабочую руку. Он не знал, почему это происходит, но заверял, что это именно так. Андрей поверил ему на слово и выполнял все его требования.

Пока что он вечно ходил в синяках от ударов тупой тренировочной саблей — Федор не жалел усилий, чтобы натаскать ученика как следует.

Наконец случилось то, чего ждал Андрей: в город приехала комиссия исчадий.

Народ из-за заборов и кустов с интересом следил, как важные фигуры в кроваво-красных хламидах ходят по пожарищу, чего-то рассматривают, переговариваются, и строил всевозможные догадки.

Город наполнился кучей буйных стражников из охраны прибывших адептов — они развлекались по злачным заведениям, насильничали, пользуясь защитой своих высокопоставленных господ, громили трактиры, в общем — бесчинствовали как могли в свое удовольствие. Настал черед и «Серого кота». Как-то вечером в трактир ввалились четверо крепких мужчин лет тридцати — тридцати пяти, в дорогой одежде, в кольчугах, украшенных золотой проволокой. Они были уже хорошо на взводе и с ходу потребовали у бармена за стойкой хорошего вина. Получив вино, один из них, высокий человек с брезгливым холеным лицом заявил:

— Чего ты мне даешь эти помои, падаль! Пей их сам, тварь! — и выплеснул содержимое кружки в лицо бармену.

Тот беспомощно отер красную жидкость и посмотрел на сидящего в углу вышибалу. Петька нехотя поднялся с места — он уже понял, что добром все это не кончится, — и подошел к буйным посетителям.

— Господа! Прошу вас покинуть заведение. Ни за что платить не надо, раз вино вам не понравилось, но предлагаю покинуть трактир, вам здесь не рады.

— Что-о? — глумливо осведомился тот, которому не понравилось вино. — Нам здесь не рады-ы? Нам нигде не рады, пес ты смердящий! Мы стража адепта Васка, и я могу тебя по полу размазать, вытереть тобой это дерьмо на полу, и мне ничего за это не будет! Понял, тварь?

— Понял. Но прошу вас уйти, — настойчиво требовал вышибала. — Уходите, прошу вас.

— Он ничего не понял, тварь эта! — нарочито удивленно обратился к своим спутникам буйан. — Придется учить его манерам!

Он нанес Петьке сильный удар кулаком, на котором, как заметил

сидящий в углу и поглощавший свой ужин Андрей, имелись несколько перстней с острыми шипами, видимо, что-то вроде кастета. Вернее, хотел нанести удар, но вышибала на удивление умело заблокировал удар и врезал стражнику в челюсть так, что тот улетел под ближайший стол.

Этого друзья поверженного хама терпеть уже не стали, и на Петьку посыпались удары со всех сторон — его пинали ногами, били стульями... Бармен забился под стойку, а из кухни испуганно выглядывали Василий и Матрена, не делая ни малейшей попытки вмешаться в происходящее. Посетители трактира тоже затихли, с жадным любопытством разглядывая, как четверо ублюдков забивают до смерти Петьку.

Андрей был спокоен, это было не его дело. Вышибала не вызывал у него приязни — после того что он творил на Кругу, после его рассказа о том, как он убил детей и жену боголюбца, Петька вышел для него из разряда разумных существ, за которых можно переживать или вступаться. Ну что-то вроде таракана на хлебном огрызке...

Наконец мордовороты прекратили месить вышибалу, налитыми кровью глазами осмотрели с вызовом зал — мол, кто еще хочет? Желающих не нашлось. Старший поманил остальных рукой:

— Пошли. Похоже, готов ублюдок. Славно развлеклись сегодня. Эта тварь посмела дотронуться до стражника адепта! Поделом ему.

Дверь за негодяями захлопнулась, а к лежащему на полу Петьке кинулась Матрена.

— Убили ведь, убили! — запричитала она. — Не дышит он! Надо жалобу в стражу подать!

Кто-то из посетителей, попивающих вино из кружки, угрюмо и с раздражением прикрикнул на нее:

— Какая стража, дура! Подашь — сама и виновата будешь, и трактир-то спялят... Где потом я выпивать буду. Хороните потихоньку, да забудьте, что он был на свете. Это же стража адепта, кто на них попрет-то?

Матрена горестно посмотрела на труп Петьки, подняла глаза на Андрея — в ее взгляде как будто был укор: чего же ты-то не помог? У него кольнуло в сердце, но он подавил мимолетную жалость к погибшему и встал со своего места.

— Матрена, давай я оттащу его на задний двор, положу у дровяного сарая, а утром уже захороним — не в темноте же копать?

— Оттащи... — опустошенно проронила Матрена и побрела на кухню.

Клиенты уже вовсю веселились — ну убили кого-то, так что же теперь, плакать, что ли? В городе каждый день кого-нибудь убивают. А тут кормят хорошо и вино не сильно разбавляют, что же теперь, прервать веселье?

Андрей взял труп Петьки за ноги и потащил в подсобку, потом по длинному коридору к выходу на задний двор и по земле к навесу у дровяного сарая. За парнем оставался длинный кровавый след, кровь текла изо рта, из ушей, из носа, трудно было даже разглядеть у него человеческие черты.

«На славу постарались уроды! — с горечью подумал Андрей. — И вот так эти подонки уйдут, и все?!»

Он положил труп под навес, задумался, потом решительно взял колун на длинной ручке и скользнул в темноту.

Негодяи шли медленно, они обсуждали все перипетии сегодняшнего вечера, как кто кому врезал, как захрипел вышибала, из которого вышибли дух. Тому, кто это сказал, ужасно понравился собственный каламбур:

— Вышибале вышибли дух! Я поэт! Вы всегда меня недооценивали, господа!

— Да, признаю, в тебе таится поэт, Шартан, когда-нибудь ты станешь главным стражником, тогда не забудь меня! — пьяным голосом подхалимски поддержал один из его соратников.

Андрей так и не понял, как связаны способности к поэзии и продвижение по службе, да и не было у него желания разбираться. Он бежал легкими прыжками, догоняя беспечных стражников — ну как можно подумать, что кто-то нападет на таких великих бойцов? И «великие бойцы» не сомневались — никто не посмеет. Это было их ошибкой.

Колун с хрустом разбил голову одного из них и обратным движением — грудь. Не помогли ни дорогая кольчуга, ни рефлекс фехтовальщика — колун проломил грудные кости и раздавил сердце.

Трое оставшихся начали выдергивать из ножен сабли, один не успел — колун переломил ему ключицу и раздробил шейные позвонки, другой все-таки достал и прикрылся саблей, глупый. Он думал, что фехтовальные приемы позволят ему отбить полупудовый колун, несущийся ему в голову со скоростью снаряда, его дорогая, украшенная золотом сабля со звоном переломилась, а голова лопнула, как гнилой арбуз.

Остался один, но самый умелый, он стоял в стойке и пытался достать Андрея колющими выпадами, которые тот с трудом блокировал рукоятью колуна, который совершенно не годился для фехтования. Совсем туго стало, когда стражник ускорился и стал наносить и колющие, и рубящие удары, от которых Андрей еле уворачивался.

Неожиданно Андрей наступил на что-то и чуть не упал, едва не попав под удар противника. Он взглянул — это была сабля, вышибленная из рук одного из негодяев. Андрей молниеносно наклонился, схватил ее и

следующий удар врага встретил клинком.

Теперь силы уравнились — противник был опытнее, лучше фехтовал, но Андрей был трезв, а кроме того, был выше противника на полголовы и имел длинные руки.

Вначале Андрей, стоя на месте, отбивал удары саблей, безуспешно пытаясь достать противника, затем ему в голову пришла хорошая мысль, и он левой рукой, в которой держал колун, нанес размашистый удар сбоку. Стражник попытался отпрыгнуть и раскрыл правую сторону тела. Андрей тут же воспользовался этим, сабля врезалась в левое бедро противника, нога его подломилась, и стражник упал, фонтанируя кровью.

— Не убивай! Я заплачу! Что хочешь сделаю, только не убивай! Все что угодно!

Андрей поднял свой «молот» и сплеча нанес несколько ударов по лежащему...

Он прислушался — вокруг было тихо. Андрей хотел уйти с места боя, но передумал и, пачкаясь в крови, обшарил убитых, забрав у них мешочки с деньгами — довольно туго набитые. Вначале он удивился — как это они целый вечер развлекались, а все деньги целы? Потом вспомнил, как они вели себя в трактире, и понял — они брали то, что хотели, и ни за что не платили.

Он собрал их оружие — даже сломанное, вынул кинжалы, сорвал с покойных золотые цепи и браслеты, убедился, что ничего ценного не осталось, и пошел назад, в трактир.

Ему не нужны были их ценности, но, во-первых, он должен был изобразить ограбление, иначе было бы странно — за что убили? Должна быть мотивация, мол, позарились на их кошельки. Если бросить со всеми ценностями, есть шанс, что трупы оберет уличная шпана, но могут наткнуться и стражники, они удивятся — если не было ограбления, то за что убили их коллег, — и начнут копать. Оружие тоже стоит денег, так что оставить его грабители не могли. Почему одежду не сняли? Кольчуги ведь дорого стоят, и одежда богатая! Времени не было, собрали что могли, да и свалили. Кстати сказать, возможно, утром на трупах и одежды не будет, разворуют. А во-вторых, ему тоже нужны средства, просто чтобы жить и иметь возможность быстро исчезнуть из города. Опять же — оружие, теперь есть свои сабли. В камерке хранить их нельзя, так что завтра переправит в дом к Федору. Да и ему можно денег дать — чем дольше он не уйдет с караваном, тем дольше будет обучать Андрея фехтованию.

Отсутствие Андрея в трактире осталось практически незамеченным — он положил колун с зарубками от ударов сабли на место, в сарай,

предварительно стерев с него кровь и мозговое вещество, подумав при этом: «Хорошо, что тут нет судебной экспертизы!»

Оружие Андрей спрятал у себя в каморке под кроватью, завернув в прихваченный на конюшне кусок брезента, и прошел в зал трактира.

Там шло безудержное веселье — скакали пьяные наемники, подвыпившие купцы с красными мордами тискали девок, сидящих у них на коленях. Андрей направился к пустующему месту вышибалы в углу, и тут одна из девиц игриво ухватила его за ширинку, видимо думая, что это забавно и весело. Андрей молча хлопнул ее по руке так, что девица заорала от боли.

Огромный купец поднялся, покачиваясь, и наехал на обидчика:

— Ты че, урод, мою бабу обижаешь? А? Тебе че, в рыло дать? Ну че смотришь, как баран карнопольский? Скотина безрогая!

Купчина явно напрашивался на драку — обычно подобные ситуации разруливал вышибала, но он остывал возле дровяного сарая, устремив в ночное небо изуродованное лицо...

Андрей резко ударил мужика в живот и, когда тот согнулся, взял его руку на болевой прием и повел из трактира. У порога резко толкнул пьяного в зад ногой, открыв его тушей дверь. Купец вылетел из трактира будто снаряд из пращи и загремел по ступенькам, подвывая как раненый зверь.

Андрей подождал немного — не вернется ли — и уселся в углу. «Может, сменить работу? Конечно, таскать воду и дрова безопаснее — но вышибалой прибыльнее. И опыт, типа, уже есть», — усмехнулся он, вспомнив только что вышвырнутого из трактира мужика.

— Андрей, может, посидишь сегодня вышибалой? — робко осведомился бармен. — Я скажу хозяину, он тебе заплатит за этот вечер. А там, может, и насовсем вышибалой станешь? Я видел, как ты купца этого выкинул. И помню, как ты Ефимку отходил... Посиди, ладно? А то страшно мне что-то после сегодняшнего... хоть закрывай трактир.

— Посижу, не беспокойся. Если хозяин предложит, буду и вышибалой. Если договоримся...

Вечер прошел на удивление спокойно, как будто инцидент со стражниками исчерпал лимит неприятностей на этот день. Пришлось, правда, вывести двух загулявших возчиков, но они вели себя мирно и драться не лезли. В свою каморку Андрей попал около часа ночи, когда из трактира ушел последний посетитель — они сегодня тоже особо не задерживались.

Заснул Андрей спокойно, кошмары ему не снились.

Утром, еще на рассвете, он рванул к Гнатьеву, прихватив сверток с трофейным оружием и деньгами.

Минут через сорок Андрей уже был у знакомых ворот. Отперев засов на калитке, он подошел к дому и постучал по оконной раме. Некоторое время ничего не происходило, потом дверь дома приоткрылась и в проеме показалось заспанное усатое лицо Федора.

— Ты чего в такую рань? Случилось чего? Заходи быстрее! Сейчас чай пить будем, я вчера на базар ходил, грудинки прикупил и сахару. Чего там тащишь-то?

Андрей не заставил себя упрашивать, прошел прямо в кухню и водрузил тяжелый сверток на стол.

— Чего ты на стол эту хрень впер-то? — удивился Федор. — Что там у тебя? — Он откинул края брезента и замер в удивлении. — Это что такое? Откуда?!

— Это опасная вещь. Я не могу хранить у себя. Надо спрятать. И деньги тут — сейчас посчитаем. — Андрей тряхнул мешочками, отозвавшимися металлическим звоном.

Он рассказал Федору, что случилось в трактире, как потом он догнал убийц и расправился с ними.

Федор долго молчал, как бы переваривая услышанное, затем сказал:

— Да, ты настоящий убийца. Напрасно они чудили при тебе. Ну убил и убил. Сами напросились. Только ты уверен, что никто тебя не видел?

— Уверен. Было очень темно, а потом еще и луна зашла за тучи. Я не мог оставить безнаказанными деяния этих ублюдков. Ничего, скоро я доберусь и до их хозяина.

— Эх и скандал будет! — крикнул Федор. — Личную гвардию адепта завалил! Тебе или повезло, или ты правда спец по душегубству. Ну да не в том дело. Главное, чтобы на нас не вышли.

— Давай посчитаем деньги. Мне надо было изобразить ограбление, да и не оставлять же уличным стервятникам жирный кус!

Сдвинув в сторону сабли и кинжалы, мужчины вывалили на стол содержимое кожаных мешочков. На столе образовалась внушительная горка серебряных монет, среди которых было и небольшое количество золотых. Пересчитав, приятели определили: всего шестьсот серебряных монет и пятьдесят золотых.

— Слушай, а неплохо платят у адептов, — усмехнулся Федор. — Может, податься туда в охранники? Ну не хмурься, не хмурься — шучу. Это большая сумма. На нее год жить можно — скромно, правда. Или месяц — весело. Понимаю, почему ты не захотел хранить ее у себя — откуда, мол, у

подсобного рабочего такая сумма? Про оружие уже и говорить не буду... Что ж, давай прикопаю у себя. Оставь сколько надо на необходимые траты, а остальное спрячем. Пошли покажу куда. Тут есть подпол хитрый — никто, кроме меня, не знает о нем. Из него выход за домом в канализационный тоннель. Дверь в тоннель всегда заперта. Ключ лежит в подполе. Если придется уходить — запомни этот ход. Иди за мной.

Они прошли в одну из спален, Федор подошел к подоконнику, потянул доску на себя и поднял ее вверх. Под ковром на полу что-то щелкнуло, потянуло запахом земли и холодом.

Федор откинул ковер и обнажил темный зев погреба.

— Пошли. Осторожно, тут лестница... Сейчас зажгу свечу.

Послышалось щелканье кресала, потом в темноте вспыхнул колеблющийся огонек.

Андрей подождал, пока привыкнут глаза, и рассмотрел подвал.

Это было сухое, прохладное помещение, обшитое досками. Из него тянулся низкий, в половину человеческого роста ход, уводящий, как сказал Федор, в канализационный тоннель.

— Смотри, — подозревал Федор, — вот тут в углу тайник, в нем лежат деньги, сюда и твои кладу. Если что-то со мной случится, заберешь все. Тут же ключ лежит от двери в тоннель.

— Надеюсь, ничего не случится, — буркнул Андрей. — Ты это... бери денег сколько надо. Ты мне помогаешь, да и за арбалет я тебе должен. Так что не стесняйся, бери, если что.

— Разберемся. Не должен ты мне ничего. Главное — не попадись. Оружие положим наверху, в мой оружейный ящик. Сейчас посмотрим, что за клинки ты там отобрал у этих уродов. Пошли наверх.

Оказавшись в комнате, Федор за кольцо потянул крышку подвала наверх, и она с щелчком встала на место — видимо, замкнулся какой-то невидимый замок. Доска подоконника уже стояла как обычно.

— Тэ-э-экс... эта дрянь, только золотишка на ней куча. Эту ты пополам расхреначил — колуном, да? Силен! Эта... ну ничего, но так себе, баланс дрянь, рукоятку всю изукрасили, тяжелая стала, лезвие прослабили узорами — хрень, а не сабля. Эта? О! Эта недурна!.. Конечно, не такая, как моя, но неплоха, неплоха... рукоять простая, украшений минимум, ножны простые... это нормальный рабочий инструмент. Вот эту не стыдно и в руки взять! — Федор сделал несколько взмахов и выпадов. — Вполне можно использовать профессионалу. Не помнишь, последний охранник какой саблей бился? Сдается мне, вот этой, приличной. Не зря ты его последним убил — это был профессионал, и, похоже, тебе повезло. Надо

усилить тренировки в фехтовании, боюсь, что один из таких типов может тебя достать. Вот когда начнешь почаще меня доставать клинком на тренировке, тогда ты с ними как-то сможешь сравняться. А пока — тебе сильно повезло.

— Слушай, а ты не можешь мне помочь? Эти негодные сабли продать бы, а вместо них мне нужна хорошая, очень хорошая кольчуга, и чтобы она была зашита под куртку, чтобы снаружи не было видно. Это можно сделать?

— Можно, только надо повременить чуть-чуть... боюсь я, что искать сабли будут. Полежут к скупщикам, к оружейникам, будут проверять — не сдавал ли кто-нибудь им оружие. Я вот что сделаю — возьму деньги и схожу к оружейнику. Сейчас мы измерим твой рост, объем груди, и я сегодня подберу тебе кольчужку. Надо, чтобы на груди были пластины, на спине тоже, но ничто не сковывало движений. Тяжеловата будет, конечно, но ты парень не слабый. Вон как колуном размахивал, — улыбнулся в усы Федор, — знатный ты дровосек.

На пороге трактира Андрея встретил хозяин Петр Михалыч. Он был рассержен, а редкие волосенки на его голове торчали спутанными вихрами.

— Ну где ты бродишь?! Кто Петьку хоронить будет? Я, что ли? Эти все попрятались, боятся покойников, Ефимка кричит, что тоже покойников боится, с кем мне хоронить-то его?

— А я что вам, крайний, что ли? — спокойно парировал Андрей. — Нанимайте похоронщиков, пусть везут и хоронят. А я не нанимался трупы таскать. Я, может, и сам их боюсь, покойников-то.

— Андрей, совесть имей, а? Ты же вчера тащил Петьку к сараю, как это ты боишься-то?

— Это я с перепугу, — усмехнулся Андрей. — А если серьезно — не буду я заниматься похоронами. Делайте что хотите. Сказал вам, наймите похоронщиков, они все устроят. Сэкономить решили, что ли? Он же у вас работал, хоть похороните по-человечески!

— Все вы хотите чужими деньгами распорядиться! В своем кармане деньги считай! — ошетинился хозяин и задумался. Видно было, что мысль о том, что ему придется платить за похороны, его не вдохновляла.

— А что, у Петьки родни нет, что ли? Некому хоронить?

— Да нет у него никого! — досадливо ответил хозяин. Похоже было, что если бы он знал хоть одного родственника покойного вышибалы, то сбавил бы ему труп Петьки — пусть хоронит как хочет.

— А Петька жалованье-то получал? — осторожно начал Андрей.

— И что? О, верно! — просветлел лицом Петр Михалыч. — Он же его не тратил почти что, я знаю это точно, вот на его деньги и похороним. А на оставшиеся устроим поминки. И все будет по-человечески! Голова ты, Андрей!

Андрей с усмешкой подумал: «Небось уже прикинул, сколько денег покойного хапнешь, оглоед. Ну да ладно, не мое дело».

— Хозяин, скажите, а вы будете подавать жалобу на убийц в стражу? — невинно осведомился он. — Нельзя же оставлять безнаказанным убийство, они должны ответить по закону! Я всех их помню, дам показания в суде.

— Да ты охренел, что ли?! — всполошился Петр Михалыч. — Какая жалоба?! Забудь лица и не вспоминай! Из какой ты глухой деревни вылез, что не знаешь, что подавать на стражников исчадий себе дороже? Забудь, забудь, тебе говорю! Тем более что нашли этих стражников недавно — кто-то их зарубил, раздел догола и бросил трупы на улице. Говорят, банда какая-то ночная. Обобрали до нитки, так что они свое получили. И поделом! — выпалил Петр Михалыч и спохватился: — Только тсс! Я ничего не говорил! Давай-ка о деле потолкуем. Ты вчера заменял вышибалу, мне сказали. Вот тебе пять серебряников за вечер. Хочу, чтобы ты в дальнейшем был тут вышибалой, мне со стороны искать вышибалу неохота, еще разбираться надо, кто что собой представляет, а ты человек трезвый, разумный, дерешься умело, мне такой нужен. Пойдешь ко мне в вышибалы?

— А сколько получал Петька?

— Пять серебряников за день.

По тому, как хитро заблестели глаза хозяина, Андрей понял — хоть на серебряник, да надул.

— Хорошо. Я согласен на пять серебряников, бесплатное питание и питье, комнату — меня устраивает та, в которой я живу, раз в три месяца новое обмундирование — одежда, обувь, один выходной в неделю для моих личных дел, работа с пяти вечера ну и до окончания работы трактира. Пока посетители не разойдутся. Да! Забыл — больше никакой работы по кухне, впредь палец о палец не ударю. Согласны?

— Что-то ты разошелся — целый выходной раз в неделю! А как я в этот день буду без вышибалы? А если что-то случится?

— Будете договариваться со стражей, чтобы подежурили. Но, может, мне и не понадобится выходной, я еще не знаю, может, обойдусь временем до вечера. Но хочу, чтобы выходной за мной был, мало ли что, я не раб, чтобы без выходных работать. Повара и то выходные имеют.

— Ладно. Хоть это и не особо меня устраивает, но куда деваться, без вышибалы тоже нельзя. Только смотри, разобьют что-нибудь гости — с тебя вычту!

— Ну сейчас прямо! Где это видано! Все испорченное всегда клиенты оплачивают, я что, должен все их погромы оплачивать? Нет, я так не согласен, хозяин. Не устраивает — ищите другого, я прямо сейчас и уйду!

— Ладно, ладно, — примиряюще заворковал Петр Михалыч, — ну чего ты раскипятился! Я пошутил! Старайся, чтобы поменьше было ущерба, и все. Не доводи до разгрома, это самое главное. А как ты этого добьешься — твое дело.

Воспользовавшись своим новым статусом, Андрей отправился в свою каморку отдыхать. Ночью он хорошо потрудился. Теперь настало время потревожить исчадий, и начать он решил с адепта, чьим именем козыряли охранники. Как там его? Васьк?

ГЛАВА 4

Работа вышибалы Андрею не то чтобы понравилась, нет, но она не вызывала у него ощущения третьесортности, как когда он работал «кухонным мужиком». Уже неделю он занимал столик в углу обеденного зала, наблюдал за происходящим и отслеживал представляющие опасность объекты. Конфликты случались довольно часто, но к концу первой недели пошли на убыль — Андрей жестко пресекал все попытки побуянить в трактире, и даже заядлые громилы поняли, что с ним лучше не шутить. Ну а как будешь вести себя развязно с человеком, который молча выслушивает оскорбления, а потом вырубает на месте и как кучу падали выкидывает за дверь?

Так что завсегдатаи четко усвоили: устраивать побоища опасно для их здоровья. Словом, жизнь Андрея стала гораздо спокойнее. Ночами он тратил время на то, чтобы обследовать город — пути отхода, удобные места для засад, несколько вариантов того и другого. Целью был главный адепт — Васк.

По городу этот адепт всегда передвигался в сопровождении охраны, и хоть она была слегка прорежена тяжелой рукой монаха, но ее хватило бы, чтобы покрошить целый полк. Кроме охраны рядом с Васком всегда находились несколько исчадий, вооруженных смертельными проклятиями. Кстати сказать, Андрей так и не понял, почему проклятие убитого им исчадия на него не подействовало, он списал это на божественное вмешательство.

В общем, организовать убийство этого монстра было очень непросто. Помог случай — по городу прокатился слух, что Васк осчастливил одного из купцов, взяв в наложницы его старшую дочь пятнадцати лет с очень симпатичным личиком, имевшую неосторожность идти по улице среди белого дня. Отказать исчадию, а тем более адепту мог только идиот, в случае отказа вся семья закончила бы жизнь на жертвенном алтаре, а так — позабавится, может, еще и не совсем покалечит. Зато все остальные живы будут.

А забавляться Васк желал у купца дома, в этом есть особое удовольствие — войти в дом любого человека и взять все что хочешь, даже его детей. А иначе зачем нужна власть?

В общем, дом купца стоял не в таком оживленном месте, как собор, а значит, шансы безнаказанно уйти были выше.

Андрею не составило труда отследить часы посещения адептом ошастливленной семьи. Обычно это было ночью, после того как в полночь заканчивалась черная месса, в которой должен был участвовать каждый адепт, где бы он ни находился. Никто не мешал Андрею примерно в это время выйти минут на пятнадцать, сделать свое дело и вернуться в трактир.

Поздней ночью Андрей выскользнул за дверь и бегом бросился по переулку, который шел перпендикулярно нужному направлению, — чтобы никто, если вдруг заметят, не сопоставил его передвижения и последующие события. Выполнив отвлекающий маневр, он поспешил к дому купца.

На улицах было темно, никакого освещения, кроме света луны, не было предусмотрено — кто будет оплачивать освещение улиц? Богатые люди всегда имеют слуг с факелами, а бедные... ну что бедные, кого волнует, как они ходят? Ну проломит себе башку какой-то сапожник или плотник, и что? Бабы еще нарожают...

Андрею было на руку отсутствие света, тем более что прибывшего к дому купца адепта, окруженного факелосцами, было видно издалека. Андрей за спиной нес арбалет, прихваченный им заранее и ждавший своего часа в каморке среди барахла. Он приделал к нему лямки, как у рюкзака, и теперь арбалет не бил ему по спине, а плотно лежал между лопаток, как затаившийся смертоносный зверь.

На все передвижения у Андрея ушло минут семь, и вот он уже лежит за пышными кустами отцветшей сирени, густо разросшимися возле забора. Отсюда хорошо был виден находящийся через дорогу дом купца, скучающие гвардейцы адепта, охранявшие карету и следящие, чтобы никто не подходил к ней ближе чем на два метра. Впрочем, подходить было некому — поздняя ночь. В такое время по улице бродят или припозднившиеся гуляки, или поджидающие их грабители.

Адепт вышел минут через десять после того, как Андрей засел в кустах. До кареты было метров семьдесят, и Андрей не сомневался в точности выстрела — он уже отлично натренировался обращаться с арбалетом, тем более что стрельба из этого оружия была очень похожа на стрельбу из винтовки — вот только расстояния другие да звук не тот.

Болт вложен в арбалет, прицел взят... Адепт повернулся, довольно потягиваясь, как сытый кот, и тут ему в висок ударила арбалетная стрела. Адепта отбросило в сторону, как будто по голове ему врезали бейсбольной битой.

Ошеломленные охранники бросились к своему патрону, недоумевая, что же такое случилось. Андрей не стал дожидаться, когда они придут в себя, и, закинув арбалет за спину, дал деру.

Стрел с собой у него было мало — он взял всего две штуки, все равно больше раза выстрелить не удалось бы, а тащить с собой лишнюю тяжесть ни к чему. То, что охранники не сразу поняли, что адепта кто-то застрелил, дало ему совсем не лишние три секунды. Гвардейцы были слишком расслаблены и не верили своим глазам — ну кто может напасть на самого адепта? Кому в голову придет эта дурная мысль? Но пришла.

Первым очухался лейтенант гвардии, высокий светловолосый мужчина, одетый в темный камзол, с внушительной золотой цепью на шее. Несмотря на свой вид опереточного злодея, он не был дураком и быстро сообразил, откуда могла прилететь стрела.

Взревев как тигр, лейтенант показал рукой в сторону кустов, где раньше сидел Андрей, и вся толпа, человек десять, бросилась туда, оставив у кареты труп исчадия и ошеломленного кучера.

За три секунды Андрей успел забежать за угол и все больше увеличивал разрыв между собой и преследователями, которым пришлось разделить: одни побежали за угол, за Андреем, другие — в противоположную сторону. Стражники не видели его, но других путей отхода просто не было.

Андрей ушел бы вполне безнаказанно, однако на его беду дверь какой-то забегаловки открылась и пробежавший мимо убийца попал в поток света из обеденного зала. Преследователи увидели его фигуру и поднажали.

Задыхаясь от бега, Андрей подумал: «Давно не тренировался, надо бы кроссы почаще делать. Форму теряю. А гвардейцы довольно шустрые... видимо, стараются тренироваться. Или же ярость сил придала... надо или заводить их куда-то и отрываться, или же мочить всех. Иначе я приведу их в трактир. Вот тогда будет взаправду плохо».

Он свернул в переулок, ведущий, как он помнил, в трущобы, к крепостной стене, и, сорвав со спины арбалет, пристроил на него болт.

Первый же попавший в поле зрения стражник схлопотал болт в грудь, и это поумерило прыть преследователей — получить в темноте неизвестно откуда прилетевший смертоносный гостинец никому не хочется.

Андрей усмехнулся: «Почему это, интересно, они раньше об этом не подумали? Ведь ясно, что гнаться за стрелком не так уж и безопасно. Увы, стрел больше нет, а потому сваливать надо поскорее, пока они там менжуются за углом. Надо было все-таки штук пять болтов взять, я бы тогда их всех тут положил. Ну да что теперь жалеть... кто знал, что эти идиоты бросятся в темноту за стрелком. Расслабились, видать, на хозяйских харчах, страх потеряли».

Через пятнадцать минут он уже был в своей каморке. Вся операция

заняла гораздо больше времени, чем Андрей планировал, и это его обеспокоило. Такие длительные отлучки могут быть в конце концов замечены, и сложить два и два сможет любой мало-мальски разумный человек.

«Как бы я начал поиски убийцы после этого великого шума? — размышлял Андрей, лежа в кровати. — Я бы пошел по всем трактирам и рынкам, расспрашивал бы всех подряд о чем-то подозрительном, обо всех людях, недавно появившихся в городе. Начал бы с пожара в храме — теперь, после гибели адепта, его уже вряд ли спишут на случайность, значит, будут в первую очередь проверять всех пришлых. Муторная и тяжелая работа? Да ничего подобного. Побольше людей, и они угрозами и силой заставят рассказать обо всем, что происходило последнее время, обо всех подозрительных людях. Тот же конюх точно заложит меня, значит, скоро будут трясти. Утром надо отнести и спрятать у Гнатьева арбалет. И вообще, я слишком привязан к пивной, не пора ли сменить работу? Вот только на что жить? Хотя... есть одна мысль...»

Рано утром Андрей замотал в тряпку арбалет и понес его к Гнатьеву. Шел окольными путями, пройти мимо дома купца не рискнул.

Разбуженный ни свет ни заря Федор долго таращил глаза, ничего не понимая, потом схватил арбалет и утащил в дальнюю комнату со словами: «Подальше положишь, поближе возьмешь!» И ушел досыпать.

Теперь Андрей мог быть спокоен — с убийством его ничто не связывает. Ничто? А то, что его видели при свете из открытой двери трактира гвардейцы? А это ничего не значило — в полутьме, на бегу, при неверном свете что там можно разглядеть? В общем, он успокоился на этот счет.

В трактире было тихо, даже первые постояльцы еще не встали, только на кухне уже начала возиться и громыхать котлами повариха — кто-то же должен накормить завтраком постояльцев. Утреннее время у Андрея было не занято, так что он со спокойной совестью снова улегся спать — ночью удалось поспать только часа два, не больше.

Разбудил его шум — все бегали, суетились, что-то обсуждали... Впрочем, понятно что, убийство адепта не могло пройти незамеченным. Андрей встал, оделся и пошел в обеденный зал, на ходу протирая глаза и зевая.

В зале шло горячее обсуждение — люди размахивали руками, перебегали от стола к столу, спорили до хрипоты. Андрей прошел на кухню, налил себе горячего компота, отрезал шмат от окорока и уселся

завтракать в углу, как обычно наблюдая за происходящим.

— А что ты думаешь по поводу того, кто убил адепта Васка? — подсел к нему Василий. — Тебе как будто неинтересно! Шум такой в городе, а ты спокойно сидишь и лопаешь!

— А что мне, плакать, что ли? Или радоваться? Я видеть-то его никогда не видал, да и не хочу. Ты-то чего так разволновался?

— Хм... не знаю... странно как-то. Уже давно на исчадий никто не нападал, а тут целый адепт! — Василий недоуменно пожал плечами. — Чем кончится, даже не знаю. После того как какой-то грабитель случайно убил на улице исчадие, спьяну перепутав его с менялой, было большое дознание, много людей закончили жизнь на жертвенном алтаре. А тут — целый адепт! Я даже подумать боюсь, чем это закончится!

Андрей с трудом проглотил кусок, вставший в глотке. Об этом он как-то и не подумал, он судил о деле по меркам Земли — убийство, следствие, находят или не находят убийцу, ну и так далее. А чтобы вот такие массовые репрессии... теперь он понял, почему исчадий не убивают — себе дороже. После их гибели начинаются массовые казни, и люди сами сдают преступника, если он до тех пор не будет пойман. Или не явится с повинной... От нехорошего предчувствия у него защемило сердце.

И нехорошее не заставило себя ждать. К обеду город был перекрыт — никого не впускали и не выпускали через городские ворота, пронесся слух, что ждут армейское соединение, чтобы процедить все население города через сито следствия и найти виновного, а армия нужна для силового решения этого мероприятия на случай бунта.

Люди говорили, что вся семья купца, включая любовницу адепта, была заточена в тюрьму. Это и понятно — возле дома купца совершилось убийство, а он вряд ли был рад, что его дочерью забавляется исчадие, возможно, он и организовал акт мести. Ну а если не он, так все равно сгодится для жертвоприношения — не сумел уберечь адепта, пусть отвечает. Несправедливо? Это как посмотреть. Высшая справедливость — интересы Сагана и его приспешников, а остальное чепуха.

Андрей опять задумался: если последствия смерти адепта так страшны, принесут беду множеству людей — зачем ему убивать исчадий? Может, его миссия совсем не в том? А в чем?

Позавтракав, он потащился к Федору. Каждый день они согласно уговору занимались фехтованием на саблях и мечах. Гнатьев был исключительным фехтовальщиком, возможно, одним из самых лучших фехтовальщиков своего времени. Есть люди обычные, они занимаются обыденными вещами — ходят на рынок, работают в мастерской,

обрабатывают поля, но есть люди, которым судьба уготовила иное. Это воины. Их рефлексy гораздо быстрее, чем у остальных людей, — возможно, сигналы по их нервам проходят в несколько раз быстрее. Конечно, многие из таких «мутантов» остаются незамеченными — ну как может проявиться эта способность у зеленщика или кожевника? Но если человек оказался в нужное время в нужном месте, эти способности проявлялись в полном объеме, и тогда возникало что-то феноменальное.

Скорость реакции у Гнатьева была потрясающая — сабля плела в воздухе невероятные кружева, оказываясь в близости от тела Андрея так часто, что он прекрасно понимал: случись настоящий бой с Федором, он бы не выстоял против него и пяти секунд. Стоит заметить, что Андрей и сам был из породы воинов, годы войны и тренировок закалили его и превратили в совершенную машину убийства, но до Федора в фехтовании на длинных клинках ему было очень далеко. Андрей давно уже не встречал людей, которые могли бы ему противостоять на равных, и в рукопашном бою Гнатьев не смог бы устоять против него, но на саблях... на саблях тот был царь и бог.

Сегодня они около часа изучали связки, переходы и стойки, потом столько же времени бились в спарринге, где Федор наставил Андрею синяков, приговаривая: «Ничего, ничего — зато, может, жив останешься, если что!» Потренировавшись, они уселись за стол пить чай.

Федор отхлебнул из глиняной выщербленной чашки, прищурился, глядя на Андрея, и сказал:

— Что сегодня ночью-то сотворил?

— Я адепта завалил.

Федор поперхнулся, долго кашлял, вытирая глаза, и потом сиплым голосом наконец выговорил:

— Ты понимаешь, что натворил? Теперь весь город на уши поставят!

— Ну и поставят... не найдут. Никто не знает, что это я... кроме тебя.

— Намекаешь, что только я могу разболтать? Нет, я не разболтаю. А вот ты наивно думаешь, что кто-то будет вести расследование, искать виновного путем умозаключений. Ничего такого не будет. Будет все очень плохо. Сюда пригонят войско, обложат город и вырежут всех. Если не всех, то большинство. И будут резать до тех пор, пока виновник не найдется или пока не назначат такового. Вот так, Андрей.

Он недоверчиво посмотрел на Федора — неужели это реальный сценарий? И тут же внутренний голос ему сказал: «Реально. Ты забыл, что находишься не на Земле, где правоохрaнительные органы хотя бы пытаются изобразить видимость расследования, придерживаясь, хоть и

формально, каких-то законов. В этом мире такого нет, что хотят, то и сотворят. Вспомни только Влада Цепеша, он же граф Дракула — целыми селениями на кол сажал. Ох, что-то будет...»

В трактир он возвращался озабоченный и угрюмый, автоматически отмечая все, что происходит на улицах. Народ попрятался по щелям, город будто вымер, ожидая неприятностей.

Так продолжалось неделю. Посещаемость трактира упала в разы — посетителей почти не было, не было приезжих, которые снимали комнаты и выпивали, не было купцов и мастеровых, заходящих после рабочего дня промочить горло кружкой пива.

Хозяин трактира страшно ругался, призывая кары на голову неизвестного убийцы, персонал его поддерживал — они лишились чаевых, и вообще их жалованье было под угрозой, ведь оно зависело от выручки.

Через неделю в город вошли регулярные войска. Солдаты маршировали по улицам, поглядывая на горожан свысока и презрительно — ведь человеку всегда нужен повод, чтобы убить кого-то, кто не сделал ему ничего плохого. Например — он неправильно думает, неправильно выглядит, и вообще не имеет права жить, так как у него другая вера и убеждения. По лицам солдат, закованных в тяжелые кольчуги, наручи, поножи, струился пот, оставляя дорожки на лицах от пыли, осевшей за время многодневного перехода.

Полный плохих предчувствий Андрей, стоя в дверях трактира, с горечью и волнением смотрел на проходящий мимо строй.

Ближе к вечеру, уже через час после прибытия воинских частей, началось то, ради чего их сюда прислали. Всех жителей города выдворяли из их домов, попутно прихватывая в карманы все, что «плохо лежало», и сгоняли на городскую площадь.

Раньше большая часть этой площади была занята навесами и прилавками торговцев, но теперь все было сломано и бесформенной кучей громоздилось возле стены одного из домов. Площадь вмещала тысяч двадцать человек, а если их набить как селедок, вплотную, чтобы было не продохнуть, то и больше.

Андрей оказался в первых рядах согнанных людей, так как трактир стоял ближе к площади, а потому одним из первых попал под раздачу — солдаты ворвались внутрь и древками копий выгнали всех, даже не позволив поварихе снять с огня кастрюли. Матрена причитала всю дорогу до площади, переживая, что еестряпня сгорит. Андрею тоже досталось древком между лопаток, позвоночник ощутимо болел, и очень хотелось свернуть башку ретивому солдафону, он еле сдержался. Повар Василий

заметил это и прошипел сквозь зубы:

— Не вздумай! Убьют всех! Терпи.

И Андрей терпел. Хотя терпеть было очень, очень трудно: первыми вывели семью купца.

Впереди шла молоденькая любовница адепта — она была сильно избита, и это легко было заметить, так как девушка шла абсолютно голой. Обнаженными были и ее мать, отец, братья — два мальчика, похоже, что близнецы, и сестра, девочка лет десяти. Они рыдали, а спины в кровь были иссечены то ли плетью, то ли кнутами.

Андрей скрипнул зубами. «Смотри, смотри — вот оно, царство Сатаны, вот его правосудие и его милость! Может, меня в наказание Господь сослал в это царство дьявола? Может, это ад? Ну как люди могут делать это, а еще — спокойно смотреть на это!»

Но это было только начало. Вперед выступил адепт исчадий, видимо приехавший для разбирательства, и зычным голосом объявил:

— Этот город провинился. В нем скрывается преступник, лишивший жизни адепта Сагана. Мы накажем вас за это! Мы будем приносить в жертву на алтаре всех подряд — пока или преступник не объявится, или же мы не уничтожим всех жителей города и все равно этим самым убьем этого человека, находящегося среди преступных жителей! А начнем мы с семьи, которая не уберегла своего благодетеля, и, возможно, эти люди участвовали в заговоре против исчадий! Нашему Господину угодны человеческие жертвы, Он будет доволен! — Отойдя в сторону, он кивнул местному исчадию, видимо распорядителю мероприятия: — Начинайте.

Двое исчадий схватили плачущую девушку и волоком потащили ее к жертвенному алтарю, представлявшему собой небольшой, сантиметров семьдесят в высоту помост, на котором располагалось что-то вроде плахи. Девушку повалили на нее спиной, выгнув дугой так, что ее туловище оказалось на плахе, пятки на помосте, а голова почти коснулась досок пола. Исчадие в красно-коричневом одеянии подошел к ней и стал завывать диким голосом, взывая к своему Господину:

— О-о-о Саган! О-о-о Господин! Мы приносим тебе жертву, это молодое сердце! О-о-о Саган!..

Андрей замер, и его сердце заглохло — он не ожидал столь страшного результата своего поступка, не понимал, чем это могло кончиться, и сейчас он не знал, что ему делать, как остановить эту вакханалию смерти. Единственный способ был...

— Стойте! Остановитесь! — крикнул он, прервав завывания исчадия. — Это я сделал! Я убил Васка!

Толпа в ужасе отхлынула, и вокруг него образовалось свободное пространство метров пяти в диаметре — все глядели на него, как будто он чумной или прокаженный. Все, с кем он работал в трактире, все, чужие и знакомые, испуганно отшатнулись от него. Немудрено — теперь он был опаснее гремучей змеи: а вдруг скажет, что они были с ним? Вдруг под пыткой припомнит, кто был его другом? Смерть страшная и неминуемая.

Андрей вышел вперед и крикнул:

— Хватит зверства, сволочи! Я пристрелил вашего хренова Васка!

Адепт сделал навстречу ему пару шагов — он удовлетворенно улыбался:

— Что, у нас герой объявился? Решил спасти девку, жалко стало? Или правда ты убил и никто иной? И чем же ты его убил?

— Из арбалета, когда он выходил из дома купца.

— А зачем ты его убил? Что он тебе сделал?

Андрей достал из-под рубашки крестик и размашисто перекрестился.

— Я вас ненавижу! Вас надо уничтожать, как бешеных собак!

Адепт еще более довольнo усмехнулся:

— Теперь ясно. Взять этого боголюбa!

Не дожидаясь, когда его схватят гвардейцы, расслабленно стоящие перед адептом, Андрей сделал невероятный рывок вперед, рассчитывая успеть перед смертью удавить еще одного поганца-адепта, сбил с ног двух гвардейцев, уже почти дотянулся до улыбающегося исчадия, когда сзади на него обрушился тяжелый удар — видимо, плоскостью меча, — и он оказался на земле.

Он еще тянулся к адепту, когда не него обрушились удары со всех сторон — били ногами, руками, пинали так, что он почувствовал, как у него хрустнули ребра. Он схватил чью-то ногу, повалил ее владельца и вцепился ему в горло зубами, разрывая гортань, как дикий зверь. Жертва заверещала, потом забулькала кровью и задержалась под ним. Еще несколько сильных ударов почти выключили монаха, и только он подумал: «Забьют до смерти, хоть без пыток обойдется», как адепт крикнул:

— Не трогать его больше! Связать, привязать к столбу, мы потом допросим, кто такой и откуда взялся.

Андрей пришел в себя от боли в запястьях и обнаружил, что привязан к столбу. Грубая толстая веревка врезалась в кожу, голова у него кружилась, тело саднило от побоев. Когда туман в глазах развеялся, Андрей увидел, что практически ничего не изменилось — девчонка как лежала, так и лежит на плахе, ее семья так и стоит в ожидании казни, а адепт что-то вещает с возвышения. Прислушался.

— Мы выявили этого боголюб, покусившегося на жизнь адепта Васка, ему предстоит умереть на жертвенном алтаре в Праздник жертвы или закончить жизнь на арене Круга, а сейчас мы увидим, как приносят в жертву пособников боголюб! Это с их помощью боголюб смог убить адепта Васка! И пусть все запомнят, чем заканчивают те, кто идет против служителей Сагана!

Андрей закашлялся, выплюнул сгусток крови и хрипло крикнул:

— Эй ты, тварь! Отпусти невинных! Ты же получил то, что хотел! Я убил вашего хренова Васка, зачем тебе жизнь этих людей?!

— Зачем? — усмехнулся, подойдя ближе, адепт. — Ну как зачем? Вот пусть все, кто замышляет против исчадий, видят, что бывает после того, как они совершат преступление. Невинны, говоришь? А нет невинных. Все виноваты. Их души нужны нашему Великому Господину, и ты дал повод их забрать. И теперь оставшееся до смерти время мучайся, что ты стал причиной гибели такой прелестной девушки. Гляди, какая сладенькая... была!

Адепт выдернул из складок своего плаща небольшой кривой, как серп, нож и воткнул его в подреберье отчаянно закричавшей девушке. Она сразу обмякла, потеряв сознание, а адепт распорол ее поперек, сунул в разрез руку, с усилием рванул что-то и вытащил из грудной клетки еще сокращающийся красный комок — сердце. Он с торжеством поднял его над головой и прокричал:

— Прими в жертву это сердце, Саган!

Он бросил красный комок на помост, сердце мокро шлепнулось на грязные доски и еще продолжало вздрагивать, потом сокращения стали слабее, слабее... и наконец затихли.

Тело несчастной подняли за руки и ноги и, как тушу убитой свиньи, сбросили к подножию помоста, в пыль.

— Давайте следующего! — крикнул возбужденный адепт. Его глаза блестели, он поднял руки вверх и слизнул с обнажившегося локтя каплю крови длинным, как у змеи, языком.

Следующим был мальчишка, брат убитой девушки, он тонко кричал и плакал... потом младшая сестра... потом все слилось в вереницу мертвых тел и вырванных из них красных комков.

Андрей сейчас хотел умереть, но гораздо сильнее в нем было желание убить эту мерзкую тварь, наслаждавшуюся убийствами. Он дал себе зарок, что, если выживет, все равно найдет этого урода и убьет его страшно и мучительно. И еще решил — он пройдет через все испытания, только бы достать этого гада и его приспешников, ведь не зря же забросил его сюда

Господь, не для того, чтобы он погиб так глупо и бесполезно? Ну не может же быть такого! Впрочем, заключенные фашистских концлагерей тоже думали, что такого быть не может и что все закончится хорошо...

После окончания обряда жертвоприношения всех согнанных на площадь отпустили, и они рассосались по своим домам, подавленные и тихие, видимо, под впечатлением от зрелища. Горожане вполголоса обсуждали этого боголюбца, по милости которого погибла вся семья купца, и желали ему мучительной смерти, более мучительной, чем та, которая настигла несчастных жертв.

Многие сходились на том, что хорошо бы, если бы его отправили на Круг — скоро праздник, зрелищ тоже хочется. Давненько боголюбов не ловили, уже и забыли, когда в последний раз собирались у арены посмотреть, как их убивают бойцы.

Андрея отвязали от столба и на телеге повезли по улицам города в тюрьму. Прохожие и люди из окон домов кидали в него огрызками и нечистотами — одна пожилая дама умудрилась со второго этажа своего дома ловко облить его из ночного горшка, и теперь он благоухал застарелой мочой и дерьмом. Вот в таком виде он и попал в камеру городской тюрьмы.

В этой камере содержались все, кого ловили на улице — воры, убийцы, боголюбы и просто те, на кого показали как на преступников, угрожающих устоям государства и религии Сагана.

Уголовники, конечно, были в привилегированном положении — за них могли внести выкуп сообщники, или они могли договориться со стражей о том, что окажут им какую-то услугу, — они были в тюрьме как короли.

Камера представляла собой полутемное огромное помещение, в котором одновременно могло содержаться до двух сотен заключенных. Впрочем, «содержаться» — громко сказано. Все, что было тут из удобств, это огромные деревянные параша в дальнем углу, в которые справляли нужду сидельцы. Вместо нар полусгнившая солома, кишевшая насекомыми. По углам бегали крысы, за которыми от скуки и с голодухи охотились заключенные.

Андрея втокнули в камеру, пнув в поясницу так, что у него потемнело в глазах. Он упал на мерзкую солому, потом с трудом поднялся на четвереньки. Встал и пошел разыскивать угол, в котором можно пристроиться и собраться с силами. Андрей знал, что ему придется очень туго в этом заведении, и сразу пытался определить стиль поведения и разработать план того, как ему тут выжить. В том, что это будет непросто, он не сомневался.

Найдя свободный клочок пола, он сел, опершись спиной о холодную

стену, и замер, притянув колени к груди. Все тело болело, как минимум два ребра были сломаны или треснуты, засохшая кровь из рассеченной брови залепила глаз. «Крепко досталось, — подумал он, — но бывало и хуже. С перебитой ногой полз три километра, как Маресьев, и ничего, выжил. Главное — живой. Даст бог, еще воздам им по заслугам».

С этими мыслями он забылся тяжелым сном — организм требовал восстановления после физической и, главное, психологической травмы. Быть непосредственным участником жертвоприношения, да еще косвенным его виновником — это кого хочешь сломит. Ну сломить это его не сломило, но потрясло основательно.

Проснулся он от того, что кто-то тряс его за плечо.

— Парень, не сиди на голом камне! Чахотку заработаешь враз! Здесь камни вытягивают здоровье. Подстели под себя солому и к стенке не приваливайся.

Он открыл глаза и увидел перед собой мужчину лет пятидесяти, похожего на пасечника, с грязной полуседой бородой.

— Очнулся? Давай переползай на солому, слышал, что я тебе говорю? Давай-давай, ползи.

Андрей недоверчиво посмотрел на мужчину — не то место, чтобы кто-то о ком-то бескорыстно заботился, но не обнаружил подвоха и, поднявшись, скривив рот в болезненной гримасе, подошел к мужчине и сел рядом на охапку соломы.

— Ну что, давай знакомиться? Меня звать Марк, а тебя как?

— Я Андрей.

— Ты за что сюда попал? Нет, не хочешь — не отвечай, думаешь, меня специально к тебе подсадили, чтобы что-то вызнать? Нет, братец, — Марк усмехнулся, — им не надо ничего признавать. Все тут, кроме уголовных, жертвы для алтаря. Вот уголовные могут выйти отсюда на волю, а мы нет — только ногами вперед или на алтарь.

— А откуда ты знаешь, может, я уголовный? — прокашлявшись и сплюнув, хмуро сказал Андрей.

— Видать, крепко тебя по башке приложили, — улыбнулся Марк. — Ты крестик-то свой спрячь. Никакой уголовный не будет таскать крест на шее. Ты типичный боголюб. Впрочем, я такой же, как ты. Не совсем такой, конечно, — поправился он, — крестик не ношу, это ты такой отчаянный, я простой купец, который сдуру попал под раздачу — искали кого-то для жертвы на алтарь, ну не местного же брать, взяли чужого купца, меня то есть, отобрали товары, а меня в тюрьму. Я уже год тут сижу.

— Как год? — не поверил Андрей. — Ведь тебя должны были давно

уже в расход пустить! Что-то не стыкуется у тебя...

— Забыли про меня, — усмехнулся Марк, — а я как-то и не тороплюсь на свидание с Саганом. Кормлю тут вшей, жру баланду и жду, когда подохну тихо, расчесав укусы вшей. Впрочем, скоро, видать, и мне конец — на днях обещали сделать чистку, на Праздник жертвы всех, кто к тому времени останется в тюрьме, на Круг пустят. Последние игры были год назад — боголюбов не так просто наловить, а народ требует зрелищ. Вот нас и поубивают во славу Сагана. Вообще-то после года в этой дыре мне и самому хочется, чтобы все быстрее кончилось. Скоро насекомые уже под кожей заведутся. Тут недавно один захрипел, упал на пол, пену пустил, а из его рта черви полезли. Размножились, видать, после того как сожрал какую-то гадость — то ли из крысы паразиты перешли, то ли баланду не проварили как следует, — вот и сожрали его изнутри. Вот так вот и живем.

— А сколько тут боголюбов?

— А все! — засмеялся Марк, показывая остатки зубов — целыми у него были только два передних зуба, остальные то ли выпали, то ли выбили. — Все, за кого не дали выкуп, объявляются боголюбами, со всеми вытекающими последствиями. — Он перехватил взгляд Андрея, поморщился. — Выпали зубы. Нет овощей свежих. Десны кровоточат, и зубы выпадают... Посидишь с полгода — то же самое будет.

— Не посижу. Меня раньше вытащат, гарантия. Я адепта убил. Уж про меня-то не забудут...

— Ты?! А адепта?! Силен! — восхитился Марк. — Тебе хоть не так обидно сидеть, есть что вспомнить, а я по-глупому попал... лучше бы прибил кого-нибудь из исчадий, чем вот так, по-дурацки. Ты давай поспи. Не бойся, если что, я разбужу. Кормежка будет только утром, так что особо ждать нечего. Если уголовные прилезут, я тебя толкну. Меня били несколько раз, но отстали потом — чего толку меня бить, когда взять нечего. Ну спи, спи. Заговорил я тебя.

Андрей закрыл глаза и через несколько минут уже спал, не обращая внимания на вонь в камере, на укусы насекомых и колючие соломинки. Ночью он метался — болело избитое тело, поднялась температура и в голове болело и гроыхало, как будто в ней ездил танковый взвод. Но он заставил себя спать — сейчас важнее всего был отдых.

— Вставай, вставай! Сейчас баланду принесут! — Кто-то толкнул его в плечо.

Андрей проснулся — нет, это был не кошмар. Все так и есть, как ему привиделось — ритуальные казни, тюрьма с насекомыми и безнадега впереди. Безнадега ли? Пока живу — надеюсь! Андрей не помнил, где

услышал или прочитал эту пословицу, что-то латинское, что ли... но в ней была суть того, как он намеревался жить дальше. Кроме надежды, ему ничего не оставалось.

Он пошел к решетке, перекрывающей проход на волю, — там стояли несколько котлов на колесиках, из которых черпали какую-то темную жидкость и выливали в глиняные чашки. Андрей получил свою порцию дурно пахнущего варева с куском похожего на глину хлеба и уселся у стены, задумчиво отхлебывая баланду через край чашки — надо было восстанавливать силы, а какая бы ни была баланда, некоторое число калорий в ней присутствовало. Дохлебав, он дожевал хлеб, пошел к решетке и выставил чашку в коридор — так делали все заключенные. Тут же стояли кружки и бачки с водой — каждый подходил и черпал воды столько, сколько ему было надо. «Вот и весь завтрак, — подумал Андрей. — На такой еде я долго не протяну, ослабею... Но мне это точно не грозит. Раньше чем ослабею, прикончат, гарантия».

Он вернулся в угол к Марку и снова погрузился в забытие.

Марк что-то рассказывал ему, Андрей автоматически отвечал — сам не особо осознавая, что именно — так, на бытовые темы какие-то, потом оба замолчали.

Андрей обдумывал существование: «Почему меня не вытаскивают на допрос? Забыли? Не верю. Доводят до кондиции? Чтобы осознал ужас положения? Чтобы сломить? А почему я думаю, что им так уж надо меня допросить? Может, им неинтересно — ну убил, одним боголюбом больше, одним меньше. Я все время пытаюсь представить то, о чем они думают, и ошибаюсь. Они мыслят совсем по-другому, и пока не научусь мыслить, как они, я не смогу предугадать их ходы. Ну, например, с моей точки зрения, я совершил страшное деяние — убил их адепта, и они должны мстить мне. Они так и сделали — принесли в жертву семью купца. Только вот посыл неверный — они не мстили. Они использовали ситуацию, чтобы совершить очередное жертвоприношение, а не мстили за адепта, и еще они таким образом предупреждали подобные нападения на них самих, исчадий, показывали — вот что с вами будет, если вы... А сам адепт был им неинтересен — он допустил, чтобы его убили, значит, был идиотом и не заслуживает жалости. На его место поднимется кто-то из исчадий рангом ниже, вот и все. Ага, вот уже у меня что-то получается — я должен их *понять*, иначе бороться с ними не смогу. Итак — меня кинули в тюрьму, абсолютно не интересуясь, как и почему я убил адепта. Впрочем, они прекрасно знают как. А почему... да не все ли равно? Практически каждый житель этого города может иметь повод убить исчадие, а тут вообще

пленный оказался боголюбом, исконным врагом адептов Сагана. И что из всего этого следует? Или жертвенный камень, или Круг. Для меня в любом случае это закончится дурно...»

Андрей забылся тревожным сном, но не прошло и полчаса, как его разбудил неугомонный Марк:

— Андрей, проснись, неприятности!

— В чем дело? — Андрей проснулся сразу, как будто и не спал.

Открыв глаза, он обнаружил перед собой пятерых мужчин лет тридцати — сорока. Один из них, высокий, рыжий, видимо главарь, внимательно смотрел в лицо Андрею, как будто разглядывал булыжник или бугор земли.

— Ты боголюб, который убил Васка?

— Я. И что? — Андрей подобрался, готовый к любым событиям.

— У нас на тебя заказ, — равнодушно пояснил рыжий, — через три дня Круг, а до тех пор мы должны превратить твою жизнь в кошмар. Ничего личного, но нас выпустят, если тебе тут будет очень плохо. Так что готовься — ты будешь нас удовлетворять по очереди как женщина, прислуживать нам, а если постараться, мы тебя не будем сильно бить... так, слегка, чтобы следы было видно. Иначе не поверят, что тебя тут мучили. Вставай, пошли с нами, в наш угол.

Андрей медленно поднялся, прикидывая свои шансы, и счел, что они довольно велики, — главное, чтобы у него было время поспать, без сна он погибнет.

Всем видом изображая смирение и отчаяние, он приблизился к рыжему, держа руки опущенными и расслабленными... Через долю секунды уголовник лежал на полу камеры, подергивая ногами и фонтанируя кровью из разорванного горла — Андрей вырвал ему кадык, присовокупив: «Ничего личного!» Двух других уголовников он встретил двумя резкими ударами, вогнав одному переносицу в череп, а второму выбил глаз сложенными пальцами. На оставшихся он напал, не дожидаясь, когда они на него прыгнут — одному перебил горло ребром ладони, другого отправил в нокаут ударом в солнечное сплетение. Затем свернул всем пятерым шеи и по очереди оттащил трупы в центр камеры, убрав, как мусор, из своего угла. Заключение, ставшие свидетелями расправы, шарахались от него, как от бешеной собаки, но он не обратил на это никакого внимания. Андрей сделал то, что должен был, и то, что умел лучше всего на свете, — убил людей.

Вернувшись в свой угол, он попросил ошеломленного Марка:

— Если кто-то приблизится ко мне, вот как они, предупреди меня,

ладно?

— Хорошо, Андрей, конечно. — Марк с опаской посмотрел на него. — Не беспокойся, сразу толкну, спи.

В последующие три дня было еще два нападения — уже с подручными средствами.

У двоих сидельцев нашлись ножи, так что теперь у Андрея было два ножа — плохонькие, дерьмового металла, но все-таки ножи. Ему пришлось спрятать их под солому — стража, видимо наблюдавшая за попытками уголовников расправиться с боголюбом, вытаскивала трупы из камеры и обыскивала Андрея на предмет оружия.

Интересно, что они хотя действовали решительно и энергично в поисках оружия, но бить его не били, и вообще с пониманием отнеслись к тому, как он защищал свою жизнь. Видно было, что его сопротивление уголовным ублюдкам вызывает у них уважение и даже восхищение боевым умением. Впрочем, это не мешало им во время обыска держать его на прицеле арбалетов — так, на всякий случай. После третьей попытки больше желающих унизить его или покалечить не нашлось. Видимо, как ни хотелось кое-кому выйти на свободу за его счет, инстинкт самосохранения возобладавал. Время от времени заключенных забирали из камеры — кто-то возвращался избитый, иногда кого-то притаскивали без сознания, но бывало, что люди не возвращались — их то ли отпускали за выкуп, то ли убивали или приносили в жертву. Вот только Андрея никто не вызывал, никто не трогал — про него будто забыли.

Вечером третьего дня Марк сказал:

— Завтра Круг. Никого не останется в живых. Ну почти никого.

— А что, нет возможности как-то выжить на Кругу? Неужели никого никогда не отпускают? Зачем вообще Круг? Если на нем нельзя выжить — кто будет сопротивляться? Все равно умирать...

Марк усмехнулся:

— Круг создан для того, чтобы усладить взоры исчадий и толпы. Якобы каждому попавшему туда дается шанс сохранить жизнь, если он убьет всех бойцов Круга. Тогда его торжественно отпускают, оглашая это во всеуслышание.

— И что, такие случаи были? — поинтересовался Андрей. — Ты видел такое когда-нибудь?

— Ну начнем с того, что видеть я этого никак не мог — я считаю подобные зрелища варварством и никогда на них не ходил. Не понимаю, как можно глазеть на то, как убивают несчастных, объявленных боголюбам, или же тех, кто пошел против воли исчадий — женщин, детей,

мужчин. Отвратительно! Слышать про то, что кто-то все-таки ушел от наказания на Круге живым, я слышал. Очень давно. Подробностей не знаю, но слышал. Вот только мне это кажется невозможным, это все специально распускаемые исчадиями слухи, дающие несбыточную надежду отчаявшимся людям. Ну сам представь, против тебя выходит воин в боевом вооружении — кольчуга, сабля, шлем, — а ты с голыми руками. Есть шансы убить такого противника? А ведь их больше десятка! Обычно на арену Круга выпускают сразу несколько десятков приговоренных, а на них спускают больше десятка вооруженных бойцов Круга. Кровь льется рекой. Мне даже говорить об этом противно, — Марк сплюнул, — это чистая бойня. Кстати, как так оказалось, что ты, будучи взрослым мужиком, ничего не знаешь о Круге? И откуда тебе известны такие хитрые приемы убийства людей? Нет-нет, не хочешь, не отвечай! Я не выпрашиваю у тебя ничего, просто интересно. Если ты пришел откуда-то из глубинки и ничего не знаешь о Круге — откуда знание боевых искусств? Ну ладно, ладно, не отвечай. Я ни о чем не спрашивал.

Андрей отвел от лица купца тяжелый взгляд, кивнул — да, ни о чем не спрашивал, а я ничего не слышал, — и закрыл глаза.

«Может, и правда есть возможность выбраться? — размышлял он. — На арене я буду свободен и, если приложу все умение, может, и выживу? Шанс крохотный и иллюзорный, но все-таки — а вдруг? Завтрашний день покажет...»

Ночь прошла тяжело, впрочем, как и все ночи в тюрьме. Кто-то стонал, кто-то кашлял, стоял смрад нечистых тел, нечистот из параш, пота, гнилых тряпок и соломы. Андрей недоумевал — как Марк умудрился целый год провести в такой атмосфере и выжить? Однако скоро его заняли другие мысли, мысли о будущем — если оно, конечно, будет. Если он выйдет из заключения, куда он денется? В этом городе ему не жить, это точно. Куда идти? Андрей усмехнулся — строит планы, как будто уже свободен. Надо вначале выйти из тюрьмы, а там видно будет. С тем он и уснул.

На рассвете загромыхали замки, загремели решетки, и в камеру вошел отряд воинов в тяжелом вооружении.

— Всем встать! Пора на Круг, умирать! Хватит отдыхать и наедать брюхо, бездельники!

— Наешь тут у вас! — крикнул кто-то из толпы угрюмых заключенных. — Три дня с параша не слазил, несло! Сами бы попробовали вашу хренову баланду, твари!

— Поговори мне еще! — нахмурился начальник стражи. — До Круга не успеешь добраться! Кишки выпущу!

— Не выпустишь! Вам же зрелищ надо, исчадиям не понравится, если ты нас перебьешь!

— Перебить не перебую. А вот покалечить — запросто! — жестко сказал стражник. — Быстро все на выход и грузиться в фургоны! Кто будет мешкать, получит копьем в зад. Сдохнете не скоро, но помучаетесь всласть. Пошевеливайтесь, твари!

Заклоченных группами загоняли в дощатые фургоны так плотно, что можно было только стоять, прижавшись друг к другу. Даже дышать было трудно, так как деревянные «кормушки» на стенках фургонов были закрыты наглухо.

Андрей не страдал клаустрофобией, но и ему было тяжело торчать в этом темном душном гробу, упершись носом в затылок одного из товарищей по несчастью. Хорошо еще, что ехали они недолго, и это мучение закончилось довольно быстро — из фургонов их перегнали в отдельные камеры под ареной Круга. В каждый фургон влезло человек по пятьдесят, камеры были предназначены как раз на такое количество людей.

Через полчаса после того, как они оказались в камере, появились люди с котлами на колесах — они стали раздавать завтрак, как ни странно, оказавшийся вполне приличным — каша с мясом, хлеб, компот. Видимо, как последняя милость идущим на казнь, а может — чтобы продлить удовольствие от зрелища, сытый будет подольше сопротивляться. Андрей склонялся ко второму — жалости у исчадий он как-то не заметил.

Марк, который с удовольствием вычищал чашку с кашей, посмотрел на него и грустно улыбнулся.

— Хоть напоследок нормальной еды поесть. Андрей, у меня к тебе просьба. Если выживешь, исполни, пожалуйста, ладно?

— Если выживу? — усмехнулся Андрей. — Если выживу, выполню. Если только это не какая-то неприличная просьба.

— Нет, ничего неприличного. В городе Анкарре государства Балрон у меня есть дочь Антана, ей, когда я уезжал торговать, было семнадцать лет. Теперь уже восемнадцать... — Купец потупился и смахнул с глаз влагу. — Найди ее, скажи, что я ее очень любил, и помоги ей чем сможешь, прошу тебя.

— Интересно, а почему ты не послал ей письмо, чтобы за тебя внесли выкуп? — удивился Андрей. — Насколько я знаю, исчадия с удовольствием отпускают за деньги!

— Нет у нее денег на выкуп. Я вложил в это путешествие всем, что у меня было, и все потерял... не надо было связываться с исчадиями, а я рискнул, хоть меня и отговаривали. Позарился на хорошую прибыль и

лишился всего. Она это время должна была жить на то, что я ей оставил. Что будет дальше, я не знаю. Если только хорошего жениха найдет... Вот только сомневаюсь — кому она нужна, нищая. Мать ее умерла при родах, а я больше не женился. Ну так поможешь?

— Выживу — найду твою Антану. Вот только еще выжить надо, пока не знаю как.

— Если кто тут и выживет, так это ты, я видел, как ты дерешься, а как выжить — это мы сейчас узнаем, — грустно добавил Марк, глядя на шагающий по коридору отряд стражников. — Вон, сторожевые псы идут по нашу душу. Давай попрощаемся, что ли... помни о моей просьбе.

ГЛАВА 5

В решетке, отделяющей камеру от коридора, распахнулась дверь, отряд стражников, человек сорок, выстроился двумя стальными шеренгами, образуя проход. Все солдаты стояли на изготовку, с обнаженным оружием, а значит, никаких шансов сбежать или напасть на них у заключенных не было. Это Андрей понял с первого взгляда и расслабился — все еще впереди, еще не вечер. Командир отряда глухо крикнул из-под опущенного забрала:

— Все на выход! Пора умирать!

Узники медленно и обреченно потянулись из камеры мимо стражников по длинному полутемному коридору, в который еле-еле проникал свет из узких оконцев вверх стены. В коридоре пахло прогорклым дымом от факелов, и потом заключенных, теснившихся в проходе.

Вскоре заключенные свернули налево и оказались у большой железной двери высотой метра три, перекрывавшей арочный проход. Перед дверью стояли два мускулистых здоровяка, по пояс голые, в длинных кожаных передниках — вероятно, служащие Круга и по совместительству палачи.

У двери пришлось постоять минут пятнадцать, пока снаружи не пропели трубы, лишь после этого парочка в кожаных фартуках тяжело, с напряжением открыли створки, и в проход хлынул солнечный свет, заставивший зажмуриться идущих на смерть.

Стражники сзади стали древками копий и мечами подталкивать заключенных, и те нестройной группой вывалились на арену Круга.

Андрей видел это все на картинках и в кино — ряды амфитеатра, орущую толпу, трибуну для элиты... Узники сгруппировались в центре огромной, практически размером с футбольное поле арены. Андрей внимательно осмотрелся — похоже, это и есть стадион, только древний, никакой рекламы и травяного покрытия. Он усмехнулся — в такую минуту думать о рекламе... вот же приучили видеть на стадионах эти дурацкие рекламные плакаты. Хорошо хоть перед смертью в глаза не бросится назойливая реклама кроссовок или спортивных костюмов.

В соседней группе Андрей с горечью обнаружил женщин, и самое главное — детей. Дети были всех возрастов, от младенцев до подростков, видимо, их забрали вместе с матерями. Он вспомнил рассказ Петьки-вышибалы, как тот работал бойцом Круга и убивал женщин и детей, слушать это было мерзко, а уж видеть — совсем жутко.

Андрей постарался выбросить из головы все посторонние мысли. Ему надо выжить, а все остальное потом — жалость, переживания, страх и ненависть.

Он внимательно осмотрел узников — можно ли организовать из них хоть какое-то подобие воинской группы, и с сожалением понял — нет. Это были абсолютно гражданские люди, многие измождены содержанием в мерзкой тюрьме, а те, кто покрепче, больше чем в детских драках не участвовали. Значит, рассчитывать надо только на себя и очень быстро соображать и действовать — пока бойцы Круга расправляются с остальными потенциальными покойниками, бить их в спину, завладеть оружием и попытаться уничтожить всех. Задача непомерно сложная, но возможная.

«Все-таки нужно попробовать как-то организовать этих олухов», — подумал он и громко сказал:

— Слушайте меня все! Шанс убить хотя бы нескольких уродов у нас есть, хоть умрем с честью и заберем с собой несколько негодяев! Держитесь кучно, не разбегайтесь по арене, не набрасывайтесь на бойцов по одному, а только по четверо-пятеро, они не успеют всех сразу убить! Валите их на землю, душите, грызите, рвите — мы успеем убить многих, если не струсите! И не кидайтесь защищать женщин и детей — это бесполезно, а они того и ждут, чтобы вы разбежались и погибли на радость толпе! Бросайтесь группами, стаями, как волки, и вы отомстите за гибель родных!

Мужчины слушали его обреченно, но он видел, как их руки сжимались в кулаки. Если даже добродушную дворовую собачонку загнать в угол, она начнет кидаться и кусаться, а этих несчастных довели до полного отчаяния, терять им нечего.

Андрей погладил рукоятку ножа, который примотал к подмышке куском ткани, оторванным от подола нательной рубахи.

Несколько заключенных побежали к женщинам и детям — видно было, как они прощались с близкими, обнимались и рыдали, понимая, что видят друг друга в последний раз. Они не вернулись к общей группе мужчин, и Андрей их не осуждал — ну кто может осудить человека за то, что он пытается защитить свою семью, ценой собственной жизни продлив их жизнь хотя бы на минуту...

Снова заиграли трубы — теперь они ревели низко, утробно, как будто трубил слон. Открылись двери с противоположной стороны арены, и из них вышли десять вооруженных мужчин. Андрей впился в них глазами, прикидывая свои шансы на выживание.

«Высокие, раскормленные, накачанные — отметил он, — значит, скорость не очень велика. Будут делать упор на силу. Вооружение — прямой меч, кинжал. Щита нет, уже хорошо. Шлем, кожаная безрукавка с нашитыми на груди пластинами... ну правильно — зачем тяжелое вооружение, когда им противостоят безоружные люди, тут сгодится одеяние не воина, а мясника, чтобы резать, рубить, колоть практически безнаказанно. Ну что ж, вы сами хотели. Мы еще поборемся...»

Бойцы выстроились в ряд и пошли на заключенных, а те стали отступать к группе женщин и детей. «Что же, в этом есть резон, — подумал Андрей и последовал их примеру. — Возле женщин биться будут отчаяннее, да и те семь человек, что ушли к своим, будут уже в группе».

— Слушайте все! — крикнул он. — Наваливайтесь на них, как подойдут близко, и вырывайте оружие, вооружайтесь и бейте их!

«Повторяюсь — но лучше повториться, взбодрить их, чтобы не резали как овечек. Чем больше бойцов они убьют, тем легче мне будет убивать остальных, тем меньше их останется по мою душу», — подумал он.

Андрей достал из-под мышки нож и опустил его в рукав, держа за рукоять. Он был готов.

Бойцы разделились на две группы и начали обходить сгрудившихся в кучу людей с флангов, видимо желая начать с самых безопасных жертв — женщин и детей.

Андрей понял, почему они идут на слабых — если убить семьи, то противники уже не будут так отчаянно защищаться. Что ни говори, а мужчин-заключенных было около пятидесяти человек — если набросятся все разом, могут и затоптать, поэтому бойцы осторожничали и были готовы в любую минуту отпрыгнуть в сторону. Не зря этих подонков было всего десять — это якобы уравнивало шансы и позволяло кому-нибудь из заключенных убить своего противника, а ведь зрелище интереснее, если оно более разнообразно. Убийство бойца заключенными тоже интересное зрелище.

На самом же деле шанс победить бойцов Круга у заключенных был минимален — бойцы обучены действовать против групп противника, они тренированы и сильны, а самое главное — в руках у них метровые мечи и тридцатисантиметровые кинжалы. Только глупец мог рассчитывать победить такого противника... или очень умелый человек.

Бойцы как по команде кинулись на заключенных под рев и визг трибун.

Первые же удары выкосили человек десять — упали несколько женщин и трое мужчин, а также два ребенка. Заключенные бросались на

палачей, но те ловко уворачивались и не давали себя схватить. Андрей уклонился от удара, за его спиной кто-то захрипел, получив удар в шею, — вроде это был Марк, но некогда было оглядываться и смотреть. Ножом Андрей пропорол кожаную безрукавку нападавшего и выпустил ему кишки.

Пока детина удивленно разглядывал сизо-фиолетовые кольца внутренностей, неожиданно свесившиеся у него до колен, Андрей выбил у него из руки меч, схватил за рукоять и отпрыгнул в сторону.

Его нападение не осталось незамеченным, и за ним началась охота — двое бойцов побежали на него, желая расправиться в ту же секунду. Не тут-то было — Андрей припустил бегом по широкой дуге.

Хотя он и засиделся в камере, а кроме того, ослабел от побоев, бегал еще вполне пристойно. Он оглянулся — один боец отстал от другого шагов на десять, он был очень грузный и мощный, второй был ближе и тут же поплатился за это.

Андрей напал на него, мгновенно сменив направление движения на противоположное — доли секунды, два звенящих удара, и вот преследователь лежит на песке арены с разрубленным коленом и раной в боку.

«Школа Гнатьева не прошла даром!» — подумал Андрей и побежал по дуге назад, к основной бойне. Грузный преследователь так и топал сзади, не в силах догнать. Народ на трибунах улюлюкал, свистел и смеялся, потешаясь над неповоротливым бойцом.

Андрей увидел, что происходит в центре арены: практически всех женщин и детей убили, полегла и половина заключенных-мужчин, но и двое бойцов Круга лежали на песке, едва шевелясь, видимо умирая — под ними растекались лужи крови.

Двое заключенных с мечами в руках рубились с бойцами — с удивлением Андрей узнал в одном Марка — купец истово, пусть и не очень умело, рубил и колол, уворачиваясь и отбивая ответные удары.

«Купцы всегда были отчаянными людьми», — промелькнула на периферии сознания мысль, и Андрей на бегу подрубил ноги сзади одному из палачей.

Сзади топал громила, поэтому Андрей продолжил свой барражирующий «полет», забирая по широкой дуге. «Пусть топает, догнать все равно не может. Потом с ним разберусь!» — подумал он.

На бегу он подхватил с арены кинжал одного из бойцов, и теперь у него было два прекрасных клинка — шансы росли. Он с ходу заколол в спину бойца и ранил еще одного — теперь на ногах стояли четверо

бойцов... и пятнадцать заключенных, из них двое с мечами.

Заключенные заметно устали — тот же Марк год просидел в этой душегубке, конечно, какие тут спортивные успехи, так что конец был близок. Андрей снова отбежал в поле, подгоняемый топаньем настырного преследователя, а трибуны просто ржали в голос, глядя на то, как здоровенный мужик гоняется за заключенным.

В конце концов Андрею надоело изображать зайца, он резко остановился и принял бой. Первый же удар этого мастодонта метров двух ростом и весом килограммов сто сорок чуть не выбил из его руки меч — настолько он был силен.

Боец как будто дрова рубил, громыхая по клинку Андрея своим мечом, возможно надеясь, что или меч переломится, или он тупо пробьет защиту. Не тут-то было, хотя Андрей и недотягивал до уровня фехтования Гнатьева, но уж с таким увальнем сладить мог. В фехтовании грубая сила стоит на последнем месте, если, конечно, это не удар двуручным мечом с коня, а потому более быстрый и ловкий Андрей имел гораздо больше шансов завалить своего противника, что он и сделал на третьей минуте боя — сложным отбивом увел в сторону меч противника, увернулся от его кинжала и метнул свой кинжал, попав бойцу в печень.

Кинжал погрузился в тело врага до самой рукояти, боец прижал руку к животу и грохнулся навзничь. На трибунах завопили и закричали:

— Он убил Бешеного Быка! Он завалил Бешеного Быка! А-а-а!..

«Ага, — мельком отметил Андрей, — видать, боров-то личность всем известная, типа местная знаменитость!» Он подхватил кинжал поверженного Голиафа и побежал к группе бойцов.

Их осталось на ногах двое, и они добивали троих оставшихся заключенных — Марк уже был ранен, впрочем, как и оба его товарища. На глазах Андрея тот, что был с мечом, упал под ударом бойца, и его меч перехватил второй заключенный.

Эти мужественные люди дали Андрею возможность напасть на бойцов сзади, отвлекая их внимание на себя. После нападения Андрея один боец упал, подрубленный как сосна, а второй успел проткнуть мечом Марка и обратным движением зарубить второго заключенного. Теперь их оставалось двое — Андрей и этот боец.

Судя по движениям не очень высокого, длиннорукого бойца, бой обещал быть сложным. Этот противник выглядел крайне опасным и быстрым, и Андрей был сильно обеспокоен исходом сражения. Враг поднял голову, и Андрей увидел, как на его губах зазмеилась тонкая презрительная ухмылка.

— Ты рассчитываешь победить меня, глупец? Эти идиоты и ногтя моего не стоили, они были просто приложение ко мне, мясники! Я боец, настоящий боец. И ты умрешь. Ничего личного — просто или я умру, или ты, другого не дано, а я умирать не хочу. Начнем, пожалуй!

Трибуны заревели, как будто слышали их разговор:

— Мясник! Мясник! Мясник!

— Тебя Мясником звать? — усмехнулся Андрей. — Хорошая кличка, подходящая! Резать детей и женщин — это только настоящий мясник может, ублюдочная трусливая тварь! Ты не мужчина! Ты жалкий кастрат, у тебя давно уже нечем баб трахать, вот ты и заменил свой член кинжалом, урод недоделанный!

Насмешки достигли цели, и Мясник в ярости очертя голову кинулся на Андрея, желая покончить с ним немедленно.

Видимо, он был удивлен, когда встретил жестокое и умелое сопротивление — Андрей на встречной атаке ранил его в плечо, нанеся длинный, сильно кровоточащий порез. Сам он тоже пострадал — меч Мясника рассек ему кожу и мясо до кости, прямо над треснувшими ребрами, что было больно вдвойне.

По боку и бедру потекла теплая струйка крови, Андрей понятия не имел, насколько глубока и опасна рана, но одно ему было ясно — надо быстрее кончать с этим уродом, иначе так можно истечь кровью. Он провел серию быстрых ударов, ни один из которых не достиг цели — противник их парировал и напал сам. Он был очень искусен в фехтовании — не так, как Гнатьев, но точно выше уровнем, чем Андрей.

«Что делать? — лихорадочно размышлял Андрей. — Затягивать схватку нельзя, что-то шибко у меня из раны хлещет, в голове звенит, и во рту пересохло — признак большой кровопотери. Если я сейчас его не добью, мне хана...» Вдруг он заметил, что Марк позади Мясника шевельнулся, подтянул к себе кинжал и сделал Андрею слабый жест — мол, гони на меня!

Андрей осыпал противника градом яростных ударов, принуждая отступить. Мясник не видел, что делается сзади, а потому, сосредоточенно отбивая удары, пятился шаг за шагом. Когда он поравнялся с лежащим на песке Марком, тот в последнем усилии приподнялся и вонзил кинжал в бедро палачу. Мясник застонал, пошатнулся, неловко повернулся, пытаясь удержать равновесие и перенося вес на здоровую ногу... и получил мощнейший удар мечом в левое подреберье, практически перерубивший его до позвоночника. Мясник упал как бревно возле Марка. Марк еще шевелился, пуская кровавые пузыри изо рта, поманил рукой Андрея, тот

наклонился к умирающему и услышал:

— Помни, что обещал...

Марк вздрогнул, взгляд его остановился, и он умер.

Андрей закрыл ему глаза, выпрямился и осмотрелся — трибуны молчали, ошеломленные происшедшим, на арене слабо шевелились несколько бойцов Круга, тяжело раненные. Заключенные все были мертвы — после ударов профессионалов никто не выжил. На песке лежали десятки трупов, Андрею навсегда запомнилась картина: женщина закрывала собой ребенка, и их убили одним ударом меча — детские ножки торчали из-под ее тела.

Посмотрев на это, Андрей обошел раненых бойцов и воткнул в каждого меч, поставив точку в этом бесчинстве Зла.

Последний удар меча как будто нажал на спуск, и трибуны заревели, завывали:

— Победил! Боголюб победил! Свободу боголюбам! Свободу боголюбам!

Железные двери со скрежетом открылись, и на арену вышел распорядитель — важный человек лет сорока, с большим круглым черным амулетом на груди. Он зычным голосом крикнул:

— По правилам Круга оставшиеся в живых заключенные, кто бы они ни были, освобождаются, им прощаются их прегрешения, им выдаются сто золотых и земля по их выбору! Каждый преступник, победивший в Круге, может рассчитывать на прощение! Славьте нашего Господина Сагана! Славься, Саган! Славься, Саган! Славься, Саган!

Трибуны все громче и громче повторяли славословие Сагану, и вскоре это напоминало рев турбин самолета: «Славься, Саган! Славься, Саган!» Глаза людей были вытаращены, щеки раздуты в напряжении, они вопили и вопили в экстазе, а некоторые крикуны даже бились в конвульсиях, пуская пену, настолько захватила их эта истерия.

Распорядитель призывно махнул рукой Андрею, и тот пошел за ним на дрожащих ногах — кровотечение стало слабее, рубаха прилипла к ране, но крови вытекло предостаточно, и голова по-прежнему кружилась. Андрей не выпустил из руки меч и был наготове, ожидая любой пакости, но, похоже, никто не собирался на него нападать, и он беспрепятственно вошел в коридор под трибунами амфитеатра, скрывшись с глаз зрителей. Спина распорядителя маячила впереди, Андрей миновал пересечение коридоров, и тут из-за угла на его голову обрушился страшный удар, выключивший его, как испорченный телевизор.

Очнулся он в тесной клетушке, за решеткой. Под головой лежала охапка соломы — правда, посвежее, чем в общей тюрьме. Андрей застонал

от боли в голове и в боку, повернулся, с трудом разлепив глаза, осмотрелся и увидел на полу чашку с кашей, кусок хлеба и кружку с водой.

Андрей схватил кружку и жадно выпил все, что в ней было, — ему нужно было восстановить силы, организм был сильно обескровлен. Потом он заставил себя съесть холодную замазку-кашу и кусок хлеба.

Подкрепившись, Андрей лег на спину и, преодолевая муть в голове, стал думать: «Итак, никаким освобождением и не пахнет — это фарс для черни, никто и не собирался никого освобождать. А значит, они точно меня убьют, и очень скоро, чтобы никто не знал, что случилось. Мол, получил свое бабло и уехал из города. Потому и в одиночную камеру засунули. Ну что ж, в ближайшее время все должно разрешиться — вероятно, скоро я узнаю, чего они от меня хотят».

Прошло несколько часов, прежде чем Андрея удостоили посещением. Это был тот самый адепт, который казнил семью купца.

Он подошел к решетке, долго рассматривал узника, затем с ноткой уважения сказал:

— Ты меня удивил. Еще никто не выживал на арене Круга. Наверное, слабоваты стали бойцы, зажрались, заплыли жиром. Умеют только женщин и детей резать, а это мы и сами умеем неплохо, не правда ли? — Он усмехнулся, показав белые острые зубы. — Что так смотришь на меня? Ненавидишь, наверное, да? Представляю, каково было твоё разочарование, когда вместо ста золотых и земли ты получил одиночную камеру. А что ты думал, мы будем отпускать боголюбов живыми и награждать их? Живите дальше и славьте своего бога? Это же бред... Враг должен быть уничтожен, никакой жалости и снисхождения. Твоя смерть угодна Великому Господину, от твоей смерти у нас прибавится силы. Зачем я тебе это рассказываю? А чтобы тебе было еще мучительнее, чтобы ты умирал в больших страданиях, чтобы понимал, что умрешь, а изменить ничего не можешь! Ну, что скажешь, боголюб? Как тебе тут, в камере? Как нравится у нас в гостях?

— Клянусь, тварь, когда выберусь, я найду тебя и убью. Ты жив сейчас только потому, что стоишь с той стороны, за решеткой. Войди сюда, и ты умрешь, чего бы это мне ни стоило. Такие твари, как ты, не должны жить! — Андрей закашлялся отбитой грудью и сплюнул на пол кровавый сгусток. — Давно надо было отправить тебя к твоему господину, он найдет тебе местечко в аду.

— Приятно слышать твои грозные речи, — усмехнулся адепт. — Это означает, что у тебя сохранились какие-то силы, и ты доживешь до жертвоприношения, и поживешь подольше, доставляя нам удовольствие

своими мучениями. Я буду резать тебя кусками — вначале отрежу тебе все пальцы, потом уши, нос, кастрирую тебя, потом буду отрубать ноги и руки по кускам, и ты все это время будешь жить и видеть, как мы твоим мясом кормим собак, а лучшие куски будут съедать наши прихожане. Потом мы посадим тебя на кол, и ты будешь умирать долго и мучительно.

— Да ты ведь психически больной! У тебя не бывают припадки, когда ты пускаешь пену и дергаешься? Уверен, бывают — только больной на голову может наслаждаться страданиями других. Тебе нельзя жить, задумайся, ты не нужен этому миру!

— Сегодня в полночь ты узнаешь, кто нужен этому миру, а кто нет, — многообещающе усмехнулся адепт.

За Андреем пришли примерно через два часа. Не дожидаясь ударов и пинков, он сам поднялся на ноги и пошел за конвоирами — от пассивного сопротивления толку никакого, а здоровья осталось не так много, надо беречь силы.

Рана на боку не кровоточила, залепленная присохшей рубахой, но болела ужасно — ее дергало, и, похоже, начиналось воспаление. Он шел за стражниками и думал: «Неужели все? Неужели все так и кончится, не начавшись? Зачем Господь послал меня сюда? Освободить мир от скверны или отбывать наказание в этом аду? Наверное, второе, и скоро я встречу с Сатаной, ну что ж, я всегда знал, что окажусь в аду. Видимо, пришло мое время...»

Страдальца погрузили в знакомый фургон — теперь он был тут один. Дверь фургона захлопнулась, колеса закрипели, и Андрей отправился в свой последний путь. Последний? Он выругал себя матерно. Пока жив — надеюсь! Еще не вечер! Он силен, быстр, пока что жив! Нечего раньше времени себя хоронить!

Фургон остановился после получаса скрипения и колыхания, дверь открылась, и Андрей увидел самый крупный собор города. У входа, освещенного факелами, лениво прохаживались несколько гвардейцев. Пламя факелов колебалось, трещало и воняло маслом и гарью. Вечерний легкий ветерок охлаждал тело, и Андрей поежился.

— Что, замерз, боголюб? — хохотнул выпускавший его стражник. — Сейчас тебя погреют. Шагай давай, ублюдок!

Солдат сильно хлопнул его по спине, Андрея пронзила острая боль, и он едва сдержался, чтобы не застонать. «Ну нет, я не доставлю вам удовольствия своими стонами... Двинуть ему, что ли?.. Руки связаны... да еще поломают сейчас, толку-то его бить, когда бежать нельзя... пока

нельзя. Подожду, что будет дальше».

Его ввели в собор — обстановка ему уже была знакома: иконы с дьявольскими ликами, сцены человеческих жертвоприношений, смрад. Внутри находились несколько десятков прихожан, видимо, из самых состоятельных семей города — они были богато одеты, обвешаны драгоценными украшениями. Его провели к столбу, укрепленному возле алтаря, и привязали к нему, заведя руки назад. Ноги стянули шнуром, довольно плотно, так что через несколько минут он уже перестал их чувствовать, и Андрей угрюмо подумал: «Часа два в такой позе, и я вообще никогда не смогу встать на ноги — просто отвалятся от гангрены».

Началась черная месса.

Прихожане подходили к исчадию и пили какую-то жидкость — вероятно, туда был подмешан наркотик, потому что у них сразу стекленели глаза, краснело лицо, а тела блестели от пота. Андрею это было хорошо видно, так как большинство прихожан уже были голыми до нитки — они скинули с себя одежду, оставшись только в украшениях. Вся эта возбужденная толпа скакала, орала, славил Сагана, многие совокуплялись прямо возле алтаря, оглашая собор криками и стонами.

Один из исчадий скрылся в одном из приделов и вскоре вернулся с розовым комочком — Андрей с ужасом обнаружил в его руках младенца, мальчика, шевелящего ручками и ножками и кричавшего во весь голос.

Младенца положили на алтарь, и все снова начали гнусаво завывать:

— Саган! О-о-о! Саган! О-о-о! Саган!

Исчадие занес над младенцем кривой вороненый нож, и толпа начала скандировать:

— Бей! Бей! Бей!

Нож опустился, и крик младенца оборвался. Исчадие вознес вверх окровавленные руки, провел ими по своему лицу, оставляя кровавые полосы, и запел:

— Саган, прими жертву! О-о-о Саган! О-о-о Саган!

Толпа бесновалась еще пуще, некоторые падали в судорогах и пускали пену, на Земле бы сказали, что они одержимы бесами. Впрочем — разве это было не так?

Потом оргия продолжилась, а исчадие подошел к Андрею, с отвращением наблюдавшему за происходящим, и сказал:

— Теперь твоя очередь отправиться к нашему Отцу! Ты будешь служить ему, ползать у его ног, вылизывать плевки, проклятый боголюб! Что, страшно, ничтожество? Ну, где твой бог, почему он тебя не защищает?

Андрей понял, что настала его последняя минута, и взмолился:

«Господи, дай мне силы умереть достойно, как человеку, и дай силы убить хоть одного из этих мерзавцев!»

Исчадие полоснул ножом по связывающим пленника веревкам, и Андрей упал на помост, не в силах устоять — ноги затекли так, что он их не чувствовал, как будто это были деревянные.

Исчадие засмеялся:

— Смотрите, он уже начинает ползать на брюхе! Скоро он отправится к нашему Господину и будет ему прислуживать! Ведите его к алтарю!

Потные голые люди с перекошенными мордами вцепились в Андрея и поволокли к окровавленному алтарю, с которого, как мусор с кухонного стола, сбросили тельце ребенка. Андрей пытался сопротивляться, ударить рукой или ногой, но в него вцепились с силой душевнобольных и тащили, даже не позволяя прикоснуться к полу, по воздуху.

По дороге его пытались ударить, ущипнуть, расцарапать, любым способом нанести какое-то увечье, но небольшое, так как исчадие-распорядитель крикнул, чтобы его не калечили и что каждый, кто нанесет несанкционированное увечье, тоже займет место на жертвенном алтаре. Какие бы обдолбанные ни были эти люди, страх они понимали и не решались выдавить ему глаз или сломать палец.

И все равно к тому времени, как Андрей достиг алтаря на плечах сатанистов, его тело представляло собой сплошной синяк, а из открывшейся раны на боку сочилась кровь. Его бросили на алтарь и стали срывать с него одежду, через несколько секунд он был гол, как при рождении.

Одна из участниц сатанинской оргии хрипло закричала:

— Я его хочу! — и влезла на Андрея верхом, дергаясь в сладострастных конвульсиях и оставляя на нем полосы слюны и пота.

Другая стала оттаскивать первую и тоже полезла на него, потом третья, и вскоре возбужденные похотливые сатанистки, сцепившись в драке, визжали и таскали друг друга за волосы.

Внезапно дверь за алтарем открылась и вышел адепт.

Он был в какой-то немыслимой тиаре, сделанной из человеческого черепа, костей, засушенных пальцев и скальпов, его лицо было раскрашено полосами красной краски, видимо долженствующей изображать кровь. А может, это и была кровь? На его обнаженное тело был накинут плащ цвета запекшейся крови.

— Тихо все! Молчать! Держите его крепко, сейчас будем совершать обряд жертвоприношения нашему Господину!

Все затихли, глядя на адепта в жутком наряде. Он обвел тяжелым

взглядом участников оргии, и они отпрянули в страхе, как будто перед ними стоял сам Саган. Женщины слезли с Андрея, оставив его окровавленное тело в покое.

Адепт подошел к Андрею и спросил с улыбкой сумасшедшего:

— Удобно ли тебе? Как тебе наши женщины, понравилось с ними? Предлагаю тебе: сейчас ты встанешь на колени, вылижешь мне ноги, потом с тобой совершит акт кто-нибудь из мужчин, и ты отречешься от своего бога — и тогда будешь жить, будешь одним из нас, у тебя будут деньги, лучшие женщины, у тебя будет все, что ты пожелаешь. Глупец, неужели ты думал, что богатство, власть даются просто так? Все эти люди, самые богатые и успешные люди города, служат моему Господину! Они все давно уже принадлежат ему, и поэтому для них нет никаких ограничений — они берут все что хотят, для них нет закона, нет никаких моральных устоев, они живут всласть! Ну что, боголюб, готов проклясть своего бога? Готов отречься? — Адепт повернулся к своим последователям и приказал: — Поднимите его на ноги.

Андрея стащили с алтаря и поставили перед адептом.

— Ну что, боголюб, опускайся на колени, лижи мне ноги! Тебе показать, как это делать? Эй, сюда! — Адепт схватил за волосы одну из женщин и бросил ее на колени. — Вылизывай меня!

Она начала истово вылизывать ступни адепта, переходя все выше и выше, пока не занялась его гениталиями.

— Видишь, как старается! Это графиня Мастунская, жена главы городского совета! Старайся лучше, тварь! Видишь, боголюб, что значит власть Сагана?! Бери что хочешь, живи как хочешь и не думай о последствиях! Ну что, отрекаешься от бога?

— Пошел ты на... — с ненавистью выдохнул Андрей и рванулся, попытавшись ударить адепта ногой, но только попал в женщину, удовлетворявшую того во время разговора.

Женщина завизжала и отлетела в сторону. Адепт досадливо поморщился и спокойно сказал:

— Ну вот, испортил ей удовольствие. Ты умрешь, идиот, умрешь страшно и мучительно, уж об этом я позабочусь. Ну что, хочешь что-то сказать перед началом? Чего-то желаешь перед смертью, чего-то хочешь?

Андрей впился глазами в адепта и медленно сказал:

— Хочу, чтобы ты сдох!

Внезапно адепт пошатнулся, схватился за грудь и рухнул с возвышения, как будто его сбили палкой. Настала мертвая тишина, потом женский голос пискнул:

— Он умер! Боголюб убил его! Он убил его!

Руки, державшие Андрея, разжались, сатанисты отхлынули в ужасе, а он повернулся к ним, вытянул руку и, указывая пальцем на одного из них, отчеканил:

— Умри, тварь!

Тот упал как подкошенный. Все завизжали и начали бегать по храму, пытаясь укрыться за колоннами, за скамьями, за алтарем, но Андрей, как снайпер с винтовкой, поворачивался на месте и «стрелял» из пальца:

— Умри! Умри! Умри!

Сатанисты падали на пол один за другим. Андрей не жалел никого — ни мужчин, ни женщин, эти твари не имели права жить. Господь дал ему Силу, и он применял ее по полной. На ногах остались только четверо исчадий, они попытались использовать силу Сагана против него, попытались, как и он, убить на расстоянии — но на Андрея их потуги не оказали никакого воздействия, кроме того что его крестик, чудом оставшийся на шее, нагрелся, будто в печи. Андрей закричал:

— Умрите все, сатанинские отродья! — и внутренности собора превратились в кладбище. Никто не шевелился, вокруг только трупы, трупы, десятки трупов.

Андрей спустился с возвышения, подыскал себе среди разбросанных вещей подходящее одеяние, оделся, оглядел все вокруг, подумал — обошел трупы и собрал с них все драгоценности, которые нашел, свалил их на чью-то рубаху, завязал узел и положил на плечо. Узел получился внушительный и довольно тяжелый — килограмм десять, не меньше. Теперь, если он выберется из города, ему будет на что жить, и не только просто жить... на все хватит.

Андрей пошел к выходу, то и дело спотыкаясь о трупы.

Дверь была закрыта, гвардейцы, оставшиеся снаружи, не видели и не слышали того, что тут происходило. Подумав немного, Андрей решительно толкнул дверь. Гвардейцы о чем-то оживленно разговаривали и вначале не обратили внимания на то, что из храма кто-то вышел, потом один из них вытаращил глаза, указывая рукой — смотри, мол! Доставая из ножен сабли и мечи, они двинулись к Андрею, обходя с двух сторон.

— Умрите!

Гвардейцы кеглями повалились на землю, а Андрей ушел в темноту.

Он шел в одно-единственное место, в котором его бы приняли и поняли, — к Федору Гнатьеву. Идти было недалеко — минут пятнадцать, и скоро он оказался перед знакомым домом.

В одной из комнат горел огонек — видимо, Федор не спал. Андрей

стучал в окно до тех пор, пока дверь с грохотом не открылась и громогласный нетрезвый голос спросил:

— Кто еще тут бродит?! Кто развлекается? Вали отсюда, пока башку не свернул!

— А может, все-таки пустишь? — осведомился Андрей. — Вместе будем выпивать, все веселее!

— Ты?! Как, откуда?! Тебя же вроде отпустили после Круга? Заходи скорее!

Андрей, пошатываясь, вошел в дом, таща на плече увесистый узел.

— Ты чего шатаешься? Пьяный, что ли? Это я пьяный, который день пью — вначале тебя поминал, потом радовался, что ты выжил. А ты чего напился, с радости, что ли?

— Федор, я сильно ранен, и говори потише — вдруг кто-то услышит. Вскипяти скорее воды, мне надо рану... вернее, раны обработать.

Федор мгновенно собрался, будто и не был только что мертвецки пьян, и бросился растапливать печь, ругаясь, что мало приготовил дров и надо теперь идти в сарай колоть.

Минут через двадцать языки пламени жадно лизали дрова в печи и в огромной медной кастрюле нагревалась колодезная вода.

Андрей, скрипя зубами, стащил с себя рубаху и ощупал покрасневший разрез на боку — он сильно болел и воспалился. «Как бы не сдохнуть! — подумал он. — Было бы обидно уйти от стольких опасностей и погибнуть от заражения крови».

— Пока греется вода, расскажи, как так получилось, что ты сейчас у меня, а не отдыхаешь с кучей денег где-нибудь в уютной комнатке лучшей гостиницы города? Сто золотых — немалый куш! И земля! Почему ты весь израненный и никто не позаботился о твоих ранах? Рассказывай, я сгораю от любопытства!

— Ну что сказать, думаю, что до момента моего ухода с Круга ты все уже знаешь, небось весь город жужжит, а вот после того, как я ушел... — И Андрей вкратце пересказал Федору то, что случилось после того, как он покинул арену.

Федор ошеломленно слушал и мрачнел, потом сплюнул:

— Я так и знал, что эти сволочи устроят что-то подобное, но все-таки надеялся, что у тебя все хорошо. Вижу — нет. Что теперь думаешь делать?

— Вначале надо залечить раны — боюсь, что занесло какую-то заразу, поваляли меня в грязи крепко. Потом... потом надо выбираться из города и бежать подальше, пока эти сволочи не очухались и не начали разыскивать меня по всей стране. Когда они заметят, что в храме среди трупов моего

нет, начнут розыск. Я ведь положил и адепта, и всю верхушку, элиту этого города! Не скоро опомнятся! Скажи мне вот что: где такая страна Балрон? Что это за государство такое? Мне нужно попасть туда, в город Анкарру.

— А чего ты там забыл? — удивленно спросил Федор. — Ну есть такое государство на севере, очень не любят там исчадий, но между Славией и Балроном нет официальных отношений, и исчадия не допускаются в пределы этого государства. Они как-то определяют, что это исчадие, и сразу убивают его, если обнаруживают на своей территории. Если же исчадие пытается въехать в Балрон официально, его не пускают. Но не убивают. Это довольно большая страна, сравнимая по размерам со Славией, с которой она граничит. Язык там такой же, как у нас, но слова произносят чуть иначе, как-то нараспев, мягче, «гэ» у них звучит как «хэ», а так ничем не отличаются от нас. Кроме религии. Религия у них какая хочешь — и в Единого Бога верят, и язычники есть, да и кого только нет!.. Конечно, дерьма там своего хватает, но жить как-то посвободнее.

— А почему тогда славийцы не бегут туда? Тут же просто невыносимо жить! Как можно жить под исчадиями?

— Ну как можно... вот так и можно. Живем. Тут могилы предков, своя земля, дома, а кто там ждет? Думаешь, там медом намазано? Так же над бедными измываются богатые, так же кому-то везет в жизни, а кому-то нет. Но согласен — тебе прямая дорога туда. На этом материке это единственное место, где тебя могут принять и не выдать исчадиям. Славия и Балрон давно уже противостоят друг другу, были войны, с переменным успехом, а сейчас все застыло в вооруженном нейтралитете — один толчок, и покатится под откос... война будет, конечно, но никто не может предположить когда. А как ей не быть? Исчадиям нужны новые территории, и им не нравится, что подданные бегут в Балрон, спасаясь от беспредела, — в Балроне уже, наверное, процентов десять населения славийцы... Войны не избежать. Но, повторюсь, пока все затихло. Слушай, интересно, что, вот так показал пальцем на врага — и человек умер? Ну ты силен! — Федор хохотнул и задумался. — Молчи и никому не говори о твоей способности — или убьют, или заставят работать на власть, без разницы, где это будет, в Славии, в Балроне или где-то еще. А чего ты там в узле притащил? Ты не рассказал. Я слышал, там чего-то шибкобрякнуло. Оружие, что ли? Или чего?

— Или чего, — вымученно улыбнулся Андрей. — Драгоценности это. Я обобрал трупы прихожан Сагана, которые развлекались со мной в храме. Давай его сюда, посмотрим, чего я там нагреб. Мне же придется куда-то деваться из города, жить на что-то надо, да и с деньгами легче устроиться

— вот и снял с богачей побрякушки.

— Да чего ты, как будто оправдываешься? — хмыкнул Федор. — Они нам должны по гроб жизни, весь город высосали, считай это военными трофеями. Давай посмотрим, насколько ты раскрутил богатые семейства... ух ты, тяжеленький узел! Ни-че-го себе! — Федор высыпал на широкий дубовый стол груды сокровищ. — Ты хоть представляешь, сколько это стоит?! Да вот только одна эта диадема стоит столько, сколько не зарабатывает крестьянин за всю свою жизнь всей семьей! Да что семьей — всей деревней! Мамочка родная... Да ты богач каких мало! Теперь они точно весь город перероют, тут ни одной вещи нельзя будет продать, и во всей Славии тоже. Может, тебе вообще отправиться на другой континент? Но там язык другой, обычаи другие, труднее прижиться... Говоришь, в Балрон тебе надо? Так чего ты там забыл, расскажешь?

— Долг у меня. Человеку пообещал, что найду там его дочь и помогу чем могу. Если бы не он, возможно, я не победил бы на арене — он стойко сражался и, уже умирая, сильно помог мне. Я дал обещание и не могу его нарушить. Знаешь, Федор, моя жизнь не может служить образцом праведности — многие годы я был просто зверем в человеческом обличье, наемным убийцей, но если я когда-нибудь давал слово, то держал его всегда. Это знали и друзья, и враги. Впрочем, друзей в последние годы у меня не было — какие друзья у наемного убийцы? Только заказчики и жертвы да обслуживающий персонал. Возможно, сейчас, в этом мире, я получил шанс исправить свою жизнь, стать кем-то большим, чем презренный убийца. Не знаю, поймешь ли ты меня. Возможно, я говорю высоким штилем, но я именно так и думаю — это мой шанс. И я знаю, зачем я тут — я должен уничтожить исчадий, выкорчевать зло из этого мира.

— Ну что ж, я тебя понимаю... я сам такой. Думаешь, чего я ушел из стражи? Опротивело все. Здесь меня ничто уже не держит — семьи нет, родни нет, так что мы с тобой вместе поедem в Балрон. Денег у тебя полно, на выпивку и закуску хватит — думаю, не заморишь старика голодом! — Федор ухмыльнулся. — Вот и я при деле буду, а то тоскливо тут сидеть и спиваться. Хоть посмотрю, что у тебя получится. Давай-ка теперь тобой займемся, а то и правда еще горячка начнется, и загнешься. Я тогда с твоих сокровищ точно сопьюсь — мне их пропить надо будет несколько лет, не меньше, и то не смогу все пропить, помру раньше! — Он хохотнул и добавил: — Я очень рад, что ты жив и вернулся. После сорока лет найти друга очень трудно, практически невозможно, и слава богу, что он послал мне тебя. Все, теперь к делу — вода уже согрелась, сейчас я принесу

корыто, раздевайся, садись в него, будем обмывать и обрабатывать твои раны.

Следующий час они обрабатывали раны. Андрей шипел, матерился и дважды чуть не потерял сознание от боли, когда Федор обмывал струей теплой воды с мылом рассеченную кожу.

Как оказалось, на голове была огромная шишка, с рассечением практически до кости — Федор по этому поводу выразился так: если бы не чугунная башка, мозги бы вылетели вмиг. Хуже обстояло дело с раной на боку — ее края после оргии в храме разошлись, и требовалось их сшивать. Федор продезинфицировал рану, вычистил из нее грязь, песок, потом дал Андрею бутылку с какой-то жидкостью:

— На, пей, но не больше двух глотков — это настойка опия. Сейчас буду зашивать, тебе будет очень, очень больно. Стой, подожди! Давай-ка вначале спустим тебя в подпол, в тайник, тебе так и так там отсиживаться, а я тебя не дотащу, надорвусь — эвон ты какой боров здоровый, небось килограмм сто вешишь.

— Ну сто не сто, а девяносто точно. Дай мне барахлишка какого-нибудь срам прикрыть, не хочу я их шмотки надевать, противно!

— А что шмотки? Шмотки как шмотки, только грязные. Постираю, и будут нормальные, можно носить. Другие нескоро купим, а у меня, думаешь, великий гардероб? Сейчас подберу тебе штаны с рубахой, только тебе коротки будут, ты же вон какая орясина вымахал.

Андрей вытерся куском ткани, которая здесь служила полотенцем, натянул штаны Федора, действительно коротковатые ему, и отправился в подпол. Там он улегся на низкий топчан, застеленный матрасом и шерстяным одеялом, и повернулся на бок. Только что он отхлебнул из бутылки и уже чувствовал, как опийный туман обволакивает его мозг, погружая в небытие. Завтра, он знал это, будет хреново — и раны, и отходняк после опия, но сегодня он был счастлив притулиться в безопасном месте, а места безопасней, чем подпол Федора, не было на всем белом свете.

Сквозь сон он слышал бормотание Федора:

— Сейчас зашьем, поспишь, а с утра я схожу на рынок, куплю нам свежего мяса, овощей, наварю похлебки — пальчики оближешь, ты еще и не знаешь, какую я умею похлебку варить! Мою похлебку можно подавать в лучших домах, даже королю на стол сгодится! А если к ней еще и кружку хорошего винца! Это вообще будет славно! Скоро встанешь на ноги, мы и подумаем тогда, как выбраться из города. Ну, друг мой, теперь терпи...

Андрей почувствовал даже через опийный туман, как его бок пронзила

боль, но спасительная темнота поглотила его, не позволив терпеть мучения.

Пробуждение было уже более щадящим — тело, конечно, болело, но не так сильно, как до того, как он пришел к Федору. Скорее всего тогда он просто не позволял себе расслабляться, не позволял боли овладеть собой, потому и держался все это время.

Андрей попытался встать, нащупав край лежанки — в подвале было очень темно, Федор опустил крышку люка, — но тут же свалился обратно, получив жесточайший удар по больному боку от деревянного топчана. Живот сводило от голода, во рту пересохло, а еще хотелось по нужде.

Пока он раздумывал, что же ему делать, крышка люка открылась и в проем заглянуло усатое лицо Федора.

— Проснулся? Я уж бояться стал, думал, помираешь — ты спал двое суток подряд! Давай я тебе помогу подняться наверх, сейчас будем обедать, я разогрел похлебку, вина красного налью — надо восстанавливать кровь, чаю вскипячу...

Он спустился в подпол, осторожно подхватил Андрея, и они побрели к лестнице. Подниматься было трудно — голова кружилась, в боку стреляло, но Андрей упорно, как жук, лез вверх и наконец плюхнулся на пол рядом с дырой. Ноги его не держали, и, если бы не Федор, он уже два раза бы скатился вниз.

— М-да, не натаскаешься тебя наверх, — пробурчал запыхавшийся Федор. — Давай скорее восстанавливайся. Сейчас расскажу тебе, что происходит в городе.

Пока Андрей, давясь от жадности, заглатывал густую, действительно вкусную похлебку, Федор делился новостями:

— В общем, так: как мы и предполагали, тебя ищут, и ищут усиленно — подняли всех на уши, трактир, где ты работал, выпотрошили, всех его работников и хозяина взяли, а заведение разграбила шпана. Теперь будут пытать, как это они пособничали убийце, тебе то бишь. Мотивация поисков: ты негодяй, мерзкий боголюб, которому простили его преступления и пригласили на праздничную мессу в храм. Там ты, мерзкий, неблагодарный тип, убил всех добропорядочных граждан города, лучших людей, ограбил их и сбежал в неизвестном направлении. Никто не знает, где ты прячешься и откуда взялся, шерстят всех, даже уголовников, никакие откупы не помогают. Говорят, дней через десять должна прибыть комиссия с адептом-инквизитором для расследования твоих преступлений. За это время нам нужно поставить тебя на ноги и быстро валить из города — похоже, ему приходит конец. Ты ешь, ешь давай — чего остановился? Ты тут ни при чем — это же исчадия, им просто был нужен повод для большой

резни. Если ты не поддержишь свои силы, не встанешь на ноги, то не сможешь им отомстить, так что давай жуй.

Легко сказать — жуй! У Андрея кусок встал поперек горла. Все, с кем его свела здесь судьба, уже мертвы. А сколько еще будет смертей? А когда комиссия приедет, начнут жителей трясти — сколько тысяч людей погибнет, пока будут искать его? Надо что-то делать, нельзя, чтобы пострадало столько народу.

Следующая неделя прошла в непрерывном поедании чего-то сытного и в беспрестанных тренировках — Андрей осторожно, но все увереннее и увереннее двигался, пробовал фехтовать и к концу недели восстановил свое физическое состояние примерно процентов на семьдесят. Конечно, рана так быстро не зажила, но уже не давала такой резкой боли, еще пару дней, и можно будет снимать швы. По крайней мере, теперь он мог вполне пристойно передвигаться, а при желании — заехать кому-нибудь по челюсти.

Они с Федором разработали план исхода из города. С этой целью были куплены два здоровенных мерина, у Федора в каретном сарае стояли оставшиеся еще от отца возки — крепкие, широкие, предназначенные для транспортировки товаров и ночевки в них хозяина. Повозки стояли без дела много лет, но состояние их было прекрасным — замени на них брезентовый тент, смажь втулки колес и отправляйся хоть на край света. Денег, что были у Федора и Андрея, вполне хватало на все про все, так что Гнатьев активно закупал необходимые дорожные припасы, объясняя любопытствующим, что решил пойти по стопам отца и стать купцом, хватит уже стражником ходить, железками углы домов обивать, надо и денег заработать на старость.

И вот наконец наступил день «Х» — день побега из города.

ГЛАВА 6

Страшно воняло — как будто тут собрались нечистоты всего этого мира, хотя это был всего лишь слив не очень большого по меркам Земли города.

Андрей шагал по узкому темному тоннелю, ощупывая скользкие стены руками, задыхаясь от смрада и все время ожидая, что наступит на что-то такое, что очень ему не понравится, — например, на чей-то разложившийся труп. Хотя откуда тут взяться трупу? Если только кости... и то сомнительно — пищащие мерзкие крысы размером минимум по полметра проносились стаями по низкой каменной норе, совершенно не обращая внимания на человека.

С их точки зрения, он был еще неготовым для поедания бифштексом, который почему-то бродит по их жилищу, а не лежит, как полагается, в грязи.

В канализацию Андрей попал через ход в доме Федора — этот тоннель метров через пятьдесят выводил в городскую канализационную систему, построенную, наверное, очень, очень давно — по крайней мере, Федор, который знал многое об этом городе, понятия не имел, когда ее выкопали и облицевали камнем.

Андрею нужно было выбираться из города, но уйти обычным путем он по понятной причине не мог. Они с Федором договорились, что тот будет ждать с фургоном и лошадьми в определенном месте — в пяти километрах от стен города, в лесу.

Проходивший через этот лес тракт вел к югу, к границе Славии и Балрона. Дорога тянулась на многие тысячи километров, так что их путешествие обещало быть долгим — по прикидкам Андрея, если проезжать в день пятьдесят километров, до границы они должны были тащиться не менее шестидесяти дней. Но прежде чем тащиться, надо было выйти из канализации.

Само собой, все вонючие стоки города сливались именно в реку — этот мир еще не задумывался о том, чтобы беречь природу, она ведь была так богата и многообразна: в реке водилась форель, которую еще не убили сточные воды, возле города в лесах бродили олени и заходили медведи, по деревьям тяжело сидели тетерева, мясо которых подавали в местных трактирах... В общем, это был еще девственный мир, загадить который человечеству пока не удалось.

Выход в реку после блуждания в тоннелях открылся неожиданно — проход начал сужаться, и пахло холодным свежим воздухом.

Андрей, согнувшись, почти касаясь спиной потолка и держа голову над вонючим потоком, несущимся по трубе, тащился к выходу, думая только о том, как хорошо, что не было ливней, иначе труба была бы заполнена до верху.

Отверстие тоннеля выходило из берегового обрыва на высоте двухэтажного дома, и вонючая струя с грохотом падала в тихий затон реки, пенясь и взбивая пузыри.

Андрей вылетел из канализации и с головой погрузился в воды реки, перемешанные со сточными водами. Вся эта вонючая мерзость попала в нос, в глаза, в уши, но Андрей терпел и сильными гребками двигался вниз по течению, выбирая место, где можно выйти на берег, не привлекая внимания.

Такое место нашлось метрах в пятистах от выхода из тоннеля, там река образовывала широкую галечную отмель, делая изгиб от первоначального направления на юг.

Андрей выбрался на берег, благоухая всеми запахами, которые могли быть в городской канализации и от которых, наверное, и у крысы началась бы рвота. Видимо, он был устойчивее крысы — что доказывала вся его жизнь, а потому превозмог себя и даже сумел притерпеться к своему амбре, стараясь не думать о том, сколько болезнетворных бактерий впитал его организм во время путешествия по подземелью. Река слегка смыла нечистоты, но одежда была безнадежно испорчена. Впрочем, они с Федором это предвидели, и запасной комплект ждал Андрея в повозке.

Под ночным холодным ветерком шумели сосны, и промокшему до нитки Андрею было холодно — через пять минут после того, как он выбрался из воды и зашагал по дороге, у него начали клацать челюсти, а тело сотрясала крупная дрожь.

«Этак и заболеть можно!» — запоздало подумал он и припустил по дороге, убивая двух зайцев — скорее добраться до сухой одежды и огня, а также согреться быстрым бегом.

Вскоре это ему удалось, и зубы наконец-то перестали клацать.

Пробежав километра три, Андрей стал внимательно присматриваться к стене леса — не пропустить бы поворот на дорожку к старой лесопилке, где его должен ожидать Федор. До поворота километра четыре, а потом по старой дорожке еще с километр в сторону — так ему объяснил Гнатьев.

И тем не менее Андрей чуть не проскочил поворот — вернее, проскочил, но потом в его мозгу щелкнуло: «Это же был он, поворот!» Он

развернулся и пошел уже медленнее, внимательно присматриваясь к окрестностям.

Наконец впереди замерцал огонь костра. Андрей осторожно приблизился и, краем глаза заметив мелькнувшую слева тень, негромко сказал:

— Федор, ты топчешь, как стадо коров. Вылезай из-за дерева, я тебя видел.

— Зато ты смердишь так, что тебя за сто метров учуешь. Скидывай тут свои вонючие шмотки, и пошли к костру, мыть тебя будем и одевать. Ну и зловоние, даже стоять рядом невозможно — так в нос шибает!

— А ты не мог ход сделать не в яму с дерьмом? Нет бы вывести его сразу в речку!

— Я, что ли, копал? Не хватало еще мне, как кроту, норы копать! Это еще до моего деда прокопано было, а кем — хрен его знает. Не теряй времени, раздевайся, и пошли мыться и сушиться.

Через полчаса Андрей сидел на раскладном деревянном стуле и прихлебывал горячий настой из глиняной кружки. Дрожь его отпустила, зубы не клацали, а тело охватывала приятная истома от тепла костра.

— Ну что, согрелся? Давай тогда поговорим. Что планируешь делать? Куда идти? В принципе деньги у нас теперь есть — может, отсидимся где-нибудь? — Федор пошевелил палкой угли костра, дрова треснули, выбросили красный уголек, и пламя занялось ярче, отбрасывая блики на лица двух друзей.

— Что делать? Я же тебе сказал, мне надо в Анкарру, там живет девушка Антана — мне нужно ей помочь, я обещал ее отцу. Потом посмотрим, что делать дальше. Лучше расскажи мне, как добраться до этой чертовой Анкарры.

— Я не хочу тебя отговаривать, но задача непростая. Представь, вот мы, в Славии, — Федор начертил возле костра точку, — а вот Анкарра. Между нами пять тысяч верст. Путь лежит через столицу Славии. Ты представляешь, сколько нам нужно проехать? Давай прикинем — по сорок верст в день, это надо... надо... около четырех месяцев! Смысл-то есть туда тащиться?

— Смысл всегда есть. И во всем. Повторяю, я пообещал умирающему человеку, что выполню его волю, и я ее выполню. Конечно, я не собираюсь геройствовать, будем останавливаться на постоянных дворах, нормально питаться — денег у нас полно, чего экономить? Расскажи, что нам предстоит в пути — какие тракты, какие трудности, все, что знаешь.

— Трудности? Да как обычно: разбойники, несвежая еда в трактирах,

бесчинство жадных стражников при въезде в города, размытые дождями дороги и ледяной ветер на горных перевалах — весь набор путешественника. Хм... забавно, я засиделся в своей халупе, даже интересно посмотреть — а что там дальше? В конце концов, все мы умрем, почему не сейчас?

— Тьфу! Язык твой поганый! Не каркай, Федор, не собираюсь я еще умирать. Мне столько надо сделать... давай-ка наметь дорогу и расскажи, какая обстановка вокруг нее, к чему готовиться. Я имею в виду рельеф, постоянные дворы и города, ну и политическую обстановку — чего там ждать, нет ли войн.

— В общем, так: тракт идет три тысячи верст по территории Славии, через столицу — Гаранак. Потом уже начинается Балрон — Анкарра его столица. Эти два государства очень не любят друг друга и сейчас находятся в состоянии перемирия — после двадцатилетней войны. Она закончилась десять лет назад, с тех пор отношения ничуть не улучшились. Исчадий там нет — им запрещено посещать Балрон под страхом смерти, но у них своих «исчадий» хватает, так что говорить, что это человеколюбивое государство, не стоит. Подозреваю, что там полно агентов исчадий, которые ведут разрушительную работу, подрывая государство изнутри — если не смогли уничтожить в открытом конфликте. Ты уже знаешь, что исчадия очень сильны, обладают магическими способностями, но и они не бессмертны, так что в Балрон они открыто не суются.

— А как же их можно вычислить? Как балронцы определяют, что это исчадия?

— Есть какие-то амулеты для этого, так что отслеживают на раз. Ну так вот, в Балроне время от времени вспыхивают междоусобицы — местные лорды делят власть, делят землю... там есть еще что делить, в отличие от Славии, где все принадлежит исчадиям, все люди, вся земля, — а чего тогда воевать, если все и так принадлежит им? Это, можно сказать, положительный момент от правления исчадий. Ну это я так, для сравнения... Правит в Балроне император, система правления, как и в Славии, примерно та же, только исчадий нет за спиной императора. Но есть другие — жадные лорды, завистливая знать, все как обычно. Беженцев из Славии тоже не принимают, это было условие перемирия, заключенного десять лет назад. Ну тут понятно — не хотят исчадия, чтобы их люди свалили из этой гребаной страны. Если купец или по другому делу — пожалуйста, а вот с узлами, мешками и детишками — нет, иди назад, на жертвенный камень. — Федор выматерился и сплюнул в пламя костра. — Так что нам надо будет с тобой закупить какого-нибудь товара, вроде как

мы едем торговать в Балрон.

— А есть мысли, что купить? Надо бы что-нибудь небольшое по объему, но ценное — ну не тащить же огромный воз, в самом деле...

— Мы вот как сделаем: в Гаранаке заглянем в квартал ремесленников и закупим там льняной ткани — она очень хорошо идет в Балроне. Кроме того, в Гаранаке есть один оружейник, кует отличные клинки, в основном кинжалы и ножи, его изделия славятся во всем цивилизованном мире, закупим партию клинков, столько, сколько у него будет. Дорогие, правда, но на них можно вдвойне навариться, гарантия. Что еще? — Федор задумался. — Хм... да ну посмотрим еще по месту. Надо будет продать часть сокровищ, что ты прихватил, деньги понадобятся на закупки и все остальное — путешествовать-то тоже надо на что-то, есть-пить нам и лошадям... Нам о-о-очень далеко тащиться, если ты не передумаешь... Давай-ка ложиться спать, завтра в дорогу. Может, чего-нибудь перекусишь?

— Нет, спасибо... Спать, да... Сегодняшний заплыв в дерьме у меня все силы выпил...

— Иди ложись в фургоне, там постелено. Одежда сзади лежат, а я тут пристроюсь — люблю, понимаешь, в огонь смотреть... есть в этом что-то завораживающее, магическое.

Федор встал с чурбачка и улегся поудобнее на одеяло у костра, глядя в пляшущие языки пламени. Блики от огня пробегали по его лицу, морщинистому от прожитых лет и жизненных проблем, и Андрей подумал: «Куда нас приведет эта дорога? Куда я вообще иду? Где остановлюсь? Нет мне покоя, как переكاتи-поле меня несет и несет по миру, даже не по миру — по мирам. Вот и мужика за собой тащу — зачем? Ему и так досталось в жизни, а со мной так и вообще можно влипнуть в неприятности». Он пожал плечами — будь что будет — и отправился в фургон отсыпаться.

Утром его разбудил скрип фургона и стук копыт по земле — Федор уже запрягал лошадей, матерился на конягу, раздувающего брюхо, чтобы подпруга потом его не сжимала. Андрей потянулся и высунулся наружу — солнце уже поднялось над кронами деревьев и всю сияло над миром, заливая его оранжевым сочным цветом. Почему-то на душе у Андрея было хорошо и спокойно — впереди дальняя, очень дальняя дорога, а он радуется как ребенок предстоящему путешествию. Усмехнувшись, подумал: «В душе каждого взрослого мужика живет пацан, мечтающий о дальних странах, вот и я не исключение... Что там впереди, какие чудеса?»

Он выбрался из фургона, Федор поприветствовал его радостным мычанием и матом вперемешку с криком:

— Стой, стой, подлюга! Да не тебе я, этому отродью с четырьмя

копытами! Убью, гадина, не надувай брюхо, скотина безрогая!

Андрей ухмыльнулся и отправился в кусты...

Вскоре они сидели рядом на передней скамье фургона, смотрели на колышущиеся зады лошадей, тянущих их передвижной дом, и рассуждали о жизни, о своих делах, обо всем, что могут обсуждать два мужика на пятом десятке лет, выдавшие виды и прошедшие огонь и воду.

— Вот у тебя почему нет бабы, Андрей? Вот как ты обходишься без бабы? Почему твоя вера требует, чтобы ты обходился без бабы, это же странно, согласишься?

— Ничего такого вера не требует, — вяло защищался Андрей, — просто я был монахом, при постриге принял обет безбрачия, вот и все!

— А почему это ваши обеты требуют такого безобразия? Ты можешь заболеть без бабы, в курсе?

— Да ну тебя, чего ты пристал, как репей? А ты-то сам чего неженатый, и бабы я у тебя не вижу!

— Если не видишь, это не значит, что ее нет!

— Невидимая, что ли? Типа — призрак?

— Тьфу на тебя! Я время от времени хаживал к одной молодке, да! Хорошая вдовушка, сладкая! А ты, знаю, ни к кому не хаживал, как больной какой-то! Ты вообще здоров?

— Я те щас ка-а-ак... тресну по башке, вот тогда не будешь глупые вопросы задавать! — рассердился Андрей. — Ну что тебя пробило на эту тему-то? Приснилось, что ли, чего?

— Ага, приснилось, — с удовольствием согласился Федор. — Вроде как вокруг меня танцуют пятеро полуобнаженных танцовщиц и при этом раздеваются, раздеваются, раздеваются... и падают в мои объятия! Падай, Андрей! Падай! — Федор сбил со скамьи ничего не понимающего друга, и тут же в стенку фургона, там, где они сидели, вонзились три стрелы, дрожа своими оперенными древками.

— Похоже, грабители... Вот черт, повезло нам как утопленникам! — вполголоса сказал Федор, проверив, легко ли вынимается из ножен сабля. — И ведь почти у самого города! Довели народ, уже в леса уходят на промысел. Ну что, готов к бою? Тогда пошли!

Они приподняли брезент с задка фургона и ужом выскочили наружу, затаившись у колес повозки. Снизу было видно, что возле лошадей стоит группа людей, человек шесть, с мечами в руках. Луков у них не было, так что Андрей предположил, что или лучники в кустах сидят, или же эти отстрелялись и оставили луки на месте, что вряд ли.

— Давай туда! — понимающе кивнул Федор, и они рванули в лес, по

широкой дуге огибая то место, где предположительно сидели лучники. Впрочем, не совсем предположительно — Федор же как-то сумел их увидеть!

Зайдя с тылу, друзья медленно продвигались на голоса — под ногами тихо шелестела упавшая хвоя, но не хрустела ни одна веточка. Слышно было, как разбойники активно обсуждают исчезновение возчиков, нырнувших в фургон, и обвиняют друг друга в нерасторопности.

Федор в лесу преобразился — от пьяницы-стражника не осталось и следа, это был хищный зверь, тигр, неслышно перемещавшийся по своим лесным владениям.

Андрей заходил немного правее, тоже неслышно, как тень...

Выглянув из-за сосны, он увидел трех лучников — мужчин лет тридцати, сидящих на деревьях, на высоте метров шести-семи, и внимательно следящих за происходящим на дороге.

Похоже, что, на их счастье, Федор успел заметить лучника в прогале между деревьями, это и спасло им жизнь.

Лучники не обращали внимания на то, что происходило у них под ногами, так что друзья спокойно достали из-за пояса кинжалы, переглянулись, и Андрей показал на себя и выставил вперед два пальца — это означало, что он снимет двух, то есть Федору оставался один.

Федор кивнул, они приготовились, и Гнатьев начал отсчет, загибая пальцы на растопыренной пятерне. Когда последний палец был поджат, они одновременно с силой метнули свои кинжалы в лучников, а Андрей через долю секунды метнул еще и свою саблю.

Лучники без звука упали с деревьев.

Федор и Андрей переглянулись, согласно кивнули и, подхватив луки убитых и колчаны со стрелами, полезли вверх, на деревья.

Колчаны были заполнены наполовину, но и этого хватило бы, чтобы нашить проезжающих купцов стрелами, как подушки для иголок.

Сверху было великолепно видно, как разбойники шарятся в фургоне, пытаются найти хозяев и что-нибудь ценное, роются в их вещах, перетрясают одеяла и мешки.

Андрей поймал взгляд Федора, сидящего на дереве в пяти метрах от него, кивнул, наложил стрелу на тетиву, изготовился, выбрав цель... Щелк! Хлопнула спущенная тетива, и два разбойника упали, дергаясь у колес повозки. Щелк! — через секунду упали еще двое, а двое оставшихся в живых высунулись из фургона, пытаются понять, что случилось и откуда стреляют.

Разбойники хотели выпрыгнуть из повозки, но очередные меткие

стрелы пробили им головы, и бандиты повисли на облучке, заливая дорожную пыль кровью.

Друзья осмотрелись и, повесив луки через плечо, стали спускаться на землю. Так же молча они подошли к своему фургону — вокруг лежало шесть трупов, ни одного бандита в живых не осталось.

Проверили карманы разбойников — какая-то мелочишка, ничего ценного. Собрали их мечи и сабли — никчемные железки, но все равно денег стоят, — сложили в фургон, как и луки. Оттащили трупы с дороги и скинули в овраг — подальше с глаз.

Все это время дорога оставалась безлюдной, что немного удивило Андрея — все-таки наезженный тракт, почему по нему такое слабое движение? Может, слухи разошлись, что в Нарске проблемы и собрались толпы исчадий? Возможно, и так...

Друзья уселись в фургон, Федор подобрал поводья, крикнул: «Хей! Хей!» — и вот они уже снова катят по тракту, как будто ничего и не произошло.

— Ты чего не стал их проклинать? Ну чтобы они мертвыми погибли? — Федор приподнял брови и покосился на товарища.

— А если бы не сработало? И что тогда? Может, в тот раз я был в расстроенных чувствах, вот и получилось... Мне бы не хотелось оказаться перед толпой вооруженных грабителей, глупо вопя: «Умри! Умри!» Они бы умерли... со смеху, если бы у меня не вышло...

— Хм... м-да. Ты прав. Я не подумал. Четко сработали — ты умелый боец, это точно. Впрочем, чего я говорю — после того, как ты выжил на Кругу...

— Меня учили хорошие учителя — и по лесу красться, и часовых снимать. Так что ничего удивительного. Вот на Кругу было тяжело, да... не хочу о нем вспоминать. Кстати, как ты их обнаружил, стрелков-то?

— Ну я же не болван какой-то! Хотя мы с тобой и болтаем, смотрю за дорогой, за кустами — в дороге всякое случается. Вдруг какая-нибудь кикимора появится, или леший, или еще какая нечисть? Или вот разбойники. Я заметил — голубь летел, а перед тем местом, где они сидели на дереве, р-раз, и уклонился в сторону. Потом еще один. Потом сорока ушла в сторону и застрекотала. Тут я уже насторожился — они стрекочут на людей, известные доносчицы. Ну а когда подъехали к прогалу между деревьями, я был уже наготове — когда знаешь, что искать, легче увидеть. Вот я и увидел...

— Ясно... Погоди, я не понял, какие леший и кикимора? Ты что, серьезно? Какая такая нечисть?

— Хм... обыкновенная. А ты что, никогда не слышал про лесную нечисть? Впрочем, о чем это я... ты же не из этого мира. Да, есть у нас лесная нечисть, и это не старые добрые разбойники, а гораздо хуже. Эти только убьют или просто ограбят — а может, и не убьют, а те — лишают души. Ну и тоже убить могут... в общем, непонятно — иногда они убивают, иногда нет, иногда лишают души, иногда... хм... вроде как награждают.

— Слушай, Федор, ты чего мне в уши тут дуешь? Какие награды, какие души? Что за нечисть? Ты сам-то их видел?

— Не видел, но это не означает, что их нет! Вот ты и драконов не видел, и ты скажешь, что их нет?

— Кхе-кхе-кхе... — Андрей вдруг закашлялся, и Федор предупредительно постучал его по спине.

— Какие на хрен... тьфу, прости господи, драконы?! Ты что, меня разыгрывать взялся?

— Обычные драконы... Андрюх, ты чего темный такой? Да, драконы, живут на севере, еще дальше Балрона, питаются тюленями, пингвинами, оленями и всякой такой хренью... не любят людей, иногда нападают на них, если люди приближаются к их городам. Исчадий не любят, убивают. Исчадия тоже их не любят, если поймают дракона — приносят в жертву на алтаре. Говорят, угодно Сагану, эта разумная здоровенная животина имеет большую душу, очень нужную для Сагана. Существа умные, но вредные, как они говорят — с людьми общаться не желают по причине их злобности и алчности.

— Это как так говорят?! — вытаращил глаза Андрей. — Что, и правда говорящие драконы?! Как они выглядят? Слушай, ты что, меня разыгрываешь, пользуясь тем, что я из другого мира? Не ожидал от тебя...

— Да какой розыгрыш?! — рассердился Федор. — Ну на хрена мне тебя разыгрывать? Я сам разговаривал с драконом, когда был на побережье во время войны! Они тогда еще иногда прилетали и отдыхали на берегу после охоты на морских зверей. Я молодой был, глупый, хоть меня и отговаривали, но я пошел к дракону и с ним поговорил. Мне сказали, что он меня убьет, но дракон меня не тронул, не знаю почему. — Федор пожал плечами, хлопнул поводьями по крупу лошади и продолжил: — Глазищи в две пяди, чешуя сияющая, внизу, на брюхе, небесно-голубая, а сверху — серо-коричневая, почти черная. Туловище узкое, как у крокодила, лапы мощные, с когтями... каждая чешуйка как пластина брони — не уверен, что стрела пробьет и даже копье. Впрочем, чего я несу-то, я сам видел броню из чешуек дракона — она сияет, голубая, как небо, прекрасная, как девушка

в расцвете красоты!

— Ух ты! Да ты романтик, как я погляжу! — усмехнулся Андрей. — И все-то тебя на баб сразу тянет — про что бы ни говорил. Ты маньяк какой-то!

— Это ты маньяк, только маньяки так долго могут без бабы! Может, ты на меня там косишься, а? Это ты брось! Маньячина! — Федор хохотнул и на всякий случай отодвинулся от Андрея — двинет еще ненароком! — Ты слушать про драконов будешь или нет? А то не стану рассказывать! Перебиваешь все время!

— Давай-давай, похабник, рассказывай! А то и правда на тебя покошусь! — Андрей тоже хохотнул и посерьезнел: его действительно очень занимал рассказ, и он не понимал, почему до сих пор так мало интересовался этим миром — уперся в свою сверхзадачу, типа Миссию, и все тут... а ведь тут, как оказалось, столько интересного!

— Ну вот, броня из чешуи прекрасная, как девушка... — Федор покосился на Андрея — не смеется ли? — и продолжил: — Самое интересное в этой броне, что она легкая как перышко, поговаривали, что ее не пробивает не то что стрела, но и копье. Впрочем, я думал над этим — ну пробить не пробьет, а внутренности-то все на хрен, чешуйки-то прогибаются от удара!

— Это понятно, у нас такая броня есть, из нее непробиваемые жилеты делают — пробить ее не пробьет, а ребра сломаются на «ура». Вобьет в тело только так. Извини, перебил. Продолжай.

— Все верно. От сабли, ножа или там стрелы — хорошо, а от тяжелой стрелы или копья — бесполезна даже драконья чешуя. Впрочем, а что, обычная кольчуга удержит тяжелое копье? Да ничего подобного. В общем, получается, что драконья — красивая, легкая, и свойства, как у обычной брони. Только одно но — она очень, очень дорогая! Я видел ее всего раз в жизни, на императоре, когда он выступал перед армией и нес какую-то тупую хрень — как обычно. Слушать я его тупизну не слушал, а на броню смотрел. И вот я увидел эту чешую на живом драконе — если она на броне была прекрасна, то какая она была на живом существе! Я тебе не могу это описать...

— А откуда еще берут на броню-то? Что, убивают дракона?

— Нет... попробуй его убей — они слетятся и такое устроят! Да и убить его практически невозможно, если бы они хотели, вообще бы захватили весь мир, только вот не хотят почему-то...

— Хм... а с этого момента поподробнее! Как это они могут устроить и как это не хотят? И еще вопрос — почему они не размножились так, чтобы

вытеснить людей с их территорий? Если они такие умные, не любят людей, неубиваемые и могут уничтожить целые армии? Что-то не вяжется...

— А чего тут не вяжется? — недоуменно посмотрел на Андрея Федор и пожал плечами. — Ты, Андрюха, такой недоверчивый, как будто все тебя норовят надуть! Как ты так живешь?

— Вот так и живу, — угрюмо бросил Андрей. — Потому и жив до сих пор, что недоверчивый. Тебе вот только поверил, а ты мне тюльку тут на уши вешаешь!

— Чего вешаю? Какую тюльку? — не понял Федор. — Что за тюлька такая?

— Да наплюй... выражение такое у нас, жаргон, означает, что ты мне в уши дуешь, обманываешь в общем, придумываешь...

— Я придумываю! Ну ты и скотина неверующая! Держи поводья! Держи, говорю, зараза ты этакая! Я тебе сейчас докажу!

Федор бросил Андрею поводья и полез внутрь фургона, долго там копошился, потом вернулся с вещмешком, запустил туда руку и минуты две угрюмо и сосредоточенно шарил в нем. Нашел, лицо его просияло, и он вынул небольшой сверток.

— Вот, гляди! — Он развернул тряпицу, потом еще одну, и Андрей увидел у него на ладони овальный, как бы с обрезанным на конце краем, предмет — он сиял в солнечных лучах, как покрашенный краской «металлик». — Это драконья чешуя! Знаешь откуда? Это мне дракон дал! Я, молодой щенок, попросил у него чешуйку, потому что он так прекрасен, что мне захотелось что-нибудь от него на память. Он рассмеялся и выдернул из себя эту чешуйку! Мы с ним разговаривали минут пять, а потом он улетел. Ветер от его крыльев был такой, что меня чуть с ног не сбило!

Андрей смотрел на голубую пластинку и не верил своим глазам. Он-то думал, что это розыгрыш старого вояки, а оказалось — правда. Он взял пластинку в руки, попробовал ее согнуть — она поддалась лишь чуть-чуть, такое впечатление, будто пластинка сделана из сверхпрочной стали, только вот для стали она была слишком легкой.

— Красиво... прости, что я тебе не верил... — Андрей окинул взглядом леса, горы, пенящуюся внизу реку с чистой водой и подумал: «На первый взгляд все такое обычное — и леса, и горы... и вдруг — драконы! Лешие! Кикиморы! Хотя — почему и нет? Я же вообще ничего не знаю об этом мире!»

— Ладно, нормально все. Ты же еще темный, ничего не знаешь... — Федор усмехнулся, забрал драгоценную чешуйку и снова уложил в

мешок. — Раньше, много-много лет назад, драконы жили вместе с людьми — возили их, воевали рядом с ними, но после одной страшной войны тысячу лет назад или больше, никто этого не помнит уже, слишком много времени прошло, погибло много драконов и еще больше — людей. Мир был залит кровью, и драконы решили — все, хватит, мы уходим и будем жить сами. С тех пор они не сотрудничают с людьми, и все общение с ними ограничивается случайными встречами, вот как со мной. Так мне рассказывали о старом времени, о драконах. Ты спросил, почему они не захватили мир. А зачем? Он и так их мир, мир драконов. Ты же не обращаешь внимания на муравьев — ползают себе и ползают, вот только когда начинают строить муравейник не там, где надо, ты их уничтожаешь. Или стараешься прогнать. Вот так и драконы с людьми. Обидно быть в роли муравьев? Да нет... мы такие и есть — насекомые. Ты и сам убедился в этом... По-хорошему — снести бы этот мир и на его месте построить новый, с новыми людьми! Убрать всю эту гниль!

— «Тогда, Господи, сотри нас с лица земли и создай заново более совершенными... или, еще лучше, оставь нас и дай нам идти своей дорогой». — «Сердце мое полно жалости... Я не могу этого сделать».

— Что это было? — вздрогнул Федор. — Что ты сейчас сказал?!

— Это разговор двух героев сказки... просто вспомнилось. Любил эту сказку в детстве... да и сейчас вспоминаю с удовольствием.

— Расскажешь? Нам еще до-о-олго ехать... все веселее будет.

— Может, и расскажу. Только понять тебе будет сложно, наш мир настолько не похож на ваш, что... Впрочем, кое-что остается неизменным — люди, например. Так мы не закончили про драконов — а как они могут уничтожать? Когтями и зубами, что ли?

— О-о-о! Это надо видеть! Я видел! Я, болван этаким, попросил дракона показать, как они плюются огнем! Ресниц у меня после этого не стало, а воняло, как от паленой свиньи! У дракона на морде два отверстия — вроде как ноздри, но на самом деле это не ноздри! Из них вылетают две струи и летят на большое расстояние — по рассказам, до двухсот метров. Дракон плюнул всего метров на десять, в камни рядом со мной так жажнуло пламенем, что я думал, сгорю к лешей бабушке! Я сам видел, как каменная глыба, в которую он плюнул, плавилась как масло! Струи из ноздрей смешиваются на расстоянии пяти метров и дальше летят уже сгустком огня, который нельзя потушить и который горит даже в воде. Теперь представляешь, какая это сила?

— Представляю... огнемет какой-то... оружие такое у нас есть. И почему же их мало? Или их не мало?

— Никто не знает, сколько их. Но люди видели стаи не больше чем из пяти особей одновременно. Похоже, они или перестали размножаться и их очень мало, или просто не собираются в стаи больше чем по пять штук.

— Странно... Так ты мне так и не сказал, откуда берутся чешуйки-то, для той же брони?

— Ну что ты такой непонятливый? — рассердился Федор. — Жили они вместе с людьми? Жили! Линяли? Линяли! Вот и остались чешуйки, вернее, броня с тех пор. А может, где-нибудь нашли гнездо драконов и принесли оттуда чешуек — и такие слухи ходили. Кто найдет это гнездо и принесет чешуек — озолотится. Если, конечно, дракон не спалит.

— Одну только вещь забыл спросить, — прищурился Андрей. — А как вы с ним разговаривали? Как он может говорить с человеком, если у него нет речевого аппарата?

— Хм... не знаю, какой там у него аппарат, но говорил он, как мы, только голос такой... хм... тяжелый, металлический, прямо в голову бьет, как будто в ухо орет.

— Интересно... а может, он вообще мысленно с тобой разговаривал? Челюсть не двигалась, когда он с тобой говорил?

— Ну что ты пристал? Откуда я знаю? Ну представь себе — ты стоишь перед трехтонным драконом с глазами в две пяди. Ты будешь думать о том, каким способом он с тобой разговаривает? Да хорошо, что я в штаны не наделал, когда он рядом со мной плюнул огнем! Они ведь еще что могут делать, рассказываю: плюнет с одной ноздри, так не загорается, а одурманивает на время, тот, на кого он плюнет, становится как каменный столб, двигаться не может! Они так охотятся, сам видал. Плюнул в тюленя — тот и закачался на волнах как поплавок, а дракон подхватил его когтями и был таков! Минута — и он уже величиной с комара где-то там на горизонте. О, смотри, караван навстречу идет — охраны набрали, как на войну! — Федор дождался, когда первый из трех фургонов с ним поравняется, и крикнул: — Привет, купцы! Удачной дороги! Чего это вы столько охраны набрали, на войну, что ли, собрались?

Сидящий на облучке молодой мужчина натянул поводья лошади, притормозив повозку, и слегка надменно ответил:

— Надо, и набрали! Разбойники здесь стали пошаливать! Вы лучше скажите, Нарск открыли или нет? А то, говорят, там никого не впускают и не выпускают!

— Не верь. Мы же выехали! Но вообще-то поостерегся бы — там преступника ищут, это похуже разбойников будет!

— Да, это точно... — Купец озадаченно почесал затылок. — Как бы не

попасть под горячую руку...

— А разбойники дальше под горой лежат. Нет тут больше разбойников...

Федор усмехнулся, глядя на удивленное лицо купца, стегнул лошадей, и они весело запыхали дальше по дороге, оставляя за спиной караван с полутора десятками охранников в броне.

— Видал? А каждому охраннику платить надо! Я тоже так ходил с караванами — жить можно, если не шибко опасная дорога. Так-то не особо опасно — если глядишь в оба, вот как я сегодня, да броню нормальную наденешь. Ну конечно, если только рядом с дорогой не ведутся какие-нибудь военные действия. Тут уж вариантов никаких — бросать фургон и бежать, солдатам по хрену на все, разграбят и убьют, только так. И кстати, все равно чьи, наши или чужие. На войне все едины. Война все спишет...

— Федь, сколько нам до ближайшего города?

— Чего? Расстояния или времени? Если расстояния — до Гаранака семь сотен верст, а до ближайшего Урака — пятьдесят верст. Если все нормально, к закату доедем. А то можем на постоялом дворе у тракта заночевать — тридцать верст отсюда, у деревни Харабово. Посмотрим, как дело пойдет. Едем себе и едем потихоньку. Перекусить не хочешь? У меня там копченое мясо в бауле, поищи... и там же вино слабое, запей.

— Лучше бы квасу взял, — недовольно буркнул Андрей. — Вино зачем, пороть всю дорогу, что ли? По себе равняешь? Заканчивать надо с выпивкой, Федор. Дорога дальняя, тяжелая, нам только пороть в дороге не хватало.

— Ну чего ты разнылся, как злая жена? Я чего, пьяный плохо дерусь или не соображаю? Уж ты-то должен это знать! Да ладно, ладно, в трактире наберем квасу, нечего на меня так зыркать! Того и гляди прибьет, мать его за ногу!

Федор еще долго бурчал чего-то под нос, потом затих, и часа два они ехали в молчании.

Андрей разбавил вино колодезной водой из бочонка, стоявшего в задней части фургона, попил и улегся на одеяла, глядя в брезентовый потолок фургона.

Он обдумывал все, что ему рассказал Федор, — это было настолько невероятно, что Андрей долго не мог успокоиться, вновь и вновь возвращался мыслями к полученной информации. «Драконы! Неужто и правда драконы? Ну не будет же он врать, в конце концов, я бы почувствовал это. А рассказы о леших, кикиморах — это как? Ну почему я был таким тугодумом, почему не интересовался этим миром — не

расспрашивал людей, не общался? Я бы сейчас уже не был так удивлен! Почему не общался? А когда я общался с людьми? Когда я последний раз поговорил с кем-то по душам? Вся моя жизнь последних лет была сплошным кошмаром одиночества... даже в монастыре — разве я говорил с кем-то по душам? Сидел и занимался терзаниями своей души... В кого я превратился? Почему я не жил все эти годы, а существовал, как растение? Нет у меня ответа. И ни у кого нет. Как это еще я с Федором подружился — видимо, потому, что он тоже одиночка... кстати, оказалось, не такой уж одиночка, даже женщина где-то там есть... Хватит терзаться! Ставлю себе задачу: первое — узнать об этом мире как можно больше. Второе — умножать количество добра и уменьшать количество зла в этом мире. В общем, жить как подобает человеку, а не скоту. А уж как получится — другое дело... Я, конечно, может, и стремлюсь стать святым, но ведь не мучеником!»

С этими мыслями Андрей уснул, убаюканный покачиванием фургона и теплом одеял, на которых лежал. Сны ему не снились.

— Вставай, Андрей! Вставай! Чего-то впереди случилось! Андрей, иди скорее сюда! — Из сна его вырвал тревожный голос Федора.

Андрей сразу вскочил — сна как не бывало — и уселся к товарищу на облучок.

— Видишь? Толпа впереди! Там, у трактира, у деревни — вон туда смотри! Неспроста это все. Приготовь луки, оружие, не люблю я массовые скопления народа... это или казнь какая-то, или бунт, в любом случае — одни неприятности.

Нет, это был не бунт и не чья-то казнь — подъехав ближе, путники увидели, что у трактира стоит женщина лет двадцати семи и рыдает, что-то выкрикивая угрюмо глядящей на нее толпе. Федор подъехал ближе и остановил лошадей, а Андрей стал прислушиваться, о чем шла речь.

В основном выступление женщины состояло из ругательств, виртуозно вплетаемых в плач, и обвинений окружающих во всех грехах, но иногда все-таки проскакивала информация, из которой Андрей понял, что у женщины пропал ребенок — девочка.

Он еще минуты три послушал крики и плач, потом выпрыгнул из фургона, раздвинул толпу и, подойдя к женщине, остановился перед ней и угрюмо-веско сказал:

— Хватит!

Женщина затихла, всхлипывая, и недоуменно посмотрела на него красными от слез глазами.

— Чего хватит?

— Воплей хватит. Хочешь вернуть ребенка — давай подумаем, как это сделать! Руганью тут не поможешь.

— Да ничем не поможешь! — откликнулись из толпы. — Мы чего сделаем-то, за что она нас поносит?! Настенку кикимора унесла, небось ее уже и в живых нет! А мы при чем?

При этих словах мать пропавшей девочки снова завывала, сдирая с головы платок и зажимая им искривленный горем рот.

— А что, нельзя вернуть девочку, что ли? Ну собрались бы толпой, и все, вернули бы девочку! Какая бы кикимора ни была, толпа ведь ее забьет! — Андрей обвел взглядом прячущих глаза сельчан.

Они молчали, потом кто-то сказал:

— Толпа-то забьет, а она забьет кого-то из толпы! Мы же не военные, не солдаты, а кто наши семьи кормить будет, если мы помрем? Алена, что ли? Ее мужа убили, так мы при чем? Мы помогали ей, но не хотим, чтобы кикимора нас выпотрошила! Уж прости, Алена, за правду!

— Где эта кикимора обитает? Вы хоть место показать можете? — спокойно осведомился Андрей. — Или и на это духу не хватит?

— Да чего там, известно место. — Вперед вышел мужчина с окладистой черной бородой, видимо местный староста. — Пещера это, за лесом, в трех верстах отсюда, за болотом. Там горка небольшая, в ней и пещера. Там она сидит. Раньше не хулиганила... ну почти — только баранов воровала, корову иногда зарежет, а чтобы людей воровать — такого не было.

— Ну что вы врете! — закричала Алена. — А Данила прошлым летом пропал? А сын Антухи куда девался? А Маркан куда делся месяц назад? Что, я не знаю, что вы якобы в город посылали, просили стражу? Чего пыль пускаете, народ обманываете? Сами не можете убить нечисть, так чего теперь туману наводите? Давно она людей убивает, эта кикимора, уважаемый! Только все молчат. А почему молчат? А? Люди? Почему вы молчите? Знаете, почему? Это дочь старосты. Все знают, что она в нечисть превращается время от времени, что ее когда-то кикимора покусала на болотах! А теперь она мою дочь хочет сделать кикиморой! Или убить! Что, староста, я не права? Приведи-ка свою дочь, где она?

— Ты совсем спятила, Алена! Моя дочь уехала в город по делам! А ты мутишь народ, не понимая, что идти к кикиморе опасно, для этого есть стражники — как придут, так и разберутся с нечистью!

— Ага, придут — а ее нет! А потом опять объявится, и куда-то опять твоя дочь денется! Кому ты врешь, Артохан?! Это вон чужим можешь тень на плетень наводить, мне-то чего лжешь?

— Все ясно. Федор, иди сюда! — Андрей повернулся к толпе. — Кто покажет мне место, где сидит кикимора? Есть смелые?

— Вы не можете вмешиваться в наши дела! — возмутился староста. — Езжайте своей дорогой, а этим делом займутся стражники!

— Стражники?! Ах ты, сука! — Алена с утробным ревом бросилась на старосту и ободрала его лицо до крови, оставив на нем красные полосы от ногтей. — Сука! Сука! Сука! Хочешь, чтобы мою дочь убили?! Я сама тебя убью, тварь!

Женщина вцепилась в его длинные волосы, уложенные в смазанную благоухающим маслом косу, и стала драть так, что ее едва оторвали несколько односельчан.

— Ты ответишь! — завопил староста. — Я на тебя заявлю в стражу, ты и дома лишишься за нападение, и всего имущества! Тварь!

— Ну так что, покажет мне кто место, или нам самим искать? — как будто ничего и не произошло, спокойно спросил Андрей. — Есть кто смелый?

— Я сама покажу! — Тяжело дыша, Алена вырвалась из рук удерживавших ее сельчан. — Я сама пойду! Пошли за мной!

Она решительно зашагала к дороге, но Андрей остановил ее:

— Погоди! Мы туда можем проехать на лошадях, с фургоном?

— Только часть дороги — дорога кончается у сенокоса, на этой стороне болота, за болото уже только пешком.

— Хорошо. Прыгай в фургон, поехали, надо спешить, пока светло.

Алена, не глядя на молчавших односельчан, забралась в фургон, Андрей следом за ней, а Федор, лишь укоризненно помотавший головой, хлопнул поводьями, и фургон проплыл сквозь расступившуюся толпу сельчан.

ГЛАВА 7

— Вот здесь, здесь заворачивайте! — Алена чуть не подпрыгивала на облучке, ее горящие глаза, казалось, прожигали стену елей, плотно обступавших тракт со всех сторон.

Федор потянул вожжи, и фургон по еле приметной дорожке углубился в лес.

— Это на покосы дорога! — лихорадочно поясняла Алена. — В сезон тут деревенские ездят, а сейчас пока что трава не поднялась, дорога заросла... прибавь ходу, а? Еще немножко, медленно едем! Там же дочка моя!

— Лошадей загоним — лучше не будет, — буркнул Федор. — Сиди спокойно, доедем!

— Федор, расскажи мне, чего ждать от кикиморы? Так сказать, боеспособность... — обратился Андрей к товарищу, одновременно надевая на себя куртку, подбитую изнутри кольчугой и стальными пластинами, а также проверяя перевязь с метательными ножами.

— Да-а? Неужели заинтересовался? — съехидничал старый солдат. — Раньше надо было спрашивать, прежде чем вызываться на это дело и давать надежду бабе! Честно говоря, я не знаю, как ты с ней справишься, ее надо брать тяжелыми стрелами издалека, и чтоб наконечники из серебра, или тяжелыми копьями, тоже с наконечниками из серебра! Куда ты-то сейчас прешь с этой сабелькой да с кинжальчиком?

— Хорошо глумиться! — рассердился Андрей. — Я тебя прошу рассказать о ее боеспособности и чего от нее ожидать, а ты мне тупые рассуждения на тему «дурак и не лечится»!

— Хорошо, получи. Кикимора — человек, который заражен нечистой силой и по своему желанию может превращаться в некое подобие то ли волка, то ли пантеры, то ли... не знаю, как это назвать, в общем, семьдесят килограммов плоти, украшенной стальными клыками, когтями и еще более стальными мышцами, выдающими такую скорость, что трудно уследить глазом. Впрочем, вес ее зависит от веса того человека, который является носителем нечистой силы. Любит убивать — в основном домашних животных, скот, ну и всех, кто попадется под руку. На людей нападает редко, но есть отдельные особи, которые совсем спятили и убивают людей. Почему-то предпочитают детей — воруют их, после чего, наигравшись, убивают и пожирают. — Алена при этих словах Федора горько

заплакала. — Как получаются кикиморы? По рассказам и легендам, после укуса или царапины таких же кикимор, а также по наследству, от отца и матери — видимо, что-то входит в кровь, что делает ее такой, какая она есть. Убить ее очень трудно, практически нереально — только большим отрядом, специально подготовленным к борьбе с этой нечистью. Достаточно?

— Каковы шансы убить эту пакость? — Андрей угрюмо задумался: вероятность убить этого оборотня, как он понял, была равна нулю. Но и проехать мимо и не оказать помощь он не мог...

— Ничтожны. Даже если мы с тобой вдвоем примемся эту пакость искоренять. Можно сказать, что наш жизненный путь заканчивается. Ну что же, я хорошо пожил, много видел — даже дракона видел, любил женщин, они меня любили, обретал и терял друзей, имел врагов... не страшно умирать! — Федор флегматично пожал плечами и стегнул вожжами замедливших шаг лошадей. — Что же сделаешь, если Бог мне послал друга с наклонностями самоубийцы? Значит, такая моя судьба!

— Хватит каркать! — жестко оборвал его Андрей. — Своим карканьем ты заранее настраиваешься на проигрыш! И вообще, ты не пойдешь со мной к кикиморе, встанешь поодаль и будешь пускать в нее стрелы — так будет больше толку! Я запрещаю тебе со мной идти! А если со мной что-то случится — помни, куда мы ехали и зачем, и сделай все без меня. Тебе ясно?

— Угу...

— Четче, четче скажи!

— Ну что ты как капрал в армии! Сразу видать, армейская душа! — усмехнулся Федор, зорко глядевший вперед на дорогу. — Ну сказал же, все сделаю. Помирай спокойно!

— Тьфу на тебя! Вот ты язва хренова! Ну что, я должен был проехать мимо и не попытаться помочь?! На хрена тогда я такой нужен? Погибну, значит, погибну! Со смыслом погибну! А не на жертвенном камне у этих придурков!

— Тсс! — Федор обернулся, показал глазами на женщину, сидящую рядом с ним, и укоризненно покачал головой.

Но Алена даже и не слушала разговоров мужчин — она вцепилась в скамью побелевшими от напряжения пальцами и чуть не выпрыгивала из фургона, всем своим существом пытаясь ускорить движение.

Наконец дорога вывела на большой луг, метров пятьсот в длину и метров двести в ширину. Он упирался одним краем в болото, где в прогалинах с чистой водой желтели кувшинки.

Трава на лугу была невысокой — видимо, ее не так давно выкосили и она еще не успела вырасти. Пахло сеном, с болота доносился запах тины, и где-то в зарослях кричала птица — то ли выпь, то ли еще какая-то, — она ухала, скрипуче вопила так, что казалось, будто нечистая сила со всего света собралась тут, чтобы устроить пир на костях случайных прохожих.

— Вон туда! — показала рукой Алена. — Там есть брод на ту сторону — шагов сто через болото, и будет такой же луг, как и тут, а за ним лесок, за леском гора, в которой пещера, — люди говорили, там логово кикиморы! На фургоне не проедем, надо оставлять у брода!

Федор кивнул и направил лошадей к указанному месту. Через несколько минут они были у брода, и Гнатъев стал распрягать лошадей.

— Зачем распрягаешь? — не понял Андрей. — А-а-а... ты не рассчитываешь вернуться и хочешь, чтобы они не померли с голода? Может, оставим тут Алену, пусть присмотрит за лошадьми, а если не вернемся...

— Нет! — перебила женщина. — Я с вами пойду, даже не удерживайте! Дайте мне оружие! Я из лука умею стрелять, и неплохо, меня отец учил! На охоту с ним ходила, пока отца медведь не задрал. Я не в тягость буду, я помогу!

— Почему и нет? — пожал плечами Федор. — Может, и правда шанс какой-никакой будет. Андрей, ты тоже лук возьми, будем вначале стрелами давить, ну а не получится... В общем, вот еще что: эта пакость восстанавливается очень, очень быстро. Чтобы она не могла восстановиться, нужно отрубить ей башку. Если она уйдет с повреждениями — отлежится и восстановится практически в прежнем виде, только будет еще злее и пакостнее. Сразу скажу, сам не встречался с такой гадостью, только читал в руководстве для военнослужащих — как себя вести при встрече с кикиморой.

— И как? Что там пишут ваши умные военные стратеги? — Андрей осмотрел себя: перевязь с ножами на месте, сабля на месте, лук со стрелами приготовлен — все, можно идти.

— Наши стратеги советуют бежать. И как можно быстрее. А тех, кто был поранен кикиморой, держать в карантине и при первых же признаках заражения убивать, иначе они потом уничтожат своих товарищей.

— Обнадеживающе! — хмыкнул Андрей. — Ну что, пошли? Кстати, почему ее зовут кикимора, а не оборотень?

— Не знаю, — пожал плечами Федор. — Кикимора и кикимора, никогда не задумывался над этим вопросом. А тебе не все равно, как называется то, что тебя будет рвать? Да хоть макимора или хренимора!

Лишь бы сабля не сломалась да кинжал не подвел...

Наконец Федор освободил лошадей и надел на них путы, чтобы далеко не ушли. Если они погибнут, лошади на лугу с голоду не помрут, а потом кто-нибудь их подберет.

Чавкающее болото хотело утянуть сапог Андрея, и он с трудом вытянул ногу из вонючей, пузырящейся жижи: «Хорошенький брод! Как бы тут с головой не уйти в трясину, будет как с той девчонкой из фильма „А зори здесь тихие...“»

Как будто услышав его мысли, Алена, перемазанная с головы до ног в грязи, успокаивающе сказала:

— Тут неглубоко, не утонем, самое большее по колено... Если бы мы объезжали болото по дороге, верст пять пришлось бы лишних отмахать.

Действительно, под дикой грязью было довольно твердое, только очень уж скользкое дно — Алена успела плюхнуться в жижу раза два, превратившись из привлекательной женщины в совершеннейшую нищенку.

«Надо отдать ей должное, — подумал Андрей, — вся в грязи, а лук со стрелами держит над головой сухими! Молодец баба!»

Брод вывел на красивейший луг, тоже недавно скошенный, напоминавший своим видом футбольное поле. Алена указала рукой:

— Туда, вон за тем леском! Видите вон ту горушку? Верхушка за деревьями торчит? Вот там и пещера! Она там, тварина! Давайте быстрее, мужики, а? Солнце уж совсем низко, что там с дочкой — не знаю!

— Да что там... небось в живых уже нет, — угрюмо пробурчал идущий сзади Федор, — и мы скоро поляжем.

— Не говори так! — ошетинилась Алена. — Жива она, жива! Я бы почувствовала, если бы она погибла! А ты накаркаешь, старый дурак!

— Ну вот, теперь и дураком стал, — хмыкнул Федор. — Что дальше-то будет?

— Заслужил, — кашлянув, подытожил Андрей. — Какого рожна под руку каркаешь? Может, и жива еще, почему нет? Давай-ка наддай, а то тащишься как на похоронах! Тьфу! Вот сорвется же с языка! А все ты со своим карканьем!

Мужчины ускорили ход, и теперь Алена едва поспевала за ними, передвигаясь то быстрым шагом, то трусцой, но она не жаловалась, а только стиснула зубы и неслась, как оленуха, спешащая к своему олененку, попавшему в беду.

Скоро они вступили в лес, через который вела почти незаметная тропа, выводящая к подножию горы. Собственно говоря, это была и не гора в общепринятом понимании этого слова — в этом месте скалы как будто

выпучило из земли, выдавило под натиском каких-то процессов, происходящих в пластах, и полосатые глыбы песчаника валялись повсюду — в лесу, через который они проходили, и у самого подножия горы, в которой и чернело отверстие, образованное изогнувшимися пластами горных пород.

Андрей прикинул — до пещеры было метров сто, и вход в нее хорошо просматривался из-за стволов елей, растущих у подножия горы. Он подал знак спутникам и сам тоже приготовил свой лук, наложив на его тетиву стрелу и сдвинув колчан так, чтобы удобно было достать содержимое. Федор и Алена последовали его примеру, и через минуту они двинулись вперед, внимательно осматривая окрестности и следя за пещерой.

— Держитесь за мной, я пойду к входу в пещеру, вы зайдете с флангов, так чтобы я не перекрывал вам сектор обстрела и вы видели цель, если она появится из отверстия! — скомандовал Андрей, дождался, когда его команда переместится к флангам, и медленно, держа на прицеле вход в пещеру, пошел вперед.

Где-то в кронах деревьев пели птицы, в кустах у болота заливался песнями соловей, изредка квакали лягушки — идиллия, да и только! Однако Андрей не позволял себе расслабиться — он знал, как быстро затишье может взорваться грохотом выстрелов и разрывами гранат, так что безмятежность природы не могла его обмануть.

Подойдя к пещере на расстояние десяти шагов, он остановился, посмотрел на своих спутников — они тоже встали справа и слева, изготавившись к стрельбе, — подумал и не нашел ничего лучшего, как крикнуть:

— Эй ты, кикимора болотная, выходи!

И со смешком подумал: «Да что за хрень вышла? Как будто из русской народной сказки: „Выходи, биться будем или мириться?!“»

Однако он тут же забыл о своих мыслях — произошло нечто такое, что Андрей просто обалдел, у него даже челюсть отвисла: из пещеры, как будто прогуливалась по нудистскому пляжу, вышла абсолютно обнаженная красотка. Зеленые глаза этой особы смотрели на мир невинно, как у ребенка, черные волосы струились по плечам и спине пышной гривой, соски полной груди вызывающе торчали вперед, сморщившись на прохладном вечернем ветерке, длинные ноги, стройные и мускулистые, как у модели или спортсменки, плавно несли ее гладкое тело с плоским животом по грешной земле так, как будто утверждались над несовершенством этого мира.

Она обворожительно улыбнулась и звучным грудным голосом сказала:

— Приветствую, воин! Чего это ты целишься в несчастную девушку? И не стыдно — на женщину с оружием? Ну никакого воспитания!

От нереальности происходящего Андрей опустил лук и ослабил тетиву, вытаращив глаза и не зная, как ему поступить, — он ожидал увидеть страшное чудовище, состоящее из зубов и клыков, а тут... Он с изумлением почувствовал, что при виде этой красоты кровь прилила к низу живота, и его охватило возбуждение, которого он не испытывал уже несколько лет.

Красотка сделала несколько шагов и уже находилась на таком расстоянии от Андрея, что он мог отчетливо видеть маленькую родинку под ее левой грудью.

Положение спасла Алена — уж она-то разбиралась в ситуации лучше двух мужиков, сраженных красотой объекта:

— Не верь ей! Это она, кикимора! Стреляйте в нее! Осторожно!

Алена спустила тетиву своего лука, но то ли от волнения, то ли от недостатка практики промахнулась, и стрела лишь пробороzdила кровавую черту по плечу красотки, ударившись в скалу у входа в пещеру и уйдя рикошетом в сторону болота.

Эффект от выстрела был потрясающим: через секунду Андрей увидел перед собой не сексуальную мечту всех мужчин, половозрелых и не очень, а клубок ярости, когтей, зубов — именно то, что он ожидал увидеть, идя сюда, и гораздо хуже.

Его куртка была вспорота в мгновение ока, и, если бы не стальная кольчуга с нашитыми пластинами (спасибо Гнатьеву!), кишки Андрея уже были бы разбросаны по ближайшим кустам, а так он лишь отлетел метра на три и валялся на земле, не в силах вдохнуть, с кровавыми кругами в глазах и звоном в ушах.

Андрей не знал, сколько времени он был в полной прострации и не мог контролировать свои действия, видимо, недолго, — кикимора после своего победоносного апперкота взвилась в прыжке, когда в нее врезались две стрелы, пронзив плечо и сбив влет. Андрей не дожил бы до сорока лет, если бы не умел быстро восстанавливаться после ударов и оценивать ситуацию — кикимора только еще отрывалась от земли в прыжке, когда он уже откатывался в сторону с того места, где предположительно она должна была приземлиться.

И все бы ничего, он бы избежал удара, но стрелы его спутников слегка изменили траекторию полета кикиморы, и нечисть приземлилась одной лапой точно на плечо Андрея, разорвав на нем куртку, рубаху и кожу, как будто они были из папиросной бумаги.

Он взвыл, обхватил мускулистое тело кикиморы и погрузил кинжал в шею чудовища, повиснув на ней, как наездник под шеей скачущей лошади.

Кикимора прыгала по полю, будто огромный мохнатый кузнечик, одновременно пытаясь сорвать с себя опасный восьмидесятикилограммовый груз, но Андрей не давал ей это сделать, обхватив ее руками и ногами, как детеныш обезьяны свою мать. Только при этом «детеныш» все больше и больше перепиливал шею своей «матери», преодолевая сопротивление стальных мышц и сухожилий.

Справа и слева в кикимору летели стрелы, и она уже была похожа на дикобраза, но Андрей этого не видел, он сосредоточился на том, чтобы перерезать шею твари как можно глубже и быстрее, не обращая внимания на то, что она рвала ему спину, уже оголенную, кровавую, со свисающими с нее лохмотьями кожи и мяса. Уже последним усилием умирающего тела он напрягся и со скрежетом по кости перепилил позвонки, соединяющие голову кикиморы с туловищем, — чудовище сразу ослабло, немного постояло на ногах и рухнуло ничком, погребя под собой человека. Голова кикиморы отделилась от плеч, покатилась в сторону, цепляясь за камни и кусты длинными блестящими волосами.

Из отрубленной шеи с торчащими белыми позвонками и кровавыми лохмотьями мышц хлестал фонтан крови, заливая лицо и грудь Андрея. С отвращением почувствовав во рту солоноватую жидкость, он непроизвольно сглотнул и тут же зашелся в кашле.

Столкнув с себя тело, уже полностью ставшее человеческим, Андрей тяжело приподнялся на локте, со стоном перевалился на колени и осмотрелся. Невдалеке стояли Алена и Федор, с ужасом глядя на него и держа стрелы наложенными на тетиву.

— Эй, вояки, луки-то опустите! Ненароком выстрелите, а я не хочу получить в брюхо эту деревяшку!

Федор первым опустил лук и с облегчением сказал:

— Живой? Неужели? Я думал, тебе конец... ты бы на себя глянул — лица не видать, все кровью залито! Непонятно, как ты еще дышишь-то?

— Дышу. Помоги-ка мне подняться, что-то совсем хреново мне... — Андрей попытался встать, но ткнулся носом в землю и ободрал себе скулу — ноги его не держали совершенно.

— Сейчас, сейчас! Осторожненько, давай-давай, вот сюда, на камень... Ой, мама родная! Да у тебя спины-то нет! Месиво какое-то! Андрюха, как ты еще жив-то?! Вот несчастье... Говорил тебе, не надо было идти сюда... Ой, беда-то!

— Хватит причитать, как баба... я еще не собираюсь помирать, не

дождетесь! Кстати, о бабах — а где Алена? Куда Алена-то делась? Дочку пошла забирать? Погляди, что там и как... я подожду... вроде кровь не течет уже.

— Ясно, что не течет! У тебя вся спина в земле и в прилипших лохмотьях! Ой-ой, как бы заразу не подцепил...

— Иди, говорю, посмотри, что там с Аленой! Мы зачем сюда шли? Что там с девчонкой, узнай, я подожду...

Федор кивнул и исчез в пещере.

Потянулись мучительные минуты ожидания — у Андрея мутилось в голове, его лихорадило, и он стал замерзать — сказывалась потеря крови.

Он прижал руки к груди и сосредоточился, отбрасывая от себя холод, дикую боль в спине и разбитом лице. Главное было отрешиться от неудобств, от боли, от всего того, что мешает выполнять задание, — так учил его когда-то инструктор. Это было на уровне берсерка, когда человек не ощущает боли и думает только о том, чтобы убить противника.

Выждав минуты три, Андрей тяжело встал, вынул из ножен саблю и, опираясь на нее, пошатываясь пошел к пещере, где чуть не столкнулся с вышедшим оттуда Федором.

Старый солдат держал на руках маленькую девочку, лет трех от роду, сладко спавшую на руках и не ведавшую, какие страсти творились вокруг.

Федор посмотрел на Андрея и хмыкнул:

— Ну куда, куда ты собрался? Хватит с тебя уже! Как труп ходячий, а туда же! Алена, держи девчонку, мне тут нашего воителя надо тащить... ты сам-то не дойдешь до фургона, похоже на то! Пошли потихоньку — спустимся к лесу, там я волокушу сделаю!

Андрей, поддерживаемый Федором, потащился к лесу. Его знобило, голова кружилась, и он привычно определил — сотрясение мозга, большая потеря крови, болевой шок.

В его голове было мутно и горячо, он то выныривал из забытья, то погружался в него, осматриваясь на предмет опасности — в бреду ему казалось, что он опять на войне и со всех сторон подкрадываются враги, готовые перерезать ему глотку. В моменты просветления он ощущал, что его куда-то волокут и он лежит на палках, связанных друг с другом, перетянутый поперек груди и неподвижный.

В очередной раз открыв глаза после потери сознания, он увидел, как над головой качаются ветки деревьев, и подумал: «Из зеленки выносят... к вертушкам? Где они тут сядут? Как меня зацепило — на растяжку, что ли, наступил? Спина как болит... наверное, осколками посекло...»

Снова погрузившись в забытье, он очнулся уже перед фургоном, под

бурчание Федора:

— Здоров же ты, бугай! Вроде худой, а тяжелый! Ты слышишь меня? Андрей, живой? Ага, глаза открыл! Алена, быстро давай из фургона бутылки с вином, воду давай — там из бочонка налей! Девочку оставь в фургоне, пусть спит... Скорее, скорее давай, пока ты ходишь, он сто раз загнется! Да, вот эту бутыль. Воду принесла? Ну-ка помоги мне — сажаем его, ты держи, а я буду снимать с него кольчугу и все лохмотья! Да не делай такое лицо, мать-перемать! А ты что думала, так просто кикимору забить? Держать! Мать... мать... мать... в дышло! Говорю, ровнее держи! Осторожно! Ух-х... зараза! Андрюха, это мы! Твою мать! Мать... мать... мать... хррррр...

Андрей, когда его сажали, внезапно очнулся и вообразил, что его захватили чеченские боевики и, собираясь над ним глумиться, срывают с него одежду. Он двинул рукой, и державшая его Алена улетела под колеса фургона, навалившегося на него Федора он подмял, вцепился ему в глотку и стал душить, сжимая стальные пальцы в последнем усилии так, что тот мог только хрипеть и закатывать глаза в попытке освободиться от захвата.

Спасло Федора то, что Андрей от напряжения потерял сознание, но и после этого разжать его пальцы стоило большого труда. Федор отдышался, выдал очередную порцию мата и позвал боязливо смотревшую на происходящее Алену:

— Чего встала-то?! Иди сюда, держи! Со спины держи, раз боишься!

— А чего он набросился-то?

— Чего-чего... видишь, не в себе он. Воюет. Кажется ему, что он среди врагов! Давай поддерживай его вот так, я мыть спину буду.

Федор стал лить на спину Андрея воду из бутылки, смывая корку из грязи и запекшейся крови и аккуратно стирая все это намоченной тряпочкой. Вскоре стали видны полученные раны: мускулы были исполосованы так, будто их резали ножом — некоторые разрезы доходили до кости и сквозь них были видны ребра.

После того как грязь и кровь были смыты, из ран снова обильно потекла кровь. Федор схватил бутыль с крепким вином и стал лихорадочно промывать раны, стараясь удалить остатки земли из разверстых разрезов.

Когда бутылка опустела, он послал Алену за новой, приговаривая:

— А ты говорил, вино не нужно было брать! Вот как бы сейчас мы промыли квасом? Ох, Андрюха, Андрюха... не знаю, как ты выживешь! Эй, Алена, тащи сюда мой вещмешок, серый такой, с завязками! Там у меня нитки с иглой! Да поторопись, а то он кровью истечет... впрочем, он и так истек. Ну давай, давай, что ты глаза вытаращила! Быстро мешок сюда,

демон тебя задери! Пошевелишься ты или нет? Из-за тебя ведь мужик помирает, торопись!

Алена принесла мешок, вино, и Федор занялся зашиванием ран. Уже сгустились сумерки, и он, чертыхаясь, пытался рассмотреть, куда воткнуть иглу.

— Алена, разведи костер! Я ничего не вижу! Давай по-быстрому, я не могу оторваться от дела, надо раны стянуть, иначе кровь не остановить, он и так уже бледный как мертвец!

Федор продолжал шить практически уже на ощупь, а Алена побежала собирать валежник и ломать сухие ветки с засохшего дерева на краю болота. Вскоре возле фургона пылал костер, зажженный от кресала Федора, а он все продолжал шить и шить длинные страшные разрезы, нанесенные когтями кикиморы. Андрей все это время был без сознания, что уберегло его от страшной боли во время обработки ран и после, при зашивании.

Часа через полтора после начала обработки ран все было закончено. Федор вздохнул, отложил иглу, нитки, устало вытянул руки, положив их на колени, и расслабился на чурбаке, рядом с расprostертым на животе Андреем. Он сомневался, что тот выживет — после таких ран, да еще и забитых грязью, мало кто мог выжить, только если чудом. Оставалось на него, на чудо, и уповать.

Солдат посмотрел на Андрея, и у него защипало глаза — после сорока лет трудно найти друга, практически невозможно — груз жизненного опыта, груз предательств и людской неблагодарности давит на душу, обжигает ее, и человек уже не может принять в нее кого-то другого.

Много ли людей после сорока или пятидесяти лет могут похвастаться, что у них есть друзья? Приятели — да. Знакомые, собутыльники — да. Но человек, который может отдать за тебя жизнь, который не побежит, спасая свою, и встретит с тобой плечом к плечу любую опасность, — есть такие? Если есть — вы счастливые люди.

Федор беззвучно плакал, глядя на умирающего, поняв в одночасье, как дорог ему этот человек, столь странно и неожиданно ворвавшийся в его скучную пьяную жизнь.

Он наклонился к Андрею и положил руку ему на шею — пульс бился неровно, как будто сердце не справлялось со своей задачей или ему не хватало той жизненно важной жидкости, которую оно должно было протолкнуть к органам этого тела.

— Он живой? — раздался сзади женский голос.

Федор с ненавистью обернулся, гневно скривив губы и желая сказать что-то гадкое, резкое, злое, но опомнился — ну при чем она? Так

сложилась жизнь... Она всего лишь спасала свою дочь и была готова погибнуть, пойти в пещеру и биться насмерть с чудовищем — можно ли ее винить в том, что случилось? Андрей, как настоящий мужчина, встал на защиту невинного существа, это его, мужское дело, и она совсем ни при чем. Он таков, каков он есть, и другим ему не быть. Может быть, за то Федор его и уважал. Уважал? Уважает!

Он рассердился на себя за эти мысли — старый дурак! Он жив, а пока жив — есть надежда! Он сильный, очень тренированный, очень крепкий мужик, выдавший виды, вполне возможно, что выживет! Ведь чудеса случаются — например, то чудо, из-за которого он попал в этот мир. Ведь зачем-то это было сделано Провидением? Или Богом — как хочешь это назови!

Федор успокоился и, откашлявшись, хриплым голосом сказал:

— Принеси мне вина, слабого, вот в тех глиняных бутылках, только это... разбавь его водой — две части воды, часть вина. В глотке пересохло, еле языком шевелю.

Алена ушла в фургон, а Федор сел у костра и снова расслабился и стал размышлять: «И правда ведь странно — этот парень из разряда таких, которых убить совсем не просто, у них, как у кошек, девять жизней! Сколько раз он уже мог погибнуть — и ничего, живет! А не успокаиваю ли я сам себя? Ну и успокаиваю! Что еще остается делать? Иначе хоть вешайся... Если... Нет, он выживет! Когда он встанет на ноги, красавцем ему уже не быть — она порвала ему лицо от волос до самого подбородка, будто серпом полоснула, как это еще глаз уцелел! Шрам будет как молния, через всю левую сторону — хоть бы уж не перекосило лицо... да вроде основная часть мышц цела, не должно бы. Хорошо хоть, что я не волынил на курсах первой помощи в солдатской учебке, умею с ранами обращаться — сколько раз это спасало жизнь и мне, и моим приятелям... Когда капралу Вейводе копье бок распорол — если бы не я, он бы истек кровью или умер от заражения...»

Его мысли прервала Алена, принесшая кувшин с разбавленным вином — Федор жадно присосался и выпил сразу половину, так что у него забулькало в животе.

— Ох, благодарю! Надулся — аж раздуло! Ну что, подруга, как там твое сокровище?

Алена просияла и радостно ответила:

— Спит, и все тут! Я осмотрела ее — царапин, ничего нет, так, синяки небольшие, видимо, когда она ее тащила, и все, больше нет повреждений! Я боялась, что она ее убьет... и зачем она ее вообще утащила?

— Ну как зачем — мы же любим цыплят...

Улыбка Алены сразу потухла, ее просто затрясло:

— Я как представляю, меня начинает... ох, не могу даже говорить об этом! Одно не пойму еще — почему она все время спит? Меня это беспокоит!

— Я слышал, что некоторые кикиморы... не все, и я не знаю, от чего это зависит... умеют одурманивать жертву взглядом. Ну взглядом не взглядом, но жертвы засыпают и спят какое-то время... Пройдет это все, и без последствий. Давай-ка на ночь становиться — ехать сейчас куда-то поздно, в темноте еще глаз выколем веткой, да и трогать его я боюсь. Сделаем так — вы с дочкой спите в фургоне, а мы с Андреем будем тут, у костра. Принеси сюда одеяла, я его укрою, да и сам тоже накроюсь. Там еще копченое мясо — немного, брал в дорогу, да съели уже почти все, тащи сюда, ужинать будем.

Алена ушла, а Федор еще раз пощупал шею Андрея. Пульс был, ничего не изменилось — такой же неровный, но довольно четкий, не как у умирающего. Он повернул Андрея на бок и осмотрел грудь — там тоже были два глубоких пореза от когтей — самый первый удар, сокрушивший кольчугу, но спасли стальные пластины, нашитые на куртку.

Федор достал из вещмешка пол-литровую банку с мазью — открыл, передернулся от запаха и с отвращением сплюнул, потом опустился на колени рядом с раненым и стал осторожно втирать мазь в зашитые рубцы и царапины, приговаривая:

— Ничего-ничего, чем вонючей, тем действеннее! Подыдем тебя, парень, держись! Мы еще должны всех врагов победить, все вино выпить... хм... ну неважно, я за тебя выпью! Держись, Андрюха! — Закончив втирать мазь, он обернулся, увидел, что Алена наблюдает за его действиями, и спросил: — Принесла? Бросай тут, я сам все расстелю. Вот что, там в конце фургона раскладной столик деревянный и два стула — тащи их сюда, ну что мы как дикари будем на земле есть! Правда, особо и есть-то нечего... завтра съезжу в трактир, накуплю съестного, а пока что будем есть, что судьба послала.

— А ты не хочешь его перевезти на постоянный двор? Впрочем, чего я говорю, поняла... только... тебя Федор звать, да? Я слышала, как тебя он звал... А его Андрей? Ага... так вот, я поняла — ты не хочешь показывать его, раненого, местным? Чтобы не знали, что его кикимора ранила? Чтобы не подумали, что он может быть зараженным?

— Верно подумала... умная девочка... — Федор пристально посмотрел в глаза Алене. — Да, я не хочу, чтобы ваша шайка знала, что он

получил раны в драке с кикиморой. И хочу тебя спросить: ты как к этому относишься и что будешь делать завтра? В принципе ты получила что хотела и можешь идти домой, но я не хочу, чтобы ты на каждом углу кричала об увиденном. Что будет с Андреем, я не знаю, но, когда он встанет на ноги, не желаю, чтобы каждая собака знала о том, что он стал оборотнем. Ну так что ты думаешь делать?

— А возьмите меня с собой? — нерешительно предложила Алена. — Прислуживать буду, работать буду, а?

— Ты чего несешь-то? — развел руками Федор. — Ты откуда нас знаешь? Может, мы ненормальные, любим насиловать и убивать? Может, разбойники с тракта? Может, убийцы и нас разыскивает власть? Как так можно с первыми встречными уезжать куда глаза глядят?

— А куда мне деваться? — тихо и горько сказала Алена. — Возвращаться в село? Они говорят — помогали мне! Как же! Сколько я полов перемыла, сколько прислуживала в их домах — да они бесплатно кусочка не дали, я голодная ходила, дочери все отдавала! Как мой муж пропал на охоте, якобы его медведь порвал, так мы и впали в нищету — распродали все, что было, они скупали у нас за медяки нажитое отцом и мужем. Староста строит из себя благодетеля... гадина! Все норовил по заду меня погладить, за грудь ущипнуть, когда я у них в доме прислуживала, — пока жена не видит. А дочка его... видела я, как у вас челюсти отвисли, да, красавица, наградила ее судьба красотой... и пометила нечистой силой. Давно уже поговаривали, что ее мамаша была кикиморой, только никто не мог поймать за этим делом — сама куда-то исчезла, вроде как утопла в болоте, но сдается мне, что прибили ее где-нибудь, вот и дочка ее такая же. А староста любит ее... любил, вот и прикрывает как может. И все молчат... и я молчала, да. Когда отец пропал и потом его нашли растерзанным — молчала, когда мужа якобы медведь задрал, тоже молчала, а когда Настена пропала — вот тут уже терпение лопнуло! А они все молчат, только рыла свои прячут — знают ведь, твари, что происходит. Не хочу я к ним возвращаться, возьмите меня с собой — мне все равно там не жить! То из меня шалаву сделать пытаются, то в прислуги, на самую грязную работу норовят засунуть — не хочу туда опять! Что мне там терять? Дом? Что мне этот дом, когда там есть нечего и тоска по углам. Барахло? А нет у меня ничего, поизносились вся, поистрепалась... нищая я. Только и осталось что мое тело да дочка моя. — Алена помолчала и, потупив взгляд, сказала: — Хочешь... можешь жить со мной... только не оставляйте меня в деревне. Я красивая, правда, только грязная сейчас, болотом пахну, а так я не хуже этой Марвины, кикиморы, смотри!

Алена скинула с себя сарафан и осталась в одной нижней юбке, потом сняла и ее. Даже в неверном свете костра она была прекрасна — действительно, ее тело мало чем отличалось от тела убитой кикиморы, только грудь поменьше да бедра чуть полнее — но от этого ничуть не менее соблазнительные.

Федор впился глазами в Алену, от неожиданности даже охрип и изменившимся голосом сказал:

— Не надо. Ты прекрасна, да, я понимаю толк в женщинах, но я не такой подлец, чтобы воспользоваться твоим телом вот так, в уплату. Иди-ка лучше выстирай одежду, вымойся — а то и правда пахнет от тебя дурно. Возьми там у меня в фургоне рубаху, штаны, сапоги... правда, они тебе не пойдут по размеру, но ничего, на время сойдут, переоденься, а сарафан с юбкой вывеси посушиться. Заберем тебя, да, обещаю. Поедешь с нами, будешь работать — готовить, ухаживать за лошадьми, все что мы делаем, то и ты будешь делать. Доедем до города, там что-нибудь придумаем, как тебя пристроить, с нами ехать нельзя — опасно. Рассказывать тебе ничего не буду, это не твое дело. Но жизнь твою постараемся устроить — слово даю. Иди.

Алена смущенно кивнула, стесняясь, натянула сарафан и полезла в фургон искать одежду. Через десять минут на краю болота послышался плеск — новый член экипажа смывал с себя засохшую грязь.

Федор усмехнулся в усы и обратился к бесчувственному товарищу:

— Видишь, Андрюха, как дурно ты на меня влияешь? Такая красотка — ни один мужик бы не устоял, а все ты! Нет бы мне утащить ее в кусты и заставить извиваться от страсти — а я играю в благородство! Сейчас ты бы сказал, что и без тебя я не стал бы пользоваться слабостью несчастной женщины... возможно... кто знает? Ну уж больно хороша! Ты-то вон повалялся под красоткой, так что она в страсти тебе всю спину ободрала, до костей, понимаешь! А я вот теряюсь! Ладно, что там у тебя?

Федор опять пощупал шею раненого — показалось ему или нет, но пульс стал немного ровнее... а может, действительно показалось.

Вот только не понравилось то, что шея была очень, очень горячей, раненого лихорадило так, что того и гляди кровь свернется... фигурально выражаясь. Лицо было красным — различимо даже в полумраке. Федор нахмурился и осторожно накрыл Андрея одеялом, отогнав вьющихся комаров.

На удивление, несмотря на близость болота, комаров было довольно мало, отметил себе солдат — возможно, костер отгонял их дымом, а может, просто место открытое и продуваемое.

Выбросив из головы комаров, Федор полез в фургон, забыв про спящую там девочку, и чуть не наступил на нее. Тихо выругался, осторожно достал столик и стулья, вино, вылез из повозки и расставил мебель у костра. Вытряс продуктовые запасы — выложил кусок мяса, черствый хлеб, кинжалом нарезал, как мог, следя за тем, чтобы не поцарапать стол, он ему очень нравился, остался еще от отца. Лакированное дерево было искусно соединено медными петлями так, что в сложенном состоянии стол занимал очень мало места, становясь плоской доской, которую можно было уложить на дно фургона. То же самое и стульчики — раскладные, могут выдержать не только хрупкое женское создание, но и таких здоровых мужиков, как Федор и Андрей.

Сзади послышались легкие шаги, и Федор сказал:

— Найди там в фургоне стаканы — забыл взять, и садись за стол, вечерять будем. Ты вино пьешь?

— Нет. Если только немного...

— Давай тебе разбавим водой — да, наверное, и я разбавлю, а то мой друг все меня ругает за пьянство. Я и правда что-то лишнего пью последние годы, надо кончать с этим делом. Нашла? Молодец. Давай жуй — утром без завтрака поедем. Я вот что думаю — не будем мы ни в какие трактиры заезжать, черт с ними, дотерпим до города. Остается двадцать верст — четыре часа езды... забыл! Вот что, отложи кусок хлеба и мяса девочке — она-то терпеть не может без еды, ну а мы с тобой потерпим, да?

— Конечно. — Алена благодарно кивнула и убрала в чистую тряпицу кусок мяса с ладонь и кусок хлеба, потом уселась, глядя в огонь и отвернувшись от стола.

— Эй, ты чего, мать твою за ногу! Ну-ка жри давай! — рассердился Федор. — Свою долю, типа, дочери отдала? Так бы и врезал тебе! Ешь, говорю! Хватит нам — заморим червячка, и все, ночью все равно спать надо, а не жрать! И вина хватани все-таки, разбавь водой и пей — легче будет, нервы отпустит.

— Боюсь вино пить, — несмело ответила Алена, — на голодный желудок, да после этой всей... опьянею.

— Пару глотков — ничего не будет. Доедай, пей и марш в фургон, а я с Андрюхой останусь. Давай-давай, а то девочка проснется, перепугается, она ведь помнит только, что ее похитили, может крепко напугаться.

Алена ушла в фургон, а Федор улегся рядом с другом, глядя на языки костра.

В голову лезли всякие гадкие мысли. Например — что будет с

Андреем, если он выживет? Он ведь наверняка заразился от кикиморы — его раны были буквально залиты ее кровью. Это стопроцентная гарантия заражения. И что дальше? Ну вот превратится он в кровожадного монстра, и что тогда? Неужели и правда он не сможет сдержать свою убийственную натуру? Ведь и когда он был якобы обычным человеком, более страшного бойца Федор не видал — он не ярился, не пускал пену и слюни, не орал для поднятия боевого духа, а спокойно убивал.

А если к этому присоединится жажда крови, жажда убийства, а более всего — невероятная скорость, сила, реакция, регенерация кикиморы? Кто сможет с ним совладать? А если в момент «озверения» рядом окажется некий усатый друг? Куда только усы полетят... Ну друг-то ладно — а если посторонние, совершенно невинные люди? Ох, Андрей, задал ты мне задачку! Что делать, а? Ну что делать?! Может, отрезать ему голову, пока он без сознания? Р-раз — и нет проблемы! А как он будет жить с мыслью, что убил беспомощного друга? Зачем тогда он его вообще лечил? Ну лечил-то по инерции — друг в беде, раненый, а сейчас вот задумался — а может, зря он мучается? А если выживет — скажет ли он спасибо за то, что дал ему превратиться в дикого зверя?

Федор поднялся с одеяла, наклонился над Андреем, вынул кинжал, попробовал на остроту его лезвие и застыл как изваяние — внешне спокойный, а внутри раздираемый противоречивыми мыслями и сомнениями. Вдруг резко отбросил кинжал, и тот воткнулся в землю, уйдя в заросший плотной травяной порослью дерн более чем до половины.

— Нет, не могу! — Федор закрыл лицо руками.

Дрожащий в лихорадке Андрей что-то пробормотал на неизвестном языке — вроде напоминающем местный, но непонятном. Федор взял свое одеяло и накрыл дрожащего друга.

— Тепло сегодня, да и костер... Перебьюсь.

Он лег на спину, устремив взгляд в звездное небо. Ему было грустно и хорошо — за последние годы впервые он находился в компании людей, которым мог доверять и с кем ему хотелось быть рядом... «Увы, все так иллюзорно, — подумал он, — но буду жить этим днем, брать все хорошее, что могу, а там будь что будет».

Вскоре веки его стали смыкаться, и Федор заснул тяжелым, тревожным сном.

ГЛАВА 8

Всю ночь Федор время от времени вскакивал, подходил к раненому, щупал лоб, смотрел на его раны — кровь уже не сочилась, но Андрей был горячий, как печка. Пульс его то частил, то стучал медленно, как будто сердце замирало и норовило остановиться.

Уже под утро Федор снова уснул и проснулся, когда его ноздрей коснулся запах дыма, — рядом горел костер, а на нем в сковороде жарилась яичница, великолепно шкварча и разбрасывая брызги жира.

Он поморгал, посмотрел на хлопочущую у костра Алену и спросил:

— Откуда яйца-то взяла?

— Сходила на болото, искала утиные гнезда. Жаль, конечно, разорять было, но есть-то хочется. А свиной жир у тебя нашла, в фургоне. Садись, позавтракаем! Настене я отложила, так что это все нам с тобой. Как там Андрей?

— Живой Андрей... пока живой...

Алена кивнула и, нахмурившись, сказала:

— Я видела, как ты стоял над ним с кинжалом. Боишься, да? И я боюсь. Не за себя, за Настену боюсь. Одного раза мне хватило.

— Это мои проблемы, — угрюмо отозвался Федор, присаживаясь к костру и снимая с камней сковороду с яичницей. — Приедем в город, иди куда хочешь, раз боишься. Я тебя не удерживаю. Обещал помочь — помогу, денег дам на обзаведение. Заработаешь — отдашь когда-нибудь, не отдашь — демон с ними.

— Федь, не обижайся, а? Я за всех нас боюсь, и его жалко ужасно... могла бы — я бы никого не звала, сама бы убила эту тварь!

Алена тихонько заплакала, а у Федора сжалось сердце — женские слезы страшное оружие...

— Ну ладно, чего ты разнюнилась! Придумаем чего-нибудь... положим его в отдельную комнату, посмотрим, что с ним будет, не бойся. Я вас с Настенкой в обиду не дам, вы же как-никак уже почти родня! — Он усмехнулся и пошевелил палкой угли костра. — Кончились ваши несчастья, не плачь.

Алена порывисто поднялась, обняла Федора и зарыдала ему в плечо, орошая рубаху горячими слезами.

— Спасибо тебе! Спасибо! Век тебе благодарна буду, пока жива! Спасибо!

— Ну-ну, перестань. — Федор смущенно похлопал женщину по спине и осторожно отстранил от себя. — Вон, промочила всего насквозь. Утри слезы! — Он протянул руку и тыльной стороной мозолистой широкой ладони осторожно вытер влагу с ее глаз и щек. — Давай-ка собираться, да надо будет грузить Андрея. Девчонку подымай — покормить надо, и в дорогу. Уходить отсюда пора, ты не допускаешь, что староста может прислать сюда людей, чтобы посмотреть, что там с его дочерью? Без Андрея я могу и не справиться...

— Да-да, конечно, сейчас разбужу! — Алена побежала к фургону, и оттуда послышался ее голос: — Дочка, вставай! Вставай! Завтракать будем! Ох ты... потягушки! Идем скорее, умоешься, пописаешь и кушать будешь. Пошли, пошли!

Через несколько минут Алена появилась из-за борта повозки, вылезла из фургона и приняла на руки девочку.

Это было прелестнейшее создание — с кудряшками, с пухлым розовым лицом, чистенькая и красивая, как с картинки в детской книжке.

Федор усмехнулся: «Мамкина радость... и папкина — тоже. Я бы не отказался, чтобы у меня была такая дочь... Хм... чего это я? Старый холостяк, потянуло в семейное гнездышко? Старею, однако, размяк...»

— Мама, а где мы? Мне снилось, что собачка меня унесла... А кто этот дядя?

— Тсс... это хороший дядя, дядя Федор его звать. Он нас на лошадках покатает! Хочешь на лошадках покататься?

— Хочу... а еще писать хочу!

Федор усмехнулся в усы и пошел ловить лошадей, бросив на ходу:

— Завтракайте и собирайте тут все. Сейчас уезжаем.

Лошади разбрелись далеко друг от друга по лугу и совершенно не желали вновь залезать в упряжку, поэтому вскоре воздух огласился крепкой руганью, впрочем, Федор тут же вспомнил о присутствии маленького существа в сарафанчике и прикусил язык — негоже девчонке в таком возрасте узнавать название частей тела и процессов, происходящих со взрослыми и некоторыми упрямыми животинами из породы лошадиных шлюх!

Наконец лошади были запряжены, вещи уложены — в фургоне расчистили место для Андрея, выстелив одеялами дно повозки.

Федор озабоченно посмотрел на друга — как бы раны не открылись, перетащить его в фургон безболезненно и без последствий вряд ли удастся. Федор не был слабаком, но одно дело поднять груз — мешок или бочку весом восемьдесят килограммов, и другое — больного человека, который

не держится на ногах, да еще и хрупок, как стекло, со своими ранами, в любой момент норовящими открыться.

— Давай так, Алена: я беру его за плечи, а ты за ноги, доносим до фургона, я перехватываю, а ты залезай в повозку и принимай его там. Перевалим на дно, ну а потом уже уложим как следует. Поняла?

— Ага! Ты не бойся, я сильная! Видишь, какие мышцы! Еще и с мужиками поспорю в силе! — Алена согнула руку в локте и показала, какие у нее «здоровенные» мускулы.

Федор ухмыльнулся. Нравилась ему эта баба — ни нытья, ни соплей, решительная, умелая, здравомыслящая, да притом красавица — ну не мечта ли мужика?

При свете он хорошо ее рассмотрел — вчера-то было некогда. Алена уже переоделась в свой простенький сарафан, сидевший на ней так, как будто он был не обычной деревенской одеждой, а платьем от лучших портных, — твердая грудь, не испорченная даже кормлением ребенка, рвала сарафан впереди, а сзади упругие бедра распирали простенькую одежду, невольно притягивая взгляд Федора, хотя он честно пытался его отвести.

«Не зря к ней все время пытались приставать в деревне!» — усмехнулся Федор и, отбросив лишние мысли, сосредоточился на погрузке раненого.

Он и Алена с трудом подняли потяжелевшего Андрея — почему-то люди в бессознательном состоянии или мертвые становятся необычайно тяжелыми, как будто из них уходит душа, наделяющая тело жизнью, легкостью.

Федор напрасно опасался, что раны Андрея откроются — наложенные им накануне швы хорошо держали края ран, выступившие кое-где капельки сукровицы не в счет. «Хорошая работа, — с удовольствием подумал он. — Я бы мог быть военным лекарем — эти коновалы отличаются от меня только тем, что меньше могут выпить, а так я не хуже них обрабатываю раны. Вот стану хилым, открою лекарский пункт и буду зарабатывать вправлением костей и зашиванием ран!»

Приняв на себя весь вес раненого, он крикнул от натуги, но удержал его тело, напрягшись, приподнял и положил на край повозки.

— Придержи, Ален, щас я!

Запрыгнул в повозку, и вскоре Андрей лежал в глубине фургона, накрытый одеялами, а еще через пять минут они уже ехали по лесной дороге, уворачиваясь от нависающих еловых лап.

«Как бы брезент не порвать! — с неудовольствием подумал Федор и подстегнул лошадей, ходко бегущих после отдыха на жирных луговых

травях. — Если все пойдет нормально, после обеда будем в городе.»

— Нравятся лошадки? Видишь как — цок-цок-цок — бегут! Лошадки! Дядя Федор правит, и бегу-у-ут лошадки!

Алена, сидя на облучке рядом с Федором, ворковала с дочерью, прижав ее к себе и счастливыми глазами глядя на проплывающий лес, дорогу, бегущую под колеса фургона, и вдыхая крепкий запах конского пота, идущий от сытых, здоровых лошадей. Конь слева, мерин по кличке Сивый, опасливо покосился глазом на Федора и запрядал ушами, когда тот показал ему хлыст:

— Видишь? Видишь, скотина? По тебе плачет! Будешь живот надувать? Будешь нога за ногу ходить? У-у-у... скотина!

Алена фыркнула:

— Думаешь, он тебя понимает?

— А то! — рассмеялся Федор. — Видала, как ушами водит? Знает, скотина, что хулиганил! Ленивая животина!

— Не ругайся на лошадку! — возмутилась Настена. — Нельзя на лошадку ругаться, она хорошая!

— Ладно, не буду, — усмехнулся Федор, и вдруг улыбка сползла с его лица. — Алена, прячь девочку. Нас встречают.

Он придержал лошадей и пристально посмотрел вперед — навстречу им ехали верховые, четверо или пятеро, и Федор застонал про себя: «Ну как Андрюхи не хватает! Мы бы с ним сейчас их враз расчихвостили! Так, без паники! Это, скорее всего, не профессиональные военные, а какие-то крестьяне, а я не селянин, а старый вояка, до которого им как до неба пешком! Моя сабля тут, Андрюхина тоже рядом — хрен вам, глубоко неуважаемые, не возьмете!»

— Алена, на всякий случай уложи Настену на пол, бери лук и иди сюда. Без команды не стреляй. Поняла?

— Поняла! — Плотно сжав губы, она решительно потянула лук и приготовила колчан со стрелами.

— Я буду разговаривать. Ты молчи. Узнаешь кого-нибудь из них? Впрочем, чего я спрашиваю, морду старосты за версту видать. Готовься!

Всадники подъехали на расстояние десяти метров от фургона и остановились, Федор тоже придержал лошадей и громко спросил:

— Чего хотели? Уступите дорогу, нам некогда!

— Вы убийцы! Вы убили мою дочь, и вы должны за это ответить! — Старосту перекосило от злости, и его благообразное лицо превратилось в подобие маски «ярость».

— Ну подайте на нас жалобу в суд, — усмехнулся Федор. — По

какому праву вы занимаетесь самоуправством?

— А у нас нет суда! Я решаю, жить вам или нет! Я и мои люди! Выходи сюда, преступник! Пора ответ держать!

— Ой, как громко и важно сказал! А может, тебе пора ответ держать, придурок ты этакий? — Федор шепнул Алене: — Сейчас я выскочу, а ты сразу вали старосту, только не промахнись, у нас нет права на промахи, за тобой дочь!

— Не промахнусь, — ледяным голосом сказала Алена, сжимая лук твердой рукой.

Федор как-то сразу поверил — не промахнется! — и соскочил с фургона, держа в руках по сабле.

— Давай!

Хлопнула спущенная тетива, и староста повис в седле, запутавшись одной ногой в стремях — лошадь спокойно пошла по дороге, косясь на мертвый груз глазом и прядая ушами.

Остальные уже спешили и были готовы к бою — с коня бить саблями было нельзя, так как замахнуться не давали низко нависающие ветви деревьев. Увидев падение своего предводителя, его люди бросились к фургону и оказались как раз к лицу к лицу с Федором.

Да, он был исключительным фехтовальщиком, но их было четверо! Алена уже не могла ему помочь — он находился как раз на траектории выстрела, можно было задеть его случайной стрелой, так что отдуваться приходилось самому.

Тяжелые сабли мелькали в руках Федора, создавая перед ним вихрь смертоносных клинков, и некоторое время никто из нападавших не решался перейти границу этой стальной стены, затем двое все-таки рискнули и прыгнули вперед. Сталь скрестилась со сталью, отлетела длинная желтая искра.

Сталь выдержала, и вот уже один из нападавших отскочил, зажимая рукой плечо — между его пальцами сочилась кровь, но Федору некогда было смотреть на раненого, он бился с тремя оставшимися и с трудом сдерживал их натиск. Эти трое были довольно опытными бойцами — видимо наемниками — и, вооруженные саблями и кинжалами, работали ими уверенно и резво. Федор прикинул ситуацию и предложил между ударами:

— Остановимся, поговорим? Вы же профессионалы, давайте обсудим ситуацию.

— Хорошо. Стоп, ребята! Что предлагаешь, вояка? — Высокий наемник воткнул саблю в землю и оперся на нее, отставив одну ногу,

остальные последовали его примеру и с ожиданием посмотрели на Федора.

— Ваш наниматель мертв, я к вам претензий не имею, вы убедились, что меня так просто не взять и кто-то из вас тут поляжет, зачем вам это надо? Вы получили плату. А если не получили — вон лежит ваш бывший наниматель, деньги точно при нем, какой смысл тратить время и рисковать, когда можно получить все и не трудиться?

— Понимаешь, какая штука, солдат... ты же солдат? Выправку и умение не замаскируешь, — усмехнулся высокий. — Кроме платы нам обещана женщина, ну и фургон ваш денег стоит... жив наниматель или нет, большого значения теперь не имеет. Прости, ничего личного — работа такая. Теперь, если это все, что ты хотел нам сказать, продолжим!

— Ну что же, продолжим! — Пригнувшись, Федор увернулся от направленного в голову удара и подсек ноги одного из противников, второй свалился через него и был зарублен сверху, ударом через шею, наискосок.

— Ты хорош! А ну-ка вот это попробуй! — Главарь левой рукой метнул кинжал, и, пока Федор отбивал его клинком сабли, направил удар ему по ногам и зацепил кончиком лезвия выше колена — штанина сразу набухла кровью. Федор обеспокоился — если истечет кровью, ослабеет, вот тогда и правда конец. Надо завершать бой как можно быстрее, невзирая на мелкие ранения! И он, будто подстегнутый хворостиной, бросился в бой, ускорив движения до максимума — давно он не работал с таким проворством, с тех самых пор, когда выступал на соревнованиях по фехтованию.

Теперь уже наемники, стерев с лиц улыбки, с трудом отбивались от его наскоков. Минуты через две в воздухе свистнула стрела и воткнулась в плечо противнику Федора. Тот опустил оружие, и Федор, не преминув этим воспользоваться, плавным движением рассек ему ребра, а другой рукой воткнул саблю в живот, окрасив ее кровью.

Еще один напор — главарь упал с рассеченной головой, а оставшийся в живых, тот, кому Федор первому разрубил плечо, бросился бежать, петляя как заяц.

Федор протянул руку к фургону:

— Дай лук!

Алена подала, Федор долго выцеливал бегущего, угадывая, куда тот побежит в следующий момент, и вот стрела ушла вперед, пронзив спину беглеца.

«Болван! — подумал Федор. — Надо было в лес бежать, а он по дороге рванул. Идиот или растерялся со страху!»

— Ален, иди сюда, помоги мне, ногу слегка зацепили!

Она ахнула:

— Какое там слегка! Кровь вон течет ручьем! Давай скорее, я перевяжу!

Минут двадцать ушло на перевязку, Федор сменил располосованные и пропитанные кровью штаны и пошел обшаривать трупы.

Действительно, на трупе старосты нашелся мешочек с сотней золотых, на наемниках денег было маловато, как и украшений, — так, горсточка медяков и серебра, видать, их дела в последнее время шли не очень хорошо, то-то они так уцепились за этот заказ и не хотели от него отказаться.

Минут пятнадцать ушло на то, чтобы оттащить трупы в лес и сбросить в овражек, — когда их найдут, Федор со товарищи будут далеко от этих мест.

Федор поймал двух лошадей наемников — остальные убежали в лес, и искать их не было ни времени, ни желания, привязал к задку фургона, оружие собрал и положил в повозку, подумав, что этак скоро они будут зарабатывать ограблениями грабителей — вполне пристойное и выгодное занятие, как оказалось. Вот только немного хлопотное и болезненное...

Через час они пылили по тракту, направляя лошадей к городу Ураку.

Урак встретил их сонным покоем провинциального городишки, в котором люди никуда не торопились и считали, что лучше отложить на послезавтра то, что можно сделать завтра, а еще лучше повременить с делом на недельку, купить кувшин вина, жареную курицу и посидеть за столом в хорошей компании — проблема и рассосется сама собой! Впрочем, он ничем не отличался от остальных городков, разве что был поменьше размером, чем тот же Нарск.

Они медленно втащились во двор заезжей, где уже стояло несколько купеческих фургонов под охраной угрюмых сторожей, оставленных хозяевами во дворе и лишенных удовольствия пропустить пару-тройку кружек пива.

Под неприязненными взглядами этих адептов охранного бизнеса Федор втянулся под навес и, выбравшись из фургона, покричал конюха, вяло ковырявшегося в стойлах лошадей:

— Эй, малый, прими лошадей! Да покорми их хорошенько овсом!

— Три медяка за четыре лепешки овса. Будете брать?

— Буду, давай быстрее! Мы хотим пообедать, а если провозимся тут еще полчаса, околеем с голоду! На вот тебе для ускорения! — Федор кинул конюху серебряник и добавил: — Пойди скажи, что нам нужно две комнаты, а еще вызови лекаря, надо моего товарища осмотреть — упал с

лошади. Сдачу оставь себе. Алена, идите с Настеной в трактир, я скоро приду.

Пока конюх распрягал лошадей и отводил их в стойла, Федор размышлял, что делать. Как доставить Андрея в комнату так, чтобы не привлечь ненужного внимания? А может, не стоило лекаря вызывать?

Он залез в фургон и пощупал у товарища пульс — как ни странно, пульс был четким, насыщенным, ровным, не то что несколько часов назад. Федор облегченно вздохнул — что бы ни было дальше, но пока что Андрею ничего не грозит, жить будет. Впрочем, на его раны смотреть без содрогания было нельзя — багровые полосы иссекли всю спину, левая сторона лица слегка раздулась и покраснела.

«Ну что, что делать? Ехать дальше? Кстати, Алену нельзя тут оставлять, особенно после того, как мы убили старосту с наемниками — если пойдут по цепочке, узнают, куда они поехали, сопоставят... а этот город находится всего в двадцати верстах от Харабова. Приедет кто-нибудь в город, встретит Алену... и понеслось. Могут стукануть в стражу, те рады стараться уцепиться за что-нибудь, что может дать прибыль, ее арестуют и...» — Дальше он не хотел додумывать. Судьба Алены с Настеной уже не была ему безразлична.

Федор уже вылезал из фургона, когда услышал стон и хриплый шепот:

— Федь, ты где?

Федор не поверил своим ушам:

— Андрюха, очнулся?!

— Не дождетесь... — сказал Андрей клекочущим хриплым голосом и спросил: — Женщина жива? Ребенок?

— Алена с Настеной? Живы, живы... я в трактир их отправил посидеть, сейчас дождусь, когда конюх придет, и надо уже тебя переводить в комнату, не в фургоне же ночевать!

— Ох, Федь, в горле пересохло... видать, крови много потерял... я там... это... не превратился в монстра какого-нибудь? Не оброс шерстью?

— Пока нет... Еще рано, хотя обычно проявляется в течение первых суток. Что делать-то будем, Андрюх? Если ты станешь кикиморой? Или кикимором... Тьфу! В общем, таким чудовищем, как та баба?

— Я всю жизнь, вернее, большую ее часть был чудовищем, мне не привыкать. Не бойся, если я буду терять контроль, то уйду, вас не трону. Я же не эта баба с голыми сиськами... а согласись, она была хороша, эта кикимора! — Из сумрака фургона послышался смешок, сменившийся хриплым кашлем.

— Эй, Андрюха, ты ли это говоришь?! — удивленно воскликнул

Федор. — Стоило тебя покусать голой бабе, так ты сразу и пустился во все тяжкие?

— Да уж... в моем состоянии только и пускаться. Дай мне попить, что ли, изверг!

— Да, извини, сейчас! Но только вино с водой, больше ничего нет.

— Что есть, то и давай... печет в груди, просто терпения нет.

Федор налил в кувшин из бутылей и бочонка, и больной жадно стал заглатывать жидкость, несмотря на то что она текла у него по груди и капала на днище повозки.

— Уф! Уже легче! — Андрей вытер с подбородка и груди лужицы розовой пахучей жидкости и протянул руку Федору. — Помоги мне сесть, что-то я обессилел... — С помощью друга он поднялся и, тяжело дыша, прислонился к борту фургона. — Знаешь, мне странные сны снились, пока я лежал в забытии. То снилось, что я бегу на войне, спасаюсь от врагов, то снилось, что я волк и несусь, несусь по лесу, загоняя свою добычу... да так все ясно, четко, как будто наяву!

— Вот оно, началось! — угрюмо проронил Федор. — Ты уж того... постарайся нас не сожрать, ладно?

— Постараюсь, — хмыкнул Андрей и замолчал, а через пару минут попросил: — Надень на меня рубаху да пошли в трактир, что ли! Я есть хочу страшно, и все тело зудит, как будто у меня под кожей стадо муравьев бегают!

— Ну-ка, посмотрим, что там у тебя на спине... ничего себе! Андрюх, да на тебе заживает, как на... хм... м-да. Вот она, причина-то — у кикимор все заживает молниеносно, видимо, ее кровь тебя залечила, да и то, что из крови перешло в твое тело, начало работать. Теперь тебя убить очень, очень трудно!

— Слушай, Федор, я одного не пойму — если кикимора боится серебра и ее убивают серебряным оружием, почему я могу касаться серебряного крестика, и мне ничего за это нет?

— Да чего тут объяснять! Брехня, видать, про серебро-то. Вот башку отрезать — это дело верное, а чем отрезать — да хоть пилой или мотыгой, серебро тут ни при чем.

— Ладно, хватит об этой пакости, пошли в трактир, поднимай меня!

Федор осторожно поднял Андрея и помог ему вылезть из повозки. Тот замер, переводя дух и привалившись плечом к борту фургона, осмотрелся. Странно, он все видел как-то по-другому — вроде и так же, но по-другому!

Людей, предметы, деревья окружало какое-то свечение, это было похоже на то, как если бы смотреть в прицел-тепловизор. Интересно, что

можно было усилить эффект, каким-то образом напрягшись, или уменьшить, согнав его практически в ноль. Будто настраиваешь бинокль — ближе, дальше...

«Что бы это значило? — ошеломленно подумал Андрей. — Почему вот у этого пацаненка оранжевое сияние вокруг тела, а у этого старика — красно-черное? Что это значит? Хм... а вокруг меня какое-то зеленоватое... Федор светится желтым, с красно-черными вспышками — красное и черное в основном возле ноги... интересно...»

— Федь, ты ранен в ногу?

— Откуда ты узнал? — Федор остро глянул на друга и коснулся больной ноги. — Да, ранен, только как ты это увидел под штанами?

— Вот так... как-то увидел... — неопределенно буркнул Андрей и, покачиваясь, сделал несколько шагов по направлению к трактиру. — Помогай давай! А что скажешь трактирщику, если спросит, что со мной?

— Что и лекарю, то и ему скажу. — Федор подхватил Андрея под локоть и поддерживал его сбоку. — Что с лошади упал и ветками побило, да камнями... или медведь подрал.

— Ну-ну... так они и поверили.

— Поверят или нет — какое их собачье дело?! Все, пошли, лошадей уже поставили, сейчас лекарь придет тебя осматривать. Кстати, у нас пара лошадей прибавилась, верховых.

— Откуда взялись?

— Потом расскажу, не до того. В общем, староста приходил, желал поблагодарить нас за смерть его дочери-кикиморы.

— И обратно, как я понимаю, не ушел. Много их было?

— Пятеро, вместе со старостой.

— Силен, старик! Ты тот еще конь! Нашинковал их?

— Алена старосту завалила из лука и еще одного подстрелила, помогла.

— А молодец баба, — удивился Андрей и сморщился. — Как чешутся раны, ты бы знал, просто не могу сдержаться — хочется драть их ногтями!

— Не вздумай! Это хорошо, что чешутся, значит, заживают. Хм... это на второй-то день после ранения... Да-а-а... в твоей кикиморности есть и свои хорошие стороны. Ну все, хватит болтать, пришли!

Миновав высокое крыльцо, мужчины, хромая и поддерживая друг друга, попали в большой зал заезжей. Там было почти пусто, только несколько возчиков в углу обедали, не обращая внимания на окружающих и что-то бурно обсуждая. Вдруг один стукнул кулаком по столу и крикнул:

— Да пусть он идет к демону с его платой! Я за эти деньги еще должен

мешки таскать? Не бывать этому!

Андрей улыбнулся. Везде одно и то же — недовольные работники и жадные работодатели.

От улыбки у него зачесалось слева — проведя рукой по щеке, он обнаружил аккуратные стежки шва и с неудовольствием подумал: «Особая примета, черт ее возьми! Теперь мою рожу запомнит каждый первый попавшийся постовой и бабка из подъезда напротив! Тьфу, что я несу? Какая особая примета — я отошел от своей грязной работы, хватит! Впрочем, тут бы тоже не хотелось быть таким запоминающимся... да что сделаешь? Что есть, то есть. Интересно, мое героическое деяние не было ли попыткой самоубийства? Ну типа искупление? Трижды тьфу! И что мне в башку лезет? Спятил, что ли? Новое мое состояние такие мысли навевает, что ли? А интересно смотреть, как они светятся! Кстати, даже в темноте — вон служанка в темном углу сияет, как неоновая! А притушить свечение? Ага... притухла, а то аж глаза режет... а что это у нее живот светится желтым, этаким сгусток? Хе-хе... беременна? Хозяин, что ли, постарался... Впрочем, какое мне дело?»

Он расслабился на стуле у окна, по привычке держа в поле зрения входную дверь, а Федор и Алена обсуждали что-то с трактирщиком, потом поднялись с ним наверх. Алена держала за руку дочь.

«Прелестная девчушка! — подумал Андрей. — Вся в маму! А Федор-то как на них смотрит... это что-то уж очень подозрительно... Ой, черт! Да он, похоже, влюбился! И куда же я его тогда потащу за собой? Это же преступление против человечности... Ясно, что дорога гладкой не будет».

Его мысли прервал чей-то грубый голос:

— Ты чего тут расселся? Пошел вон отсюда, нищеброд! Много вас тут ходит, скоты, затоптали весь пол!

Андрей с удивлением повернулся — перед ним стоял здоровенный парень, слегка полноватый, одетый, как это принято у вышибал, в кожаную безрукавку, обнажавшую толстые руки шириной с бедро обычного человека.

— Ну что уставился? Вали отсюда или я тебя выкину!

Андрей огляделся — как на грех, никого из персонала рядом не было, трактирщик ушел с Федором, а подавальщицы переговаривались в глубине кухни и не обращали внимания на то, что происходит в зале, увлеченные рассказом одной из них о том, как та ходила на свидание и как он сказал... а она... а он... а они...

— Слушай, парень, я клиент и не хочу неприятностей. Уйди подбру-поздорову, а? — попросил Андрей как можно миролюбивее, хотя внутри у

него уже все закипало от тупого, упрямого хамства этого человека — ну нет бы поговорить, выяснить, ну нельзя же сразу бить посетителя, если его вид тебе не нравится. Ну что за хрень такая! Таких вышибал надо гнать поганой метлой!

Все это промелькнуло в голове Андрея, прежде чем вышибала ухватил его за волосы и рванул вверх, поднимая со стула.

Совершенно автоматически Андрей прижал его руку обеими своими к голове и рванул вниз, выламывая ее и заставив парня встать на колени, затем перехватил и вывернул руку, несмотря на яростное сопротивление этого мастодонта. Рычаг, правильно приложенный к некоему объекту, плюс достаточное усилие — и объект летит кубарем в сторону выхода, где затихает стопятидесятикилограммовой грудой мяса.

Но он не успокаивается — над ним колышется ярко-красная аура ярости и боли. Андрей понял — сейчас будет новое нападение, и уже более серьезное. И точно — из-за пазухи вышибалы появилась полуметровая дубинка, и парень с ревом полетел на обидчика.

Андрей успел подумать, что дубинка надвигается медленно-медленно, как будто время остановилось, стало тягучим и густым, как засахаренный мед. Он перехватил опускающуюся на его голову дубинку, подпернул по ходу движения, закрутил тело нападавшего по спирали, и вот тот, взлетев в воздух, торпедой летит к столу возчиков и сносит его вместе с тарелками, кружками и ложками с таким грохотом, что его, вероятно, слышно за версту.

Грузчики разразились матом, один из них разбил глиняную кружку о голову вышибалы, а другой устремился к Андрею с криком:

— Скотина ты демонская! Весь обед нам испохабил, урод!

И тут же упал у ног Андрея, потеряв сознание от короткого, резкого удара в солнечное сплетение.

Андрей перевел дух — перед глазами вращаются красные круги, и он того и гляди потеряет сознание, похоже, ко всему прочему, открылись раны на спине, потому что он почувствовал, как намочла рубаха. Усилия по нейтрализации тупого вышибалы и бедового возчика дались ему довольно тяжело...

— Это что здесь такое происходит?! — Появившийся на лестнице трактирщик с ужасом и негодованием воззрился на поле битвы, усыпанное осколками посуды, раздавленной едой, залитое пивом и вином, а также кровью, сочащейся из разбитой головы вышибалы. — Кто все это сотворил?!

— Это он! — показал на Андрея пальцем один из возчиков. — Вот

этот вот, — он слегка пнул вышибалу, — полез драться, а он его швырнул, как котенка, и сбил наш обед! Пусть оплатит нам обед! Мы что, зря деньги платили?! Или вышибала пусть оплачивает — парень сидел, его не трогал, а этот придурок на него полез! Считаю, что это твое заведение виновато, раз вышибала на тебя работал!

— Да! Да! — зашумели возчики. — Заведение виновато! Если так будут встречать всех гостей, у тебя тут не останется посетителей! Мы всем расскажем, какое тут гостеприимство!

— Вот демонство! Ну сколько раз говорил ему — прежде думай башкой, а потом пускай кулаки в ход! Силы много, а ума нет! Ну что вот с ним делать?! Выгнать? Надо тогда вышибалу нового искать, а это не так просто — тут надо здорового мордоворота, возчики ребята крутые, с ними надо ухо остро... А твой парень, конечно, крут, — сказал он стоящему рядом Федору, — так лихо расправиться с Семеном! Тот груженную зерном телегу подымает за колесо!

Когда конфликт был улажен и возчикам принесли новый обед, трактирщик вернулся за стойку и отсчитал сдачу Федору.

— Вот ваши деньги. Ты уверен, что больше двух дней не задержишься? Ну смотри, если решишь еще остаться, доплачивать будешь. Сейчас вам воды натааскают, корыта уже там. Вот твой друг ест, как месяц голодал! Ему плохо не станет? Мне только блевотины еще на полу не хватало... — Трактирщик с удивлением и восхищением смотрел, как Андрей сметает со стола все, что принесли с кухни расторопные подавальщицы, с опаской косящиеся на страшного мужика. — У Семена вычту из жалованья за учиненный погром. Спасибо твоему другу, что не покалечил его, похоже, запросто мог!

— Он такой... может... — протянул Федор и сгреб монеты в ладонь. — Так ждем воду, и добавьте нам на стол пирогов и пива еще холодного.

— Да-да, конечно, я вижу, как ваш друг все сметает...

Через час друзья сидели в своем номере наверху — Алена с Настеной поселились в соседней комнате — и обсуждали, как жить дальше.

— Как себя чувствуешь, Андрей? Ты так жрал, что я думал, лопнешь! Тебе не плохо сейчас? — Федор с подозрением посмотрел на сидящего в корыте товарища, смывающего с головы мыльную пену.

— Нормально. Только вот слабость, головокружение и раны сильно чешутся. — Андрей вылил на себя ковш горячей воды и с удовольствием фыркнул. — Уф! Хорошо! Прямо-таки жить хочется!

— Ага... Ты... э-э-э... не чувствуешь желания кого-нибудь загрызть?

Или попить крови?

— Чувствую. Хочу твоей крови попить! И если ты не отстанешь с глупыми вопросами, я точно ее напьюсь! Ну что ты пристал? Если что-то почувствую, я сразу тебе скажу. — Андрей грустно посмотрел на Федора и добавил: — Знаешь, мне кажется, процесс перестройки организма еще не закончен — меня корежит всего, ломает, тело горит, как будто во мне бегают толпа гномиков и все перестраивает...

— А кто такие гномики? — не понял Федор.

— Да ну неважно... маленькие человечки такие... сказочные. Забудь. В общем, я как в печке, и суставы болят... чем это кончится, не представляю. Знаешь, что тебе скажу, Федя, шел бы ты сегодня спать к Алене в комнату... вдруг я ночью решу, что ты вкуснее, чем тот пирог, который я съел полчаса назад. Ты же не хочешь, чтобы я тобой поужинал?

— Тьфу, демоны! Правда, что ли? — Федор встал и пошел к двери. — Пойду-ка попрошусь к ней на постой! Этак рядом с тобой и задремать-то нельзя будет, как жить-то дальше станем?

Федор вышел, захлопнув за собой дверь, а Андрей откинулся на стенку корыта и замер, наслаждаясь горячей водой и покоем.

Улыбнувшись своим мыслям, он решил, что правильно поступил, отправив Федора к Алене. Пусть сблизятся, может, на старости лет солдат найдет свою любовь? Ясно же, что между ними проскочила искра...

Затем улыбка сошла с его лица. Он и на самом деле чувствовал, что в его организме происходит какая-то перестройка, но в какую сторону — никто не смог бы сказать, а уж он тем более. Видимо, в организм попал какой-то вирус, преобразавший его и изменявший, — какое еще может быть объяснение? Конечно, после того как его раны были залиты кровью кикиморы, да еще после того, как он хлебнул ее кровушки, немудрено было подхватить заразу.

Подобно исследователю-ученому, Андрей последовательно припомнил, что получил в результате изменений: он может видеть ауры людей, в том числе и в темноте, — полезное свойство. Может угадать, где у человека болит, видит состояние его тела — например, даже беременность — не очень полезно, но забавно. Скорость его движений увеличилась в разы — он заметил это, когда дрался с вышибалой, — полезное свойство, особенно в этом мире и при его профессии.

«Тьфу! Какой еще профессии? — Андрей сплюнул и выругался. — С наемным убийцей покончено навсегда. Но в этом злом мире человеку с ускоренной реакцией легче прожить... вот только больше надо еды!»

Андрей никогда так много не ел, но это и объяснимо — чтобы

восполнить энергию, потраченную на ускорение реакций организма, надо много топлива, иначе он, организм, будет есть сам себя, поглощая внутренние ресурсы. «А вот это уже плохо, если я попаду в условия, когда еды мало, могут быть неприятности. То-то кикиморы жрут все и всех подряд, это и объяснение тому, почему они воруют людей — человеческое мясо усваивается гораздо легче, и оно питательнее! Надеюсь, у меня крыша не поедет и я останусь в своем уме...»

Он с ожесточением почесал щеку, содрал струп, зацепился за нитку, стягивающую края раны, и, еще больше обозлившись, осторожно потянул за нить, вытаскивая ее. Нить потянулась, потом оборвалась, он зацепил еще кусочек и, матерясь, как сапожник, выдернул ее из щеки.

На подбородке скопились капли сукровицы, Андрей плеснул мыльной водой — зашипало, еще раз выругался про себя и стал соображать, как выдернуть нитки из спины. Дверь распахнулась, и в номер вошел Федор.

— Сюда, господин лекарь, тут больной! В корыте сидит! Андрей, вылезай, лекарь тебя осмотрит.

Андрей неохотно поднялся в корыте, протянул руку за полотенцем и стал вытираться, убирая потеки воды и мыльную пену, облепившую тело.

— Вот, господин лекарь, посмотрите, — продолжал Федор, — раны на спине и на груди. Это его медведь подрал в лесу, пошел за грибами, а медведь и напал!

Лекарь, невысокий пожилой мужчина с седыми волосами до плеч, легонько ощупал спину Андрея, осмотрел грудь и важно изрек:

— Ну что же, раны заживают хорошо, полагаю, это случилось дней десять назад? Надо было еще пару дней назад снять швы — чего ходит с нитками, давайте я сейчас их удалю и дам заживляющей мази, чтобы и зараза туда не попала, и скорее ссадины зажили...

Андрей кивнул и приготовился терпеть муки от вытаскивания ниток.

Как ни странно, процедура прошла довольно безболезненно — нет, боль он, конечно, ощущал, но не такую, чтобы искры из глаз сыпались. Вывод — порог болевой чувствительности понижен. Это, с одной стороны, хорошо для бойца, а с другой стороны — этак схватишься за горящее полено и, пока не прожжет руку до кости, не поймешь, что тебе больно.

— Ну вот и все! Теперь намажем мазью... Ну вот, закончил! У вас удивительно крепкий организм, молодой человек, только вам стоит побольше есть — очень уж худы, жилы да кости. Надо жирка хоть немного поднабрать, это организму полезно, запасец, да, запасец надо иметь. И еще, — лекарь озабоченно приложил руку к спине пациента, — что-то вы очень горячий, как будто у вас лихорадка. Впрочем, может, это от ванны?

Горячая вода нагрела, а я с улицы... Вот вам толченая ивовая кора, заварите ее и попейте — отлично снимает лихорадку. Все, господа, я вас покидаю. Как там насчет гонорара? Лекарю надо хорошо питаться — тогда и больному в радость! — Он усмехнулся и, с благодарностью кивнув, принял золотой, щедро выданный ему Федором, — друзья могли себе позволить не жаться, на одном только старосте прилично деньгами разжились...

Лекарь ушел, оставив Федора и Андрея наедине.

— Ну что, договорился с Аленой? — безразлично спросил Андрей, натягивая одежду. — Там сегодня ночуешь?

Федор покосился на друга — не ехидничает ли? Уж больно невинное выражение лица и двусмысленный вопрос.

— Договорился. И рожи-то не строй, знаю, ехидная твоя морда, о чем думаешь! А если бы и так? Она баба свободная, красивая, я мужик в силе, почему бы и нет? Я же не насильник какой-то!

— А чего ты взвился-то? Я ничего такого и не подумал, — сохраняя каменную физиономию, сказал Андрей. — Ну договорился и договорился! Ваше дело. Хе-хе... — не выдержал он и рассмеялся. — Что, растаяло сердце старого холостяка? Ну ничего, я только рад за тебя, может, хоть пить перестанешь. Тебе надо хорошую бабу, чтобы в руки тебя взяла и на путь истинный наставила!

— А тебе не надо на путь истинный? — подколот его Федор.

— Может, и надо, — посерьезнел Андрей, — вот только кто его покажет, путь-то истинный. Думаешь, что выбрал правильный путь, — а гибнут люди, которых хотел защитить. Думаешь, что совершил правильный шаг, — и опять кто-то рядом гибнет. Где он, правильный путь? Только Господь знает...

— Ты мне вот что скажи, Андрюха. Мне одна мысль не дает покоя: почему кикимора не сразу упала мертвой, когда ты пытался ее убить? Ведь я слышал, как ты матерился и вопил: «Умри же наконец, скотина! Умри!» — а она все скакала с тобой на шее и не падала!

— Честно говоря, те события я помню плохо, — признался Андрей, — все как в тумане. Мельтешение, удары, кровь, мелькание земли и боль — ничего не помню. Да, орал что-то, но ничего в голове не удержалось... может, после удара? Не знаю. Кстати, ты свою ногу-то показывал лекарю? Или забыл?

— Забыл, демоны его задери. Замотался и забыл. Да ладно, не так уж там и сильно поранено, первый раз, что ли... просто порез, заживет. Я мазью своей вонючей намазал. Ты-то вон как уже восстановился — а все кикиморова кровь, она заживляет, да ты еще получил хорошую порцию

внутри, нахлебался.

— Федь, предупреди Алёну, чтобы не болтала лишнего, хорошо? Не дай боже где-то проговорится.

— Скорее ты проговоришься! Брось свои словечки — «не дай боже!» А если услышит кто? Не миновать тогда беды! Забыл, где мы находимся? Мы в Славии, где таких, как ты, выпускают на арену, на потеху толпе! Думай башкой, когда что-то говоришь! А Алёна... да что Алёна, некоторым мужикам у неё можно и поучиться держать язык за зубами!

— Хм... здорово ты втюрился... рад за тебя, — усмехнулся Андрей. — В общем, шагай к своей Алёне, а я спать лягу, что-то меня знобит опять.

— Давай я заварю тебе коры? Температуру собьем, а?

— Не надо. Не поможет. Есть у меня подозрения, что это неспроста температура — это мне за то, что скорость у меня увеличилась многократно. Смотри. — Андрей сделал движение рукой, Федор практически его не уловил, будто призрак пролетел мимо носа. — Вот, выкинешь за дверь! — Двумя пальцами Андрей сжимал муху, которую выхватил из воздуха над плечом товарища. — У меня повышен обмен веществ в организме, отсюда и повышенная температура тела, отсюда и мой безумный аппетит и отсутствие жировых прослоек — все сжигается. Да еще, видимо, идет перестройка организма под новые реалии, так что повышенная температура — это нормально. Но, честно скажу, неприятно. Так что вали отсюда, а одеяло твоё я заберу, вам и одного хватит. — Андрей подмигнул товарищу, завалился на постель прямо в одежде и добавил: — Накрой-ка меня хорошенько и это... запири дверь снаружи, на всякий случай. На ключ. Двери крепкие? Ага... иди, я посплю. И не заходите ко мне, пока не постучу, мало ли что.

Федор понимающе кивнул, укрыл трясущегося в ознобе Андрея своим одеялом, подумал, стащил еще и простыни со своей кровати и тоже набросил на него сверху.

Осмотрелся, отметил, что надо бы попросить убрать корыто, но махнул рукой и выкинул это из головы. Улыбнулся. «Проницательный, собака! Быстро меня расколол. Впрочем, я и не скрывал своего отношения к этой женщине... в кои-то веки мне встретилась приличная баба, грех было бы упустить! — И тут же спросил себя: — Неужели и правда так все серьезно для меня? Ну были же у меня женщины и до этого, и не одна... нет, эта чем-то зацепила. Да будь что будет, один раз живем!»

Федор вышел из номера, запер входную дверь, положил ключ в карман и решил: «Пойду гляну, как лошадей пристроили, да что там с фургоном, тайник мой вряд ли найдут, но все-таки лучше проверить. Двор охраняется,

но возчики те еще скоты, обязательно норовят чего-нибудь попереть, глаз да глаз за ними!»

ГЛАВА 9

«Убей! Убей его! Всех убей!» — Голос в голове мучил, грохотал, как будто шли танковые полки, рыча двигателями и клацая стальными траками.

Уже давно были сброшены на пол одеяла, разорвана подушка в безнадежных попытках заглушить горящий в крови огонь, зуд в теле и желание убивать, убивать всех подряд.

Свалившееся на пол существо, временами напоминающее человека, а временами животное, извивалось, стонало и рвало стальными когтями пол, оставляя глубокие царапины.

Существо принялось. Где-то пахло едой — мясом, кровью. Его тонкий слух уловил голоса — дичь! Добыча!

«Открыть нору, выйти. Искать, добыча! Мясо, мясо, мясо, мясо, мясо... Искать! Выход! Выход, искать! Закрыт! RRRRRRГАХХХ! Мяса! Еда, много еды! Желание — рвать, рвать, рвать плоть зубами!» — Чудовище, неуловимо похожее на человека и одновременно на тигра или пантеру, ударило всем телом о запертую дверь и рвануло ее когтями — выхода нет!

Остановилось и стало раскачиваться на мощных лапах — даже под шестью были видны стальные мышцы, свитые узловатыми веревками. Оборотень задрал голову и с сожалением и болью рывкнул:

— Еда! Много еды! Мясо! Кровь!

Замер, его желто-зеленые светящиеся глаза потухли, и Зверь с мукой в голосе вскричал:

— Что со мной происходит?! Андрюха, держись! Андрюха, ты человек! Господи, помоги мне, помоги! Я всего лишь слабый человек, помоги!

— Увввваааууухххх! — Зверь протяжно, но тихо завыл, как будто прощаясь с человеческим миром, и неожиданно с огромной скоростью запрыгнул на стены и пробежал по ним, оставляя на гладкой вертикальной поверхности глубокие следы, продрав штукатурку до самых бревен, из которых был сложен трактир.

Зверь несколько раз перевернулся через себя, сделав немыслимые кульбиты и несколько выпадов лапой, как будто отгоняя невидимого противника. Это было бы красиво, если бы не было страшно — глаза существа, горящие желто-зеленым светом, сияли в сумраке комнаты, его морда с вытянутыми в стороны, как у кота, усами была украшена

страшными клыками, почти как у саблезубого тигра.

Чудовище встало как вкопанное, впившись когтями длиной сантиметров семь каждый в деревянный пол, проткнув его, как картонный, и внятно сказало:

— Я человек! Я — ЧЕЛОВЕК! Человек! Человек!

Из тела Зверя стала вырисовываться человеческая фигура, шерсть с рук и ног ушла, когти как будто втянулись в пальцы, а клыки исчезали в пасти, которая все больше и больше начинала походить на человеческий рот... И только глаза так и светились желто-зеленым огнем, как у огромной кошки.

Наконец на полу остался лежать голый мужчина, очень худой, почти болезненной худобы, весь перевитый узлами мышц, с крупными венами на руках, по которым можно было судить о его огромной силе.

Он медленно приподнялся, сел, опираясь на руки, и опустошенно сказал:

— Вернулся. Я все-таки вернулся и почти ничего не натворил... Почти? — Он обвел взглядом разгромленную комнату и простонал: — Трактирщик будет вопить как сумасшедший!..

Он встал на ноги и осмотрел себя — то, что он увидел, ему не очень понравилось, однако он хмыкнул:

— Зато здоров теперь. Ни шрамов, ни повреждений... в каждом свинстве есть кусочек бекона! Надо Федю звать... или до утра? А чего это я вслух разговариваю-то?

Он подошел к стене, подумал, посмотрел на темень за окном, поднял руку постучать... и передумал. Повернувшись, пошел к кровати, посмотрел на остатки разорванных в клочья штанов и рубашки и вздохнул:

— Теперь надо новые покупать. Надеюсь, в будущем смогу сдерживать трансформации. Надо потренироваться в этом.

Он вышел на середину комнаты. Вихрь движений, волна изменений — и вместо мужчины опять четырехлапая машина для убийства с горящими глазами. Минута — и вместо Зверя снова человек.

— Еще раз! Что-то медленно получается обратно!

Зверь — человек! Зверь — человек!

Еще трижды Андрей произвел трансформации, пока не понял, что если сейчас сделает еще парочку изменений, то без жратвы просто сдохнет.

Подумал — сейчас глубокая ночь, рассвет не начал сереть. Может, самому поискать добычу? Заодно и проверить, удастся ли после охоты вновь обратиться человеком...

Подошел к окну, аккуратно поднял раму и подпер ее кувшином для

воды, чтобы не упала. Вылез на навес над конным двором, замер — под ногами тихо скрипнула крыша, крытая тонкими досками. Определил, как вернуться назад, и, мгновенно перекинувшись в Зверя, легко спрыгнул с навеса и помчался по улице под лай собак во дворах.

Городские ворота, которые никто не охранял, он проскочил в мгновение ока и оказался на тракте, углублявшемся в густой лес. Через полчаса он был уже далеко от города.

Свернув с тракта, Зверь черной молнией полетел между деревьями и вскоре учуял следы косули, проходившей тут минут двадцать назад. Он бросился по следу, все более и более горячему.

Перед глазами мелькали деревья и кусты, окруженные светлой аурой, с пятнами и прожилками в разных местах, видимо отражающими состояние растения в этот момент жизни. Лес не был темным для его глаз — он светился, как будто весь был подсвечен неоновыми фонарями: светились ночные бабочки, порхающие между кустов, светились грибы, торчащие между деревьями, — одни сильным ровным светом, другие были в красных прожилках, и откуда-то Зверь знал, что эти грибы подточены червями и умирают. Ночные птицы яркими фонариками перелетали с дерева на дерево, тревожным криком предупреждая о приближении четвероногой смерти...

Запах косули был четким, горячим и вкусным, и Зверь мчался на него, глотая слюни, все равно как человек шел бы на аромат курицы-гриль, доносящийся из передвижного уличного ларька.

Через несколько минут Зверь заметил стадо косуль с белыми пятнами и с разгона ворвался в самую его гущу, размахивая когтями, как саблями, и вмиг срезал двух крупных животных, упавших с перерезанным горлом и подергивающихся в последних судорогах.

Слюна, наполнившая пасть Зверя, потекла наружу и клейкой струйкой упала ему на лапу. Он схватил тушу косули и одним движением страшных челюстей перекусил ей ногу, оторвав огромный кусок теплого, сочащегося кровью ароматного мяса. Этот кусок исчез в его пасти мгновенно, как будто ничего и не было съедено. Еще, еще кусок! Он с хрустом отрывал от костей мясо дичи и с наслаждением чувствовал, как его пустой живот наполняется великолепной свежей пищей...

Первая косуля была почти съедена, когда Зверь услышал сзади шорох. Слуху человека он был недоступен, но Зверь услышал его так, будто за спиной выстрелили из пушки, и резко повернулся, готовый к бою.

На поляну вышел крупный медведь, размерами превышающий оборотня раза в два, а весом — раз в пять.

Медведь покосился маленькими круглыми глазками на пирующего оборотня, помотал своей круглой, глупой головой и, решительно подойдя на расстояние пяти метров от Зверя, заревел на хозяина добычи.

Оборотень внимательно смотрел на агрессора, опустив голову к земле, и, когда встретился глазами с медведем, тот воспринял это как вызов и бросился в атаку.

Скорость медведя была не менее семидесяти километров в час, притом что развил он ее за доли секунды — буквально в три прыжка, отчего, как отброшенные колесами внедорожника, из-под его лап полетели комья земли. Но... он промахнулся.

Зверь извернулся и, пропустив медведя мимо себя, распорол ему бок, оставив громадный разрез в шкуре, откуда брызнула кровь, густо оросившая лесную траву и застывшая каплями на шляпках грибов. Еще атака — и вспорот второй бок. Ревя от ярости, медведь поднялся на задние лапы в тщетной надежде запугать противника, став выше ростом. Зверь как будто этого и ждал — он бросился вперед и распорол противнику брюхо, кишки вывалились длинными фиолетовыми зигзагами, как огромные странные черви.

Медведь упал на бок, задержался и захрипел в безнадежной попытке уползти от этого страшного существа, а оборотень смотрел на его агонию светящимися желтыми глазами, потом в долю секунды подскочил к животному и перекусил ему глотку, чувствуя, как в пищевод потекла горячая кровь, еще проталкиваемая по жилам могучим медвежьим сердцем...

Зверь уже не помнил, сколько он съел, — вначале доел косулю, потом перешел на медведя, обгладывая его окорока, съев сердце, печень и с хрустом перекусывая тяжелые мощные лапы, некогда носившие самого страшного хищника этих мест.

Обмен веществ у Зверя шел максимально быстро, как будто он подсознательно хотел ускорить перестройку и восстановление своего организма, так что каждые пятнадцать минут оборотень отбегал в сторонку испражниться и потом снова ел, ел, ел... вернее — жрал, потому что назвать едой это кровавое пиршество язык не повернется.

Подняв морду вверх, Зверь увидел, что небо стало серым. Вот-вот начнет светать. Человек в нем взял под контроль тело оборотня, и оно стремглав бросилось бежать в сторону города.

Несколько километров Зверь преодолел за считанные минуты и вскоре темной, расплывчатой тенью неся по улицам. Редкие ранние прохожие, спешащие на работу в пекарни и лавки, были напуганы, ругались, но

принимали его за огромную собаку, то ли взбесившуюся, то ли от чего-то спасавшуюся. Надо ли говорить, что они быстро забыли об этом происшествии, придавленные повседневными делами и заботами — до собак ли, когда надо замесить тесто да открыть лавку раньше других, чтобы продать товар ранним покупателям, пока конкуренты не сделали это до тебя.

Зверь с ходу заскочил на навес трактира, грохнув по крыше — высота навеса была не менее трех метров, однако оборотень взлетел на него легко, одним прыжком, и, если бы не стук когтей по деревянному покрытию, его вообще нельзя было бы услышать.

Во дворе залаяли собаки, учуявшие запах крови и Зверя, но было уже поздно — прижавшись к настилу, оборотень перекинулся в человека и рыбкой влетел в свою комнату.

Через пять минут он крепко спал на своей растерзанной постели, сытый, уже не такой худой, как раньше, и, что самое главное, — здоровый как никогда. Все его шрамы, ранения, в том числе следы пулевых и ножевых, которые он получил на Земле, исчезли, уничтоженные при трансформации, они не были присущи его организму на генетическом уровне, а значит, организм не восстановил их при трансформации.

Разбудило Андрея солнце — он сощурился от горячих лучей, упавших ему на глаза, и одним движением вскочил с постели.

Он был наг и весь залит кровью — как ему вспомнилось, кровью косули и медведя, которых он пожирал ночью. Осмотревшись, Андрей поморщился и ругнулся — ну как объяснить трактирщику учиненный разгром? Однако прежде всего надо было смыть с себя кровь. Делать нечего, он с отвращением залез в полное нечистой воды корыто, которое так и стояло в комнате. Вода сразу порозовела, стала совсем грязной, и, выйдя из корыта, Андрей тщательно вытерся, избавляясь от остатков вчерашнего и сегодняшнего омовения. Потом он подошел к столику и достал из ящика крестик, предусмотрительно снятый Федором, — тот боялся, что крест увидит лекарь.

Заматавшись в простыню, Андрей подошел к стене между комнатами и решительно постучал в нее кулаком:

— Эй, в трюме! — и усмехнулся — какой, к черту, трюм?

Через несколько минут послышались шаги, за дверью кто-то завопил, и осторожный голос Федора спросил:

— Эй, Андрюха, ты там кусаться не кинешься?

— Не кинусь... откусался уже. Заходи смело.

Ключ со скрежетом повернулся в замке, дверь открылась, и Федор, шагнув в комнату, замер с вытаращенными глазами.

— Да мать!.. В дышло... перемать... мать! Это чего тут такое произошло-то?

— Я же сказал, кусался я! — со смешком повторил Андрей. — Хватит причитать, радуйся, что твой друг не стал чудовищем. Вот только что делать сейчас, не представляю! Закрой дверь, а то кто-нибудь нос сунет, слухи пойдут. Даже не знаю, может, свалить отсюда по-тихому? Слушай, а это мысль! Я сейчас выпрыгну из окна, а ты пойдешь к трактирщику и сообщишь ему, что постоялец, то есть я, исчез и имеются следы зверя и кровь. Типа меня украл какой-то зверь! А я потом присоединюсь к вам за городом. Как тебе эта версия?

— Полная хрень. Зверь в городе? Ты как себе это представляешь? — Федор сплюнул и развел руками. — Ума не приложу, как обосновать ЭТО!

— А если так — мы с тобой подрались и все тут разбили? Дадим ему денег, он и заткнется!

— Это получше, — согласился Федор. — Вот только где на физиономиях следы драки? Где раны, синяки? Кстати-кстати, это что такое? Где твои синяки, раны, швы? — Федор заинтересованно осмотрел гладкую кожу друга. — Ты как-то округлился, что ли... ребра уже не так торчат! А уж про отсутствие швов я и не говорю! Ой, мама родная... ну что же придумать-то?

— А ты у Алены спроси, раз она такая умная! — усмехнулся Андрей. — Как ты с ней поладил, нормально все?

— С чего это тебя стали интересовать вопросы того, как мужики ладят с бабами? — парировал Федор. — Хочешь узнать подробнее, что они делают, когда остаются наедине? Так тебе рано это знать, не вырос еще!

— Хе-хе... один — ноль! — непонятно сказал Андрей и добавил: — Вот что, давай и правда пригласим Алену и порешаем втроем. Два ума хорошо, а три лучше. Только Настену пусть с собой не тянет страсть такую глядеть. А самое главное, штаны с рубахой мне принеси, не стоять же мне голым перед бабой. Вначале штаны принеси, а потом уж бабу зови, а то с тебя станется припереть и то и другое одновременно.

Минут через двадцать троица бурно обсуждала, как объяснить трактирщику, что подушки разорваны и перья разлетелись по номеру, перина вспорота и перья тоже по номеру, стулья сломаны, на стенах царапины от когтей до бревен, так что обвалилась штукатурка, на потолке царапины, пол разодран и пробит насквозь, половики изорваны в клочья, на двери глубокие царапины, почти насквозь... В общем, что номер

практически уничтожен.

— Предлагаю так, — сказала Алена, внимательно рассмотрев произведенный разгром. — Мы все были в городе, а когда вернулись — в номере полный разгром, кто-то ворвался через окно и испортил все вещи. Если трактирщик будет возмущаться, оплатить ему ремонт комнаты, но не потому, что мы согласны с его обвинениями, а из благотворительности и жалости к нему.

— Хм... есть смысл, да, — кивнул Андрей, — только тоже шито белыми нитками. Знаете, что я предлагаю? Я напоролся вина и впал в безумие. Все побил, все разбил — оплатим ему ремонт, и все.

— А царапины на потолке и стенах? А дверь? Кстати, интересно, чем ты ее так искромсал, — задумчиво сказал Федор, — оружия-то у тебя не было!

— Ты вот что, не говори глупостей! — рассердился Андрей. — Чем надо, тем и пробил! Не тем, чем ты работал сегодня ночью!

— Тьфу! — фыркнула Алена и засмеялась. — Ну какие вы, мужики, все-таки охальники! Пошла я собирать Настену, сами решайте, чем вы тут корябали и чем стучали. Все равно ничего не слушаете, что вам ни предлагай! — Она поднялась и вышла из комнаты, закрыв дверь.

— Ну вот чего ты несешь? — разозлившись, накинулся на друга Федор. — Завидуешь, что ли? Надо думать, как выкручиваться, а ты ерунду какую-то порешь!

— Может, и завидую, — грустно вздохнул Андрей, — хорошая баба, береги ее. Ну что, пошли сдаваться? Скажу, что у меня был приступ безумия и я разнес комнату... Будь что будет. Типа приревновал к твоей женщине и все разбил. Мало ли идиотов на свете? Главное — деньги готовы, у нас их хватает, так что умаслим хозяина.

Андрей и Федор спустились вниз, к благодушному хозяину, не подозревавшему, какие неприятные известия сейчас обрушатся на его лысоватую голову.

Еще через пятнадцать минут охрипший от ора трактирщик хмуро пересчитывал золотые монеты, переданные ему в компенсацию за ущерб, с учетом простоя номера и затрат материала плюс рабочей силы. Сумма как минимум на тридцать процентов превышала реальный ущерб, так что хозяин гостиницы заткнулся и перестал вопить, что вызовет стражу и всех законопатит в местную тюрьму.

Впрочем, испытывать судьбу путники не стали, быстро собрались и выехали со двора — вернуть плату за следующие сутки, к удовольствию хозяина заезжей, они не потребовали, а еще купили продуктов на

приличную сумму, полностью обеспечив себя питанием на ближайшую неделю.

Снова пылила дорога, снова Федор и Андрей сидели на облучке, разговаривая за жизнь.

— Ну что, Андрюха, расскажешь мне, как все на самом деле было ночью?

— Только после того, как ты расскажешь, что было ночью, — усмехнулся Андрей. — Да нечего рассказывать! Да и не место тут. — Он покосился на сидящих в глубине фургона Алену и Настенку — женщина кормила дочь пирожками, приговаривая, что если та не съест, то она отдаст эти пирожки соседской собачке. Девочка живо заинтересовалась, потребовав сейчас же пойти к этой собачке, так как она желает посмотреть, как та будет есть пирожок.

— Да ладно... рассказывай давай, не придуривайся. Как пересилил?

— А кто сказал, что я пересилил? Вот сейчас ка-а-ак... вопьюсь тебе в шею! — Андрей рассмеялся и прикрыл глаза рукой, сожалея, что в этом мире нет солнцезащитных очков, — с некоторых пор солнечные лучи его очень беспокоили, модифицированные глаза были очень чувствительны к свету.

— Слушай, а ты ведь изменился с тех пор, как побывал в объятиях кикиморы. Я не припомню, чтобы ты так много смеялся и шутил, — с удивлением заметил Федор. — Ты всегда был таким нудно-праведным, таким скучным, что хотелось треснуть тебя по башке... Этак ты, может, примешься и вино пить?

— А что? Я всегда любил хорошее вино, — парировал Андрей, — но пить вино и напиваться вином — согласись, разные вещи. Ну да ладно, теперь серьезно: не знаю, как я пересилил. Может, моя военная подготовка, а может, то, что я сильно молился, помогло мне удержать мою сущность и взять Зверя под контроль. Только вот что я тебе скажу: в этом деле нет ничего мистического. Да, тело преобразуется под воздействием заражения — прямого попадания крови или слюны существа, которое вы называете кикиморой, в тело обычного человека. И если человек приличный, в обычной жизни не имеющий никаких зверских наклонностей — жестокости, подлости, то и Зверь не будет убивать без разбора, а если есть хоть что-то злое, жесткое, если он был убийцей — вот тут Зверь в душе поднимает свою голову, и тогда... тогда очень трудно взять над ним верх. Знаешь, я подумал — а может, кикимора, которую мы убили, совсем и не была жестокой убийцей? Может, на нее больше наговаривали, а она была просто несчастной зараженной девушкой, вынужденной бегать по лесу,

чтобы утолить жажду сырого мяса и крови?

— Да ну, скажешь тоже! — Федор с неудовольствием посмотрел на Андрея. — Ведь как вывернул-то! И оказываемся мы теперь не герои, а безжалостные убийцы девушки и ее безутешного отца! Даже слышать это дерьмо не хочу! Никогда больше не говори этого при мне! Она была мерзкой убийцей, и мы освободили мир от чудовища! Все!

— А может, ты освободишь мир от еще одного чудовища — меня, например? — усмехнулся Андрей. — Я-то гораздо страшнее и опаснее ее. Кстати сказать, Настенку-то она не тронула... а ты не допускаешь, что все могло выглядеть и по-другому? Не так, как мы все это увидели и как увидела это ее мать?

— Не хочу! Не хочу это слышать! Заткнись! — окончательно рассердился Федор и замахнулся на Андрея хлыстом. — Сейчас как врежу по тупой башке!

— Ну врежь, врежь, если это тебе поможет, — грустно улыбнулся Андрей. — Что было, то прошло, и теперь сделанного не воротишь, хоть сто раз ударь хлыстом меня или себя. Впредь будем думать, как и что делать... не все суть то, как оно выглядит внешне. Забудем этот разговор. Что касается меня — я всю ночь бегал по лесу, охотился. Убил двух косуль, ел мясо, на меня вышел медведь — пришлось съесть и его. Вот и пополнел слегка, жира-то все равно практически нет, но мышцы выросли — пришлось много мяса съесть... и переварить.

— Представляю... как ты загадил там всю лужайку, — заржал Федор, его поддержал Андрей, и они минуты три смеялись в голос под взглядом удивленной Алены.

— Сколько нам до ближайшего селения? Или города? — спросил Андрей, поглядывая на высоко стоящее солнце. — До темноты успеем доехать до постоялого двора?

— Постоялые дворы стоят верст через сорок — пятьдесят, должны успеть. А примерно в тридцати верстах будет еще деревенька, Карадовка называется. Я частенько ездил по этому тракту, когда охранником работал. Дорогу до столицы с этой стороны знаю хорошо, а уже туда, за столицу, — не очень, туда редко ходил. Впрочем, тут я тоже уже несколько лет не был, может, что-то и изменилось. Встретим кого-нибудь — спросим. Бывает, что тут купцы проезжают, и нередко. Только шуганный какой-то народ стал. Те, что недавно навстречу попались, нас завидели да всю охрану собрали, наверное, подумали, что мы разбойники какие... То ли народ стал пугливый, то ли впереди что-то неладно — надо будет расспросить встречных как следует. Кстати, раньше больше было народу на тракте, чего

они тут стали ездить гораздо реже — ума не приложу. Я уже давно потерял контакты с купцами, а так бы расспросил еще в Нарске что и как. Есть, конечно, догадки...

— Хм... а я думал, такое редкое движение тут нормальное дело, а оказывается, это не так. Интересно... Какие версии будут?

— Есть еще одна дорога в Нарск и те края — она длиннее и не такая ровная, но идет огибая леса, по краю степи, вернее, лесостепи. Там редко шалют разбойники, им там труднее спрятаться — по крайней мере, я так думаю, а на этой дороге всегда грабили, потому и караваны серьезно охраняются. Зато эта дорога короче той больше чем в полтора раза. Вот и все версии. Если предположить, что засилье банд тут стало больше, значит, поток грузов по тракту уменьшился. Мы с тобой уже убедились в самом начале пути, что разбойников тут хватает... А еще такая штука — этот тракт проходит по землям различных мелких и крупных феодалов и приходится платить за проезд, возможно, они так задрали цену, что легче объехать вокруг, чем вываливать денег какому-нибудь придурковатому графу или барону.

— А куда власть смотрит? Какого рожна не пресекает поборы?

— Ну ты как не от мира сего! А... ну да, да... В общем, у этих графов и баронов есть бумага, где указано, что они ухаживают за дорогой, проходящей через их земли, а им за это позволено взимать дорожный налог — не больше серебряника с повозки. Вот только они алчные и устанавливают те расценки, которые хотят! А чтобы все было шито-крыто, отвозят приличные суммы в столицу. Только вот купцы едут в объезд, в результате чего цены на товары повышаются — надо ведь возместить дорожные расходы.

— Ну ясно... В общем, обложили налогом и перестали ездить. А исчадия?

— А что исчадия?

— С них тоже берут дорожные поборы?

— Ну не смейся, какие с исчадий поборы? Они сами какие хошь поборы...

Повозка медленно, но верно катила вперед — Федор не хотел гнать лошадей, ни к чему это. До искомой цели много, очень много дней пути... Они остановились на обед в Карадовке, задали корму лошадям, немного передохнули и снова тронулись в путь. Андрей уже стал привыкать к ритму этого мира — размеренному, неспешному. Что толку спешить, когда час-другой ни на что не влияет?

За день они преодолели пятьдесят верст, выходя на расчетное время-

расстояние. Меньше — невыгодно, ибо путешествие затянется на многие месяцы, а больше ни к чему — какой смысл напрягать лошадей, да и самим излишне напрягаться.

Около недели они ехали по тракту, изредка встречая купеческие караваны с сильной охраной. На чужаков смотрели неодобрительно и отказывались общаться — однажды даже чуть не вспыхнула драка, когда охранник каравана вытащил меч на безобидный вопрос Андрея, откуда и куда они направляются.

Федор потом пояснил другу, что не стоило спрашивать о цели путешествия — могут принять за подсылов разбойников. Андрей пожал плечами и больше не пытался поговорить с караванщиками, решив, что и без их участия они сумеют справиться с любыми проблемами, которые встретят.

Иногда они ночевали в лесу у костра, если вечер заставал в дороге, а дотащиться до постоянного двора не успевали.

Ехали дружно — Алена не была в тягость, она имела легкий характер и не гнушалась никакой работы. Андрей с грустью и легкой завистью перехватывал влюбленные взгляды, которыми обменивались эта женщина и его товарищ.

Настена тоже не стала обузой и своими простодушными выходками веселила взрослых, разряжая скуку и однообразие длительного путешествия.

Дорога уже ушла от реки и завернула слегка влево, огибая громадные лесные массивы, густо заселенные разнообразной дичью. Иногда ночью Андрей уходил в лес, раздевался, чтобы не разорвать в клочья одежду при трансформации, и перекидывался в оборотня. Утром путников уже ждало свежее мясо...

Когда это произошло в первый раз, на вопрос Настены, откуда это все взялось, Алена, покосившись на Андрея, ответила пытливой девочке, что мясо им принес добрый волк, который узнал, что Настена любит вкусное оленьё мясо, и хотел ее порадовать. Несколько раз после этого девочка пыталась выскользнуть из фургона ночью и подсмотреть, как приходит добрый волк и приносит мясо, но эти попытки были пресечены зоркой матерью, всегда бывшей настороже — как ей и положено.

Тянулись версты, часы, дни, редкие деревушки вдоль тракта, шло время.

Однажды путешественники решили завернуть в деревушку, стоящую у большого пруда, — с тракта она смотрелась так патриархально, так мирно и лубочно, что навевала мысль о покое, о сытной и мирной жизни, о

которой может мечтать любой человек.

— Может, не будем заезжать? — раздраженно спросил Федор.

— Будем, будем — ребенку нужно молоко! А то у нее развитие плохое будет! — Алена сердито зыркнула на любовника, укладывая Настену на послеобеденный отдых.

— Нормальное развитие у нее будет. Если такое, как твое, — смерть мужикам будет! — усмехнулся он, но послушно хлестнул лошадей вожжами, и они резво пошли по поросшей подорожником проселочной дороге. Недавно прошел дождь, от лошадей шел пар, а в колеях стояла грязная вода, разбрызгиваемая копытами и колесами.

— Я слышал, что молоко очень важно для образования костей и зубов, — сказал Андрей, — там есть минерал, который участвует в строении костей. И творог тоже полезный.

— Да? Не знал. И знаешь что? Не узнал бы еще лет пятьдесят — даже не заплакал бы! — Федор усмехнулся в пшеничные усы и добавил: — Смотри, какая красивая деревушка! Мечта!

— Угу... мечта... ты бы стал жить в такой деревне? — Андрей иронически скривил губы и покосился на товарища.

— А почему нет? Тихо, мирно, красиво, добрые люди... Выходишь — все тебя знают, все здороваются, обмениваются новостями, из которых главная, что дочь мельника родила мальчика, а у соседки лиса задрала курицу. Ни тебе войн, ни тебе алтарей и Кругов, ни тебе...

— Фантазер ты и романтик! — прервал его Андрей. — Что-то ты расслабился в последнее время, а? Где тот безжалостный и циничный рубака, которого я встретил в Нарске не так уж и давно? Куда он спрятался? Эй, Алена, у тебя под юбкой никто не спрятался?

— Тьфу на вас! Чего расшумелись?! Настенка только засыпать стала! Вот дам вам ее держать на руках, тогда узнаете, почем фунт лиха!

— Ой нет! Только не это! — шутливо отмахнулся Андрей. — Впрочем, Феде можешь ее отдать, ему пора привыкать к семейной жизни.

— Андрюх, ну чего ты привязался? — Федор порозовел и сжал губы. — Достал уже своими подколками! Лучше бы ты снова стал нудным и праведным!

— Ты покраснел?! Ой-ой! Вот это ты расслабился! Я начинаю бояться за тебя! — ухмыльнулся Андрей и принялся разглядывать окружающий пейзаж.

Ему подумалось: «Эти лавки в повозках такие убогие... ну почему нельзя придумать какие-то кресла, типа как в автомобилях? Опупеешь ехать вот так несколько тысяч километров... Ну а что делать? Самолета не

предвидится...» — Он усмехнулся и, увидев встречного крестьянина, крикнул:

— Уважаемый! Скажи нам, где тут можно купить молока? И вообще продуктов?

— Поедете прямо, увидите дом с желтым петухом на коньке — там живет Аграфа, вот у нее и купите. Она торгует молоком от своей коровы. А продукты... В деревне лавка есть, только в ней особо-то и нет ничего — у нас все свое. Те же куриные яйца можете купить у Аграфы, а хлеб мы печем только для себя.

Мужик поправил на плече вязанку длинных жердей, похоже только что вырезанных в лесу, и пошел дальше, не обращая внимания на путников в фургоне.

— Ну что же, поехали искать эту Аграфу! — проворчал Федор. — Вот не было печали! Наделала бы Настене каши, и все! А то — молоко, молоко!

Алена лишь фыркнула. Девочка же спала, игнорируя происходящее в повозке, чему Андрей позавидовал — так спать может только человек с чистой совестью.

Пропылив по деревенской улице мимо домишек, обмазанных глиной и побеленных — «Ну вылитая гоголевская Диканька!» — подумал Андрей, — они нашли избу с петухом на крыше и, подъехав ко двору, остановились.

Ворота были раскрыты, а перед ними стояла небольшая толпа крестьян — человек десять, молча и с жадным любопытством наблюдающих за происходящим.

Во дворе слышался истошный лай собаки, потом собака завизжала, и ее вой и визг продолжался с минуту, затем она затихла. Стали слышны громкие голоса и плач — плакала женщина и дети, они что-то говорили, убеждали, им отвечал грубый громкий голос, потом все затихло и не было слышно почти ничего, кроме всхлипываний и горького плача.

— Вот тебе и красивая жизнь! Вот тебе и благостная деревня! — пробормотал под нос Андрей и спрыгнул с облучка, чтобы посмотреть, что там случилось.

— Андрей, не вмешивайся! — предупреждающе буркнул ему вслед Федор. — Что-то неладное происходит!

Андрей кивнул и подошел к стоящим у ворот крестьянам.

— Чего тут такое? Мы хотели молока купить, нам сказали, что тут это можно, а здесь шум какой-то. Что происходит, мужики?

— Отпокупались вы молока, — с усмешкой сказал пузатый мужичок лет сорока пяти. — Аграфа подати не заплатила, и у нее уведут корову.

Говорил я ей — ты слишком балуешь своих пацанов, а она — они и так без радости живут, что, от петушка на палочке разоримся, пусть радуются! Вот и дорадовались. Она подати не отдала вовремя, я не мог их передать власти, а когда сборщик податей с солдатами пришли за деньгами, я так и обсказал — не могу отдать всю сумму из-за нее. Сейчас корову забирают у дуры — по миру теперь пойдет. И поделом — а то ее пацанята бегают везде, шастают, надоели уже.

— А муж у нее где? — спросил Андрей, с ненавистью глядя в сытую морду старосты, — хотелось врезать так, чтобы эта подлая ухмылка больше никогда не возвращалась на его ряху.

— Муж-то? А на границе остался. Может, убили, а может, нашел себе молодуху без трех детей да и пристроился там, в чужедальних странах. На хрена ему жена с тремя детьми? Удивительно, как это они еще продержались так долго. Ну вот и результат — как можно без мужика жить столько времени! Говорил я ей... — Староста осекся и опасливо посмотрел на приезжего — понял тот или нет, потом, торопливо кивнув, отошел к стоящим поодаль двум мужикам и стал что-то говорить, поглядывая на ворота дома.

Андрей прошел внутрь и со сжавшимся сердцем увидел возле ворот конуру, у которой, в луже крови, лежала собака с окровавленной головой и вспоротым животом. Около нее сидел мальчик лет десяти и горько плакал, поглаживая собаку по голове.

Увидев Андрея, он сквозь рыдания сказал:

— Они Волчка убили... он хотел нас защитить, а они его убили!

Андрей стиснул зубы и пошел в чистенькую ухоженную хату. В горнице былолюдно — за столом сидел мордастый бугай лет тридцати, с брезгливо-презрительным выражением лица записывающий на бумагу то, что ему говорил один из помощников, похожий на него как две капли воды своим высокомерно-презрительным видом:

— Полотенце — два. Чашка расписная — одна. Две ложки деревянные. Два стула, с резными спинками...

Андрей посмотрел на происходящее, на сидевшую в углу женщину лет тридцати пяти с прижатыми к груди руками, и мальчишек-двойняшек лет семи, прижавшихся к ней, зарывшихся лицами в ее передник, и спросил:

— А что здесь происходит?

— А ты кто такой, чтобы спрашивать? — грозно спросил сидящий за столом бугай. — Не мешай! Это государственное дело! Я сборщик податей! Выведите его отсюда, нечего тут стоять!

Трое солдат в полном вооружении придвинулись к Андрею, но не

успели они схватить его за руки, как он спокойно сказал:

— Я родственник этой женщины и привез деньги, долг, я брал у ее мужа. Сколько она должна?

Мытарь кивнул солдатам, и они отошли от Андрея, так и не узнав, как близки они были к смерти.

— Если родственник... ладно! Она должна подати за два года — десять золотых. Староста сказал, что она отказалась платить по ерундовому поводу — мол, наторгует и отдаст постепенно. А государство не может ждать! Посему мы описываем ее имущество, с тем чтобы вывезти все более-менее ценное. А ты точно ее родственник? Что-то вы не шибко похожи!

— Я дальний родственник, — усмехнулся Андрей, посмотрел на удивленно раскрывшую глаза женщину и незаметно ей подмигнул. — Я покрою ее долг, прекратите опись, сейчас я принесу деньги. А зачем собаку-то убили?

— Так она войти не давала! — буркнул один из солдат. — Распустились эти крестьяне, совсем страх потеряли! Бесполезные скоты, только жрать да плодиться!

— Так, хватит болтать, Антон! Иди, родственник, неси деньги! Заплатишь — что же, мы уйдем... до следующего раза. Подати — дело святое, поняла, Аграфа? Радуйся, что твоих щенков в рабство не взяли, в следующий раз так и сделаем! В столице любят мальчиков — продадим в бордель, вот и будут тебе подати за несколько лет вперед! — Бугай заржал, ему вторили помощники и солдаты.

Андрей почувствовал, как у него задергалось веко, и быстро вышел, чтобы не поубивать эту шатию — этого делать было нельзя ни в коем случае, тем более на глазах толпы крестьян, иначе через несколько дней появится карательный отряд, и тогда пощады не жди.

Он подошел к повозке и сказал Федору хриплым голосом:

— Дай сорок золотых!

Его еще трясло от возбуждения, тело просило боя, ему страшно хотелось убить всех, кто пришел со сборщиком податей, а также разогнать толпу равнодушных, скалящихся на чужую беду зевак во главе со старостой.

— Ты чего задумал, Андрей? — с тревогой спросил Федор. — Деньги у нас есть, конечно, но если раздавать их на каждом перекрестке, так не напасешься! Ты хорошо подумал?

— Я тебе говорю — дай сорок золотых! — рявкнул Андрей и, скрипнув зубами, тихо добавил: — Иначе я сейчас поубиваю этих козлов!

— Даю, даю, — засуетился Федор и стал отсчитывать деньги из мешка, который взял у отца кикиморы. — Вот, возьми. Мне с тобой пойти?

— Нет. Сиди здесь и не вмешивайся. Скоро поедем! — Андрей снова зашагал к хате, провожаемый взглядами перешептывающихся селян.

Пройдя мимо мертвой собаки, мимо коровы, привязанной к столбу у ворот и недоуменно глядящей на происходящую во дворе суету, Андрей вошел в горницу и брякнул на стол перед мытарем десять золотых.

— Получи. И расписку давай, что получил! А то потом скажешь, что не давали тебе...

— Обижаешь, приезжий... только теперь не десять золотых, а одиннадцать. Десять процентов сбор за наши хлопоты, — злобно оскалился сборщик податей. — Надо было вовремя платить, тогда бы мы не тратили время на это занятие! Думаешь, нам приятно сидеть в этой вонючей дыре?!

— На, одиннадцать так одиннадцать! Расписку давай! — Андрей бросил еще золотой и уселся на стул напротив сборщика, наблюдая, как тот корябает что-то на куске пергамента. Затем сборщик достал из кошелька печать, чернильницу, аккуратно, чтобы не испачкаться, помазал печать маленькой кисточкой, приделанной к крышке чернильницы, приложил, помахал в воздухе документом и сказал Аграфу с ухмылкой:

— Вот уладила бы нас, скостили бы золотой! Дура баба, не убыло бы от тебя, а золотой на дороге не валяется. Повезло тебе, что родственничек объявился!

Андрей поставил локти на стол, закрыл лицо ладонями, потирая, как будто бы устал от дальней поездки, и мытарь не видел, как под ладонями лицо искривилось в яростной гримасе ненависти и изо рта полезли огромные белые клыки... Наконец Андрей справился со своим желанием убивать, и его лицо снова приобрело нормальные очертания.

Он взял документ, пробежал глазами — все верно — и отдал Аграфу:

— Спрячь подальше. А то придут снова и возьмут вдвойне в другой раз, если бумажки не будет. С них станется...

Мытарь грузно встал, отдуваясь и топая ногами в грязных сапогах, оставляя на чисто вымытом полу ошметки земли, коровьего навоза, и приказал подручным:

— Пошли! Нам еще надо успеть до темноты заехать в Агроновку, а потом на постоялый двор. Некогда тут расслаживаться, работать надо! Ну чего застыли, бездельники!

Служивые покинули избу, пересмеиваясь и обсуждая поездку в Агроновку, где надо «пощипать» ленивых крестьян, и в горнице остались

только Аграфа с двумя ребяташками, с интересом глядящих на незнакомого мужчину.

Аграфа боязливо посмотрела на своего нежданного спасителя и сказала:

— Мне нечем отдать долг. Я же знаю, что мой муж никому ничего не давал, нам и нечего было давать-то! Отродясь денег никаких не было... ребяташки, бегите помогите Сашку похоронить Волчка... негоже ему лежать без упокоения, он верно нас защищал...

Дети убежали, а она села за стол, положила на него руки и зарыдала, раскачиваясь и причитая сквозь слезы:

— Как муж пропал, они как с цепи сорвались... раньше такие ласковые были, когда Вася был, видать, боялись, твари! А теперь нороят то на сеновал затащить, то ребят ударить хворостиной, вроде как они воруют у них с огорода! А они не воруют, они в жизни ничего чужого не взяли! Помогают мне, сено косят, такие маленькие мужички. Радость моя! Одна радость у меня в жизни! Что делать, как дальше жить?!

— Уходить тебе надо отсюда, — проглотив комок в горле, сказал Андрей. — Иди в город, там обязательно найдешь работу. Например — кухаркой в трактир. Снимешь жилье, успокоишься — еще лучше будешь жить! Здесь все равно жизни не будет. Вот тебе двадцать девять золотых, на обзаведение, может, и какую-нибудь хибарку в городе прикупишь. Только сразу уходи — продавай корову, дом, собирайтесь и уходите!

— А как же Вася?! А вдруг он придет, а нас нет? Я его жду... — тихо проговорила Аграфа, и слезы покатались по ее щекам. — Он пять лет назад пропал на границе, нет известий... может, все-таки вернется?!

— Может, и вернется. У тебя есть какие-то знакомые в деревне, кому можно доверять? Есть? Ага, скажешь им, куда ушла, а потом пришьлешь весточку, где обосновалась, он придет сюда, а ему и скажут, где вас искать.

— Спасибо вам! — Аграфа вытерла глаза и попыталась улыбнуться. — Как вас звать? Где мне вас найти, чтобы отдать долг? Только я не знаю, когда смогу отдать! Когда муж вернется... если муж вернется, мы все отдадим, а сейчас видите, что творится? Кроме коровы да хаты у меня и имущества-то никакого нет...

— Андрей меня звать. А где найти... я и сам не знаю, где буду через день или два. Иди в столицу, устраивайся, даст бог, свидимся! — Андрей не заметил, как Аграфа вздрогнула при слове «бог». — А нам надои, пожалуйста, молока, у нас девчонка маленькая, ей надо.

— Да-да, конечно, только посуду давайте — у меня не во что вам налить!

Через час фургон снова пылил по дороге по направлению к столице. Заезжать в лавку они не стали, тем более что Андрей узнал у Аграфы, что лавка принадлежит старосте — он не хотел видеть его мерзкую рожу.

— Ну вот, — ворчал Федор, — стали беднее на сорок золотых. Оно стоило того? Всех-то бедных и убогих не обиходить, Андрюха! Этак вообще останемся без денег!

— Не обеднеем мы без сорока монет, знаешь же! А что, мне надо было поубивать их? Лучше было бы?

— Лучше бы точно не было. Хуже было бы. После убийства сборщика податей обычно приходит отряд карателей и всех, правых и виноватых, сажает на кол. Хорошо, что ты сдержался, черт с ними, с деньгами! А где ночевать будем? До постоянного двора еще верст двадцать, а уже вечер. Я знаю одно местечко — там ручей течет, небольшой лесок рядом. Давайте там заночуем? Чистая вода, дождя вроде не ожидается — небо очистилось, земля подсохла на ветерке, мечта, а не ночевка!

Они свернули с тракта, проехали с километр в сторону и действительно оказались у ручья с чистой водой, в которой шныряли стайки рыбешек — видимо, из этого ручья и образовался пруд у деревни, в которой они были, направление течения было как раз в ту сторону. Расседлав лошадей, они занялись приготовлением ужина.

Настена весело бегала вокруг, отлавливаемая ругающейся матерью — упадет, нос разобьет... Андрей смотрел на них и опустошенно думал о том, как несправедлива жизнь...

Ночь упала быстро, Андрей отказался спать в фургоне и остался у костра, глядя на языки пламени, потом закрыл глаза и засопел, будто крепко спит.

Дождавшись, когда в фургоне тоже засопели и захрапели, он легко поднялся, ушел в сторону от лагеря, сбросил одежду и, свернув ее в тугой комок и уложив под куст шиповника, перекинулся в Зверя.

Зверь понюхал воздух, пахнувший дымом и полевыми цветами, встряхнулся и стелющимся галопом помчался туда, откуда они приехали...

ГЛАВА 10

Зайцы прыскали из-под ног, взлетали тетерева, разлетались в стороны лесные цветы-колокольчики и брызгала роса с листьев ландышей — Зверь несясь с огромной скоростью, легко уворачиваясь от торчащих сучков, веток и колючих кустов, растущих между деревьями.

Выскочив на открытое пространство, он разогнался по полной — оборотень легко преодолевал больше ста километров в час и мог с такой скоростью бежать сутками, в отличие от своего земного собрата — гепарда.

Деревенька, с дымами из труб и запахом свежего хлеба, открылась как-то внезапно, когда он взбежал на бугор — все было идиллично, все было красиво...

Зверь пустился вниз и, сделав широкую дугу, зашел со стороны пруда, пробежал через огород и оказался под окнами самого богатого дома в деревне — деревянного, двухэтажного, на первом этаже которого была лавка с вывеской «Товары для крестьян», как будто кроме них еще кто-то мог тут что-то купить. Дворянами тут и не пахло, а проезжие купцы вряд ли заглянут в эту деревушку, чтобы восполнить свои запасы хоть чем-нибудь из этой убогой лавки.

Во дворе истошно залаяли собаки. Почуяв Зверя, они рвались с цепи либо визжали, спрятавшись в конуре. Собаки всегда видят и ощущают много больше, чем люди...

— Иди посмотри, что там во дворе. Может, залез кто? Собаки разоряются, спать не дают! — сказал женский голос, и ему ответил мужской:

— Небось Аграфкины щенки опять по улице бегают, поймаю — выпорю!

— Да чего тебе дались Аграфкины дети? Что ты ее все стараешься обидеть? Глаз положил на нее, что ли, да не дала? Ух, скотина ты старая! Всю жизнь на сторону смотришь, кобелина проклятый! Всю жизнь мне сломал, хороняка! Правильно мне мама говорила — не ходи за этого придурка, а я-то дура: «Он красавец, вон какой нарядный да важный!» Сто раз кляла себя, что за такого выроodka вышла... Людей стыдно, они со мной разговаривать перестали из-за тебя! А меня все любили, и мать мою, и отца! А ты, скот, даже детей мне сделать не смог, таскался по шлюхам, пока заразу не подцепил! И никуда от тебя не деться! — Женщина заплакала, но почти сразу утихла, видимо, накрылась одеялом с головой.

— Дура ты! Дура и есть! Твои глупые родители нищими жили, нищими и померли! Уважа-а-али их! На хрен нужно такое уважение, когда нищие? А я богаче всех! И тебя из милости держу! Давно прогнать надо было — видать, дело не во мне, а в тебе, что зачать не смогла! А то, что соседи рожу воротят, зато они все у меня в долгу! Вот так всех держу! Щас пойду прибью этого Аграфкина сучонка, имею право — он на мой двор залез!

— Опомнись, Симор! Что ты творишь?! Не трогай пацанов!

Послышался звонкий удар и плач женщины.

— Будешь, сука, мне противоречить?! Убью, нищebroдка! Выгоню на улицу в чем есть и молодую возьму! Живешь из моей милости, еще и языком треплешь! Днями выгоню суку, надоела!

По комнате затопали, и во двор вышел староста, в армяке, накинутом на плечи, и с дубинкой в руках. Он крутил головой, пытаясь разглядеть в темноте шустрого мальчишку, который, как ему представилось, залез в его двор.

Мальчишку обнаружить не удалось, и староста, пожав плечами, уже собрался идти обратно в дом, когда увидел горящие желтые глаза, приближающиеся к нему совершенно безмолвно и тихо, как смерть...

Симор успел только тоненько завизжать, когда когтистая лапа снесла ему полголовы, вырвав глаз, ухо, оторвав щеку, обнажив черные гнилые зубы... еще удар, и староста как подрубленный упал со сломанной шеей и затих.

Зверь подошел, понюхал и фыркнул — пахло дерьмом, староста обделался перед смертью.

Зверь прошелся по двору, заглянул в будку — собака забилась в угол и тоненько заверещала, понимая, что смерть ее пришла. Однако оборотень собаку не тронул и только приподнял верхнюю губу в страшном оскале, который у собак означает удовольствие, а еще — предупреждение противнику.

Оборотень с места перемахнул двухметровый забор и пустился по улице, принюхиваясь к следам — их было много, очень много, как будто запахи слились в клубок, и различить, где один, а где другой, было трудно.

Оборотень подбежал к темной хате Аграфы, и тут уже четко уловил запахи оружия, смазанного маслом, и кожи, пропотевшей под доспехами, а также легкий аромат каких-то благовоний, которыми, как Андрей уловил при общении, пахло от мытаря.

Зверь четко взял след и помчался за уехавшим по тракту чиновником туда, куда он направился после того, как посетил Аграфу. Оборотень,

великолепная живая машина, неся с огромной скоростью, благо, что из-за позднего времени на дороге никого не было и никто не мог ему помешать проглатывать километры, как раллийной машине.

Запах висел в воздухе — не было ни ветерка, ни дождя, которые могли смыть и развеять эти молекулы вещества, улавливаемые чутким носом Зверя так, будто он читал книгу при ярком свете фонаря.

Пробежав километров двадцать, он оказался у постоянного двора, стоящего чуть в стороне от дороги, возле ручья, — Андрей и его спутники ночевали там недавно, и он знал, что в это время суток двери гостиницы накрепко закрываются, а двери номеров оборудованы засовами и сделаны из прочного дуба, способного долго противостоять даже тарану.

Зверь уселся на задние лапы и задумался о том, как ему проникнуть внутрь. Его желтые глаза внимательно сканировали окрестности, отмечая: кусты — укрытие, двор — ауры животных, сторожей, охранников, деревья у крыльца — перескочить с них в окно?

Прыгнул с места и понесся ко двору заезжей, к стойлам, где находились лошади.

Собаки почуяли приближение Зверя и истерически залаяли, а в конюшне начали бить копытом лошади, разбуженные шумом, — животные чутко чувствуют опасность.

Зверь посмотрел направо, налево и с разгону заскочил на высокую крышу конюшни, где и застыл как изваяние под неверным светом луны, выглянувшей из-за тучки.

Мягко сделав несколько шагов, принялся и спрыгнул вниз, возле фургонов, застыв, прижавшись к земле, как кот, скрадывающий мышь.

Из фургона выглянул заспанный охранник, чтобы посмотреть на источник переполоха, ничего не заметил, соскочил на землю и пошел вокруг повозки. Заглянул под днище и замер, глядя в светящиеся глаза Зверя.

Удар! — человек упал как подкошенный, оглушенный ударом лапы.

Андрей перекинулся в человека, положил руку охраннику на шею, кивнул: пульс есть, сработано четко — нокаут закрытой лапой, без когтей.

Быстро стащил с человека штаны, рубаху, сапоги, оделся и встал на ноги, потом прошел в конюшню и стал открывать денники, пробежав по длинному ряду стойл.

Их было десятка два, и, пока Андрей гремел засовами, в конюшню вошел конюх с фонарем в руке, видимо решивший проверить, отчего волнуются животные.

Завидев человека, наводившего в его хозяйстве беспорядок, конюх

возмущенно крикнул:

— Эй, ты что делаешь?! Ты с ума сошел, что ли?!

Больше ничего он сказать не успел, сбитый с ног жилистым кулаком и уложенный на кипу сена в пустом стойле.

Андрей подумал: «Пожар, что ли, устроить? Нет, хозяин-то трактира ни при чем... да и парень может погибнуть... по-другому сделаю!»

Он схватил кнут и стал выгонять из стойл лошадей, нервно бьющих копытами и косящих глазом. После нескольких ударов кнутом животные вообще пришли в бешенство и рванули наружу, громя подковами по деревянному настилу.

Табун, взбешенный ударами кнута и запахом оборотня, вылетел во двор, сметая все вокруг, ударяясь о забор, врезаясь в фургоны — выпучив глаза и взбрыкивая, лошади носились по территории, подняв жуткий шум, на который выбежали постояльцы гостиницы, сонные, не понимающие, что происходит.

Андрей, незамеченный в этой суматохе, прошел через дверь, ведущую с конного двора в гостиницу, сразу на второй этаж, к комнатам постояльцев, постоял в коридоре, оценивая обстановку, и вдруг громко крикнул:

— Пожар! Пожар! Спасайтесь!

Его придумка увенчалась успехом — одна за другой открывались двери, разбуженные гости высовывались из номеров, ища источник крика и переговариваясь. В коридоре было темно, и постояльцы не заметили темную фигуру, застывшую в углу. В отличие от них, Андрей прекрасно видел в темноте, потому сразу выцепил взглядом сборщика податей — тот был через две двери от него.

Андрей мягко пошел вдоль дверей. Молниеносное незаметное движение — и со свернутой головой помощник мытаря влетел в комнату, еще движение, хрустнули позвонки — и еще один влетел в свою комнату, ставшую склепом.

Вот и номер сборщика податей — он уже закрывал дверь, когда ее кто-то сильно толкнул, так что она ударила его по голове и отбросила на пол.

Мытарь взвыл, а в номер скользнула темная фигура, захлопнув за собой дверь.

— Ты кто такой? Как ты посмел, негодяй?! — Сборщик податей поднялся и хромя пошел к двери — видимо желая вызвать солдат охраны, но не успел, потому что незнакомец сбил его с ног сильным ударом, рассекшим губы и выбившим два передних зуба, хрустнувших, как скорлупа ореха.

У мытаря помутилось в голове, и он пришел в себя только через пять

минут — комната была освещена фонарем, а незнакомец сидел перед ним на стуле, внимательно глядя в лицо чиновника.

Мытарю показалось, что глаза ночного гостя странно светятся в полумраке, и сердце его замерло — ему померещилось, что это был совсем не человек!

Гость взял фонарь и поднес к своему лицу.

— Узнаешь?

У мытаря на лице появилось понимание, он поморгал и с удивлением и угрозой сказал:

— Как ты посмел? Да тебя же... и бабу эту... я вас в порошок сотру!

— Болван. Ты уже мертв, только пока этого не осознаешь. Я не убил тебя сразу только потому, что хочу, чтобы ты знал, за что умираешь. Всю жизнь я убивал неизвестных мне людей, поскольку мне приказывали это сделать, теперь — я убиваю по своему выбору и лишь тех, кто этого заслуживает. Я не убиваю, а казню.

— Не надо! За что? Не убивай! Я всего лишь выполнял свой долг! Неужели ты будешь убивать всех чиновников, которые выполняют долг?!

— Нет. Но ты получаешь удовольствие от того, что издеваешься над людьми. И я должен тебя наказать за это. Не за твою паскудную работу. А за то, что ты паскудный человек. Ладно. Что-то заговорились мы, пора мне...

Неожиданно мытарь откуда-то достал нож — видимо, он лежал на столике у кровати — и бросился на Андрея. Тот нехотя, почти лениво перехватил руку нападавшего, сжал ее так, что нож вывалился на пол, поднял клинок и без замаха воткнул его в сердце мужчины.

Чиновник коротко вскрикнул, дернулся и обмяк, упав на кровать и глядя в потолок невидящими глазами.

Андрей открыл дверь, вышел в коридор и постучал в соседний номер.

Ответил грубый голос:

— Кто? Чего надо?

— От начальника, просил передать вам...

Дверь приоткрылась, и в щель выглянула заспанная физиономия человека в исподнем. Он с неудовольствием спросил:

— Чего ему надо?

— Просил передать, что ждет тебя на том свете! — Прямой удар ногой, и человек с разбитым подреберьем влетел в комнату.

Андрей распахнул дверь, шагнул в номер — солдаты уже повскакивали и, будучи людьми тертыми, тянулись за оружием. Андрей не дал им это сделать, расправившись в считанные секунды, — они даже не

успели сообразить и увидеть в темноте, кто их убивает.

Убедившись, что все мертвы, Андрей направился к двери. Открыл ее, обернулся и сказал:

— Это вам за Волчка. И за вашу подлость.

Выйдя в коридор, Андрей спустился по лестнице во двор, где метались люди, вылавливая взбесившихся лошадей, спокойно подошел к калитке в воротах, открыл засов и вышел в ночную тьму, подумав: «В отсутствии уличных фонарей есть свой плюс!»

Спокойным шагом он отошел метров на триста от заезжей, немного понаблюдав за мечущимися огнями во дворе, послушал крики людей и стал раздеваться, сбрасывая одежду на землю.

Секунда — и вот на земле уже стоит Зверь, голодный и втягивающий носом запахи ночного леса в надежде учуять дичь...

— Ты снова полночи бегал? — негромко спросил Федор, глядя на подремывающего на скамейке друга.

— Нет, олень сам пришел, убился о камень и разделался на ровные куски мяса! — не открывая глаз, беззлобно огрызнулся Андрей. — Ну чего спрашиваешь очевидное?

— Не вилай! Тебе, чтобы оленя загнать, надо полчаса от силы — а чего ты остальное время делал? Ну-ка смотри в глаза! Открывай, открывай зенки свои зеленые! Ага — врешь другу, врешь! Насквозь тебя вижу!

— Если насквозь, скажи, переварилась ли у меня оленина в желудке или еще там лежит? — Андрей лениво хмыкнул и добавил: — Отстань! Ну побегал я, да... кое-какие концы зачистил... хватит об этом.

— Нет, не хватит! Знаю все! Ты думаешь что — после того как ты прикончил этого чиновника, следующий лучше будет? Добрый такой, да? Этот хоть как-то закон соблюдал, а следующий, может, будет вообще в три горла жрать! А кроме того, заинтересуются — кто это его убил и за что! Пойдут по его следам, будут трясти тех, кто с ним общался, и узнавать, кто его мог убить. И полетят головы — им же не правду надо будет выяснить, а найти виновного. А виновны всегда кто? Те, кто слабы.

— Умеешь ты, Федька, настроение испортить.

Андрей выпрямился на скамье и встряхнулся как собака, поймал себя на этом сходстве с животным и, еще больше испортив себе настроение, подумал: «И правда, хрень какая-то получается — чем больше стараюсь помочь людям, тем больше они страдают! Ну почему так? Надеюсь, хоть Аграфа последует моему совету и свалит в город из этой чертовой деревни! Иначе туго ей придется...»

— Жизнь такая, — отозвался Федор, — хочешь как лучше, получается... дерьмо одно... как всегда.

«Где-то я это уже слышал! — усмехнулся про себя Андрей. — И ничего не меняется. Во всех мирах. Кто там сказал — делай что должен, и будь что будет...»

— Наплюй, Федор... Скажи лучше, до столицы еще далеко?

— Сотня верст с хвостиком. Скоро будет таможня графа Баданского, вот где дерьмецы-то... посмотришь, какие люди бывают. Пока не умаслишь их хорошим подношением, дальше не поедешь, хоть ты вой. Помнишь, я тебе говорил о дорожном сборе? Вот он и есть. Аккуратнее там — дежурят наемники графа, парни злобные и задиристые.

— Да мне чего? Я их трогать не собираюсь, — зевнул Андрей.

— Ты-то не собираешься, а вот они тебя собираются... не надо давать повода. В общем, не будем сотрясать воздух — будь настороже и ни во что не вмешивайся.

Андрей откинулся на стойку держателя тента повозки и стал наблюдать за окрестностями — пылила дорога, на горизонте накапливались тучи, и было душновато. «К дождю», — подумал он.

Сосредоточившись, Андрей посмотрел на окружающее новым зрением. Ауры светились ярким светом. Федор светился желто-оранжево, нога вроде как поджила, потому красного свечения не наблюдалось, только аура потоньше, чем в других местах.

Посмотрел на Алену — тоже яркое оранжевое свечение... вроде не беременна. Андрей усмехнулся и загрустил — в таком возрасте люди уже внуков имеют, а он всю жизнь как перекаати-поле, летит по ветру и неизвестно где остановится...

Настенка спала на одеялах в глубине фургона, и можно было отдохнуть от ее непрерывных вопросов, впрочем, скрашивающих путешествие, не отличающееся разнообразием.

«Хотя пусть лучше так, чем какие-то опасные приключения, — подумал Андрей. — На мою долю выпало столько всего, что обычным людям этого хватит на несколько жизней».

Он снова впал в какое-то полусонное состояние, в котором могут пребывать животные, а может, еще и люди, привыкшие к длительному тупому времяпрепровождению — например, путешествиям за тысячи километров на повозке со скоростью пять километров в час.

Очнулся он от возгласа Федора:

— Внимание! Таможенный пункт! Всем быть настороже!

Дорога в этом месте с двух сторон была зажата горами — невысокими,

что-то вроде холмов, за ними протекала река наподобие Урала — не слишком широкая, но достаточно глубокая для того, чтобы там потонул Чапаев и еще пара купцов с грузом в придачу.

Через реку тянулся мост, классический — из грубых камней, схваченных известковым раствором, с каменным парапетом и довольно широкий, чтобы могли разъехаться две встречные повозки. Само собой, мост с обеих сторон был перекрыт шлагбаумами — здоровенными бревнами, покрашенными в красный цвет.

У каждого шлагбаума стояла будка — двускатная избушка, в такой вполне мог укрыться от непогоды десяток солдат. Конечно, можно было обойти мост и попробовать переправиться где-нибудь в другом месте — если ты едешь верхом и не боишься холодной воды. Но как быть, если ты везешь груз, целый фургон... или предположительно везешь груз? В общем, если ты едешь на повозке и хочешь пересечь реку по мосту, как все нормальные люди, не замочив ног, — плати денег таможене.

Перед шлагбаумом, к которому подъехали Андрей и его спутники, стояло пять повозок, и по унылым лицам возчиков можно было понять, что стоят они давно и надеются на то, что уж в этот-то раз все пройдет без проблем, и притом знают, что их все равно обдерут как липку.

Фургон встал в очередь к остальным страдальцам, а Федор пошел узнавать расценки на проезд в славное графство.

Настенка проснулась и запросилась в кустики, а Андрей стал прохаживаться рядом с повозкой и привычно оценивать несение службы сотрудниками таможни. Это были солдаты, довольно прилично вооруженные и с начищенным и смазанным оружием, из чего он сделал вывод, что пользоваться им они умеют и командир этих стражников следит за состоянием их вооружения.

В остальном при взгляде на них не возникало ощущения регулярной воинской части — так, нечто среднее между захудалым ЧОПом и провинциальным отделом милиции: потрепанная одежда, движения какие-то вихляющиеся и нестроевые. Например, постовой у шлагбаума расстегнул рубаху до пупа, чесал во всех местах и беспрерывно харкал, отчего земля вокруг него была помечена желто-зелеными сгустками слизи. Он свысока смотрел на мающихся у шлагбаума купцов с их охраной и зевал, показывая, что они ему глубоко неинтересны и вообще низшие существа, недостойные и землю у его ног целовать.

Вернувшийся Федор был зол и пояснил, что такое вот скопление образовалось потому, что начальник таможни и его заместитель изволят обедать и после часок отдыхать, переваривая пищу, а если кому-то не

нравится, тот может переправляться вплавь, держа свой груз на загривке.

Кипевший от злости Федор долго ругался, потом остыл и пояснил, что такая вот пакость здесь происходит всегда — не одно, так другое придумают, лишь бы лишние деньги содрать или просто унижить проезжающих.

Время текло муторно — неприятно было осознавать, что оно бездумно утекает из-за таких вот идиотов, перекрывших дорогу.

Настенке наскучило сидеть в повозке, и она стала носиться между фургонами, не обращая внимания на увещевания матери. Наконец Алене надоело вопить, и она погналась за дочерью с криком: «Вот я сейчас тебе задам, засранка этакая!» Девочка восприняла это как элемент веселой игры, затеянной матерью, и бросилась бегать по мосту, весело смеясь и хохоча во весь голос.

Андрей ухмыльнулся, глядя на это бесчинство, повернулся и полез в фургон, чтобы залечь в спячку на одеялах — все быстрее время пройдет, — когда услышал вскрик, плач и ругань. Ругался мужчина, грубым хриплым голосом понося этих проезжающих, и именно Алену и ее дочь, которые бродят где ни попадя, и так им и надо, поделом!

У Андрея сразу заглохло сердце от предчувствия неприятностей — он выпрыгнул из фургона и увидел бледную Алену, прижимающую к груди плачущую навзрыд Настенку.

Они с Федором сразу подошли к женщине и спросили, что случилось. Оказалось — из будки вышел таможенник, девочка случайно врезалась в него на бегу, и он ударил ее по голове, отбросив в сторону. У девочки пошла носом кровь, на скуле наливался огромный синяк — видимо, удар был довольно сильным, а может, она еще ударилась, когда падала на землю.

Андрей и Федор переглянулись и одновременно сделали шаг в сторону будки.

Федор, опомнившись, хрипло сказал сквозь зубы:

— Андрей, нельзя! Тогда нам придется перебить их всех! Остановись!

Андрей послушался, спросил лишь:

— Какой способ есть наказать его официально? Так, чтобы не докопались?

— Дуэль. Но надо сделать так, чтобы он вызвал сам. Если его ударить — это будет нападение на представителя власти.

— Хорошо. Будет вызов. Не вмешивайся. — Андрей повернулся к Алене, утешавшей всхлипывающую девочку. — Покажешь мне, кто из них?

Она кивнула, но сказала:

— Может, не надо? Уедем, и все? Заживет...

— Я не могу просто так это оставить, извини. Покажи мне его.

Минут через двадцать из будки вышли двое мужчин, один постарше, с властным и высокомерным лицом, второй лет тридцати, худощавый и высокий, молодцевато перехваченный перевязью, на которой висела сабля с украшенной золотыми узорами рукоятью. Его сапоги были начищены до блеска, и весь он был такой напомаженный, наверное, мнил себя завзятым сердцеедом. Но Андрей также отметил, что сабля вложена в потертые, выдавшие виды ножны, а за пояс заткнут кинжал, и чувствовалось, что щеголь умеет пользоваться и тем, и другим.

— Кто из них? — спросил Андрей, и Алена, как он и ожидал, указала на высокого таможенника с напомаженной головой.

Андрей направился к беседующим таможенникам, на ходу выстраивая план действий. Подойдя к мужчинам, он обратился к старшему:

— Прошу прощения, что отвлекаю вас от важной беседы, не подскажите, кто тут начальник таможни?

— Я начальник! — с неудовольствием ответил тот. — А что хотели?

— Понимаете, в чем дело, я бы хотел пожаловаться на то, что какой-то умственно отсталый психопат ударил маленькую девочку, едущую в нашем фургоне. Мне сказали, что этот дебил из числа ваших подчиненных. Нельзя ли выяснить, кто это, чтобы я мог посмотреть в глаза этому трусу?

— Хм... — Начальник таможни замялся и покосился на стоящего рядом медленно краснеющего щеголя. — Вы можете подать жалобу графу Баданскому на действия моего подчиненного, если выяснится, что это был один из наших людей.

— Видите ли, я не сторонник кляуз. Мне бы хотелось посмотреть ему в глаза, глаза труса и подонка, который только и может, что поднимать руку на маленьких детей, и сказать ему все, что я думаю о нем, а думаю о нем я очень плохо, считаю, что такой трусливый идиот еще и импотент, поэтому он так ненавидит маленьких детей, ведь сам не способен произвести ничего подобного своим маленьким гнилым отростком!

— Ты, скотина! Да, это я ударил эту маленькую поганку, которая вертелась под ногами и мешала! А ты, деревенский увалень, ответишь за свои слова! Я вызываю тебя! — Щеголя перекосило от злости, он покраснел так, что, казалось, сейчас лопнет.

— Ах вот как! Господин начальник таможни, зафиксируйте где-нибудь — он меня сам вызвал, при всех, я его не трогал! Эй, трус, на чем будем биться?

— На саблях, деревенщина! Сабля и кинжал! — Щеголь посмотрел на столпившихся неподалеку подчиненных и купцов с охранниками, жадно

наблюдавших за скандалом, и свысока бросил: — Через полчаса на площадке за мостом, на той стороне. Бой до смерти! Я тебя научу уважать воинов, деревенская скотина! Впрочем, наука тебе впрок не пойдет. Я тебя убью!

Красуясь перед подчиненными и купцами, щеголь развернулся и пошел чуть ли не строевым шагом на другую сторону моста.

Начальник таможни поманил Андрея к будке, крикнув толпе:

— Разошлись все! Это вам что тут, представление? Делами займитесь! — Он повернулся к Андрею и сдавленным голосом сказал: — Вы что делаете? Это Карнак, из дворян, его сослали сюда за дуэли при дворе, когда он убил там какого-то высокопоставленного типа! Другого бы за это повесили или отправили на жертвенный алтарь, а он отделался лишь ссылкой, и то ставлю свою саблю против медяка, через полгода вернется в столицу на белом коне! Если он убьет вас, а скорее всего так и будет, пойдут жалобы, что на посту творится безобразие, дуэли, таможенники убивают купцов! Дойдет до императора, могут устроить проверку — лишь бы повод был денег с графа стрясти, а граф обрушится уже на нас. А если вы убьете его, я вынужден буду голубиной почтой отправить графу сообщение о гибели моего офицера, и его семья обязательно сотрет вас в порошок! Вы соображаете, что делаете?! Тут везде люди графа, и он через полчаса уже будет знать, что его двоюродного брата убили!

— И что вы предлагаете? — холодно осведомился Андрей.

— Что? Сейчас быстренько оплачиваете проезд, я вам даже скидку сделаю, и уезжаете отсюда подобра-поздорову, а я постараюсь утихомирить Карнака, чтобы он не пустился вслед! Честно — он мне самому вот где уже сидит, но я потерплю, и через полгода, а может, раньше его здесь не будет. Вы же мне можете такую свинью подложить...

— А кто ответит за разбитое лицо девочки? Кто накажет подонка?

Начальник таможни осекся и тускло посмотрел Андрею в лицо.

— Похоже, вы ничего не поняли. Делайте что хотите, я все, что мог, сделал. Оплачивайте проезд и поезжайте. Как поступите — не мое дело, человек сам выбирает свою судьбу. — Он вздохнул, с досадой махнул рукой и пошел в домик.

Андрей вернулся к фургону — Настенка уже успокоилась, но ее личико раздулось с одной стороны и перекошилось.

— Ее не тошнит? — спросил Андрей, вглядываясь в ауру ребенка, отливающую красно-черным с правой стороны головы.

— Да, вырвало два раза, — озабоченно ответила Алена.

— Похоже, сотрясение мозга... — пробормотал себе под нос Андрей и

уже громче добавил: — Положи ее и проследи, чтобы лежала смирно. Увы, и тряска ей не на пользу, но деваться некуда, ехать-то надо. А Федор где?

— Пошел пошлину оплачивать. А ты о чем с этими разговаривал? И с тем, который Настену ударил?

— Да так... дуэлиться будем сейчас с этим подонком. Сейчас переедем на ту сторону, и я пойду и убью его.

— Ай! — Глаза Алены округлились. — Это чего будет-то? Это ничего хорошего не будет! Уж перетерпели бы мы, не надо было...

— Извини, Алена, я бы себя не уважал после этого.

— Ну что тут у вас? — Запыхавшийся Федор запрыгнул на облучок и тронул фургон к открывающемуся шлагбауму. — Все оплатил — по пять серебряников за лошадь и пять за фургон! Дерут, скоты, безбожно! Этот граф совсем охренел, то-то сюда купцы и не едут! Если бы он держал нормальный уровень пошлин, тут от купцов не протолкаться было бы! Ты как, Андрюха, до чего договорился с этим хлыщом?

— Дуэлиться сейчас будем. Переедешь мост, остановись на площадке. Дай мне саблю получше и кинжал. Дуэль до смерти. Плохо то, что этот хлыщ двоюродный брат графа, сосланный сюда за проступок. Послушай, что мне начальник таможни про него рассказал!

Выслушав друга, Федор опечалился:

— Никак мы не можем доехать до столицы без проблем, и осталось-то каких-то сто верст с небольшим! Вот демонские проказы! Сейчас подберу тебе чего-нибудь пристойное, и не играй с ним — просто заруби, и быстро валим отсюда, а то и так уже задержались. Похоже, и еще в пути задержаться придется... А не спрятаться ли нам где, отсидеться бы парутройку дней... пока гроза не пройдет?

— Подумаем... потом — давай выруливай сюда, на площадку!

Фургон наконец догромыхал по каменным блокам до конца моста, поднялся шлагбаум, и повозка выехала на тракт, чуть сбоку от которого виднелась утоптанная площадка, поросшая мелкой травой с проплешинами — что-то вроде волейбольного поля. Как понял Андрей, эта площадка применялась здешними солдатами для тренировок в воинских умениях. Сегодня она должна была послужить ареной для дуэли...

Повозка остановилась, и Федор полез внутрь, отыскивать пристойный клинок для Андрея. Через минуты три он вылез на облучок и положил Андрею на колени одну из сабель и длинный кинжал.

— Возьми-ка мою, я ее хорошо знаю, баланс у нее отличный — дряни не держу. Простенькая... на вид, но великолепной стали. Кинжал тоже мой — в случае чего его и метнуть легко. Еще раз: не заигрывайся с ним. Я

знаю, что ты можешь с ним покончить за секунду, и знаю, что ты не устоишь перед соблазном испытать свои возможности. Просто проткни ему горло, и все! Ну иди! Удачи!

На площадке уже стояла группа солдат, любопытные купцы и охранники — Андрею это было на руку, чтобы не говорили потом, что тут произошло банальное убийство. А насчет «не заигрывайся» Федор был не вполне прав — не стоило показывать, насколько Андрей быстрее и сильнее этого Карнака, могут пойти нежелательные слухи.

Андрей вышел на площадку и подошел к кучке зевак, в центре которой стоял Карнак.

— Я готов. Ты подтверждаешь свой вызов?

— Подтверждаю, деревенщина! — Карнак усмехнулся, и его лицо осветилось радостью — вот сейчас он покажет этому недоумку! И заодно этим придуркам — кто тут всех сильнее, пусть боятся! Вовремя этот идиот попался на пути, надо будет для острастки его разделать, как повар рыбу.

Эти мысли как будто высветились на лбу Карнака бегущей строкой, и Андрей улыбнулся — настолько все было очевидно.

— Чего улыбаешься, придурок? — недоуменно спросил негодай. — Что тебе показалось смешным в моих словах?

— Все. Ты, например, со своим чванством и глупостью. Я готов. Кто подаст сигнал к началу?

— А никто! — крикнул Карнак и напал на Андрея, рассчитывая покончить с ним в первые же секунды боя.

Он с ходу нанес три удара — два саблей, один раз кинжалом, что было необычно. Кинжал всегда использовался только для отбивания ударов, ну и в ближнем бою, а также чтобы добить противника — это Андрею объяснил Федор в начале их знакомства.

К удивлению Карнака, его противник легко и даже лениво отбил молниеносные наскоки и, не ответив атакой, замер в ожидании.

— Ну что, Карнак, ты только детишек бить можешь? А на мужчину у тебя кишка тонка? — Андрей издевательски ухмыльнулся и изготовился к вражеской атаке, которая не заставила себя долго ждать, — вихрь молниеносных ударов, каждый из которых мог стать смертельным... для обычного человека, обрушился на него.

Андрей принимал их на клинок сабли и кинжала так же спокойно, как бился бы в тренировочном бою — с его реакцией и силой он мог бы закончить поединок уже в первые секунды, но изображал, что тонет в ударах и вот-вот пропустит какой-нибудь из них.

Так продолжалось минут пять — семь, а потом Андрей стал

потихоньку наращивать темп и наседать на Карнака.

Да, тот был классным бойцом, Андрею до его уровня владения саблей было далеко. Если кто и мог сравниться с Карнаком в технике, так это Федор — складывалось такое впечатление, что они учились в одной и той же школе фехтования, вот только скорость у Карнака была чуть выше, чем у старого солдата. Оно и понятно — возраст и алкогольные излишества никому не добавляют здоровья.

Для Андрея же поединок с Карнаком был из области чего-то скучно-тягучего: так наблюдают за мухой, поймать которую нужно во что бы то ни стало — рука человека движется медленно-медленно, и насекомое успевает от нее уклониться.

Вот только Андрей был в несколько раз шустрее этой мухи — его скорость и до того, как он стал оборотнем, была выше, чем у обычного человека, отточенная годами беспощадных тренировок, а если к этому добавить возможности оборотня...

В общем, сабля противника приближалась к нему медленно, так медленно, что он мог за это время сесть на землю, посидеть, снова встать и отбить удар.

Андрей заметил, что свойство замедлять время проявлялось у него не всегда — иначе он постоянно видел бы людей медленно плывущими в пространстве. Оно проявлялось именно тогда, когда ему по ситуации нужно было ускориться, — как будто мозг нажимал какой-то переключатель и тело переходило в режим сверхскорости.

Ему подумалось — а какого рожна он не убил этого негодяя словом, как тогда сатанистов? И тут же дал себе ответ: это было бы неправильно. Карнак должен знать, за что умирает, и свидетели их поединка должны знать, за что он умер, иначе зачем это все? Ну умер и умер, да... а так его смерть послужит кое-кому предупреждением, что есть Божественное провидение и кара настигнет подлеца — будь он дворянин или же простой солдат.

Удар! Еще удар! Звон сабель и скрежет клинка, перехваченного кинжалом, еще удар — Карнак стал уставать, от напряжения на его лбу выступили капли пота.

Наконец Андрей, отведя косым движением сабли клинок Карнака, обратным ударом рассек ему шею справа, и тот остановился, пытаясь зажать фонтан крови, пробивающийся у него между пальцев.

Андрей подумал долю секунды и добил противника ударом в сердце — сабля вошла тому в грудь сантиметров на тридцать. Карнак упал навзничь и затих. Андрей обвел взглядом свидетелей поединка и спокойно

спросил:

— Есть кто-то, кто может сказать, что я бился нечестно? Нет? Тогда бой закончен. Всем удачи. — Он повернулся и пошел к фургону, где уже подпрыгивал от нетерпения Федор.

— Давай, давай, Андрюха, валим отсюда! Н-но-о! Пошли, бездельники, давайте, перебирайте копытами!

Фургон тронулся по дороге, а Федор укоризненно сказал товарищу:

— Вот знал, знал же, что ты так поступишь! — Усмехнулся и добавил: — А красиво было смотреть — ты двигался так быстро, что глаз уследить не мог. Парень-то был хорош... Интересно, не мог ли я его встречать на фехтовальных турнирах? Впрочем, все может быть, но я его не помню. Как он тебе показался?

— Медлительный. Хотя и быстрее тебя. — Андрей подмигнул. — Не пил бы, он бы тебе в подметки не сгодился. А так... в сравнении с ним ты был бы на третьем месте. Он — на первом. Однако ему это не помогло, как видишь...

— Вижу... еще бы! С оборотнем драться! Это только ты, с твоей тупой упертостью мог победить кикимору, я бы не поверил, если бы мне кто-то рассказал. — Федор усмехнулся, а потом нахмурился. — Настене плохо совсем — тошнит ее, лежит стонет. Не знаю, что будем делать. Лекаря надо где-то искать или отсидеться несколько дней — нельзя ей трястись в повозке.

Андрей кивнул и полез в глубь фургона: Алена сидела на скамейке, держа девочку за руку, а рядом стоял горшок, в котором угадывалось дурно пахнущее содержимое желудка девочки.

— Как она?

— Плохо. Боюсь я сильно за нее, Андрей! Похоже, что удар сильный был... — Алена тихо заплакала. — К лекарю ее надо! Сейчас растрясет, так вообще будет плохо.

— Ясно, — угрюмо сказал Андрей, глядя на бледное лицо девочки.

Ему показалось, что кроваво-черные всполохи вокруг ее головы увеличились с тех пор, как он смотрел на нее последний раз.

«Кровотечение в мозг? Ой-ой-ой... это очень дурно! Девочка может умереть. Как несправедливо... ну как несправедливо, чертовщина полная!» — Он легонько погладил Настену по голове и вдруг увидел, что там, где он прикасался, аура сменяла цвет на более естественный — красные и черные цвета как бы тускнели, растворялись в его ауре, видимо, он забирал у девочки ее болезнь, воздействуя через ауру.

Его аура была темно-синей, с какими-то белыми прожилками и

всполохами — он не видел такой ни у кого вокруг, вероятно, это и был первый признак оборотня.

Воодушевившись, Андрей начал водить рукой вокруг головы девочки — через минуты две руку закололо, аура вокруг руки Андрея стала светлее и не такой насыщенной, зато в ауре Настены красного цвета становилось все меньше и меньше. Он стал водить уже другой рукой, удивленная и восхищенная Алена, затаив дыхание, наблюдала за действиями Андрея, а он все впитывал и впитывал в себя болезнь девочки.

Минут через пятнадцать аура Настены уже светилась ярким оранжевым светом. Девочка открыла глаза и сказала:

— Мамочка, кушать хочу! Еще попить! Дядя Андрей, ты тут! Ты побил того дядьку? Он нехороший! Его надо выпороть как следует! Он шалун!

— Ага, шалун, — неожиданно для себя прыснул со смеху Андрей, — я выпорол его. Больше шалить не будет.

— Это хорошо, — улыбнулась девочка, — я тоже шалить не буду!

— А вот это ты врешь! — еще пуще засмеялся Андрей. — Будешь, еще как будешь! Алена, покорми ее чем-нибудь, да вылей эту пакость из горшка, а то мне кажется, что я проснулся с бодуна и вокруг воняет моей рвотой.

— Андрей, ты лекарь? — Алена смотрела на него круглыми глазами. — Как ты смог ее вылечить?

— Не знаю, — посерьезнел он, — попробовал вот и вылечил. Захотел, наверное, сильно — и вылечил. Ну все, отдыхайте. Может, остановиться где-нибудь? Федор, может, нам остановиться? Пообедаем, умоемся?

— Нет уж, давайте-ка подальше отъедем, а уж потом... как бы за нами погоню не устроили. Чует мое сердце, что это добром не кончится. Как там Настенка?

— Нормально Настенка. Бодрa и весела. — Андрей перегнулся из фургона и озабоченно посмотрел назад. — Чего доброго, и правда погоню вышлют, все может быть.

— Федь, представляешь, он вылечил ее! — взалхлеб сообщила Алена. — Взял и вылечил! Положил на нее руки, и р-раз! — она здорова!

— Кто вылечил? — не понял Федор. — Андрей, что ли?! Ну ты, брат, даешь... не только, значит, убивать можешь. Это что, тебе способности от кикиморы перешли? Вот здорово!

— Здорово, — угрюмо согласился Андрей и подумал: «Вот так вот, кикиморы-то, оказывается, еще могут и лечить людей, а не только убивать. Вот так вот, ребята...»

ГЛАВА 11

Погоня настигла их на следующий день — уже ближе к вечеру, когда путники стали подумывать, что надо становиться на ночлег, и решали, стоит ли дотянуть до ближайшего постоянного двора или лучше заехать в лес, туда, где есть родник или ручей, и не заморачиваться поисками гостиниц.

Андрей издалека заметил нагоняющую их кавалькаду и, сдерживая биение сердца, разом увеличившего частоту сокращений, негромко сказал Федору:

— Похоже, это по мою душу. Через минут пятнадцать они будут тут. В общем так: я беру одного коня и еду им навстречу. Ты с Аленой едешь в столицу, покупаешь там лавку — наши сокровища пока припрядешь. Скажешь Алене — где, на всякий случай. На лавке сделаешь вывеску с волком — чтобы я сразу вас нашел. Мне дай немного денег, саблю и кинжал. Я вас найду. И гоните не останавливаясь, ночуйте в лесу, на постоянный двор на всякий случай не нужно заезжать. Берегите Настенку!

Федор молча кивнул, остановил фургон и полез в него доставать оружие. Достал, отдал Андрею вместе с кошельком, отвязал коня, вручил другу поводья и грустно сказал:

— Такое чувство, что мы расстаемся очень надолго. Главное — останься живым!

Он обнял Андрея, обняла его и выскочившая из фургона Алена, прослезившаяся и бледная, и вот уже Андрей сидит в седле коня, скачущего навстречу приближающимся всадникам.

Андрей обернулся и с облегчением проводил фургон взглядом — обраться друзьями, конечно, хорошо, но когда ты что-то делаешь, может быть опасное, не очень приятное, лучше, чтобы отвечал за эти действия только ты и никто другой. Ведь когда за спиной кто-то близкий, за кого ты волнуешься и переживаешь, ты становишься незащищенным — поэтому Андрей всю свою жизнь был одиночкой, не считая случайных и недолгих связей с женщинами, да боевых товарищей, которые ушли в небытие и никогда уже не узнают, кем стал их друг.

Лошадь пошла крупной рысью, Андрей трясся в седле и думал, что предпочел бы такому средству передвижения или свои ноги, или хороший джип...

Всадники вынырнули из низины, и передовой резко натянул поводья,

вздыбив лошадь и вытянув руку назад. Отряд замер в ожидании следующего приказа командира. Тот внимательно осмотрел Андрея, усмехнулся, видя его не очень твердую посадку, выдающую человека, не привыкшего к седлу, и сказал:

— Как я понимаю, ты и есть тот, кого мы ищем. Эй, солдат, это он убил брата графа?

— Он, он, — подтвердил кто-то из всадников.

Командир удовлетворенно кивнул и продолжил:

— Ничего личного, но я должен или доставить тебя на суд графа, или же убить на месте. Если ты спокойно поедешь с нами, то мы избежим излишнего кровопролития и лишней работы. Что ты выбираешь?

Андрей оценивающе осмотрел всадников, их командира и отметил для себя, что эти вояки были классом выше, чем охрана на таможне. Профессионалы, уверенно держащиеся в седле и поигрывающие оружием, в основном худощавые, похожие и на него, и друг на друга люди, с волчьими взглядами, скупыми, точными движениями, умеющие и драться, и спокойно принять свою смерть, — настоящие наемники, солдаты удачи.

Их было тридцать четыре человека, в добротной, но не новой одежде, увешанные всевозможным оружием и уверенные в своей силе.

Ему подумалось — подействует ли на них проклятие, которым он уложил сатанистов? Допустим, подействует, поубивает он всех — а смысл какой? Он не знал — может, они и заслужили смерть, но это Андрею было неизвестно, а потому вправе ли он лишать их жизни без суда и следствия, даже такого усеченного, в лице оборотня, судьи и палача? А если поехать с ними? Это же гарантированная смерть!

«Да лишь бы башку не отрубили да ноги — а так я убегу, если что. Может, поехать с ними?»

Молчание затянулось, и капитан наемников нетерпеливо спросил:

— Ну что решил? Сдаешься или собираешься погибнуть с честью? — При этом он усмехнулся, как бы давая понять, что погибнуть всегда можно успеть, пока живой — надеешься.

— Можно мне с тобой поговорить без свидетелей? Потом я приму решение. Обещаю, что никакого подвоха не будет, я не нападу на тебя и не возьму в заложники. — Андрей пристально посмотрел в глаза наемнику, человеку чуть моложе его, с жестким лицом профессионального военного.

— Хорошо, — спокойно согласился тот, — отъедем.

Они отъехали метров на двадцать в сторону, и наемник спросил:

— Ну что хочешь мне сказать? Есть какое-то предложение или пожелание?

— Скажи, что ожидает меня у графа? Какой суд? Ты знаешь его, я его не знаю — так что там за суд такой? И в чем меня вообще обвиняют? Я не совершал ничего незаконного и не замыслил ничего против графа, так почему он выслал целый отряд, чтобы меня захватить?

— Ты убил его брата. И он обязательно тебя достанет. Не сейчас, так потом. Конечно, этот брат доставлял ему беспокойство, но это был его брат, и, убив Карнака, ты поставил графа в неудобное положение — унизил его, принизил его власть. Зная графа, я думаю, что он попытается соблюсти видимость справедливости — например, соберут свидетелей, опросят их, и он объявит, что ты невиновен, но тут же тебя вызовет кто-нибудь из окружения графа, и ты будешь вынужден драться, пока не победишь или не проиграешь. Победишь — тебя вызовет еще кто-то. И так до бесконечности, пока ты не умрешь.

— А если я откажусь драться? — усмехнулся Андрей. — Ведь это же нечестно, всем понятно.

— Понятно, да. И что? Что это меняет? Формальности соблюдены. А если ты откажешься ответить на вызов, тебя побьют палками до полусмерти и голым выгонят за пределы земли графа. Будут гнать кнутом, пока ты не упадешь замертво или не покинешь пределы графства. Как трусливого пса будут бить. Вот примерно так. Честно говоря, шансов у тебя никаких — если ты вступишь в бой, возможно, я потеряю нескольких людей, да, но остальные задавят тебя массой и все равно доставят к графу, только ты будешь еще избит и ранен. Я с тобой разговариваю только потому, что мне дорог каждый боец, и я не хочу, чтобы кто-нибудь из них погиб, они прошли со мной через многие сражения, эти люди мне дороги. Но если придется — я выполню приказ, это моя работа. Бежать тоже не советую — у нас самые быстрые кони в графстве и хорошие следопыты. Ну что, твою саблю? — Наемник протянул руку к Андрею и замер в ожидании.

— Дай мне немного времени для размышления, хорошо? Даю слово, что я никуда не убегу, можешь даже рядом сесть — я слезу с коня. Мне надо подумать. — Андрей спешил, взял коня в повод и сел на большой придорожный камень, нагретый дневным солнцем. — Прежде чем солнце сдвинется на два пальца, я дам тебе ответ.

Наемник кивнул и тоже спешил. Усевшись на траву немного поодаль и сорвав поухлую травинку, стал ковыряться в зубах, беспечно озирая небо, лес, холмы и пролетающих птичек.

«Его спокойствию можно только позавидовать, — усмехнулся про себя Андрей, — а мне-то что делать? Если я обернусь в Зверя, то уйду от них, но пойдут слухи, которые могут повредить мне и Федору с Аленой — друзья

оборотня, может, сами оборотни? Интересно, как к такому факту, как оборотень, относятся исчадия? Если я нападу на солдат... их очень много, и мне придется всех убить... оставим в стороне моральный аспект, само собой, если я хочу жить, я должен их убить. Всех до единого. Но тут еще вопрос — а смогу ли? Колдовство, которым я убил сатанистов... А может, оно и не действует больше? Кикимору-то я им замочить не сумел, а что греха таить — я на него рассчитывал, на это колдовство, но оно не сработало. Это чудо и патологическое везение, что я выжил. Я, рассчитывая на колдовство, нападу на них, крикну: „Умрите!“, а они посмеются и подымут меня на копья... а копья у них соответствующие, вон какие здоровенные... и отрубят мою глупую башку, поняв, что я оборотень. Итак, что я имею дальше — еду с наемниками, попадаю к неизвестному графу, он вершит свой дурацкий суд... и дальше? А вот дальше можно будет посмотреть, как быть. Я смогу убить столько дуэльных противников, сколько ему и не снилось. Интересно, что он будет делать после двадцатого трупа? Вариант второй — он не собирается предоставлять мне право драться на дуэли, а вульгарно повесит меня, вполне возможно. И в этом случае у меня есть возможность сбежать — лишь бы не попытался голову отрубить, вот тогда уже мне надо будет крошить их всех подряд... Конечно, я пытаюсь быть святым, но отнюдь не мучеником! Итак — сдаюсь!»

— Капитан, я сдаюсь. Надеюсь, вы обойдетесь со мной как с пленным, а не как с каким-нибудь преступником.

— Между нами говоря, я не в восторге от затеи графа, — пожал плечами наемник. — Я знаю, как все было, видело это много народу — чего тебя судить? Проще было бы послать убийцу и грохнуть тебя из кустов арбалетной стрелой! Чего такие горы несуразностей воротить? Эти высокородные стараются из любой простейшей задачи сделать огромную проблему. Скучно, вероятно, вот и чудит.

— А ему сколько лет? — поинтересовался Андрей. — Молодой или старый?

— Да лет тридцать, и все играет в солдатики. Деньги есть, вот и чудит. То балы закатит, то турнир устроит, то какие-то игры затеет. Всех девок в замке перепортил, того и гляди ему яду подсыплют — уже два пробовальщика еды померли в мучениях, отравились. Нам-то что — платит вовремя и щедро, если бы не мы... — Наемник осекся, видимо поняв, что наговорил лишнего. — Ну ладно, заговорились мы что-то... давай саблю и кинжал, и поехали с нами. Связывать тебя не буду, надеюсь на твое слово. Даешь слово, что не убежишь?

— Даю слово, что не убегу, пока мы едем в замок, и предстану перед

судом графа, — усмехнулся Андрей.

— Вот и славно, верю, верю... только лошадь привяжем к кому-нибудь из наших, без обиды — доверяй, но...

Андрей отдал саблю и кинжал капитану и снова сел в седло, наемник легко вскочил на свою лошадь, и они поехали к ожидающему их отряду.

— Долго ехать до замка графа? — спросил Андрей.

— Завтра после обеда будем. Заночуем на постоялом дворе по дороге.

«Уж не в том ли, который я чуть не разгромил и в котором положил мытаря со свитой? — усмехнулся Андрей. — Это было бы забавно...»

Забавного в этом ничего не было, а была комната с тяжелой мощной дверью, без окна — по типу камеры, где стояла кровать и больше ничего, — в той самой гостинице.

Покормили Андрея прилично — так же, как и всех наемников, просто, но сытно. Их капитан сказал по этому поводу, что пусть граф поступает как ему заблагорассудится, но он не тюремщик и такого же, как он, наемника не будет морить голодом, лучше горло перережет. Перспектива перерезания горла Андрея не обрадовала, но оказалось, что наемник так шутил — ну шутки такие, панимашь!

Командир наемников точно посчитал Андрея за своего, кем-то вроде охранника фургона, оставившего его на дороге и уехавшего вперед. Похоже, это было в порядке вещей у хозяев, так что не вызвало никаких вопросов у капитана, как видно — слегка сочувствующего попавшему в неприятности коллеге.

Перед ночевкой наемник попытался осторожно выяснить, кто такой Андрей и где бывал, но тот отвечал односложно, явно не желая давать о себе сведений, и капитан, почувствовав это, прекратил расспросы.

В общем-то дорога до замка графа не ознаменовалась ничем интересным, привлекающим внимание, кроме одного — не привыкший много ездить верхом Андрей в первый же день так набил задницу, что еле слез с коня. Хорошо, что он восстанавливался быстро — спасибо сути оборотня, иначе бы ходил враскоряку дня три, это точно.

Замок графа — огромное, отвратительное нагромождение глыб, ворот и башенок — не вызвал у Андрея никакого эстетического удовлетворения своим видом. Лишь возникло понимание, что граф в этом мире существо довольно богатое и могущественное, а еще — что если его засунут в какую-нибудь темную камеру года на три, то он сдохнет там не хуже, чем любой крестьянин, осмелившийся перейти дорогу могущественному дворянину.

В замок графа они попали к полудню, когда в этом сером сооружении кипела жизнь — бегали конюшие, выводя лошадей на прогулку, лаяли собаки, облаивая конюших и лошадей, лаяли конюшие, облаивая собак и лошадей, лаяли стражники, облаивая конюших, собак, лошадей и пробежавших слуг, мешавшихся под ногами.

Это броуновское движение показалось Андрею странным, и он с недоумением спросил у капитана:

— Это что, здесь всегда такая суета? Чего они все носятся как угорелые?

Капитан рассмеялся, запрокинув голову, и, справившись со смехом, пояснил:

— Нет, завтра день рождения супруги графа, графини Баданской, отмечает свое двадцатипятилетие, вот и готовятся, будет праздник, а заодно и суд — ну типа развлечение! Тут так скучно — не представляешь себе, настоящее тихое болото, вот граф и старается развлекаться чем угодно... а больше — развлечь свою жену, охочую до экзотических забав. Но только тсс! — Он приложил палец к губам. — Я тебе ничего не говорил! Если что — отопрусь!

Капитан подмигнул пленнику и отъехал вперед, распорядиться о размещении заключенного и доложить графу о прибытии отряда. Андрея повели следом, и минут двадцать он «загорал» у стены замка, рассматривая каменную кладку и размышляя — правда ли в раствор клали куриные яйца для крепости?

Эти мысли позабавили его, и он ухмыльнулся, чем вызвал недоуменные взгляды сторожей-наемников, крупами лошадей прижавших его коня к стене и не дающих сделать ни шагу — по их мнению, узники не должны так себя вести в преддверии страшного графского суда.

Андрей и сам удивлялся своему поведению — вроде и ситуация сложная, но почему-то, как ребенок, он не верил, что может вот так взять и погибнуть, не выполнив своей миссии по искоренению Зла, — Господь не допустит этого!

Ожидание наконец закончилось — народ зашумел и еще быстрее забегал, появился хмурый капитан, который постукивал хлыстом по голенищу длинных кавалерийских сапог.

— Суд состоится сейчас. Велено тебя провести в южный двор, где ты предстанешь перед его сиятельством. Думай, что будешь говорить, веди себя учтиво — граф очень чувствителен к проявлениям невоспитанности и невежливости. Может в ярости приказать посадить тебя на кол — мне бы очень не хотелось смотреть на это действо. Все понятно? Хорошо. Тогда

пошли за мной. Двое идут сзади и контролируют — Вартан и Агус, сопроводите!

Они пересекли двор, потом миновали несколько калиток, крытый арочный переход, и вот открылся уютный круглый двор, в дальнем конце которого располагалось что-то вроде садика — газон и подстриженные кустики. Остальная часть двора была вымощена брусчаткой, там и стояла толпа зевак, наблюдавших за происходящим с жадным любопытством и нетерпеливо переговаривающихся.

Андрей усмехнулся — он где-то прочитал, что в театре есть такое понятие «гул толпы». Чтобы создать этаким угрожающий гул, якобы все переговариваются, чего-то замышляют и обсуждают, надо очень быстро и так это с нарастанием произносить, обращаясь друг к другу: «Чего говорить, когда не о чем говорить! Чего говорить, когда не о чем говорить! Чего говорить...» Вот нечто подобное тут и происходило.

На лужайке стояло несколько деревянных кресел, лакированных, богато инкрустированных костью и самоцветами, с золочеными узорами на подлокотниках и витых ножках, стоял низкий столик, уставленный напитками и фруктами, и пока что кресла пустовали, ясно, что места приготовлены для графа и его свиты.

Толпа перешептывалась, глядя на конвой, окруживший Андрея, а время ожидания затягивалось — похоже, граф решил показать, какой он важный, и «помариновать» ожидавших. Впрочем, как подумал Андрей, может, ему и не надо было показывать свою важность, он и так был важен, в своей вотчине граф был царь и бог, творил суд и расправу, и только император, по закону, мог отменить его решение — но император где-то там далеко, да ему и глубоко безразлично, что происходит в пределах Баданского графства, — ну пока граф не затеял заговор против престола. Все это уже было в истории...

Наконец открылась широкая двустворчатая дверь и появилась процессия — во главе граф с графиней, за ними толпа прихлебателей, прислуги и всевозможной челяди.

Андрею подумалось — вот куда идут деньги с таможи! А также с крестьян...

Одна только цепь на шее графа, на которой висел какой-то медальон, вроде как графский знак или что-то подобное, стоила больше, чем доход нескольких деревень за год напряженной работы. Два раба с боков несли опахала, которыми обмахивали важных господ, — о том, что это рабы, Андрей догадался по ошейникам.

Граф был одет в белоснежный костюм — не такой пышный, как на

картинках о земном Средневековье, а вполне элегантный, напоминающий мундир капитана какого-нибудь круизного лайнера, его жена была в бирюзовом платье, не оставлявшем сомнений в том, что у нее имеются грудь, зад, ноги и... остальные соблазнительные части тела. Ее довольно объемистая при небольших габаритах фигуры грудь, чуть не вываливалась из лифа, еле прикрывающего соски. Наперсницы хозяйки были одеты соответствующим образом — только украшения на платьях были поскромнее.

Спин этих дам Андрей не видел, но подозревал, что там все так же откровенно, как и спереди.

Хозяин замка — невысокий мужчина с красными прожилками на носу (Андрей подумал — выпивает, не иначе!), худощавый и больше похожий на мелкого клерка, чем на могущественного властителя сотен квадратных километров земли, прошел к креслам, усадил в то, что слева, графиню, в другое, с высокой спинкой, украшенной, видимо, графским гербом, сел сам и важно воззрился на Андрея, всем своим видом показывая, что он готов к справедливому и неподкупному суду, желая не мести, а справедливости... нет, вот так — СПРАВЕДЛИВОСТИ!

Это прямо-таки было написано на его узком прыщавом лбу с морщинами, образовавшимися от того, что он слишком много думал, как развлечь себя тусклыми серыми днями и скучными ночами.

Графиня оказалась миловидной молодой женщиной — если бы не антураж в виде замка, охранников с саблями и мечами и всей окружающей действительности, ее легко было принять за модельку легкого поведения, оказавшуюся на вилле у состоятельного папика.

Она весело глядела на подсудимого, благодарная ему за то, что он вырвал ее из скучного ничегонеделания и отвлек от мыслей — чем заняться до завтрашнего празднества, если все развлечения уже приелись, а новые поступят лишь завтрашним утром.

Графиня окинула Андрея с головы до ног, задержавшись взглядом на средней части его фигуры, облизнула губы, и подсудимому показалось, что его уже раздели и изнасиловали.

Граф тихо сказал что-то своему мажордому, и тот зычным голосом крикнул:

— Подведите к его сиятельству подсудимого!

Конвоир легко подтолкнул Андрея вперед, шепнув:

— Остановись на расстоянии пяти шагов и не шевелись, а то подстрелят! — и указал на стены вокруг площадки, усыпанные стрелками с арбалетами и луками. Они были готовы истыкать стрелами любого, кто

замыслит акт агрессии против сиятельного господина.

Андрей медленно подошел к креслам, встал, как ему было сказано, и замер в ожидании дальнейших действий судей.

Граф опять сказал что-то мажордому, и тот стал громко зачитывать список прегрешений подсудимого, в которых его обвиняли. Андрей узнал, что он напал на почтенного дворянина по имени Карнак и злодейски лишил его жизни.

Стиль изложения был таким витиеватым, архаичным, что Андрей вскоре потерял нить повествования о своих жутких преступлениях и заскучал, результатом чего был его зевок, не очень умело скрытый приложенной ко рту рукой.

Граф прервал мажордома, досадливо бросив:

— Хватит нести эту чушь, даже обвиняемого вогнал в дремоту! А он должен у бояться, а не спать на графском суде! — Затем граф грозно спросил: — Ты признаешь себя виновным, о негодный, в своих тяжких преступлениях?!

— Извините, ваше сиятельство, из всего перечня ужасающих деяний уловил лишь, что я убил Карнака, остальное ускользнуло от моего внимания по причине витиеватости и сложности для понимания. Но я понял, насколько я ужасен и гадок. Если хотите, задавайте мне вопросы, я на них отвечу с полной искренностью. — Андрей улыбнулся широкой, располагающей к себе улыбкой, обнажая безупречно белые, здоровые зубы, и графиня не выдержала и улыбнулась ему в ответ.

Граф слегка растерялся и буркнул под нос:

— Сто раз говорил, чтобы излагали нормальным человеческим языком! Ну на кой демон мне все эти ваши выверты — «коим», «кой», «вестимо» и «паки»?! Даже преступники над нами уже смеются! Ты смеешься над нами, преступник? — неожиданно спросил он, наклоняясь вперед и глядя черными, слегка безумными глазами в лицо Андрею.

Андрей подумал: «Опа! А граф-то слегка не в себе... этакий психопат — может башку снять, а может наградить, он непредсказуем, как беременная женщина, капризен и с сумасшедшинкой... впрочем, это обнадеживает».

— Как я могу, ваше сиятельство?! И в мыслях не было! Я сам согласился прийти на ваш суд, так как знаю вашу честность, справедливость и душевную щедрость! — «Немножко лести не помешает», — подумал Андрей.

— Точно? Без боя сдался? — приподнял брови граф и нашел глазами капитана наемников.

— Точно, ваше сиятельство, без боя! Сдал оружие и приехал с нами. Попытки бежать не делал.

— Хм... интересно. Ну ладно. Почему ты убил моего брата Карнака, негодяй?! — сдвинув брови, грозно спросил граф.

— Потому, что этого хотел сам убитый, — невозмутимо ответил Андрей.

— Это как так? — неподдельно удивился граф. — Чего это, он тебя просил убить его, что ли?

— Да, ваше сиятельство! Он сказал, что будем биться на дуэли до смерти, я и счел, что он хочет умереть! Ведь всякий, кто выходит против меня на дуэль, должен знать, что это чистое самоубийство! Все равно что он бросается на свою саблю грудью. Вот и выходит, что Карнак сам себя убил.

Толпа зашумела, а граф захохотал, хлопая себя по ляжкам и запрокидывая голову.

— Ну каков наглец! Ты только посмотри, дорогая, что он несет!

Графиня улыбалась и пристально рассматривала подсудимого, а потом вполголоса сказала графу — Андрей это слышал четко, острый слух оборотня позволял ему слышать звуки на гораздо большем расстоянии, чем обычным людям:

— Твой братец был настоящим козлом! Он даже в постели ничего не мог, слабосильный придурок! Этому парню награду надо дать за то, что лишил нас такого источника беспокойства — вечные скандалы, вечные траты, а платил-то ты! Одни упреки, претензии, требования... надоел!

— Заткнись, — сдавленно прошипел граф, — он убил моего брата, а кто убивает моих родственников — мой враг! Он должен понести наказание! Этак мы потеряем уважение при дворе, если каждый встречный будет убивать мою родню!

— Да твою родню надо перебить каждого первого! Только и думают, как забрать твой титул и залезть в мою постель!

— А то ты не пускаешь в свою постель! — Граф презрительно скривился. — Тот же Карнак не вылезал из твоей спальни, пока не надоел! Тогда он тебе по душе был, а теперь вдруг плохим стал?!

— Мне скучно было в этой дыре, а он рассказывал о том, что делается при дворе! А постель с ним к демонам пошла бы — толку от его крючка было, как от вилки без зубьев: тыкать можно, а вот наткнуться — никак! — Графиня ехидно захихикала, а граф покраснел и парировал:

— Не больно-то ты скучала! То Карнак, то конюх, то наемник — я что, не знаю? Мне все доложили! Вот теперь на этого вояку пялишься — что,

самца увидела? Этих тебе не хватает, да?

— Ну тебе же не хватает меня — то модистка, все мои фрейлины, то кухарка — ну на эту, на эту-то как ты позарился? С ее сиськами — она же тебя одной придавит, ты задохнешься, не выберешься! Ну как ты после меня такую корову смог?! Так что давай прекратим эти разговоры, давай суди, хотя и так ясно — Карнак, как обычно, решил позабавиться и нашинковать обычного вояку, а тот оказался сильнее его и перерезал идиоту глотку. Спорить будешь? Ну не такой же ты дурак, чтобы спорить... лучше устрой что-нибудь веселое на мой день рождения — вон он утверждает, что может победить любого на дуэли, так дай ему такую возможность! Завтра съедутся на праздник все наши приглашенные — барон Акуров, граф Накайло, барон Уркатов, ну и остальные, давай так сделаем...

Графиня зашептала графу на ухо, он посветлел лицом, покивал, потом отстранился и выпрямился в кресле.

— Итак, выслушав доводы подсудимого, взвесив все, я решил своею волею: предоставить подсудимому возможность доказать, что он действительно опасный дуэлянт, честно бился, а не убил Карнака каким-нибудь подлым приемом. Для этого завтра, в день рождения моей супруги, будут устроены показательные бои между подсудимым... Как его имя? — Граф наклонился к мажордому, но тот пожал плечами:

— Не знаю, ваше сиятельство!

— Вот вы идиоты! Судим и не знаем кого! Тебя как звать, солдат?

— Андрей меня звать, ваше сиятельство.

— Между подсудимым Андреем и теми, кого мы дадим ему в противники! Так, дорогая? — Граф наклонился к своей супруге, и она удостоила его благосклонным кивком:

— Спасибо, дорогой... только надо бы добавить — что будет, если он проиграет, и что будет, если он выиграет, так будет правильно.

Граф кивнул и продолжил:

— Если подсудимый выиграет три поединка подряд — он признается невиновным и получает сто золотых за причиненное неудобство, если проиграет хоть один — он будет заключен в кандалы и продан в рабство, где будет искупать свою вину, если останется жив! — Граф тихо добавил: — Но только не у тебя в постели искупать, моя дорогая!

— Это уж как получится, дорогой. — Графиня хлопнула себя по ноге сложенным веером и мило улыбнулась. — Ты-то спишь с молодыми рабынями, а мне отказываешь? Да мой род древнее твоего, и в наших жилах течет королевская кровь! Ты мне еще будешь указывать, что мне

делать, а что нет! Если бы не мой папа!..

— Папа, папа... достала ты со своим папой! — Граф вышел из себя и уже почти кричал в голос: — Я и без твоего папы соображаю неплохо! Очень даже неплохо!

— Если бы неплохо, мы бы не сидели в этой дыре, а были бы сейчас при дворе! — Графиня тоже не на шутку разошлась, Андрей опасался, что от натуги сейчас лопнет ее лиф и твердые полушария ударят прямо в голову графа и зашибут его до смерти. — Когда папа тебе советовал и ты слушал его советы, мы жили в столице, ходили на балы при дворе. Но вдруг ты решил, что умнее, и вот результат! Самое лучше развлечение — посмотреть, как наемники режут друг друга! Спасибо тебе за ум!

Графиня встала и, рассерженная, пошла в дом. Андрей чуть не ахнул — вырез на ее спине был таков, что превзошел его самые смелые ожидания: половинка голой задницы хозяйки замка указывала на то, что о трусах здесь и не слыхивали.

Впрочем, а что он ожидал? Чем ближе к столице, тем больше разврата — верхушка власти всегда была заражена вирусом распутства, подхватываемым от своих начальников.

Граф пожал плечами и почти скороговоркой сказал:

— Устройте его куда-нибудь, обеспечьте питание да запирайте, чтобы не убежал.

— В темницу, ваше сиятельство? — Мажордом преданно изогнулся в поклоне и замер, ожидая ответа.

— Идиот! В комнату поселите, покормите нормально и никого к нему не пускайте! — Граф покосился на спину уходящей графини и чуть громче повторил: — Никого! И вот еще что — дайте ему какую-нибудь приличную одежду вместо этих обносков, все-таки праздник завтра. Впрочем, какая разница, в чем он в рабство пойдет. Пусть как есть остается... — Граф махнул рукой, встал и тоже удалился в замок.

Мажордом крикнул:

— Суд завершен, можно расходиться! — И бросил конвоирам Андрея: — Ведите его за мной, сейчас комнату покажу. Поставите там охрану.

В комнате, куда отвели Андрея, не было ничего примечательного, ну разве что запиралась она снаружи, а не изнутри, этакая комфортабельная камера. Впрочем, комфорт понятие относительное — если считать за таковой кровать и горшок под ней, то да, просто отель «Хилтон». В углу стояла табуретка, на которую и водрузили поднос с едой — куски мяса, кувшин с пивом, лепешки и фрукты.

Андрей поел — без аппетита, но с осознанием того, что надо поддержать силы, завтра они пригодятся. Вообще-то он не особо опасался проигрыша — при его-то способностях, но допускал возможные непредвиденные обстоятельства.

Больше не забивая себе голову завтрашними боями, Андрей растянулся на кровати, с наслаждением сбросив сапоги, и, закинув руки за голову, стал размышлять: «Сегодняшний суд, можно сказать, прошел нормально — фарс, а не суд, конечно, но что-то подобное я и ожидал. Кстати, если бы не графиня, все могло бы быть хуже. Однако она меня беспокоит... как бы гадости какой не сделала. Вот чувствую — она баба непростая, этого лоха-муженька держит на коротком поводке. А каковы у них нравы, я просто обалдеваю — сидят и обсуждают своих любовников и любовниц! Впрочем, чего это я удивляюсь? А что, при дворе земных королей нравы были другими? Писали, что супруги стеснялись сказать кому-либо, что сохраняют верность друг другу, — с ними бы перестали здороваться и приглашать в приличное общество! Положено было иметь любовника или любовницу, начиная с короля и заканчивая самым захудалым дворянином. Одно радует — они тут хоть моются, не воняют, как французские дамы и кавалеры, завшивевшие, словно солдаты в окопе!»

Его мысли прервали голоса в коридоре — разгневанный женский голос угрожал всех выгнать, уничтожить, мужские голоса отвечали виновато-твердо, и Андрей понял, что стража четко выполняет распоряжение графа никого к нему не пускать, а графиня желала попробовать «комиссарского» тела и очень возмущалась, что ей это не удастся.

Андрей усмехнулся — баба очень даже сексуальная... только вот как-то... хм... брезгливо, что ли... она перепробовала всех конюхов и псарей, всех дуэлянтов и музыкантов, и после них бултыхаться в этом коктейле? Небось заразная какая-нибудь, они тут о предохранении имеют только поверхностное понятие — пьют какие-то травы, ходят к лекарям (Андрей подозревал, что без магии тут не обходится), а чтобы изобрести что-то вроде презерватива, ограничивающего прямые контакты, — до этого не додумались. Впрочем, может, что-то и было подобное — ведь описывались подобия презервативов в Древнем Египте, сделанные из тонкой кожи, их потом стирали и развешивали для просушки, но о чем-то подобном здесь Андрей не слышал. Хотя он особо и не интересовался этим.

Тут же себя поймал на мысли — что с ним происходит? Во время монашества он запрещал себе думать о подобных вещах, а здесь... ему припомнилась кикимора, при виде которой он точно испытал возбуждение,

да такое мощное, что даже растерялся и застыл на долю секунды, и это едва не стоило ему жизни. Если бы не его перетренированные рефлекс...

И еще одно сильно его беспокоило — он наслаждался тем, что убивает. В бытность наемным убийцей он просто делал свою работу — бах! — нет объекта. Ни эмоций, ни сожалений, ни радости, ни удовольствия — ничего. Здесь же, когда он стал оборотнем, он при уничтожении мытаря и его подручных испытал чувство сродни оргазму, испытал наслаждение от убийства.

Он гнал эти мысли от себя — то, что он испытывал, было гадко, противно, нехорошо, но из песни слова не выкинешь, ему нравилось убивать! Ну да, он наказывал плохих, да, он вроде как меч Божий, но испытывать во время казни преступников наслаждение, возбуждение, радость?!

Грустно усмехнувшись, Андрей решил, что ему бы очень подошла работа палача — ведь так приятно совмещать полезное и приятное.

Ругань в коридоре достигла апогея: кто-то вскрикнул, а дама стала яростно сыпать такими матерными ругательствами, что у Андрея приподнялись брови — даже он, прошедший армию и войну, узнал пару новых оборотов.

В дверь что-то грохнуло, она распахнулась, и в комнату ворвалась разъяренная графиня. Из разорванного декольте вывалились вполне аппетитные груди четвертого размера — как ни странно, не отвисшие из-за своей тяжести до пупка, а торчащие бодро, вызывая, как пушки береговой артиллерии.

— Уроды! Я вас всех повыгоняю! Твари! Я вам... поотрезаю! Я вас!.. Вы у меня!.. Дерьмоеды! — Она яростно взглянула на лежащего на кровати Андрея. — Ты представляешь, какие уроды?! Этот придурок, мой муж, запретил мне входить в эту комнату! Сам таскается по всем кухаркам, грязным волосатым теткам, а мне запрещает хоть иногда пообщаться с новым человеком!

«Пообщаться? — подумал Андрей. — Вот как у нее это называется — пообщаться? А я хочу с ней пообщаться? Хм... я ведь уже вроде и не монах... и черт с ними, с конюхами, а?»

Графиня присела на кровать рядом с подвинувшимся к стене Андреем, медленно провела пальцем по его бедру и сказала:

— А ты интересный мужчина... расскажи мне, как ты перерезал глотку этому Карнаку? Он визжал или нет? Кровь сильно брызнула? Ты ему отрубил голову? Расскажи! Это меня возбуждает...

То, что произошло дальше, Андрей кроме как изнасилованием назвать

не мог. Впрочем, он и не сильно сопротивлялся, как говорится — расслабься и получи удовольствие.

Графиня вопила как сумасшедшая, наверное, ее было слышно во всем крыле огромного замка.

Натягивая платье, которое точно надевалось на голое тело, она сказала: — Честное слово, я никогда не испытывала такого удовольствия ни с кем! Ты такой горячий! Такой сильный! После тебя, наверное, я ни с кем уже не смогу получить такого наслаждения. Так бы приковала тебя к себе и не отпустила бы никуда! — Она еще раз внимательно осмотрела обнаженного Андрея, лежащего на кровати, и добавила: — Хорош! Хорош, самец! Узнаю, что мои фрейлины к тебе таскаются, я тебя отравлю! Ты только мой, запомни это!

Она вышла из комнаты, захлопнув за собой дверь, и Андрей услышал, как она снова материт сторожей у двери, кроя их последними словами за глупость, подлость, тупость и вообще все прегрешения на свете.

Андрей лежал расслабленный — разрядка после долгого, очень долгого воздержания была такой бурной, что он чуть не раздавил женщину в своих объятиях, забыв о своей силе, — скорее всего, на ней остались следы его рук.

То, что она была потрясена его сексуальными способностями, его не удивило: во-первых, он в сравнении с обычным мужчиной был практически неутомим, не задыхался от бурных телодвижений, а во-вторых, и это главное, он уже давно заметил, что температура его тела выше, чем у людей, по его прикидкам она составляла тридцать восемь — тридцать девять градусов, а может, и выше, понятное дело, что женщина это сразу ощутила...

Повышенная температура объяснялась просто — повышенная сила, скорость, регенерация требовали ускорения обмена веществ. Потому он так часто и так помногу ел, вызывая удивленные взгляды своих спутников, потому ему необходимо так часто охотиться по ночам, свежее сырое мясо — источник энергии, источник восполнения его ресурсов, без этого он будет худеть и, похоже, как он думал, мог даже впасть в спячку.

Так что теперь у него может быть новая работа — альфонс. Дамы будут в восторге. Очередь выстроится...

От этих мыслей ему стало смешно, а потом он снова загрустил — все дальше и дальше он уходил от того Андрея, который попал сюда из земного мира. Куда-то подевались его принципы, посыпались взятые на себя обеты... Похоже, он все больше и больше превращался в Зверя...

Андрей встал с постели, взял рубаху и обтерся. Помыться было негде,

и он с неудовольствием бросил смятую рубаху к стене — завтра придется выходить на люди в чем есть, мятым и в пятнах. Так-то ему было на это наплевать, но червячок тщеславия, который Андрей с удивлением обнаружил в себе, точил его изнутри и требовал, чтобы во время дуэлей он выглядел таким щеголем.

Поправив скомканную, влажную от любовного пота постель, Андрей, поморщившись, снова на нее улегся. Делать все равно было нечего, так что оставалось только спать.

Дверь распахнулась, и вошедший капитан наемников, поморщив нос, весело сказал:

— Ага! Все-таки она тебя трахнула! Ну и баба — не пропустит новеньких, а хороша, правда? Я тоже с ней был... после нее других воспринимаешь как деревянных кукол. А что, умеет, этого у нее не отнимешь! Пошли со мной, сейчас вымоешься да одежду чистую наденешь — хозяева намерены превратить представление во что-то незабываемое и хотят, чтобы ты выглядел прилично. Я тебе дам свою одежду, мы одного роста и сложения, так что тебе подойдет, а я с них сдеру за нее втройне, скажу — на заказ шили, пусть раскошеливаются! Ты брось барахло тут, только штаны натяни, и все. Ну и кошель свой прихвати, а то прислуга сопрет. Кстати, завещаю мне свой кошель — я гляжу, он толстый, а ты все равно не переживешь три дуэли подряд. А мы на твои деньги славно погуляем, помянем тебя добрым словом. Не хочешь завещать? Ну и зря! — Он хохотнул и пошел вперед, показывая Андрею дорогу.

Вскоре они оказались в помещении, обшитом деревом, с деревянными полами и скамьями вдоль стен и посреди комнаты. В нескольких печах были встроены котлы, которые выпускали горячий пар, а рядом стояли другие котлы, на подставках, видимо, с холодной водой. Везде были расставлены деревянные шайки и лежали коврики.

— Вот наша моечная, давай приводи себя в порядок! Мыло вот тут, в горшке — черпай, мылся, после графини тебе небось отмываться полчаса! — Капитан наемников снова хохотнул и закрыл за собой дверь.

Андрей стал раздеваться, оглядываясь по сторонам — в маленькие окошки, забранные мутным стеклом, светило солнце, в бане пахло травами, разогретым деревом и перегретыми камнями... Если закрыть глаза, забыть про огромные размеры моечной — она была длиной метров тридцать, как общественная баня, — то можно было представить, что находишься в какой-то обычной деревенской бане где-нибудь в Смоленской области.

Оставив штаны на скамейке у двери, Андрей вымыл горячей водой

шайку — как и все современные люди, он испытывал брезгливость к общественным баням, — налил туда горячей и холодной воды и принялся с наслаждением смывать с себя пот и грязь этих дней...

Через двадцать минут заглянул капитан.

— Ну что, готов? — Он окинул Андрей взглядом и сказал: — М-да... теперь я вижу, почему ты смог положить Карнака... хех!.. и почему графиня ходит такая счастливая, что хочется дать ей чего-нибудь кисленького, чтобы стереть улыбку удовольствия! Граф злой как собака — видать, доложили, что она с тобой кувыркалась. А ты бы видел рожи моих ребят — она ободрала их в полосочку! Вот тоже — есть приказ графа не пускать, да, но не будут же они драться с графинею? Завтра сам граф скажет, что его супругу обидели, и полетят головы! Пусть между собой сами разбираются. Давай вытирайся, держи полотенце, вот штаны, рубаха, сапоги — размер подходит? — Капитан приложил новые сапоги подошвой к старым сапогам Андрея. — Ага, подходит. Сейчас позавтракаешь, чтобы силы были, и вперед. Графиня там тебе вкусенького прислала — видать, хорошо старался, раз так отмечает! — Он подмигнул и вышел из бани, оставив узника приводить себя в порядок и одеваться.

Темно-синяя свободная рубаха, такие же брюки со скромной строчкой по швам, мягкие кожаные сапоги пришлись впору. Нашелся и шнурок, которым Андрей подвязал сильно отросшие волосы и сделал из них воинский хвост, подумав, что их уже пора обрезать, а то придется заплетать в косу, как китайцу. Чистое тело с удовольствием восприняло новую одежду, тонкая ткань которой ласкала кожу и совершенно не мешала движениям.

Андрей сделал несколько энергичных движений, проверяя, как сидят обновки, и остался доволен. Толкнув дверь, он вышел в коридор и увидел капитана наемников, весело обсуждающего что-то со своими людьми, — их было шесть человек и все в полном вооружении, впрочем, как обычно.

— Хорош, да! — подмигнул капитан. — Просто принц. Пошли, позавтракаешь. Есть будешь у себя в комнате, пока велено тебя никуда не выпускать, ты гвоздь программы. Идем!

Капитан снова зашагал впереди, за ним Андрей, а замыкали шествие охранники.

— Скажу тебе по секрету, чтобы ты готовился: противников у тебя будет трое. Один от барона Альдемира, один от... Впрочем, какая тебе разница от кого. Все противники сильные, умелые, телохранители с большим стажем, последний вообще победитель трех турниров по бою на саблях и мечах — этот самый опасный. Надеюсь, что вы будете драться

тупым оружием, хотя это не исключает травм и гибели, учти. Быстренько завтракай и будь готов, что тебя вызовут.

В комнате, где ночевал Андрей, пахло женщиной («То-то наемник так заводил жалом, когда пришел утром», — подумал Андрей), затхлостью нежилой комнаты, а также чем-то сдобным, вкусным — на подносе стояли миски с маленькими пирожками и лепешками, тушеным мясом, овощами и два кувшина — судя по запаху, с вином и каким-то соком или разведенным водой вареньем.

— Я тебе не советую пить вина, — предупредил наемник, — разомлеешь, расслабишься, тут тебе и конец. Давай забрасывай жратву в желудок, скоро начнется!

Андрей сел на кровать и начал есть, запивая соком из кувшина — довольно приятным на вкус, кисло-горьковатым, как разведенный сок грейпфрута. Предстоящие поединки его волновали мало — будь что будет, война план покажет. Сейчас главное было заправить свой организм горючим — он быстро его тратит, так что восстановить силы перед боями было очень важно...

Ожидание затянулось на часы, и Андрей стал подумывать о том, не пора ли ему еще и пообедать вдогонку к завтраку — он осмотрел поднос, доел последние пирожки, выскреб остывшее мясо, заглянул в кувшин с соком — его уже не было, и он отхлебнул вина — оно было легким, сухим, довольно приятным на вкус, правда, немного горьковатым.

Выпив примерно стакан, он остановился — действительно, с вина могло потянуть в сон, он давно не пил, поэтому отвыкший организм мог отреагировать не вполне адекватно, тем более неизвестно, как реагирует на алкоголь организм оборотня.

Андрей снова прилег на кровать, скрестив руки на груди, и уставился в потолок, впав в состояние, близкое к трансу, — так легче переносить ожидание, особенно когда лежишь в засаде сутками...

Дверь распахнулась, и на пороге появился серьезный, нахмуренный капитан наемников.

— Ну что, Андрей, твой выход! Желаю тебе удачи... и остаться живым и здоровым. Хотя сомневаюсь, что так будет. Вино пил?

— Да так... немного.

— Зря. Очень зря. Ну что же, всяк выбирает свою судьбу, — непонятно сказал капитан, и у Андрея от какого-то неприятного предчувствия защемило сердце. — Пойдем за мной! — Капитан повернулся и зашагал по длинному полутемному коридору замка, местами освещаемому из маленьких окошечек-прорезей под потолком.

Через минут пять быстрой ходьбы они вышли в тот же дворик, где проходил суд. Впрочем, дворик — это палисадник у деревенской избышки, а тут был двор, на котором уместились столы с сотнями людей. Сооружение выстроилось буквой П, где короткая перекладина была столом для графа, именитых гостей и их родственников, а уже к ножкам буквы П социальный статус понижался. Между столами было свободное место — шириной метров десять с небольшим, по которому бегали повара, приносившие перемены блюд, и это место должно было стать местом поединка.

Андрей, пока шел, осмотрелся — каменные плиты, довольно скользкие сами по себе, да еще и посыпаны песком. Хорошо, что капитан наемников дал ему сапоги с мягкой подошвой, что-то вроде мокасин, как знал, где будет проходить бой.

Впрочем, скорее всего, действительно знал, наверняка он и занимался организацией боев, как начальник стражи замка.

«Странно... — подумал Андрей, — почему начальник стражи и большинство солдат тут наемные? И вообще, каков статус наемничества в этом мире? Надо будет расспросить капитана поподробнее, после того как все закончится. И еще — я так и не спросил его имя, а он не счел нужным представиться... Как к нему обращаться — капитан? Да зачем это мне... сделаю дело и свалю отсюда. Если дадут уйти... вспомнить только, как я уходил из Круга, — тоже было много обещаний, рукоплесканий, и чем это закончилось. Хорошо еще, что на торжестве нет исчадий, видимо, знать не особо их привлекает. Что это — снобизм дворян или есть какие-то другие мотивы? Также стоило бы расспросить, это может помочь мне выжить и сделать дело в этом мире. Какое дело? Искоренение Зла. Ага, только вот, искореняя его, я почему-то привношу в мир Зла больше, чем уничтожаю. Как-то странно получается...»

— Сегодня состоятся три боя, между подсудимым Андреем и поединщиками, которых любезно предоставили гости его сиятельства графа Баданского! Объявляются условия: бой будет продолжаться до тех пор, пока оба его участника могут стоять на ногах или же пока его сиятельство граф Баданский не остановит бой! Бой может вестись тупым оружием или боевым оружием. Тупое оружие предполагает, что смертельный исход маловероятен, боевым оружием бой ведется до смерти одного из противников! Выбор — тупое оружие или боевое — за поединщиком! Подсудимый права выбора не имеет!

«Вот такая у нас дерьмократия! — подумал Андрей и усмехнулся, оглядываясь по сторонам. — Выбирай только, пуля или петля, ну а

остальное выберут за тебя. Чего-то в сон клонит — засиделся я там... или погода такая?»

Андрей поднял голову и посмотрел на небо — небольшое пышное облачко закрыло солнце, но горизонт был чист, дождя не предвиделось, легкий ветерок колыхал ленточки на шляпах дам и флаги на стене замка, а пестрый народ, собравшийся вокруг, алкал зрелищ и крови...

— Поединщик выбрал тупое оружие! — объявил герольд. — Очередь за подсудимым!

Весь выбор состоял в том, что капитан наемников сунул в руки Андрею саблю и кинжал, шепнув, что дал ему свои, тренировочные, по длине и балансу как раз ему подходящие.

Андрей попробовал клинки на руке — да, вполне недурные. Их концы были закругленными, а режущая кромка совершенно тупой — ну да, зачем губить кого-то из противников. Если погибнет подсудимый — будет потерян хороший раб, на которого положила глаз сама графиня, погибнет поединщик — гость может лишиться телохранителя, если не насовсем, то на время, кому это надо?

Андрей оглянулся на стол хозяев замка. Графиня весело улыбалась — сегодня она была в белом платье, граф в золотисто-кремовом костюме, а наряды его гостей поражали разнообразием фасонов и расцветок, главной чертой которых был эпатаж, роскошь, желание пустить пыль в глаза. Больше всех преуспела в этом немолодая уже дама, втиснувшая свои жирные тела в платье, состоящее сплошь из ленточек и рюшечек, как будто уличная проститутка напялила свой рабочий наряд.

«И это элита империи?! — с возмущением подумал Андрей. — Далеко же они уйдут с такой элитой! Сборище сладострастных извращенцев, а не элита! Обнаглевшие от своей безнаказанности и своего богатства твари! Ох как все знакомо...»

На середину площадки вышел высокий худощавый мужчина лет тридцати, одетый, как и Андрей, в свободную неяркую одежду, не сковывающую движений, в таких же, как у него, сапожках и практически с таким же оружием — длинная, слегка изогнутая сабля по типу земных казацких. Его кинжал напоминал длинный тесак, на котором с тыльной стороны имелись длинные прорезы — похоже, он мог работать как мечелом, то есть захватывать клинок противника, удерживать его, а при удачном стечении обстоятельств и слабой стали — ломать.

При взгляде на этот мечелом Андрей подумал, что у них должны быть клинки и типа шпаги — ну как он может им сломать саблю? Фактически это был короткий меч, типа скифского акинака.

Кинжал Андрея был обычным, без изысков, длиной тридцать пять — сорок сантиметров.

Противник улыбнулся Андрею и пожал плечами — мол, работа такая! Затем он скрестил клинки и слегка поклонился.

Андрей сделал то же самое, неожиданно почувствовав прилив дурноты при поклоне и с оторопью подумав: «Это еще что такое?! Отравился чем-то, что ли? Что со мной?» И с ужасом понял — вино! Это вино! Какого черта он проигнорировал намеки капитана! Они подмешали в вино какой-то гадости, чтобы он проиграл! Вот почему капитан советовал не пить вина... Да и графиня, помнится, сказала — если что, отравит! То есть она желает получить сексуальную игрушку, а для того надо, чтобы он проиграл хоть один бой, и оружие тупое именно поэтому — а чего имущество портить?

Андрей нашел взглядом капитана наемников, тот пожал плечами — я-то, мол, при чем?... — и бой начался.

Противник нанес несколько красивых ударов, которые Андрей, борясь с дурнотой и туманом в глазах, легко отразил, а потом на него обрушился сверкающий шквал ударов снизу, сверху, секущих, обманных — Андрей отразил их и перешел в атаку, боясь, что отравы полностью овладеет его рассудком.

Конечно, в конце концов организм с ней справится, но бой-то он проиграет!

Усилив скорость насколько мог, Андрей подсек бойца ударом по коленям, а когда тот начал падать, рубанул ему по шее так, что тот отключился на долгое время, но шейные позвонки не пострадали. Этот человек ничего ему не сделал — зачем лишняя кровь?

Отдых Андрея после первого боя не затянулся — после того как граф объявил победителем подсудимого, герольд тут же объявил следующего участника — поединщика графа Накайло.

Это был невысокий, почти квадратный мужчина лет сорока, с длинными, как у орангутана, руками, в которых тот держал по сабле — тоже тупой, но длинной и тяжелой. Как видно, дуэльный кодекс здешних мест разрешал вместо кинжала использовать вторую саблю.

Андрей не умел работать сразу двумя саблями — Федор учил его биться с кинжалом в левой руке, так что, если бы даже ему и дали вторую саблю, толку от нее было бы немного.

Этот противник отличался от предыдущего — он вел себя презрительно и, судя по множеству шрамов на его лысом черепе, предпочитал лезть напролом, невзирая на последствия, а его обнаженные,

длинные, покрытые узловатыми мышцами руки давали представление о его огромной силе.

Выйдя на площадку, он сплюнул под ноги Андрею, давая понять, что презирает его, и демонстративно провел саблей по шее, показывая, что противнику сейчас придет конец.

«Ну что же... ты сам напросился, — подумал охваченный дурнотой Андрей. — Этого надо валить наповал, бычара тот еще! Не знаю, допускаются ли у них на дуэли удары ногами... впрочем, лучше не рисковать. Ох черт... в глазах мутится... Этак вот и попадают в рабство! Хрен вам! Не дождетесь!»

Усилием воли Андрей разогнал туман, охвативший мозг, и встретил коротышку как надо — приняв на кинжал одну саблю и круговым движением саблей отбив другую, он воткнул тупой конец клинка в горло противнику так, что у того изо рта хлынула кровь.

Полторы секунды — бой закончился, почти что и не начавшись. Обоеручный боец упал лицом вниз и задергался в луже крови.

Зрители затихли, а Андрей, покачиваясь от желания упасть и забыться во сне, потащился к краю стола, чертя саблей по каменным плитам, отчего в воздухе плыл скрежещущий звук, будто кто-то водил ножом по стеклу.

Капитан наемников с удивлением и даже страхом посмотрел на него и медленно сказал:

— Ну ты и силен... это же Армакон, он убил на дуэли людей столько, сколько нет на пальцах рук и ног, вместе взятых! Граф Накайло будет очень, очень недоволен! Похоже, что ты нажил еще одного врага... да и наш граф, как вижу, не особо счастлив — его отношения с Накайло неминуемо испортятся. Утешить Накайло может только твоя смерть. Вот теперь держись.

— Капитан, ты сволочь! — хрипло сказал Андрей. — Почему не предупредил, что в вино подмешана какая-то гадость?

— А я говорил, — развел руками капитан, — я тебе столько раз говорил! Хотя и не имел права! Я виноват, что ли, что ты не слушал? С дворянскими семействами нужно держать ухо востро и смотреть в оба — или нож воткнут в спину, или отравят... особенно когда на тебя положила глаз графиня.

— Это что, ее работа?

— Ну а чья же? Ей хочется получить игрушку в постель, нормальное желание, вот она и подсыпала тебе снотворного зелья. Сколько — не знаю, и чего подсыпала — тоже не знаю. По идее ты уже давно должен спать как убитый... непонятно, почему ты стоишь на ногах! Может, откажешься от

боя? Этим ты признаешь, что проиграл, зато получишь жизнь. Если ты сейчас выйдешь биться, я ставлю медяк против сабли, что бой будет на боевом оружии и тебя будут убивать! Подожди, сейчас они какую-нибудь гадость придумают, или я не разбираюсь в этих интригах!

— Победителем признан подсудимый Андрей! Следующий поединок состоится на боевом оружии! По решению его сиятельства графа, противниками подсудимого будут трое — господин Аруна, господин Бакар и господин Сиган!

— Чего же он, сучонок, делает? — прошипел Андрей, кляня носом от сонной одури. — Было обещано три поединщика на три боя!

— Ну это же граф... я же тебе сказал, что сейчас будет какая-то гадость... эти люди — призеры фехтовального турнира прошлого года. Все трое. Извини, брат Андрей, я думал, все закончится гораздо лучше. Не надо было тебе убивать Армакона... похоже, граф в бешенстве. Как и графиня — они того и гляди подерутся прямо на людях. Вот ты ей в душу-то запал... или еще куда... Кошелечек не завещаешь?

— С трупа снимешь. А если обнаружу, что с сонного снял, проснусь — башку отрежу!

Андрей и капитан усмехнулись, обменявшись солдатским юмором, наемник передал ему два клинка — видимо, тоже своих, и Андрей, слегка пошатываясь, пошел к центру площадки. Кровь уже засыпали свежим песком, и ничто не мешало совершиться убийству во славу сильных мира сего.

Все вокруг затихли, понимая, что происходит что-то не то, что должно было быть, и с жадным любопытством ожидали смертельного спектакля.

Трое бойцов, жилистых, уверенных в себе, спокойно и с легким сожалением смотрели на свою жертву. Они, видимо, уже договорились, как будут действовать, так как сразу же разошлись по разным сторонам площадки, как бы заключив Андрея в треугольник.

Андрей сосредоточился и попытался настроиться на бой — мир мерцал, как в испорченном телевизоре, глаза застилал туман, и ему ужасно хотелось помочиться — выпитое просилось наружу, а кроме того, организм пытался исторгнуть эту пакость, принятую с вином.

Ему хотелось крикнуть — погодите, дайте хоть в нужник-то сходить, подлецы!

При мысли о том, как он кричит и требует отпустить его в туалет, губы его непроизвольно растянулись в улыбку. Зашелестели шепотки в наблюдающих за боем рядах зрителей, а противники Андрея восприняли это как вызов и бросились на него одновременно, решив убить сразу и без

всяких там изощренных показательных выступлений.

Андрей максимально ускорился. Казалось, что устремившиеся к нему бойцы бегут под водой, медленно-медленно преодолевая толщу километровой высоты... вот они заносят мечи для удара, медленно ведут их к нему... Вдруг — щелк! — сознание на долю секунды выключается, одурманенное снотворным, и меч уже движется к его горлу, едва не касаясь шеи, — еще чуть-чуть, и голова слетела бы с плеч, как гнилой арбуз, выброшенный из грузовика на бахче.

Андрей сделал невысказанный выгиб, уходя из-под удара, меч пронесся над ним, а он почти встал на «мостик», но прежде, чем коснуться плит двора, успел рубануть нападавшего чуть ниже колена и начисто смахнул ему левую ногу.

Противник еще не успел упасть наземь, когда два оставшихся бойца со звоном ударили остриями клинков туда, где Андрей лежал секунду назад, — он перекатился, прыжком вскочил и, уклонившись от укола, всадил свой кинжал в бок второму бойцу.

Отскочив, вырвал кинжал из печени противника и, отбив клинок третьего, направленный ему в глаз по верхней траектории, ударом сверху буквально распластал его, разрубая от ключицы до пояса, как когда-то Евпатий Коловрат разрубал воинов Батыя.

Первый, с отрубленной ногой, медленно падал, все еще не коснувшись земли, когда Андрей яростно рубанул его в бок, прорубил до позвоночника ударом с потягом и обратным движением зарубил второго, зажавшего рану на боку, фонтанирующую кровью, как сорванный кран смесителя горячей водой.

Бой закончился.

Тело Андрея перешло в нормальное состояние, и в его уши ударил яростный шум. Орали все — охранники, солдаты, гости, потом началась драка, в которой было непонятно, кто кого бьет.

Потом уже Андрей узнал, что на бои делались ставки — что, впрочем, неудивительно ни для какого из миров. Те, кто решился поставить на то, что Андрей выиграет бой, теперь требовали с проигравших свои деньги, а если те по каким-то причинам не хотели отдавать — вот тут уже и начиналась бойня!

Ставки были один к пятистам, а в конце — один к тысяче. Нормальный человек не верил, что можно устоять одному против трех бойцов, выигравших фехтовальный турнир среди тысячи участников, да еще выиграть после двух боев, да в явно нездоровом состоянии. Проигравшие вопили, что это обман, что это подстава, что их обманули,

хотя не могли пояснить, кто и в чем их обманул.

Среди именитых гостей графа тоже начался скандал — подрались барон Акуров и барон Уркатов. Первый обвинил второго, что тот специально уговорил выставить его лучшего бойца, зная, что того убьют, и бла-бла-бла... В общем, один дал другому в морду, потом они схватились за мечи, и их развели в стороны только обещанием, что устроят им дуэль в ближайшее удобное время.

Именитые гости, у которых погибли бойцы, засобирались домой, мотивировав это тем, что путь дальний и хотелось бы выехать побыстрее, так как их ждут неотложные дела.

Те гости, у которых бойцы были целы, похвалили себя за предусмотрительность, не позволившую им пойти на поводу у графа Баданского и выставить своих бойцов. Они были довольны представлением и веселились по полной — слуги-виночерпии едва успевали подливать им вина в кубки.

Графиня Баданская была счастлива, будто кошка, наевшаяся сметаны, на что граф тихо сказал ей, что ему хочется врезать по ее счастливой физиономии, чтобы смыть эту радостную улыбку.

В общем и целом праздник закончился великолепнейшим скандалом, и все, кто присутствовал на торжестве, согласились, что будут помнить этот день рождения до конца своей жизни.

Виновника переполоха, упавшего прямо на площадке на убитого им дуэлянта и заснувшего мертвым сном, унесли в замок отсыпаться и ждать решения своей судьбы. Впрочем, граф неохотно, но признал его победителем, а значит, невиновным.

Со словами: «Плакали мои денежки, как в задницу ослу засунул!» — граф покинул место торжества, выглядевшее так, как будто по нему пробежал табун диких ослов: столы перевернуты, еда раскидана и жадно поглощается замковыми собаками наперегонки с детьми прислуги, на месте боя кровавая лужа, засыхающая на песке темно-красной коркой и напоминающая о том, что сегодня граф потерял минимум трех союзников и приобрел трех недругов.

Андрей спал сутки. Если бы не его организм, нейтрализующий практически любые яды, он бы уже отправился на тот свет — дурноголовая графиня сыпанула в кувшин весь мешочек зелья, предназначенного для того, чтобы люди с бессонницей могли хорошо уснуть, кинув ма-а-аленькую щепотку этого порошка в стакан жидкости. В мешочке же было порошка столько, что можно было отравить полк наемников. Это и было

причиной того, что Андрей никак не мог справиться с отравлением — страшнейший передоз.

Если бы он выпил больше, результат был бы еще плачевнее, возможно, что даже его организм не справился бы с такой дозой.

Пока его несли, он обмочился, и капитан долго и матерно ругался, сетуя на свою горькую судьбу — вот только не хватало ему таскать всяких зассанцев, дела больше у него другого нет!

За следующие сутки Андрей обмочился еще шесть раз — его положили на матрас у стены в какой-то дальней комнате, капитан постарался. Он прекрасно понимал, что происходит, — организм выводил из себя отраву доступным ему способом. Хорошо хоть не более радикальным...

Проснулся Андрей на матрасе в углу темной комнаты, мокрый, несчастный, тут же вообразил, что его заточили в темницу, и стал строить планы, как перекусать тюремщиков и выбраться на волю. Благо, что он решил повременить со своими террористическими планами и выяснить, где он и что происходит.

От вони, исходящей от матраса и от него самого, его чуть не вывернуло наизнанку, и, собравшись с силами, он крикнул:

— Эй, есть кто-нибудь?! Эй!

Никто ему не ответил, он толкнул дверь — она открылась! Никакого караула, никакой охраны не было, и он вспомнил — выиграл! Выиграл все бои! Он свободен! Как там сказал царь Ясону? «Золотое руно твоё, так иди и возьми его!» А там этакий дракон, с пастью, как ковш у экскаватора, у руна того... Свободу получил, и даже сто золотых, только вот еще уйти отсюда надо... не в такой же одежде? Принюхался — фу-у-у... бомж бомжом!

— Вот ты где! — слышался голос капитана. — А я тебя ищу! Ну ты, братец, и дал жару... иди в моечную, отмывайся, графиня тебе одежду прислала. Я сказал, что ты после ее порошка страдаешь, чуть не помер, она так прямо вся с лица спала! Вот ты зацепил ее... только бойся, — уже серьезно добавил он, — граф очень, очень раздосадован тем, что из-за тебя он лишился трех союзников, а еще кошель золота. Он уже поговаривает, что тебя надо было на месте пристрелить, а не тащить в замок. Графиня на него ругается, говорит, что он сам идиот, надо было судить как следует, а не придумывать всякие испытания... Самое смешное, что граф уже забыл, кто придумал эти дуэли. Ну да ладно, давай за мной, а то заблудишься в переходах... иди шага на два сзади, а то меня сейчас стошнит, уж больно ты воняешь!

— А кто виноват? — огрызнулся Андрей. — И ты в том числе! Опоили пакостью, теперь изгаляешься!

— Хм... ну в общем-то да, ты прав. Давай мойся, потом приходи в библиотеку, там с тобой поговорит граф. Где найти? А любой мальчишка покажет. Попросишь, отведут.

В этот раз в моечной было несколько стражников — они с любопытством посматривали на Андрея, перешептывались, но расспрашивать побоялись. Впрочем, когда он поздоровался, они дружно, но нестройно ответили.

Быстренько помывшись, Андрей, терзаемый голодом и жаждой — после этих перегрузок, да с его обменом веществ он был готов сожрать что угодно, — пошел искать не библиотеку, а кухню, и, ведомый тонким нюхом оборотня, скоро нашел ее по запахам свежеиспеченного хлеба, мяса, плавающего в огромных побулькивающих котлах, и пирожков, горой возвышающихся на огромном деревянном подносе.

Андрей потихоньку скользнул к подносу, схватил сразу два пирожка и, чуть не урча от наслаждения, засунул их по очереди в рот, даваясь и проглатывая большими кусками, потом еще два... и пирожки чуть не застряли в глотке, когда сзади кто-то трубным голосом, как сигнал у КрАЗа, завопил:

— Это что еще тут такое?! Это что за воришка посмел красть мои пирожки?!

Он обернулся и увидел огромную толстую тетку в белом поварском наряде, возвышающуюся над ним как гора — она была выше его на полголовы и тяжелее минимум на семьдесят килограммов.

Она занесла над ним деревянный половник, напоминающий молот Тора, и Андрей уже приготовился подороже продать свою жизнь, когда тетка вдруг улыбнулась и сказала уже нормальным, густым голосом:

— А! Вон это кто! Ну кушай, кушай... а я-то думала, это опять кто-то из стражников нагличает, а это ты. Ешь, ешь, тебе надо после того, что ты перенес там по милости этих дураков. Садись вот сюда, сейчас я тебя покормлю!

Она схватила его за руку и поволокла к свободному столу, где плюхнула, как ребенка, на табуретку, затем поставила перед ним деревянное блюдо размером не меньше, чем поднос для пирожков, и, орудуя вилкой, больше похожей на вилы для сена, выдернула из котла громадный кус мяса и шмякнула перед Андреем.

— Ешь, хорошенько ешь! Только не обожгись — вот пирожочками побалуешься, пока мясо остывает! Мама Аглая знает, как кормить мужчин!

Настоящие мужчины любят хорошо покушать, не то что эти высокородные — поковыряются и бросят! Такие же они и в постели! Лентяи!

Андрей пожирал все, что было ему предложено, и, усмехаясь, думал: «Это не о ней ли говорила графиня? Не ее ли поминала? Ну граф, ну силен! А что, есть в ней что-то первобытное, что-то этакое звериное, как такой кухонный Кинг-Конг! Такую хорошо иметь в друзьях, но если она возненавидит... валькирия, право слово! Ей секиру в руки, она отряд латников в капусту порубит!»

Тем временем «валькирия» ласково улыбалась, глядя, как Андрей считает все, что ему было положено на тарелку, и приговаривала:

— Вот хороший мальчик! Хорошо кушает! Учитесь, неслухи, так ведь и останетесь недомерками, вши мелкозадые!

Поварята и кухонные рабочие за ее спиной покатывались — однако видно было, что Аглаю они любят и ценят.

Доглодав громадный мосол, Андрей откинулся назад и чуть не упал, забыв, что сидит на табурете, а кухарка с сочувствием сказала:

— Вот заморили паренька, негодные! Еле сидит! Давай я тебе еще пирожочков положу?

— Ох, мама Аглая, хватит! Вот запить бы чем-то.

— Сейчас, сейчас! — Кухарка приволокла и водрузила перед ним что-то вроде ведерного кувшина. — Вот, попей кваску! Давай я налью тебе.

Она взяла кружку на литр, не меньше, и водопад коричневой шипучей жидкости полился в глиняную кружку с отколотым краешком и сетью микротрещин на глазированной поверхности.

Через минут десять Андрей тяжело перемещался по коридору прочь от кухни, утрясая то, что съел, полностью запроваженный и готовый к действиям, как гоночный автомобиль.

Поймав пробежавшего мимо мальчишку, он спросил, где находится библиотека, и после долгих, сбивчивых объяснений все-таки выяснил, что ему следует пройти этот коридор до конца, потом повернуть направо, потом подняться по лестнице, потом... в общем, ясно, что ничего не ясно.

Решив ориентироваться по ходу движения, Андрей пошел дальше и после двадцати минут блужданий все-таки вышел к искомой двери.

Возле нее на часах стояли два скупающих стражника, которые, оживившись, поздоровались с Андреем и уважительно осмотрели его с головы до ног — ну как же, местная знаменитость!

Андрей спрятал усмешку и спросил:

— Мне сказали, что граф меня приглашал. Я могу к нему пройти?

— Погоди, чуть позже, — подмигнул ему один из стражников. —

Постой пока тут. Как будет можно, я скажу.

Андрей вначале не понял его подмигивания, и, лишь когда минут через пятнадцать распахнулась дверь и из нее выскочили две девушки, раскрасневшиеся и поправляющие одежду, до него дошло.

Стражник выждал минут десять, постучал в дверь и, дождавшись ответа, вошел. Через несколько секунд он приоткрыл створку и пригласил:

— Войди. Его сиятельство тебя требует.

Шагнув через высокий порог, Андрей оказался в большой комнате, по стенам которой висели полки, уставленные множеством рукописных книг и заложенные рядами свитков. Самое интересное — к ним вряд ли в обозримое время прикасалась рука человека. Судя по всему, библиотека использовалась ее хозяином для других целей — и было совершенно ясно каких.

Граф полулежал на большом кожаном диване, скорее даже огромной кушетке, попивая красное вино из хрустального бокала и томно поглядывая на потолок. Его куртка была расстегнута и открывала белую рубаху со следами пролитого вина и каких-то пятен подозрительного происхождения. Лицо графа было красным и влажным, как будто он только-только закончил истязать себя физическими упражнениями.

Увидев Андрея, он отставил бокал на деревянную полочку у дивана и расслабленно-ворчливо сказал:

— А, это ты? Не больно-то ты торопился на встречу со мной! Что, ехал из столицы на ослах?

— Нет, ваше сиятельство. Но не мог же я прийти к вам грязным, вонючим, как нищий! Помылся, и вот я перед вами, весь внимание.

Граф пошарил за спиной, достал увесистый мешочек, тихо позвякивающий в руках, и кинул его Андрею.

— Вот твоя награда, как обещал. Только я вычел двадцать золотых за одежду и питание — не думаешь же ты, что все в этом мире бесплатно!

Андрей чуть не рассмеялся — ну как граф похож на земных богачей, жадных до умопомрачения! Один таксист рассказал ему, как однажды вез пассажирку из центра города — владелец попавшего в мелкое ДТП джипа, чтобы жена не болталась на месте происшествия, вызвал такси и отправил ее домой, дав на дорогу сто пятьдесят рублей. По счетчику вышло сто сорок рублей, так эта дама ждала, когда таксист достанет из кармана медяки, отсчитает мелочью десять рублей и отдаст ей. И только после того, как получила сдачу, она вышла и направилась в свой дом, окруженный голубыми елями, в три этажа, из красного кирпича, стоимостью не менее одного — полутора миллионов долларов. Что это? Патологическая

жадность? Желание поставить на место этих «нищевродов», чтобы «знали свое место»? Болезнь или скудоумие? Но с таким поведением и сам Андрей сталкивался не раз и не два.

Один такой кадр как-то ему сказал: «Если всем раздавать, этак богатым и не будешь!» Врал, конечно... это просто оправдание своей мелочности и жлобству. Человек хороший, с широкой душой и горячим сердцем, не будет так себя вести...

— Ну и создал ты мне проблем... трое моих союзников теперь решают, не разорвать ли отношения со мной, так как я якобы устроил спектакль, выставив против них элитного убийцу, который надругался над их лучшими воинами и тем показал, что эти воины, а значит, их хозяева, ничего не стоят, ничтожны! Конечно, они дерьмецы и ничтожны, само собой, со мной не сравнятся, но так откровенно им это сказать?! Они считают, что я открыто им дал это понять! Вот придурки! — Граф усмехнулся и, взяв бокал, снова отхлебнул вина, потом с удовольствием добавил: — Зато все запомнят этот праздник надолго, да... На таких сборищах не случалось ничего интересного с тех пор, как на дне рождения графа Накайло пьяный барон Сафур облапил его жену, сорвал лиф и упал с ней в бассейн — вот смеху было! Накайло чуть не вызвал его на дуэль, да уговорили успокоиться, а жаль! — Граф поставил бокал, уселся прямо и, в упор глядя на Андрея, сказал: — Все хорошо, но еще бы ты не трахал мою жену! Это меня бесит!

Андрей, посмеявшись про себя, подумал: «Это еще кто кого трахает!»

— Я тебе скажу так, — продолжал граф. — Вообще, по-хорошему тебя надо прирезать или пристрелить, слишком много беспокойства ты доставил... Кстати, показать бы тебя исчадиям... странный ты какой-то, я о таких бойцах, с такой скоростью, никогда не слышал. Может, ты из них, из исчадий? Нет? Хорошо. Терпеть не могу исчадий — лезут, командуют, мешаются... что хотят, то и делают. Пытаются указывать мне, потомственному высокородному дворянину! Вот с тобой что делать? Ты же тоже не бессмертный — надеюсь, по крайней мере. Если я отдам приказ, тебя будут преследовать по всей империи и в других странах тоже, стрелять, травить, резать. Что, думаешь сейчас — а не свернуть ли ему шею?

Граф неожиданно пронизательно посмотрел в глаза Андрею, и тот ошеломленно подумал: «Не так он и глуп, как кажется!»

— Ты, возможно, вырежешь половину моих солдат, но вторая половина все равно тебя убьет. Это же замок, войти сюда непросто, выйти тоже непросто... Я могу преследовать твоих друзей — или кто они там

тебе? Ну тех, что уехали на фургоне. Найти их в столице, в других городах, посадить в темницу, отобрать все, что у них есть, до последнего медяка, казнить — все что угодно могу! Веришь? Веришь... это хорошо. У меня есть к тебе предложение — я хочу взять тебя на службу. Назначу хорошее вознаграждение, содержание и обещаю, что твоих друзей никто не тронет. Конечно, стражник из тебя никакой, тупо стоять на часах — это не для тебя, ты боец, единоличный боец, но мне такой и нужен — для особых поручений...

Андрей угрюмо подумал: «Опять наемным убийцей?! О нет!»

— Это что, наемным убийцей, что ли? — озвучил он свою мысль.

— Нет-нет, этого добра у меня хватает... а вот телохранителем или же шпионом — это да. Ну не шпионом в прямом смысле... а поехать, что-то узнать, пообщаться с людьми, что-то принести, может быть, добыть... Ну так как? Что ты выбираешь?

«Пуля или петля? — усмехнулся Андрей. — Ему надо сделать мне предложение, от которого я не откажусь?»

— Хорошо. Может, уточним мое жалованье, обеспечение и круг обязанностей? Я себе цену знаю и за гроши рисковать не намерен. — Андрей решил представить себя таким наемником, которого интересуют лишь деньги. — А что касается людей в фургоне — они мне никто! Нанимали на работу охранником, а как начались неприятности — рассчитали.

— Ну-ну, — усмехнулся граф, — то-то ты полез в драку за их девчонку... за хозяев так не вступаются.

— Просто не люблю, когда обижают маленьких, — пожал плечами Андрей. — Да и давно я не дрался на дуэли, следовало проверить свои умения, а тут ваш брат и попался... извините, ваше сиятельство, господин граф.

— Да ладно! — беспечно махнул рукой граф. — Дерьмо он был, правильно моя женушка говорит. Унесли его демоны, и Саган с ним. Ну да ладно, о деле: жалованье будет тридцать золотых в месяц, полное обеспечение — одежда, еда, снаряжение. Плюс деньги на расходы, когда поедешь по моему заданию, а также отдельное вознаграждение по результатам выполненного задания. Видишь, я умею быть щедрым! А ты чего глаза выпучил? — обратился граф к стражнику у двери. — Если бы вы умели драться так, как он, вы бы получали столько же! Жить будешь в замке, — это уже опять Андрею, — комнату тебе выделит мажордом. И еще — отстань от моей жены! Ну покувыркался с ней, и хватит! Не наводи на мысль о том, что пора тебе голову отрубить и вывесить на стену.

— Господин граф, она сама ко мне лезет в постель, я-то что могу сделать? — пожал плечами Андрей. — Вы, как настоящий мужчина, должны меня понять! Ну не драться же мне с ней, когда она на меня вешается? Мне что делать?

— Эй, лупоглазый, пошел вон! Распустил тут свои ослиные уши!

Стражник вышел, а граф продолжил:

— Ну да, понимаю, ты в двусмысленном положении: с одной стороны она, с другой — я. Кто для тебя главнее, я или она? — Он хмыкнул, подумал и подытожил: — Узнаю, что ты сам ее преследуешь и требуешь близости, — умрешь, а если уж она пожелала, пришла к тебе — тут уж, согласен, ее дело. Удовлетворен?

— Удовлетворен. Вы умный человек, господин граф...

— Многие, многие из тех, кто судил по первому впечатлению, делали ошибку. — Граф внимательно посмотрел Андрею в глаза. — Не надо слушать сплетен, верь тому, что сам узнаешь или увидишь. Ну все, отправляйся к мажордому, скажи, что я приказал обеспечить тебя всем необходимым. А теперь оставь меня, я должен отдохнуть. Через пару-тройку дней кое-куда поедешь...

Андрей кивнул и, слегка ошарашенный, вышел из библиотеки.

Согласиться на предложение графа было правильно со всех точек зрения. Во-первых, граф действительно мог ему нагадить, и крепко, — если хорошенько взяться за поиски и обладать достаточными средствами, найти Федора с Аленой плевое дело. Во-вторых, Андрею было интересно приблизиться к верхушке власти — граф пусть и не самый влиятельный человек в империи, и даже вроде как в опале, однако его влияния с лихвой хватало, чтобы со временем вернуться ко двору и вновь подняться на вершину иерархической лестницы. Можно было, конечно, уничтожить графа, спрятать труп, чтобы искали подольше, они бы и чихнуть не успели, как он выбрался бы из замка — кто может противостоять оборотню? Пока соберутся толпой, пока организуются — а он уже далеко... Но опять — существовала возможность того, что кто-то, например та же графиня, инициирует расследование убийства и исчезновения графа, пойдет по следам исчезнувшего фургона, будет искать контакты, и не надо считать дураками здешних людей — найдут ведь! Опять скрываться, опять бежать... подвергать опасности Алену и девочку... Нет уж, поживем — увидим, как дальше пойдет. Ему подумалось — вот результат обрастания друзьями! Если бы не они, его бы только и видели тут! Графу башку бы оторвал да и ушел куда глаза глядят. Или просто бы ушел...

Погруженный в свои мысли Андрей шагал по коридору, не обращая

внимания на удивленные взгляды стражей, перешептывающихся за спиной.

Новое положение было неопределенным, но давало свои преимущества. Например — хорошую комнату с широкой двуспальной кроватью, обстановкой и целым гардеробом шмоток, хорошее питание — вместе с графом и графиней и их камарильей. Впрочем, если граф не настаивал, Андрей предпочитал есть на кухне, под радушные трубные крики кухарки Аглаи, радовавшейся его хорошему аппетиту.

Гарнизон замка воспринял его в общем-то спокойно: ну еще один наемник, ну для особых поручений, сегодня есть, а завтра нет, у графа нрав известный, переменчивый... надоест — и выкинет на помойку.

Три дня Андрей отъедался и отсыпался, иногда приходил на площадку, где отрабатывал приемы сабельного боя с инструктором. Тот был очень удивлен его средненькими техническими умениями в совокупности с невероятной скоростью — впрочем, скорость Андрей включал нечасто, это требовало большого расхода энергии, он сжигал ее, как «ламборгини» горючку высшего класса.

А вот в рукопашном бою и ножевом Андрею не было равных, даже без сверхскорости — те приемы, которым его научили на Земле, еще очень, очень нескоро появятся в этом мире. Впрочем, надо быть точным — не в этом мире, а в этой части мира, Андрей еще мало видел и знал об этом мире, так что говорить о всей планете было бы опрометчиво и глупо.

На четвертый день граф вызвал его к себе, и Андрей, как был, в тренировочной одежде, запыленный и вспотевший, предстал перед ясными, с красными прожилками от пьянства и сексуальных излишеств очами графа Баданского. Мысленно пройдясь по своим возможным прегрешениям, Андрей таковых не усмотрел — если не считать того, что каждый вечер к нему приходила графиня и выжимала из него соки всеми возможными и невозможными способами. Но ведь он за ней не гонялся и не предлагал ей развестись с графом и поселиться в двухкомнатной квартире! Так что в общем-то он на этот счет был спокоен. А тревожило его только одно — куда собрался отправить его неумный граф. Почему-то Андрею казалось, что это должна быть абсолютная пакость, в которую только и могут засунуть такого, как он, выскочку.

— Здравствуй, Андрей. Вот обсуждаем с капитаном Марном маршрут вашего будущего путешествия. Тебе будут приданы пять бойцов, дадим снаряжение, деньги, и завтра утром вы уезжаете на север. — Граф полуприкрыл глаза, но видно было, что он лишь с виду расслаблен и безразличен, на самом деле в нем тлел огонек нетерпения, возбуждения,

как будто он что-то предвкушал.

— А можно узнать цель путешествия? — поинтересовался Андрей. — Или это секрет?

— Ну какой секрет, нет никакого секрета, — вкрадчиво сказал граф. — Ну что я буду скрывать от своего человека... К драконам поедешь.

Андрей закашлялся, глядя на невозмутимого графа, хитро поблескивающего глазами из-под полуопущенных век.

— К каким драконам? Зачем к драконам? Чего мне у драконов делать?

— У меня есть сведения, где находится одно из гнезд драконов. Твоя задача забраться туда, набрать чешуи и привезти ее сюда. Я тебя щедро награжу. Кроме тебя, с твоей скоростью, никто не сможет это сделать — по слухам, драконы очень не любят, когда люди влезают к ним в гнездо. Ну а сопровождающие для того, чтобы тебя не обидел кто-нибудь... и чтобы ты не решил, что, уехав отсюда, можешь распоряжаться своим временем как заблагорассудится. Твоя задача — выполнить задание.

— А если там нет чешуи? С чего вы взяли, что она там есть?

Граф раскрыл ладонь и показал то, чем играл все это время, держа руки под столиком, вне видимости — на ней лежала пластинка, переливающаяся на солнце ярким бирюзовым цветом...

ГЛАВА 13

Прыжок, еще прыжок! Ревущий где-то за спиной, шипящий и плюющийся огнем КраЗ неумолимо настигал, и Андрей уже подумывал, что пора бы и в оборотня перекинуться — черт с ней, анонимностью, с секретами и всяческими слухами, не сдохнуть бы тут! Дракон, несмотря на то что бежал по камням, делал это со скоростью носорога, атакующего малолитражку туристов. Его стремительность, ловкость и ярость были просто потрясающими!

— Да обнаглели с такими ценами! Где это видано — три медяка за лепешку овса?! Ну и что, что везти надо? Вот негодяй! — негодовал спутник Андрея, здоровенный рыжий мужчина лет тридцати пяти по имени Афон. — Эти трактирщики так и норовят раздеть до нитки! Если так пойдет дело, мы, пока доедем, будем спать уже не в комнатах, а на сеновале в конюшне!

— Да ладно тебе, — остановил его Андрей, — не обеднеем. Хватит нам. В крайнем случае я свои добавлю, потом с графа возьму. Все, пора ехать! Хватит пререкаться, если карта верна, мы к вечеру будем у Драконьей горы.

Мужчины тяжело влезли в седла и тронули своих коней.

Уже месяц они были в дороге, проходя в день пятьдесят — шестьдесят верст. Маршрут был разработан и утвержден капитаном стражи графа и самим графом, и теперь Андрей и его спутники следовали строго по заданному направлению, к побережью моря, до которого было около полутора тысяч километров.

Андрей заметил, что времена года в этом мире меняются довольно медленно — когда он тут появился, была поздняя весна, сейчас же только осень, почти как октябрь на Земле. Ночи становились все более холодными, а дни были все еще теплыми и ясными — им повезло, сезон дождей пока не начался, так что лошади ходко шли по утрамбованной тысячами ног и копыт дороге.

Этот тракт отходил в сторону перпендикулярно тому тракту, по которому Андрей ехал с Федором. Когда Андрей заметил это ответвление и поинтересовался, куда оно ведет, Федор ответил — к побережью Северного моря.

Согласно карте там находилась гора, которую местные издавна звали Драконьей. Они боялись к ней подходить, так как уже бывали случаи, когда

люди погибали из-за своего любопытства — или пропадали, или же их обугленные трупы находили где-нибудь в окрестностях деревни. Местные жители считали, что эти огарки дракон приносил туда, дабы устроить любопытных. Ну не хотелось ему, чтобы кто-то лез в его жилище...

Это рассказал Андрею капитан наемников, когда они вышли из кабинета графа.

Он виновато посмотрел в глаза Андрею и сказал:

— Прости, коллега, но я ничего не могу сделать, тебя практически отправляют на смерть, и я это прекрасно осознаю. Я постараюсь сделать так, чтобы ты получил лучшее снаряжение, деньги, все что нужно... но шансы вернуться минимальны.

— Он это придумал из-за графини? — Андрей внимательно посмотрел в глаза Марну, но тот выдержал взгляд и честно ответил:

— Не совсем. Вообще-то ему даже лучше, чтобы у нее в любовниках ходил ты и она не вешалась бы на всех без разбору, ты чистый, свой, нечто среднее между бойцовым псом и производителем. Нет. Это не главное. Его снедает тщеславие — он хочет вернуться в столицу, а для этого нужно сделать подношение императору. Только у того есть броня из чешуи дракона, но она не полная — в ней не хватает нескольких утраченных со временем чешуек, вернее, нескольких десятков. Представь, он преподносит императору такой драгоценный подарок — неужели тот не сделает его своим фаворитом? Идет вечная игра, игра за власть, за влияние при дворе, в этом и есть вся жизнь дворян. А мы с тобой, боевые псы, делаем эту жизнь безопаснее, теряя жизнь и здоровье в боях и поединках. Что же, надеюсь, при следующем возрождении мы займем другое место в жизни, лучшее... ну да ладно, оставим теологические рассуждения. Так вот, ты будешь не первым, а пятым из тех, кто пытался добыть чешую. Думаешь, откуда у него чешуйка? Один из героев проник в гнездо и успел унести одну драгоценную чешуевину. Ну, может, и не одну... в общем, нашли его обугленным на краю деревни рыбаков, возле берега, и в его руке была зажата эта чешуйка. Обнаружили, когда хоронили. Двое его спутников отказались идти к горе и остались живы. Трое, те, что с ним пошли, вместе с этим человеком и погибли. Впрочем, если быть точным, никто не знает, что случилось с теми, кто пропал, нашли-то труп одного, скорее всего, погибли. Оставшиеся в живых бойцы похоронили несчастного, нашли чешуйку и привезли ее графу. С тех пор никто не решается поехать на поиски чешуи — какие бы деньги граф ни сулил и чем бы ни угрожал, уже год никто туда не совался. И вот появился ты. Граф одним выстрелом убивает двух, даже трех оленей: если ты гибнешь — он избавляется от

любовника жены, потрафляет самолюбию своих обиженных соседей, говоря, что послал тебя на безнадежное дело, на верную гибель, для того чтобы доставить удовольствие им. А если ты выживешь и принесешь чешую — плевать ему на соседей! Он на белом коне, в столице, в фаворе у императора. Самое интересное, что и денег-то ему не надо — власть, вот что привлекает. Да, власть... Так что, собрат мой, предстоит тебе тяжелая задача. Хочу предупредить — у твоих спутников приказ стрелять в тебя, как только ты попытаешься сбежать. А в остальном — ты командир, со всеми вытекающими последствиями. И еще: если через два с половиной месяца ты не возвращаешься, твои друзья, что были в фургоне, будут найдены... и плохо им придется. Больше скажу — уже посланы люди на их поиски. Их найдут, это точно. Вот так. Теперь иди собирайся...

Так началось путешествие Андрея к Драконьей горе.

Ехали они впятером, ведя каждый выючную лошадь в поводу.

Леса сменялись полями, реки — ручейками, таможенные заставы они проезжали моментально, предъявляя бумагу с печатью графа Баданского... Менялись и не запоминались однотипные заезжие, постоянные дворы, конюшни, пылила дорога, болтали спутники, с которыми Андрей так и не подружился — да и зачем? Он ни на минуту не забывал, что фактически они не товарищи его, а приставленная охрана, для того чтобы не сбежал.

Впрочем, если бы он хотел сбежать, сделал бы это без малейших проблем — неужели оборотня могли бы удержать какие-то пять стражников? Нет, не в этом было дело. Ему было интересно. Интересно так, что жгучее любопытство мучило его и не давало покоя... Драконы! Драконы, о которых он читал в книгах, которые носились по небу, сверкая своей бирюзовой чешуей, — вот что он хотел увидеть! Существо, которого нет на Земле и которое присутствует во многих сказках и легендах, существо, которому приписывают магические свойства и которое, как выяснилось, ненавидит исчадий! Существо, которое даже по описаниям Федора было настолько прекрасным, что у Андрея захватывало дух при мысли, что увидит это... Ну разве он мог упустить такую возможность — увидеть чудо света? Может, последнего дракона в этом мире...

За всю дорогу ему ни разу и не удалось обернуться Зверем и поохотиться — стража не отпускала его одного ни на минуту, даже когда требовалось отойти по нужде. За это Андрею очень хотелось оторвать им всем головы, о чем он как-то и сказал старшему, предупредив, что если они не прекратят караулить его, сидящего на горшке, то первое, что он сделает, — оторвет ему голову и засунет в этот горшок, а потом накроет головами остальных.

После того прессинг слегка снизился — его репутация непревзойденного бойца и безжалостного убийцы все-таки сделала свое дело. Однако следили за ним все равно истово — возможно, граф дал им такие указания, пообещав вздернуть на виселице, если они проморгают, — о чем-то таком намекал капитан перед отъездом.

Может, потому Андрей до сих пор и не пооткручивал им головы — все-таки люди подневольные, фактически такие же, как он, ну а потом их отношения уже перешли к легкому приятельству — не дружбе, нет, но уважительному отношению коллеги к коллеге. Они разговаривали, Андрей задавал наводящие вопросы, исподволь выясняя некоторые интересные моменты.

Например, он узнал, почему основной гарнизон составляют наемники и что это за статус такой — «наемник».

В общем-то это были такие же наемники, как и в Средние века на Земле. Люди обучались воинскому делу, в армии или же частным образом, а потом шли к какому-нибудь капитану, заключали контракт с указанием условий службы и работали, получая жалованье. Откуда брался капитан? Такой же наемник, иногда из обедневших дворян, сумевший авторитетом и своими умениями — воинскими, дипломатическими — собрать отряд, с которым можно было поступить на службу к крупному дворянину или же выступить по найму в междоусобной войне в пользу какой-нибудь из воюющих сторон.

Да, у наемников был свой кодекс, прописанный в их уставе, но бывало, что его и не соблюдали — как всегда, были капитаны приличные, как Марн, а были отмороженные — полубандиты и бандиты. Те же капитаны иногда захватывали целые территории, собирая дань с проезжающих, и тогда их приходилось выкуривать регулярными имперскими войсками.

Интересна была информация об отношениях знати и исчадий — оказывается, знать сильно не любила исчадий и старалась по возможности не иметь с ними дела. С дворянами, конечно, было сложнее: мелкие исчадия не могли так запросто использовать крупных дворян вроде графа Баданского, но если же исчадие высокого ранга пожелал бы, чтобы тот выполнил его требования, — он бы, конечно, это сделал.

Исчадия, несмотря на свою абсолютную власть, все-таки опирались на знать и совсем не хотели, чтобы она вышла из-под контроля и началась гражданская война, ну а дворяне весьма щепетильно относились к своим привилегиям — как во всех мирах и во все времена, поэтому исчадия старались их особо не ущемлять, довольствуясь истязанием простолюдинов.

Фактически в империи была двойная власть — светская, императора, и духовная — исчадий, и они, мягко говоря, недолюбливали друг друга, тем более что больше девяноста процентов исчадий были простолюдины, заброшенные случаем на вершину власти.

Возможно, этим и объяснялось их поведение. Очень часто нувориши ведут себя совершенно мерзко, как говаривает русский народ — из грязи да в князи. Вчерашние торговцы-лоточники и мелкие клерки вдруг обретают богатство, власть и становятся вершителями судеб людей — немудрено, что при этом у них ехала крыша от вседозволенности.

Исчадия творили страшные вещи, которые нормальный человек не сделает, — но все это укладывалось в то, как представляли себе власть сатанисты.

Вообще, было непонятно, как эта империя держалась, не разваливалась: с одной стороны — деструктивное влияние исчадий, растрепанность народа и презрение исчадий к законам, а с другой — империя требовала жесткой иерархии, порядка, ведь ни одна империя не может жить без четкой бюрократической системы. Конгломерат беспредела и закона был неустойчив, но держался — как подозревал Андрей, только потому, что такую махину, как огромная страна, развалить сразу было невозможно, действовали законы инерции. А может, были и еще какие-то факторы, о которых он не подозревал.

Около четырех часов пополудни они уже подъезжали к деревеньке на берегу моря. Дорога, не сильно наезженная, но вполне различимая, привела к куче домишек, столпившихся на границе берегового песка, перемешанного с галькой, и сосен, разлаписто выстроившихся вдоль всего побережья.

Здесьние места были довольно глухими, новых людей тут не видели месяцами, потому население деревеньки с любопытством повылазило из домов, чтобы посмотреть на прибывших.

Большинство аборигенов были женщины, дети и старики — мужчины промышляли, ставя сети и работая с неводом где-то вдоль побережья, подальше от Драконьей горы, — это объяснила экспедиции молодая женщина, с узловатыми изуродованными холодной водой и тяжелой работой руками.

Даже на первый взгляд народ тут был беден и изнурен непосильным трудом — грязные детишки в рваной одежке, женщины в застиранных и аккуратно заштопанных платьях, старики в портках и опорках, которые видали виды и давно должны были быть отправлены на помойку... Их не интересовали политические события, они не знали, что делается в мире и

что вообще представляет собой этот мир, главное — чем сегодня набить живот и прикрыть наготу от ледяного ветра с моря.

А ветер и правда был холодным — близость севера дышала на людей так, как будто открыли огромный холодильник.

«Что же будет тут зимой? — подумал Андрей. — Если уже сейчас так холодно, то зимой они просто околеют! Чем они тут зимой занимаются?»

Как оказалось, зимой они занимались тем же самым, только ловили не с лодок, а со льда, протаскивая сети через прорубленные во льду дыры.

Избы, почти наполовину ушедшие в землю, неплохо держали тепло, но ночевать в них было противно — блохи, мыши, тараканы и еще черт-те сколько насекомых быстро выгнали путешественников на открытый воздух, и, несмотря на приглашение старосты, они ушли ночевать в лес, оборудовав там нормальную стоянку — с навесом от возможного дождя, с настилом и очагом. До настоящих морозов еще было далеко, ветер в лесу не доставал, а запаса шерстяных одеял хватало, чтобы укрыться от ночного холода.

Проснувшись утром, как от толчка, Андрей долго лежал, не желая вылезать на студёный утренний воздух и минут пятнадцать отходил от сна, раздумывая, как ему быть дальше.

Ясно, что его служба у графа была не из тех, за которую надо держаться. В любой момент капризный и своевольный граф мог отправить его куда угодно, и на верную смерть тоже — разменная монета, какой-то там наемник, чего его жалеть? Этот путь к вершинам власти в этом мире был тупиковым, кроме того, Андрею пришло в голову, что его могут узнать те, кто видел его бой на Круге, — конечно, с тех пор он изменился, но кто знает? Некоторые люди обладают абсолютной фотографической памятью... а что умеют исчадия — знает только их господин. Значит, нужно выяснить, что там с драконами, и выбираться из этих мест одному, без сопровождающих.

Видимо, поэтому подсознательно он и не стремился подружиться со своими спутниками — ведь ему, возможно, придется всех их убить! Впрочем, все равно нелегко убивать людей, которые полтора месяца делили с тобой хлеб, бок о бок ехали в неизвестность, навстречу опасности.

Андрей решил для себя — если будет возможность, оставит их в живых...

Наконец Андрей все-таки решил встать и, шипя, передергиваясь от бодрящего морозца, выполз из своего «гнезда», протягивая озябшие руки к костру, весело трещащему валежником и облизывающего два здоровенных сука, принесенных из гущи леса.

Дежурный боец весело поздоровался с ним, его некрасивое, конопатое лицо озарилось улыбкой, и он добродушно спросил:

— Ты сегодня полезешь в логово? Ты там это... постарайся не попасться гадине — в прошлый раз, когда я тащил предыдущего лазальщика, от него так воняло, я потом жареное мясо есть не мог целый год! Как унюхаю, вспомню — блевать тянет. Кстати, почему...

— Заткнись, Голс! — прервал его холодный голос рыжего Афона. — Ты че, придурок, несешь? Парню в логово лезть, а ты ему про сгоревших! Кашу помешай лучше, идиот! Я подгоревшую тебе на башку вывалю!

Голс, виновато пожав плечами, бросился к котелку, Афон же посмотрел на Андрея и извиняющимся тоном добавил:

— Ты это... не думай... мы тоже за тебя переживаем. Не хотим, чтобы ты сгинул в логове чудовища. Давай ешь, отдыхай, скоро придет проводник, пойдем к драконьему гнезду. Ты сегодня готов пойти? Может, поживем здесь, осмотришься, понаблюдаем, когда дракон прилетает-улетает?

— Нет. Сегодня идем. Времени нет. — Андрей потер руки над огнем и, приняхавшись к запаху овсяной каши с мясом, сглотнул слюну. — Вот сейчас жевнем слегка — и вперед.

«Слегка» — две здоровенные миски с верхом — Андрей съел минут за пятнадцать и с наслаждением почувствовал, как по жилам растекается энергия, дающая жизнь.

У его тела теперь было множество преимуществ, но и один огромный недостаток — приходилось поглощать столько пищи для поддержания жизни, что незнакомые люди таращили глаза, видя, сколько он съедает. Его спутники привыкли к такому аппетиту, но тоже иногда подшучивали над обжорством товарища.

Иногда он задумывался — ну а правда, что будет, если долго, очень долго не есть? Организм впадет в спячку? Или же просто съест себя, растворит вначале весь жир, мышцы, а потом примется за жизненно важные органы? Наверное, так — ведь человеческий организм так и поступает при длительном голодании. Отличие лишь в том, что обычный человек может спокойно прожить без еды два месяца, а вот оборотень... хорошо, если на две недели хватит запаса энергии.

Поохотиться, а значит, поесть как следует он не мог, так что приходилось восполнять недостаток энергии громадным количеством обычных человеческих продуктов, приносящих его организму куда меньше пользы.

Проводник пришел позже, чем обещал, чему Андрей ничуть не

удивился — деревня есть деревня, тут время течет медленно, тягуче, куда торопиться, когда то же самое будет завтра... послезавтра... через неделю... месяц... десять лет...

Это был старик неопределенного возраста — худой, беззубый, с седыми клочковатыми волосами и закрученной на сторону бородой, развевающейся на ветру. Время оставило на его щеках многочисленные следы своей разрушительной деятельности — пигментные пятна, глубокие морщины и шрамы — может, от рыболовного крючка, а может, от падения на камни после неумеренного потребления спиртного.

Он жадно устался на котел с кашей, и ему была выдана плошка с парящей субстанцией, которую старик всасывал осторожно, явно наслаждаясь каждым кусочком благословенной пищи.

Андрей смотрел на него и думал о том, что, похоже, местным жителям не часто доводится поесть каши и мяса... Само собой, рыба — основное блюдо рыбаков, но и ее никогда не бывает достаточно.

Наконец каша была съедена — Андрея передернуло от отвращения, когда старик, как собака, вылизывал плошку до блеска, покряхтывая от удовольствия, — и отряд отправился в путь, оставив в лагере одного бойца и всех запасных лошадей.

Проводник ехать на лошади категорически отказался, прощаясь, что, «энтюва чудища» боится пуще дракона, так что пусть господа едут, а он пойдет пешочком, так ему ловчее.

Ехать оказалось не очень далеко — через два часа они были у подножия Драконьей горы, обогнули ее слева и уперлись в небольшую горюшку с пологой верхушкой и каменистым основанием.

Впрочем, небольшой ее назвать было трудно — если только по сравнению с Драконьей горой, которая возвышалась над всей округой как Эльбрус над Кавказом. Так-то она была довольно высокой, но с пологими длинными склонами похожа на огромную пирамиду ацтеков.

Старик показал рукой:

— Вот тут, на горе, и есть драконье гнездо. Я сам туды не хаживал, но видал, што туды летали энти чудища. Туды хаживали, и не один раз, всяки люди, но чудища их всех убили. И вас убьют. Мне была обещана серебрушка — может, дадите сичас? А то потом с каво брать?

— На, вымогатель! — Афон кинул ему монетку, и старик шустро поковылял прочь от опасного места — конечно, останься тут, этак и серебрушки, и жизни лишишься...

— Ну что, Андрей, ты готов? — Афон выжидающе посмотрел на Андрея. — Тебе дать мешок?

— Какой мешок? — не понял Андрей. — А-а-а! Для чешуи, что ли? Давай. Вообще-то лучше бы вещмешок, с лямками — не в руках же мне тащить, если что!

— Ага! Вот, бери! — Рыжий вытряхнул на жухлую осеннюю траву содержимое вещмешка — лепешку, сушеное мясо, флягу с водой, и подал мешок Андрею. — Лямки подгони под себя, у тебя плечи-то пошире, а то не вздохнешь с такими лямками.

Андрей кивнул, отрегулировал ремни вещмешка, накиннул его на плечи, предварительно завязав горловину рыбацким узлом и по привычке военных разведчиков попрыгал на месте — не мешает ли чего, не гремит ли...

Бойцы посмотрели на него с недоумением, а Афон сказал:

— Я видел, кто так делает, разведчики и лесные бойцы специального назначения, типа лесные убийцы. Ты что, служил на границе? Впрочем, можешь не отвечать, это не наше дело. В общем, так: мы отъезжаем подальше и ждем наготове — как только появишься, бежишь к коням, и мы сразу забираем тебя и уходим отсюда как можно быстрее. Если будет реальная опасность всем нам и мы ничего не сможем сделать — мы не дожидаемся тебя и убегаем, уж прости... мы не нанимались лазить по логову чудовища. Ну все, обниматься не будем. Удачи, Андрей.

Наемники сели на коней и, ведя в поводу лошадь Андрея, поехали назад.

Андрей присел на большой камень и стал осматриваться вокруг, запахнув куртку от ветерка, порывами задувающего с моря.

Драконья гора возвышалась над окружающим ее с трех сторон лесом как громадная пирамида, вызывая почтительный страх и ощущение своей ничтожности перед силами природы. Ее голые склоны были усыпаны огромными камнями, видимыми и на расстоянии сотен метров.

Андрей пожалел, что не спросил старика — почему эта гора называется Драконьей, если гнездо устроено на соседней горе, более пологой, задернованной и вполне доступной для восхождения?

Две горы стояли как зубы челюсти, одна — огромный черный клык, а вторая как коренной зуб, что навевало мысль о том, что каждый, кто попадет в эти зубы, неминуемо погибнет, раздавленный челюстями судьбы.

Андрей прогнал упаднические мысли и невольно залюбовался морем — вспененное белыми барашками, оно простиралось до самого горизонта... Волны разбивались о подножие Драконьей горы, как о волнолом громадного корабля, несущегося в неведомые страны. На пределе видимости, возле берега, виднелись паруса рыбацких суденышек, а возле

леса, как будто великан вытряс из мешка десятки коробков спичек, притулилась деревня.

Он вздохнул: «Гляди не гляди, а идти на гору надо, ведь именно для этого мы и тащились полтора месяца через всю страну!»

Поднялся, вытряхнул из черепной коробки все лишние мысли и вошел в режим «на щелчке» — это когда оружие снято с предохранителя и ждешь выстрела, брошенной гранаты или любой другой опасности, которая может подстергать бойца в рейде по тылам врага.

Шаг, еще шаг, еще... трава под ногами медленно сменялась каменистой, осыпающейся почвой, и, если бы не кожаные мокасины с мягкой подошвой, Андрей уже мог бы свалиться вниз. Наконец крутизна горы сменилась пологой площадкой, переходящей к центральной части, где виднелась огромная черная дыра явно искусственного происхождения.

Андрей осторожно подошел к дыре на расстояние десяти метров и прислушался — все было тихо, никаких звуков, шорохов... Хотя ему показалось, что в этой пещере кто-то есть. Ощущение было такое, словно кто-то на тебя смотрит, но ты никак не можешь увидеть, кто это, и как будто этот кто-то выжидает удобного момента, чтобы всадить тебе нож в спину.

Андрей непроизвольно поежился, но сделал шаг вперед, еще шаг, еще... и вот он стоит перед огромным темным тоннелем. Размер входа был таков, что в него мог въехать грузовик КрАЗ с установленной на нем будкой-кунгом. Пологое дно тоннеля уводило куда-то в глубь горы и терялось за поворотом, слегка изгибаясь и унося от взора путешественника то, что находится за гладкой, будто оплавленной стеной.

«Не выстою я тут ничего! Идти так идти!» — подумал Андрей и решительно шагнул в темный зев тоннеля.

Шагать было легко — каменный пол без каких-либо следов мусора или щебня был таким гладким, что не оставалось никаких сомнений: он или прожжен в скале, или же сделан каким-то другим искусственным способом.

Коридор прихотливо изгибался, наводя на мысли о лабиринте, от него отходили еще ответвления — похожие по размеру и по качеству обработки камня, и Андрей начал отмечать путь, кинжалом чертя на стене стрелки. Саблю или лук он брать не стал — против дракона он все равно не имел никаких шансов с этим оружием, а вот помешать ему спастись бегством они могли запросто.

В тоннеле было темно, но Андрей прекрасно видел в темноте — глаза, хотя внешне они и оставались глазами человека, приобрели новые

свойства. Если бы кто-то сейчас на него посмотрел, то увидел бы, что его зрачки расширились и стали вертикальными, а веки практически не моргали, давая уловить любой квант света, случайно залетевший в эту преисподнюю.

Окружающее виделось ему как в приборе ночного видения — ярко, но двухцветно.

Внезапно где-то впереди он скорее ощутил, а не увидел ауру живого существа. Аура была странной — она переливалась почти всеми цветами радуги от оранжевого до синего, сияя как неоновые фонари, и только в одном месте ее цвет был красным, багровым, как запекшаяся кровь, вызывая отторжение и ощущение диссонанса со всей структурой излучения тела.

Само же это тело было маленьким, размером с небольшую кошку — перед Андреем на каменном подобии лежанки находилось существо, похожее одновременно и на динозавра, и на ящерицу, и на китайские сказочные картинки.

Это был Дракон. Нет — дракон. Нет, лучше вот так — дракошка!

Он мог легко уместиться в ладонях Андрея, они были как раз для ношения таких вот микродраконов — широченные, как лопаты.

Андрей застыл в благоговении, переросшем в недоумение и удивление — дракон? ЭТО — дракон? И чего они боялись такого малыша?

Осмотрев пещеру, он заметил в углу кучу мусора, среди которого увидел ту самую вожделенную чешую. Видимо, время от времени она падала с драконов и сметалась ими в этот угол, служащий чем-то вроде мусорного ведра. Присмотревшись, удивился — чешуйки были такими огромными, что никак не могли подходить этому микродракону!

Он вслух выругал себя за тупость:

— Ну ясно дело — это или детеныш, или же какой-то урод, мутант!

— Сам ты урод! — прозвучал голос в пещере.

Андрей огляделся, ища источник голоса. Никого не было, кроме этой «кошки».

— Эта кошка разговаривает?! — непроизвольно воскликнул он.

— Идиот! Какая я кошка?! Я дракон!

— Так это точно ты со мной разговариваешь? — Потрясенный Андрей чуть не выронил из рук вещмешок, в который набивал сухие и легкие чешуйки, похожие на пластмассовые пластинки.

Завязав узел, он забросил мешок за плечи и подошел к сидевшему на «кровати» существу.

— Извини, я почему-то думал, что драконы гораздо больше. А как ты

со мной разговариваешь?

— Сейчас? Мысленно, конечно. Я говорю, а ты слышишь. Говорить ртом я еще не могу, это доступно только взрослому дракону, а мне еще только сто лет.

— Сто лет?! Ничего себе! И ты вот такой, с кошку размером?

— Хм... могу и такой быть, да... — непонятно сказал дракончик и осведомился: — Ты зачем мусор собирал? Ты что, ешь эти чешуйки? Вы, люди, какие-то ненормальные... за эти сто лет человек пятьдесят сюда приходили, а потом исчезали — мама их всех убивала, чтобы не лезли больше ко мне. Кстати, ты не задумывался о том, что сейчас прилетит мама и оторвет тебе голову? Предупреждаю, меня трогать нельзя, лишишься жизни за это! Уходи отсюда! Я маму позову!

Андрей зашагал к выходу, и вдруг ему в голову пришла мысль:

— Слушай, а чего у тебя такое с крыльями? А что за повреждения на спине? У тебя что, болит там?

— Откуда ты знаешь? — удивленно спросил дракон. — Ты что, видишь ауры?

— А вы что, тоже их видите? — Андрей сделал два шага к дракончику. — Вижу, конечно. Только я... хм... не совсем человек, потому и вижу. Я оборотень.

— Да-а-а? Никогда не слышал о таких... жаль, что тебе придется умереть... мама тебя все равно убьет... а мне было бы интересно с тобой поговорить. Меня звать Шантаргон, а тебя как?

— Андрей.

— Андрей... Андрей... как-то неинтересно... Вот Андрогон — было бы красивее, правда? Как у драконов. У нас красивые имена! Мою маму звать Гараскарания, или просто Гара. Жаль, что тебе не придется с ней поговорить, она добрая, умная... ей уже десять тысяч лет! Она в самом расцвете сил.

— А сколько же вы живете?

— Сорок — пятьдесят тысяч лет. А если впадаем в спячку, то и дольше. Когда мы спим, то не стареем. А у тебя есть дети? — Дракончик неожиданно сполз с «кровати» и подбежал к Андрею, глядя в глаза и высовывая длинный раздвоенный язык.

— Хм... может быть. Но я о них ничего не знаю! — сказал Андрей, и в его памяти промелькнули сотни женщин, с которыми он занимался сексом. Кто знает, может, у какой-то из них и правда есть от него ребенок? — Слушай, а все-таки что у тебя с крыльями? Чего там на спине такое?

— Чего? — В голосе дракона послышалась грусть. — Когда-то один из

вас проник в гнездо и попытался меня украсть, я тогда был еще совсем маленьким...

«Куда уж меньше-то», — с усмешкой подумал Андрей.

— ...и он сломал мне крылья, чтобы я не улетел и не вырвался. А может, случайно сломал — они во младенчестве такие хрупкие... в общем, с тех пор я не летаю. Мама меня кормит, а я вот такой урод, как ты и сказал. Иди отсюда, все вы, люди, сволочи! Подлые двуногие твари! Не зря мама вас убивает!

— Постой, Шанти, я же не человек. Давай я попробую тебе помочь?

— Это как? Я с тобой не пойду никуда, даже и не думай!

— Да не надо никуда ходить. Я умею лечить, правда, пока лечил только людей, но вы, драконы, тоже живые существа, так почему и не попробовать, может, получится?

— А трогать будешь? Если дотронешься — я тебе палец откушу! А может, и всю руку! — Дракончик щелкнул челюстью так убедительно, что было ясно — откусит, гаденыш...

— Нет. Стой вот так, я постараюсь немного попробовать полечить. У тебя они болят? Или просто не работают?

— Болят... — угрюмо сообщил дракон. — Еще как болят... все время болят. Жаль, мама его не успела убить до того, как он сломал мне крылья. Мы не умеем лечить, вот с камнем работать — да. Или с огнем. А лечить — нет. Ладно, болтаем много, пробуй давай, а то скоро мама прилетит!

Андрей наклонился к дракончику и осторожно, памятуя о его обещании оттяпать палец, дотронулся до ауры существа. Ауры соединились, засветились ярче, как будто подпитанные дополнительной энергией, и Андрей сосредоточился на том, чтобы красные сполохи ушли из ауры дракончика.

Вначале ничего не получалось, но потом ауры начали как бы мигать, смешиваться... в руку Андрея пошла волна боли, и он чуть ее не отдернул, но сдержался и продолжил — наконец багровый цвет с черными прожилками стал уходить, превращаясь в розовый и оранжевый, сияющий свежими оттенками жизни.

Дракончик вздохнул в тишине пещеры и высунул красный язык.

— Ох, как хорошо! У меня ничего не болит, даже забыл, как это бывает! Вот только летать все равно не могу... — Он помахал кривыми крыльями и удрученно добавил: — Все равно урод!

— А пойдем наверх? Знаю-знаю, не трогаю тебя! Просто пошли, я посмотрю, что там с твоими крыльями. Тут я вижу... но по-другому. Я бы хотел увидеть твои крылья при солнечном свете, узнать, что там с ними

случилось и как можно помочь. Не боишься?

— Не боюсь. — Дракончик неожиданно ловко подпрыгнул и уцепился коготками за штанину Андрея, а потом, перебирая лапами, залез ему на плечо. — Я тут поеду. Шагай наверх.

Андрей усмехнулся, поглядывая на мелкую зверушку, отдающую приказы командирским тоном, и пошел наверх, ощущая на спине мешок, раздувшийся от драгоценной чешуи.

«Тут чешуи на полки латников! — думал он. — Гора не менее пяти метров высотой и длиной метров десять! Это сколько же лет... нет, тысяч лет!.. они накапливали эти сокровища? Впрочем, это для нас сокровища, а для них просто чешуя. Вот было бы забавно, если бы гномы собирали наши отстриженные ногти или серу из ушей и считали это величайшим сокровищем! Хорошо хоть дерьмо драконов не считается лучшим средством от импотенции! Хотя откуда мне знать, может, и считается!»

От этой мысли Андрей засмеялся, закашлялся, а дракончик больно вцепился коготками ему в плечо, достав до тела.

— Эй, мелкий, ты там поосторожнее с когтями-то! Расцарапал, демон когтистый!

— А ты не дергайся — я чуть не свалился! И вообще, сам мелкий! Вот увидишь мою маму, узнаешь, какие крупные-то бывают!

Впереди забрезжил свет, ослепивший глаза оборотня яркими лучами, и он стал моргать, нормализуя свое зрение. Зрачки моментально сузились, стали человеческими, и Андрей вышел из темного тоннеля.

— Ты сам слезешь или тебе помочь спуститься? — спросил Андрей, не решаясь дотронуться до дракона.

— Помогай. Только аккуратно. Без резких движений. Поставь меня вот сюда, на камень.

Андрей снял существо, взяв его обеими руками — весил он не больше маленькой кошки, но оставлял ощущение какой-то силы, вряд ли та же кошка или даже собака с ним бы справилась, его тело было как стальной механизм, сгибающийся во всех направлениях. Андрей даже подумал: «Может, они какие-нибудь искусственные создания? Типа искусственные интеллекты в механических телах? Ну где это видано, чтобы живое существо жило столько лет?» Он оставил эти мысли до лучших времен и сосредоточился на драконе.

Дракончик стоял на камне, весело задрав хохолок — что-то вроде гребня на голове, держась за камень крепкими, слегка кривыми лапами, заканчивающимися острыми серпообразными когтями. Андрей подумал, что, вероятно, они очень ловко лазают по скалам и бегать тоже должны

неплохо, если смогут убрать когти — они же должны им мешать бегать?

Дракончик был очень красив — сияющее бирюзовое брюшко, серебристо-серые бока, а сверху темно-зеленый цвет с коричневыми пятнами и полосками — похоже на армейский камуфляж.

Андрей сразу понял, зачем нужна такая раскраска. Бирюзовый цвет — когда дракон в полете, то, посмотрев наверх, потенциальная жертва увидела бы только голубое небо, перед тем как на нее обрушится летающий хищник. Камуфляжный — ну тут понятно: прижавшись к земле, дракон точно не был бы виден противнику, можно было бы пройти мимо него и запросто принять его за камень.

«Ох и красавец!» — подумал Андрей, и, как нарочно, из-за нависших серых осенних облаков вышло солнце и осветило эту «зверушку» — дракон засиял как яркая елочная игрушка, и Андрей замер в восхищении, боясь упустить такое зрелище.

Неожиданно солнце исчезло. «Опять облака! Не дадут полюбоваться!» — с досадой подумал Андрей и только сделал шаг к дракончику, как вдруг тот радостно воскликнул:

— Вот и мама! Мама прилетела! Сейчас я вас познакомлю!

Андрей поднял голову и увидел пикирующий на него объект размером с КрАЗ, нет — с два КрАЗа!

Эта самая «мама» была настроена очень решительно — с вытянутыми вперед лапами, украшенными метровыми когтями, с наполовину сложенными крыльями, она напоминала истребитель-бомбардировщик. Из ее «ноздрей», которые так живо описал Федор, неслась струя огня, точно нацеленная в макушку непрошеному гостю — благо, что он стоял метрах в пяти от дракончика, отступив от него, чтобы полюбоваться этим чудом природы.

Думать тут было нечего, и, переключившись на сверхскорость оборотня, Андрей рванул вниз по склону со всей возможной прытью, которую мог развить.

Дракониха пропахала когтями то место, где он находился секунду назад, сложила крылья и, превратившись уже в сухопутное, бегающее со скоростью буйвола существо, бросилась в погоню, отбрасывая когтями огромные камни и стреляя струей из «огнемета».

Андрей мчался как скаковая лошадь, с ужасом чувствуя, что вот-вот споткнется о камень и она его настигнет. Однако расстояние между ними оставалось прежним, и, петляя как заяц, он спустился с горы, молясь, чтобы не подвернуть ногу, и бросился в сторону стоящих вдалеке спутников с лошадьми.

Напрягшись, Андрей припустил сильнее — на ровной местности ему было легче бежать, чем по склону горы, перепрыгивая через валуны, — расстояние между ним и преследующей его взбешенной драконихой стало увеличиваться, и уже было хорошо видно наемников, запрыгивающих в седла.

Дракониха, видимо поняв, что на бегу достать его не сможет, распахнула крылья, которыми можно было бы, наверное, покрыть футбольное поле, и, тяжело взмахивая ими, понеслась низко над землей.

Андрей этого не видел, он был сосредоточен на том, чтобы не споткнуться о лисью нору или о случайный камень, однако краем глаза заметил, что наемники пришпорили лошадей и помчались прочь, бросив его на произвол судьбы.

Стальные когти схватили его сзади, сжав как тисками, и земля стала уходить вниз. Деревья, прибрежные камни, скачущие наемники все уменьшались и уменьшались, и побережье показалось во всей своей красе с высоты птичьего полета...

Сердце Андрея заглохло, и он попробовал ослабить хватку когтей, кольцом сомкнувшихся вокруг тела, но не смог сдвинуть их даже на миллиметр...

Дракониха сделала вираж и зашла на пике, похоже решив вбить негодяя в грешную землю, как пикирующий бомбардировщик бомбу во вражескую автоколонну.

Уже отчаявшись, предвкушая сброс «бомбы», Андрей обернулся Зверем, извернулся, сдирая кожу с боков, и со всей мощностью своей звериной силы вонзил когти в брюхо драконихи так, что сумел пробить чешую и зацепиться как раз в тот момент, когда она разжала свой захват.

Оборотень повис у нее на животе как огромный клещ, а дракониха трубно заревела и, распахнув крылья, стала выходить из пике, едва не касаясь брюхом склона горы. Наконец ей это удалось, и она заработала крыльями, направляясь в сторону своего гнезда, видимо рассчитывая расправиться с «клещом» уже на месте, Неизвестно почему, но, похоже, она не догадалась попробовать сорвать этого «наездника» тут же, в воздухе.

Андрей ни разу не разговаривал, когда находился в обличье Зверя, потому не знал, сумеет ли его звериное горло выдать членораздельные звуки, однако решил попробовать:

— Эй, Гараскарания, хватит чудить! Давай поговорим! — Получилось хрипло и отрывисто, как будто он лаял. — Я не трогал твоего дракончика, я его лечил!

Дракониха молчала, будто и не слышала.

— Опустим меня на землю, давай все обсудим!

— Молчи! — громыхнул голос дракониhi, похожий на раскаты грома. — Я, по-твоему, куда лечу? У меня от твоих когтей просто зудит все! Не дергайся! Сейчас прилетим...

Сделав вираж, огромное существо приблизилось к площадке, откуда началось бегство Андрея, дважды хлопнуло крыльями, приземляясь, приняло горизонтальное положение на земле и сказало:

— И что бы это значило? Слезай с меня, надоел!

Андрей, сжавшись как пружина, отпрыгнул от дракониhi и приготовился дать деру, если повторится атака.

Уж теперь, в обличье Зверя, он точно не даст ей себя обидеть!

ГЛАВА 14

— Так, объясните, что здесь происходит! — Голос драконихи был холодным и грохочущим, как глыбы льда, отрывающиеся от айсберга и падающие в воду.

— Мам, он меня лечил! Я тебе же кричал, что не надо его трогать, а ты вошла в раж и ничего не слышала! — Дракончик расправил свои убогие крылья и помахал ими в воздухе. — Теперь у меня ничего не болит. Правда, летать я все равно не могу.

— Я бы мог попробовать тебя вылечить, но боюсь, что она меня сожрет! — вмешался Андрей, внимательно следя за движениями драконихи. Как он успел выяснить, Гара могла рвать с места, как гоночный автомобиль, а он не собирался сложить свои кости на какой-то гребаной горе неизвестно в каком мире.

— Да не буду я тебя есть... и вообще, я людей не ем. Я не ем разумного. Впрочем, разве можно такой мусор, как вы, назвать разумным? Но все равно я по привычке вас не ем. Но вот убить — это могу. Ну что вы все претесь в мое гнездо?

— А ты не знаешь? За чешуей, конечно.

— Какой чешуей? — неподдельно удивилась дракониха. — Это вот за этим мусором, что валяется в углу пещеры? Нет, ну вы точно неразумные, надо пересмотреть мое правило вас не есть!

— А то ты не ешь... а куда девались пропавшие люди? Сколько ты загубила за эти годы?

— Убила, да. Но я их не ела. Хотя могла бы. А ты почему с таким осуждением говоришь? Кто моему ребенку крылья сломал? Кто мою девочку изуродовал?! Кто постоянно лез в мой дом, чтобы там пошариться? А? Ты вот — зачем сюда пришел? Поздороваться и пожелать удачной охоты?

— Девочку?! — ошарашенно переспросил Андрей. — Шанти, ты — девочка?! О господи! А я считал тебя мальчиком...

— Ну и что? — обиженно сказал дракончик. — Ну девочка! Дальше-то что? Что, ты с девочками не общаешься, что ли? Зря мама тебя не убила! Все-таки вы, люди, бесцеремонные, наглые, бестактные существа!

— Во-первых, я тебе уже говорил, я не совсем человек. Во-вторых, просто я немного ошеломлен тем, что общался с тобой как с мальчиком. Что такого-то? Я был восхищен твоей красотой, ты прекрасна! Но я думал,

что ты мальчик. Извини.

— Стоп-стоп! Оборотень, а что ты сказал до этого?

— Про мальчика?

— Нет-нет! — Дракониha опустила голову и внимательно посмотрела на Андрея громадными, сияющими глазами цвета бирюзы. — Что там про «господи»?

— Ну я сказал «о господи!» А что такое?

— Это хорошо. Это очень хорошо. Пожалуй, я погожу тебя убивать, надо с тобой пообщаться — ты слишком интересная личность, чтобы так просто с тобой расстаться.

— Ты точно не будешь меня убивать? — осторожно осведомился Андрей. — Я могу тебе верить?

Дракониha презрительно фыркнула:

— Это вы, люди, лжете! А драконы не лгут! Можешь снова становиться человеком, не бойся...

Андрей подумал и решительно перекинулся в свое человеческое тело. Оглядев себя, он с сожалением констатировал, что от его одежды остались одни лохмотья, куски ткани, обрывки и клочки. Все уничтожено при трансформации. Самое печальное, он лишился и сапог — на голых ногах болтались только голенища, остальное разорвано мощными когтями оборотня.

Шанти радостно засмеялась:

— Ну и вид у тебя! Да, в отличие от нас вы никогда не станете красавцами — тебя как будто кто подрал!

— Радостно, да? — угрюмо буркнул Андрей. — Мамочка твоя драла! За то, что я тебя полечил! Спасибо вам, драконы, за щедрость, за благодарность! Еще людей обзываете глупыми и неблагодарными!

— Ну-ну, не зарывайся! — гроыхнула дракониha. — Ну да, произошла ошибка, так и тебя сюда никто не звал! А ты, Шанти, могла бы и пораньше предупредить! Чудо, что я не оторвала голову этому существу! Ты такая беспечная, такая непрактичная — я тебе сколько раз это говорила!

— Сколько? Сейчас подсчитаю... — Дракончик помолчал и объявил: — Каждый месяц на протяжении девяноста девяти лет... итого... итого... много, в общем! Лучше бы ты гнездо устроила там, куда эти двуногие червяки долезть не могут! Вон на нашей горе! А ты зачем-то здесь гнездо сделала! По твоей милости я уродка!

— Там я не могу. Там слишком много воспоминаний... извини, возможно, я и частично виновата, но и тебе не следовало тянуться к первому встречному, который зашел в наше гнездо.

— А чего ты спросила про Господа? — поинтересовался Андрей. — С какой целью?

— Ты веришь в Светлого Бога? Молишься ему?

— Да. А что, не имею права? — насторожился Андрей, готовый пуститься наутек.

— Имеешь. Это очень хорошо, что ты ему молишься. Мы, драконы, ненавидим исчадий, и ты, если бы был исчадием, не прожил бы и секунды. Исчадиям верить нельзя. А ты действительно можешь вылечить мою дочь? Тебе-то можно верить?

— Наверное, да. Можно. Давай вначале я ее осмотрю, а потом уже скажу, можно что-то сделать или нельзя. Как раз этим я и собирался заняться в тот момент, когда ты решила разорвать меня на части!

— Не будем поминать старое... ты тоже меня поцарапал, у меня в четырех местах чешется, зудит все!

Андрей посмотрел на брюхо драконихи и усмехнулся — любое из человеческих существ, в которое оборотень вцепился бы когтями, как минимум было бы исполосовано на ленточки, а у этого летающего танка только зудит! Хорошо иметь непробиваемую броню...

— Ну давай, давай — вылечишь дочь, я тебе буду благодарна!

— То есть ты скажешь мне спасибо и полетишь охотиться на моржей и тюленей? А также на лосей, оленей и косуль, прихватывая по дороге крестьянских коров?

— Не прихватываю я коров, — ворчливо ответила дракониха, — мы стараемся не связываться с человеческим родом и никак его не затрагивать, пока к нам не лезут. Ладно, как я поняла, тебе хочется что-то более весомое, чем словесная драконья благодарность. Что же, я могу это понять. Озвучивай свои условия. Чего тебе надо? Золота? Драконьей чешуи? Что хочешь?

— И чешуя, и золото — это все отлично и вполне нужно, но мне больше хотелось бы иметь возможность общаться с драконами, узнать историю мира, а иногда чтобы ты выполняла мою просьбу — не часто, но, если мне очень понадобится, не отказала бы. Это возможно?

— Хм... возможно, если эти просьбы не будут касаться чего-то, что противоречит моим моральным принципам.

— А что именно противоречит твоим моральным принципам?

— А попросишь — узнаешь, — усмехнулась дракониха, громоподобно хохотнув, что было похоже на гул камнепада. — Вот только ты слишком много болтаешь, и я уже начинаю думать, что ты врешь, умеющий только торговаться за неоказанные услуги. Займись делом.

— Сейчас займусь, — парировал Андрей, — дай только прикроюсь от ветра обрывками того, что раньше было одеждой, а по твоей милости стало драными тряпками!

Он снял с себя остатки рубахи, штанов, куртки, собрал все более-менее пригодные куски ткани и постарался обмотаться ими, сделав из полосок и обрывков подобие веревок — этому дранью надо же было как-то держаться. Посмотрел на ноги, поморщился и обмотал ступни кусками ткани — выглядело, конечно, ужасно, но теперь ноги хоть как-то защищены от холода. Впрочем, на руки ткани на хватило, и они торчали из этой похожей на крапивный мешок «одежды», ничем не прикрытые.

На удивление, целым остался вещмешок за спиной — лямки выдержали, а также не лопнул пояс, на котором висели кинжал и кошелек.

После всех этих процедур по одеванию стало немного теплее, но вообще-то не так чтобы очень — руки у Андрея озябли, и он отогревал их, дыша на них и потирая друг о друга.

— Что, замерз? — громыхнула дракониха. — Иди сюда, сейчас погреешься! — Она усмехнулась и выплеснула струю огня из «ноздрей» продолжительностью минуты три, направив ее в камень величиной с холодильник. — Иди, не бойся — тут тепло!

Андрей подошел — от разогретого до темно-вишневого каления камня исходил равномерный жар. Камень потрескивал, протестуя против такого варварского обращения, и медленно тускнел на холодном ветру.

«Ого! — подумал Андрей. — Это как она сумела такую здоровенную глыбу разогреть до такой температуры? Что-то тут не так... магией пахнет. Впрочем, все равно... хорошо-то как... настоящая печка!»

— Погрелся? Давай к делу! — нетерпеливо переступила мощными узловатыми лапами дракониха. — Потом еще погреешься, давай осматривай!

Подойдя к Шанти, Андрей осторожно обследовал ее спину, крылья, суставы в них, приподняв и расправив жалкие подобию великолепных приспособлений, что сейчас лежали на спине огромной Гары.

Его накрыла волна жалости к дракончику — лишиться возможности летать для дракона все равно как человеку отрубить ноги, даже хуже — еще и выколоть глаза. Это существо должно парить в вышине, наслаждаясь полетом и отдаваясь воздушным потокам, а не сидеть в темной пещере, как крыса.

Он легонько погладил дракончика по спине:

— Бедная ты бедная, что эта тварь с тобой сотворила! Сам бы убил его, лично!

Шанти раскрыла пасть и, обнажив острейшие зубы, больше, чем у кошки того же размера, и похожие на небольшие клинки, зашипела:

— Нечего меня жалеть, сопли проливать! Можешь — лечи! Не можешь — пошел к демонам! Я тебе не убогая крыса, чтобы меня жалеть! Я дракон!

— Ну-ну, не хорохорься, подружка, — сказал Андрей, вытягивая крыло в сторону, — я не хотел тебя обидеть. Мне тебя как друга жалко, и все тут. Честно, не могу понять, как можно было сломать такую красоту!

— Не можешь? — громынула Гара. — Потому ты сейчас и живой! А те, кто мог, — голова валяется вон там, у горы, а ноги у берега. Крабы давно сожрали. Проклятые исчадия! Ты знаешь, что у них считается лучшей жертвой? Принести на жертвенный алтарь дракона! Больших они поймать не могут, так вот и уцепились за маленького, а чтобы не улетел — сломали ему крылья! Хорошо, что я вовремя прилетела. Твари! — Гара провела громадной лапой по скале, на которой сидела, оставив в ней длинные, покрытые белой каменной пылью глубокие борозды. — Тот, кто против исчадий, наш друг!

— В общем, так, — закончил осмотр Андрей. — Ей не были вовремя сделаны операции по восстановлению крыльев, не поставили на место кости, и они, раздробленные, сломанные, срослись абы как, перекрутившись самым немыслимым образом. Я устранил ей боли, но переломанные кости исправить не смог — нужна операция. Посмотрел суставы — они вроде как целы, а кости сложены вдвое, срослись, их надо ломать, выставлять в правильном порядке. Я бы мог это сделать, но у меня нет нужных инструментов, нет ничего. Надо — кусачки, очень острый нож, тампоны, крепкое вино для уничтожения заразы, нитки.

— Ты мог бы это где-то взять? — спросила Гара, задумчиво глядя на дочь.

— Да. Только мне надо попасть в город, туда, где есть лавки. И вообще, неплохо было бы взять Шанти с собой, я бы там и сделал все что нужно. Клянусь, что с ней ничего плохого не случится, пока я жив. Здесь делать операцию нереально — нет освещения, нет условий, может получиться плохо.

— Ты уверен, что в результате операции она сможет летать? Что крылья будут работать? — Гара пристально посмотрела на Андрея своими глубоченными, завораживающими глазами.

— Нет, не уверен, — честно ответил он. — В том, что крылья можно снова собрать, не сомневаюсь. А в том, что она будет летать, — нет. Слишком много времени прошло после того, как она стала инвалидом.

— Ну что же... это вполне честно, — задумчиво сказала Гара. — Ну что, дочь моя, пойдешь с этим человеком? Мне кажется, ему можно верить.

— Да мне надоело сидеть в этой черной дыре и общаться с тобой на расстоянии. Само собой, пойду... хоть мир увижу. — Дракончик фыркнул и переступил лапами. — А если попробует меня обмануть, я ему ноги оторву!

— Это как это ты ноги мне оторвешь, мелкота? — не выдержал Андрей. — Маму, что ли, покличешь? Мама прилетит и накажет, да?

— А сейчас вот попробуем... ты же полечил меня, может, и получится...

Дракончик неожиданно стал мерцать, и из мерцающего облака вдруг материализовалось нечто размером с некрупную лошадь, полностью повторяющее пропорции Шанти. И это нечто сказало сильным, чистым голосом, похожим на звук трубы:

— Ну что, человек, могу я оторвать ноги какому-нибудь негодяю?

Андрей потерял дар речи и только бессмысленно хлопал глазами, потом спохватился и хрипло каркнул:

— Это чего такое?! Это как?! И как я с этим пойду в город? Что за дела?

Гара радостно засмеялась, вернее — загрохотала:

— Молодец, дочка! Сумела! Понимаешь, Андрей, когда дракон вылупляется из яйца, он очень маленький, вот такой, какой ты видел до того мою Шанти, и остается он таким до тех пор, пока сам не сможет искать себе пищу, летать, охотиться. До тех пор его кормит мать. Как только он развивается в достаточной мере, дракончик восстанавливает свое тело в том размере, который должен быть, теперь ты видишь, какая Шанти на самом деле. Она не могла до того перейти в свое нормальное состояние — после ранения и болезни что-то разрушилось в этом механизме, и переход стал очень болезненным, практически невозможным. Конечно, мы пробовали трансформировать ее, она делала много попыток, но после нескольких раз, когда она сутками лежала без сознания, решили оставить эти упражнения. Видимо, ты как-то отладил механизм перехода — и вот результат!

— Это все хорошо, но как она увеличила массу в сотни раз?!

— Я не могу тебе объяснить. Ее тело одновременно находится и тут, и где-то там. Часть, сохранившая пропорции хозяйки, — тут, а основная часть — там. Где там? Я не знаю. Может, знает твой Светлый Бог, но нам это недоступно. Мы просто пользуемся этим, и все. И кроме того, у нас есть еще одна способность. Попробуй сосредоточиться и передать Шанти

образ какого-нибудь четырехногого существа, которого ты хотел бы увидеть. Давай, дочка, как я тебя учила?

Андрей закрыл глаза, сосредоточился и передал Шанти образ черной кошки — зеленые сияющие глаза, мягкие лапы, хитрая морда, белые «носочки» и белая манишка на груди. Открыл глаза и вытаращился на то, что сидело перед ним, — эта же кошка, только громадная, с лошадь величиной!

Потом кошка замерцала и стала обычного для этих животных размера, хитро поглядывая на человека.

— Это вы что, можете любой облик принять? — ошеломленно спросил Андрей. — И людей тоже?

— Людей — нет. Мы бы резко отличались от людей, нас сразу бы разоблачили — мы не привыкли ходить на задних ногах, да и других отличий много, а вот животные — другое дело, люди мало обращают внимания на неразумных существ, если только не хотят их съесть. Ты бы отличил чужую кошку от другой такой же чужой? То-то же...

— А еще что-то есть, чего я не знаю о вас, и какими способностями вы обладаете?

— Ну конечно, сейчас я выдам тебе все наши секреты! — усмехнулась дракониха и уже серьезно сказала: — Бери мою дочь, сажай на плечо и полезай мне на спину. Мешок свой с мусором не забудь. Куда тебя довезти, в какой город?

— Давай в столицу Славии — я кое-какие дела завершу и твоей дочерью как раз займусь... Только один вопрос еще: скажи, а много драконов вот так, под видом животных бродят среди людей?

— Не твое дело. Когда-нибудь узнаешь, но не сейчас. Давай-давай, не мешкай, забирайся на спину!

Дракониха опустила крыло, и Андрей, закинув за спину мешок, посадив на плечо весело поблескивающую глазами Шанти, взбежал по этому «подиуму» на широкую спину фантастического существа. Осмотрелся и решил усестись у нее ближе к шее, где торчал гребешок, там можно было спустить ноги вниз, да и к тому же держаться за гребень. Поерзал, прилаживаясь — не дай бог ветром скинет, — и сказал:

— Готов!

— Передай мне мысленно картинку, куда ты хочешь попасть!

Андрей представил карту, на которой отметил столицу Славии — Гаранак, и открыл глаза.

— Увидела?

— Увидела. Держись!

Это было похоже на взлет тяжелого бомбардировщика — многотонная машина стала разгоняться, поднимая громадными крыльями тучу пыли и песка, отбрасывая камешки, потом прыгнула с края площадки на вершине горы и понеслась над землей, медленно и плавно взмахивая крыльями.

У Андрея от восторга захватило дух — картина потрясающая: внизу проплывала земля, уходя все ниже и ниже, а по сторонам, мощно завихряя воздух, колыхались два огромных полотнища, окрашенные в камуфляжный цвет.

Он задумался — как такая громадина может летать? Чтобы поднять такой вес, нужно невероятное количество энергии, крылья еще огромнее, чем эти, и то вряд ли такой живой бомбардировщик поднимется в воздух.

Поразмыслив, пришел к выводу — если драконы умеют прятать образ своего тела в подпространство, почему туда же не отправить свой вес? То есть образу автоматически придается процентов восемьдесят веса тела, и тогда «летающая крепость» фактически будет почти невесома! По-хорошему, они могут быть вообще легче воздуха! А при охоте, к примеру — в пикировании, вес увеличивается, уменьшаясь в момент выхода из маневра.

Вот он, секрет драконов, вот как они могут подниматься в воздух, и, если хоть как-то восстановить Шанти крылья, чтобы они могли бы ее нести, она точно сможет летать! Ей нужно будет всего лишь уменьшить вес — и вот он, дракон, король воздуха.

Дракониха разгонялась все сильнее, свистел воздух, вспарываемый огромным, обтекаемой формы телом, норовя сорвать человека с магического существа, и Андрею пришлось вжаться в шею Гары. И только Шанти все было нипочем — она забралась на спину Андрея, выпустив когти, вцепилась в остатки его одежды, и, пустив хвост по ветру, с горящими глазами стояла и смотрела вперед, довольная, как девчонка, получившая на день рождения куклу Барби.

«А не поговорить ли мне с драконихой, пока мы летим? — подумал Андрей. — Только я, в отличие от нее, не могу без должной тренировки мысленно передать ей слова, мне надо говорить вслух. А то, что мои слова унесет ветер, — это ничего не значит, слова служат только для того, чтобы облечь мои мысли в нужную оболочку. Конечно, дракониха довольно скрытна и не все рассказывает, но это и понятно — с чего вдруг она будет доверять людям? Однако я не человек... ну почти не человек. Уж драконам-то точно должен быть известен порядок вещей в этом мире. Лететь еще долго, не меньше пяти-шести часов. Главное — не околет во время полета... очень, очень холодно. Если бы не моя сущность оборотня, я бы

уже обморозился, сидя на этом небесном скакуне. Хорошо хоть гребень немного прикрывает от ветра...»

— Гаракарания! Можно, я с тобой поговорю, пока мы летим?

— Гараскарания! Лучше Гара — меня раздражает, когда мое имя коверкают.

— Извини... Гара. Так можно, я поспрашиваю тебя, узнаю кое-что о твоём мире?

— О моём мире? А разве это и не твой мир тоже?

— Нет. Я оказался здесь случайно и не знаю, как это произошло и, самое главное, зачем.

— Ты меня удивляешь все больше и больше! Расскажи мне, кто ты и откуда, а потом я удовлетворю твоё любопытство. Мы, драконы, тоже очень любопытны — в общем-то это наше единственное развлечение, кроме охоты...

Андрей начал свой рассказ и закончил его через полчаса — он вкратце описал то, что с ним происходило с тех пор, как он попал в этот мир, и рассказал, откуда он сюда попал, умолчав на всякий случай о том, кем был на Земле, сказал, что просто воином. Кто знает, как отреагирует дракониха на его откровения по поводу работы наёмным убийцей...

Выслушав рассказ, дракониха минут пять молчала, затем с различимым оттенком благодарности сказала:

— Ты доставил мне удовольствие своей историей и заставил задуматься о множественности миров. Это интересно. Что ж, ты заслужил ответной услуги — спрашивай, о чём могу, я тебе расскажу.

— Откуда взялись драконы?

— А откуда взялись люди? — усмехнулась дракониха. — Наверное, Бог создал. Теорий много, как и о происхождении мира, самое главное, что никто ничего не знает.

— Хорошо. Спрошу по-другому: как живут и размножаются драконы?

— Ох ты какой... может, тебе ещё интимные подробности размножения рассказать? Я детям такие вещи не рассказываю! — рассмеялась дракониха. — Ладно. Самка дракона носит в себе оплодотворенное яйцо, а потом откладывает это яйцо в укромном месте и ждет, когда из него вылупится злущее, вредное и непослушное существо, которое никогда не слушает маму и делает все по-своему!

— Ну не такое и вредное и злущее! Уж не злее мамочки! — обиженно вмешалась в разговор Шанти. — Какая мамочка, такое и существо! И не стыдно дочь позорить при каком-то там человеке? Вообще с тобой разговаривать не хочу!

— А кто тебя вообще просил вмешиваться в разговор? Сиди там и молчи — мама разговаривает! Ох уж эти невоспитанные дети! Ты тоже был таким невоспитанным, Андрей? По вашим меркам тебе уже прилично лет, взрослый, это по нашим меркам ты почти яйцо...

— Да все дети такие... а я вечно то окно разобью в школе, то в огород к кому-нибудь залезу, то устрою взрыв из подручных средств — в общем, хулиган был тот еще...

— Хе-хе... вот вы с моей дочей и нашли друг друга — два хулигана! Вечно не слушается, это ведь она потащилась к тому, кто ее изуродовал, любопытство ее заело. Хотя я сто раз ей говорила, что к людям подходить нельзя! Молчи, Шанти, даже слушать не хочу! В общем, дальше рассказываю: яйцо обычно хранится в укромном месте, прохладном, с постоянной температурой. Иногда проходит месяц, пока детеныш вылупится, иногда и полгода — зависит от его созревания в утробе матери. А в утробе яйцо носится несколько сотен лет... Да-да, мы размножаемся так же долго, как и живем. Убить нас трудно, и умереть нам трудно, но каждый детеныш для нас это чудо, иногда — единственное за всю жизнь. Никто не знает, почему так происходит, просто прими как факт. Нас мало на этой земле — несколько сотен. Это то, что осталось от великого народа, когда-то владевшего этим миром. Мы слишком долго живем и слишком плохо размножаемся. Драконы видели, как дикие существа, живущие в пещерах, превращались в цивилизованных людей... как образовывались и умирали империи... мы очень, очень долго живем. Настолько долго, что уже потеряли смысл жизни и интерес к ней. Если бы не Шанти, я бы тоже, может быть, где-нибудь в пещере впала в спячку и заснула бы до смерти... ну да ладно, хватит о нас! Есть более интересные темы, чем вымирающая раса драконов!

— Да. Извини, что задел тебя за живое. Меня интересует главный вопрос — что такое исчадия и откуда они взялись? Уж вы-то, драконы, должны это знать!

— Ну-у-у... мы тоже не всезнающие. Просто при нашем долгожительстве многое видим и много запоминаем. Итак, исчадия. Люди, которые обладают особыми свойствами — умеют убивать словом, взглядом и еще что-то там умеют, но вот про убийства — это точно. Рассказываю: несколько сотен лет назад, по-моему, около пятисот, драконы ощутили напряжение, всплеск магического пространства... Ну как бы тебе это сказать... Мы ощущаем, когда полотно пространства рвется, когда происходят в мире какие-то мощные процессы... Вот как извержение вулкана — оно мощное природное явление, взвихряющее и пространство

магии, и какие-то концентрации паранормальных явлений, вроде куч шаровых молний и чего-то подобного... В общем, мы ощущаем все то, что выходит за пределы обыденности, ну вот такая наша суть — мы сами связаны с подпространством, как ты уже знаешь, и чувствуем его колебания. Возможно, что и твое появление было замечено, оно тоже дало всплеск в пространстве, уверена. Но это было другое — как будто здешнее пространство кто-то разорвал, вспорол, в нем образовалась дыра. И вот — в мире появился новый игрок, Саган. Что это такое? Бог? Демон? Не знаю. Но эта сущность явилась сюда из другого мира. Он может наделять определенных людей силой, позволяющей выделиться в этом мире, способной убивать, творить Зло. Питается он, как бы сказали люди, душами, то есть эманацией, информационным полем, которое выходит из человека во время его смерти. Саган не существо, это что-то вроде чистого информационного поля, всасывающего все души, что он может поглотить. Вот исчадия и занимаются тем, что поставляют ему новые и новые души. То есть — убивают. Но, похоже, он не может выпивать души всех умерших, а только тех, кого убили исчадия. Надо при этом, чтобы исчадие находилось в непосредственной близости от убитого. Наиболее, так сказать, питательны души младенцев, чистых людей — не замутненных злом, а еще — драконов! Были случаи, когда детенышей драконов захватывали и убивали на алтаре — после такого убийства само пространство колыхалось, грозя разрывом, — такое впечатление, что Саган пытался прорвать его, чтобы впустить себе подобных. Мне кажется, он суть энергетический вампир, разумный и жестокий. Они, саганы, опустошают миры — разорвав пространство, запускают своего эмиссара, тот подготавливает мир к вторжению, и в пробитую дыру лезут толпы таких саганов, можно назвать их демонами — сжирают мир и ищут новый, целый, свежий... Кстати сказать, возможно, после этого мира они примутся за твой мир. Вот примерная картина.

— Погоди, из рассказанного тобой ясно, что мир живет на грани катастрофы, — неужели тебе и остальным драконам это не видно? Неужели вам не хочется изгнать Сагана из вашего мира, неужели вам не жалко мир и себя самих?

— Мы уже устали жить... мы слишком зажились. А люди... ну что нам люди? Бабочки у огня... полетели, вспыхнули и исчезли. Ты вообще представляешь, насколько я старше тебя? Ты можешь представить, когда возраст измеряется не годами, а тысячелетиями? Мой год — ваша тысяча лет. Ты на мои годы — даже не яйцо, ты еще зародыш. Ну как можно жалеть зародышей? Непонятно, будут ли они детьми или нет, чего их

жалеть? — так думает большинство драконов. Но не я. Думают по-другому те, у кого есть дети, пусть даже и такие непослушные и вредные, как кое-кто... — Дракониha хмыкнула и весело продолжила: — На мой взгляд, единственный способ пока что сдержать, а то и остановить Сагана в попытках накопить энергию для прорыва пространства — уничтожить всех исчадий. Это они, как насос, вытягивают и передают ему энергию. Существует такая теория, что, будучи лишен подпитки, Саган сам загнетса, сдохнет без всяких военных действий против него. Его надо лишить еды.

— Так за чем дело стало? Почему бы драконам не организовать и не уничтожить исчадий? При вашей броне, при вашей силе — да кто вас остановит?

— Остановить можно. И еще у нас есть договор — мы не вмешиваемся в дела людей. Этот договор был заключен очень давно, когда мы еще сотрудничали с людьми и участвовали в их войнах на чьей-либо стороне. После этого нас осталось многократно меньше. Мы убивали друг друга... и людей. В договоре сказано, что мы никогда и ни при каких обстоятельствах не будем вмешиваться в дела людей, участвовать в их войнах на стороне кого-либо из них. За исполнением договора строго следили, драконов, которые нарушали его, бывало, даже казнили. Вот так вот. А убить исчадие — значит, убить человека. А человека можно убивать, только если он угрожает твоей безопасности или выказывает агрессивные намерения — например, лезет в твой дом за мусором.

— погоди! Давай так рассудим: убивая исчадий, ты убиваешь не людей! Это уже фактически не люди, а насосы для перекачивания энергии своему хозяину, который угрожает существованию этого мира! Так почему тогда не отказаться от этого договора в отношении исчадий?

— По логике ты прав, а формально? Формально — они люди, а мы не можем по своему разумению перекраивать договор! Он или есть, или его нет! В отличие от вас, людей, с вашими хитрыми ходами и приемчиками, с вашей гибкостью, мы или выполняем договор, или расторгаем его навсегда. А вот расторгнуть его пока что никто не готов.

— Гара, но ведь погибнут все — и ты, и Шанти, и все, что есть живого в мире! Неужели нельзя расторгнуть этот договор, когда жизни всего сущего угрожает смерть? Подумай сама.

— Я согласна с тобой, но наши старейшины говорят другое: нам нет дела до мира и до людей... и, если пришло время умереть, мы умерем.

— Вот ерунда какая! Ну почему такое упорство?! Неужели все у вас такие тупоголовые, как ваши старейшины?

— Не все. Но воевать между собой мы не готовы. Если пойти против

старейшин — будет война, в которой погибнут многие, многие драконы, а нас осталось так мало... В общем, надо думать. Я буду обсуждать это со своими друзьями. Ты дал мне интересную информацию, я поделюсь с ними, и мы поговорим, имеем ли мы право оставить без помощи этот мир и еще множество миров, твою Землю, например. Не будем пока это обсуждать. Еще что-то спросить хочешь?

— Хочу. Ты будешь мне помогать в моей войне с исчадиями? Не убивать их, не гоняться по стране за ними — просто сделать то, что я прошу, например, отвезти куда-то. Вот как сейчас. Или дать совет, поделиться знаниями... Это возможно? Прямого нарушения договора в этом нет. И еще — вы, драконы, можете обмениваться мыслями на расстоянии, как я понял. Это так?

— Можем. Но это смотря какое расстояние, к тому же с близкими, как я с дочерью, мы можем разговаривать на очень большом расстоянии, с чужими драконами — на гораздо меньшем. Что касается твоего главного вопроса, я пока не готова ответить. Вернемся к нему позже. Отвезти я тебя отвезу — вот, дочери поможешь, она с тобой рядом будет, скажешь ей то, что тебе от меня надо, она меня и позовет. А ей полезно походить по миру, засиделась там в этой дыре... давно меня просила вывести в мир, но куда ей идти — больной, беззащитной? А теперь совсем другое дело. Ты там как, жив еще? Окоченел? Может, спустишься погреешься? Не хотелось бы, чтобы ты раньше времени умер.

— Честно говоря, я того и гляди превращусь в кусок льда! Знаешь, давай так сделаем — завидишь большую деревню, спустишь в лес возле нее и спрячешься, чтобы не видать было, а я схожу в деревню, куплю одежды, да и поесть надо — у меня ускоренный обмен веществ, я сейчас просто умираю от голода, аж трясет. Поохочусь или в деревне что-то куплю... ты извини, что я тебя задерживаю остановками, отнимаю время...

— Хе-хе-хе... чужак! Что значит для дракона, живущего десятки тысяч лет, какие-то несколько часов? Смешной мальчуган... Спускаюсь. Держитесь крепче.

Дракониха заложила вираж, и Андрей, с трудом держащийся за гребешок оледеневшими руками, с ужасом обнаружил, что его стаскивает в сторону, и, как мог, вцепился в гребень. Для себя решил — впредь, если соберется лететь на драконе, только с веревкой, наподобие упряжи, хватит таких безумных полетов. Надо было сразу сообразить, что он не долетит до места назначения без нормальной теплой одежды, без еды.

Наконец его мучения закончились — покружив, дракониха выбрала удобную поляну и после нескольких взмахов крыльев, взбив вихри желтых

еловых игл и опавших листьев, утвердилась на сочной траве.

— Иди. Вон в той стороне, в пятнадцати минутах ходьбы человеческим шагом большая деревня, домов двести или больше. Я буду ждать тебя здесь. Шанти, ты с ним пойдешь?

— С ним. Насиделась уже на месте...

— Вначале поесть — мне надо много энергии, я истощен. Я оставлю возле тебя мое барахло, хорошо?

— Оставляй. Никто не увидит.

Андрей разделся догола, дрожа от холода, сложил вещи под лапы драконихе, раздумывая над словами «Никто не увидит». Что бы это значило? Он перекинулся в Зверя, сразу почувствовав себя хорошо и уютно — теплая шкура прикрывала от холода, грела. Вот только есть хотелось неимоверно.

Сделав несколько прыжков, он оглянулся... и не увидел Гары! Она исчезла! Андрей пошел в направлении того места, где она сидела до этого, и уткнулся в ее бронированный бок.

— Так ты тут?! Я уж испугался — куда делась?

— Мы умеем маскироваться, — равнодушно сказала дракониха, и Андрей понял, что комментарии не будет. Ну что ж, не будет так не будет.

Он повел носом по ветру и где-то далеко учуял запах оленя — похоже, тот пил воду, так как чувствовался еще и запах тины и болота. Зверь рванулся вперед, как гоночный автомобиль, и тут же почувствовал, как какое-то маленькое существо впилося ему когтями в загривок.

— Без меня решил охотиться?! Нет уж, я тоже есть хочу! Гони вперед! Чего ты нога за ногу плетешься?! — Шанти выгнулась дугой и сидела на спине мчащегося Зверя как маленькая черная ведьма.

Андрей только хмыкнул, продолжая лететь сквозь чащу леса и в глубине души мстительно надеясь, что эту чертовку собьет какая-нибудь ветка — тогда, может быть, у нее поубавится спеси и вредности.

Олень, видимо, учуял, что по его следу бежит стремительная смерть, но поздно — уйти от Зверя ему не удалось. В несколько длинных прыжков догнав оленя, оборотень полоснул когтями по сухожилиям задней ноги, а потом бросился на упавшее животное и перекусил горло.

Чувствуя, как с живой, теплой кровью, полившейся ему в глотку, возвращается тепло и энергия, Зверь радостно и торжествующе заурчал, на миг полностью став Зверем.

Наконец судороги умирающего оленя прекратились, поток крови иссяк, и оборотень приступил к трапезе — вырвал огромный кусок из ляжки добычи и стал поглощать свежее мясо.

— Оторви мне кусок, не будь таким жадюгой! — слышался рядом голос, и обернувшийся оборотень увидел кошку, безуспешно пытающуюся пробиться к мясу через толстую кожу животного. — Оторви повкуснее, а лучше печень давай! Я люблю печень!

— Кто ее не любит-то, — рыкнул оборотень, но послушно разодрал брюхо жертвы и когтистой лапой вырвал лакомый орган.

— Вот, другое дело! — мурлыкнула Шанти, жадно поглощая кровавые куски. — А то мама пока донесет мясо, оно всегда остывает, уже не такое вкусное, а тут свежачок! Мог бы, правда, и помоложе оленя убить — у молодых печень вкуснее!

Оборотень рыкнул, сверкнув глазами, а Шанти успокаивающе фыркнула и сказала:

— Ладно-ладно, сойдет и такая... от тебя все равно ничего лучше не дождешься... буду есть то, что есть.

Последние куски Зверь доедал спокойно, лениво пережевывая и хрустя мозговыми костями. Живот был полон, и олень уже настойчиво просился наружу.

— Эй, мелкая, не ходи за мной! Мне тут надо... — Андрей потрусил в кусты, бормоча под нос что-то вроде: «И не спрячешься никуда! Прилипала!»

— Да ладно! — фыркнула Шанти и потерла лапой окровавленный нос. — Что, вы как-то это делаете по-другому, чем мы? Вообще, вы, люди, слишком много внимания уделяете условностям!

— Зато ты никаких условностей не признаешь! — нутужно крикнул из кустов Андрей. — Наглая, как танк!

— А чего такое танк? — удивленно спросила Шанти.

— Это что-то вроде наглого дракона — плюется огнем, весь в броне и грохочет, как твоя мама!

— Интересно было бы познакомиться... — задумчиво протянула дракошка. — Всяко он точно поинтереснее тебя и поумнее.

Она встала возле недоеденных остатков оленя и справила нужду на глазах подходящего Андрея.

— Ну что, еще поохотимся? Мне понравилось!

— Фу-у-у... бесстыжая. — Андрей укоризненно покачал головой. — Отойти в сторонку нельзя было? Я теперь это доедать не буду! Еще надо что-то поймать, надо восстанавливать энергию. А может, и хватит, — задумчиво добавил он, — может, чего-нибудь в деревне купим. Ладно, пошли в деревню, ты мне весь аппетит отбила своими естественными отправлениями! Вот уродится же такая невоспитанная дракониха!

— Фу-ты, какие мы нежные!.. — презрительно прошипела Шанти. — Посидел бы с мое в пещере, я бы тебе сказала тогда о твоём воспитании! На себя бы глянул — жрешь, чавкаешь, давишься! Видел, как я аккуратно кушала? Учись, человечиска!

Зверь рыкнул на наглую зверушку и вошел в ручей, смывая ледяной водой налипшую на лапы и морду кровь — за ним по течению сразу вытянулась длинная розовая полоса, а мелкие рыбешки начали подхватывать кусочки запекшейся крови, покусывая его за лапы и шныряя вокруг стайками.

Глядя на это круговерчение рыбок, он неожиданно подумал: «Вот так всегда — вокруг крови вертится много-много жадных, голодных рыб, питающихся ею. Чем я-то лучше того же Сагана? Тем, что хочу сожрать не весь мир, а только его часть — например, оленя?..»

Он отругал себя за такие мысли, выскочил на берег, по-собачьи встряхнулся и помчался в лес, не обращая внимания на бегущий сзади и злобно вопящий в его адрес комок черной шерсти — вслед неслось что-то о неблагодарных человечисках и неприятных типах, из-за которых теперь будут болеть нежные лапы дракона.

Выбежав на знакомую поляну, Андрей попросил:

— Гара, кинь, пожалуйста, мне мои вещи, чтобы не искать на ощупь.

Из пустоты вылетел узел с так называемой одеждой, пояс с кинжалом и кошельком, а также вещмешок. Андрей поблагодарил и сказал, что мешок пока не возьмет — в деревне с ним делать нечего. Из пустоты протянулась когтистая лапа, и мешок исчез, утянутый куда-то в небытие.

Андрей сделал себе заметку — надо будет поподробнее расспросить дракониху о том, как это делается, забавная штука! Видимо, что-то вроде искривления лучей света и замыкания их в кокон — в жизни может пригодиться... если сумеешь сделать.

Он еще не успел перекинуться в человека, когда на него взлетела разъяренная кошка и, вцепившись в шкуру, стала драть, приговаривая:

— Вот тебе, поганец, чтобы помнил, как меня бросать одну в незнакомом лесу! Как посмел меня бросить, негодяй?!

— Эй, отстань! — Андрей наотмашь легонько отпихнул Шанти, и она отлетела в сторону. — Гара, у вас практикуются телесные наказания для непослушных детей? Вы их порете или они так и вырастают такими вот пакостниками?

Из пустоты раздался громовой хохот Гары — конечно, он возник в голове Андрея, но казалось, что смеется сама Пустота:

— Надо бы перенять опыт ваш, людской, может, такие вот драконишки

научатся хорошим манерам! Вот, Шанти, Андрей — воспитанное существо, говорит «пожалуйста», «благодарю», а ты что? Хотя раз поблагодарила меня? Только и ноешь — мясо старое, кость толстая, печенка несвежая!

Шанти взвыла и минут пять рассказывала, где она видала людей с их вежливостью и хорошими манерами. Некоторые места были совершенно неожиданные и экзотичные — имеющиеся только у драконов.

Пока шла перепалка, Андрей успел намотать на себя тряпье, с тревогой размышляя, как он будет выглядеть, когда войдет в деревню, обмотанный этими тряпками, как мумия фараона, и с черной кошкой на плече. Не возьмут ли его на вилы добрые крестьяне?

Нацепив пояс, он определился с направлением и зашагал, уклоняясь от еловых лап и следя, чтобы не наступить на какой-нибудь острый сучок — он почти разут, не хватало еще ногу пропороть. Черная бестия взобралась ему на плечо и мурлыкала, как взаправдашняя кошка, но время от времени с наслаждением выпускала когти, чтобы носильщик драконов не забывал, кто тут главнее, и не чувствовал себя обделенным вниманием.

Через пятнадцать минут, как и обещала Гара, показались первые избы, стоящие вдоль лесной опушки, крытые соломой и побеленные известкой, как украинские избы с картинок о дореволюционной России.

ГЛАВА 15

Андрей шел по деревенской улице, как ковбой в вестерне. Из дверей и окон высовывались люди, вначале они вытаращивали глаза, потом исчезали, и рядом появлялись новые лица — тоже ошеломленные явлением на улице непонятного мужика, обмотанного тряпками, с кинжалом на поясе и черной кошкой на левом плече.

Встреченная им женщина с коромыслом вскрикнула и, уронив ведра, выплеснувшие прозрачную влагу в дорожную пыль, встала столбом и уставилась на странную парочку, зажав рот покрасневшей от воды и холодного ветра рукой.

Андрей остановился и сказал как можно более дружелюбно:

— Приветствую вас, уважаемая! Скажите мне, где тут лавка, в которой продают одежду? На меня напали разбойники и отняли все имущество, вот, нужно одеться.

Женщина молча показала куда-то направо, и, оглянувшись, Андрей увидел поодаль большой двухэтажный дом — отсюда не было видно, что там находится, но по опыту он знал, что в таких домах как раз и располагаются местные «бутики».

Развернувшись, он пошел в указанном направлении, сопровождаемый легкой паникой в рядах аборигенов. Через десять минут он уже подходил к дому, на котором имелась вывеска «Товары на любой вкус от Анупеля».

Надеясь, что Анупель приготовил товары и на его вкус, Андрей поднялся по крутому крыльцу с двумя спусками, направо и налево, решительно толкнул дверь и, приветствуемый звоном колокольчика над входом, шагнул в теплое нутро лавки. Здесь пахло конфетами, парфюмерией и пряностями, каким-то чудом попавшими в этот забытый всеми уголок империи.

— Я ей и говорю: она только что отелилась, а ты ее гонишь... — Мужчина за прилавком замер, не закончив фразу, и вытаращил глаза, увидев непонятную фигуру. Его взгляд скользнул к поясу вошедшего, упал на кинжал, и он попятился к служебному входу, видневшемуся за мешками с сахаром и крупой.

Андрей сделал «чи-и-из!» — его белоснежные зубы сверкнули в сумраке лавки, но ласковая улыбка возымела противоположное действие, и хозяин лавки вовсе бросился наутек, видимо считая, что пробил его последний час.

Он запутался в мешках, упал, обрушив на себя гору деревянных ящиков, и, пытаясь подняться, теперь повизгивал на полу, скребя ногами, как краб, выброшенный прибоем на берег.

Второй мужчина побледнел и пятился до тех пор, пока не прижался спиной к потрескивающей поленьями печи, стоявшей посередине торгового зала.

— Не убивай, леший! Не убивай! У меня дети, не надо, не трогай!

— Да вы охренели, что ли?! — рассердился Андрей. — Какой я вам леший, к демонам?! Я путешественник, меня по дороге ограбили, вот спасся в чем был, истрепался по дороге, вышел на деревню — хочу купить одежду и еды! Чего вы все тут, очумели, что ли? Шарахаются от меня, как от демона! В этом селе что, все такие придурки?

— Ох, как ты меня напугал... я чуть не обделался! Давно такого страха не терпел! — Мужчина у печки облегченно вздохнул и присел на табурет, скинув с него какой-то ящик. — Анупель, хватит там визжать, это покупатель пришел! Ох, демон, ну ты и нагнал страху... по деревне-то все попрятались, не иначе... гляди, сейчас соберут ополчение, придут тебя из лавки выкуривать огнем. Анупель, да вставай, что ли!

— Ты мне поясни, что за разговоры про лешего? — недоумевающе спросил Андрей. — Что за леший такой? Чего это меня за него принимают?

— Ты что, не слыхал про леших? Существо такое — днем он человек, а ночью, как зверь, бродит по лесу. Намедни соседскую девчонку убил в лесу — спортил ее и горло перегрыз. А пять седмиц назад мальчишку убил — нашли голого, все хозяйство оторвано, глаза выколоты. Все боятся в лес ходить — ни грибов собрать, ни шишек. Видали следы возле домов — он уже вокруг деревни шастает! Все в страхе! Вот тебя и приняли за лешего. Анупель! Ну ты и смельчак, однако! Да вылезай ты оттуда — человек одежду купить у тебя хочет, вишь, поизносился! Ты, парень, аккуратнее, покупай скорее и уходи, а то правда сейчас толпа соберется — растерзают, потом доказывай, что ты не леший!

— А деньги-то у него есть? — Хмурый лавочник вылез из-под прилавка и угрюмо отряхивал рубаху, украшенную вышивкой у воротника. — Бесплатно ничего не бывает!

— Меня-то чего спрашиваешь? — хохотнул мужчина. — Ты у него спроси. Или боишься лешего-то?!

— Да пошел ты, Гармаш, сам-то чудом не обделался, подхихикиваешь еще... Штаны у себя проверь — слыхал я, как ты говорил насчет обделаться! Тебя еще обнюхать надо, может, уже все готово! — Лавочник подмигнул Андрею и уже спокойнее продолжил: — Так что, парень, есть

чем заплатить-то? Видок-то у тебя неважнецкий, не похоже, чтобы ты в шелка мог обрядиться.

— Ну шелка не шелка, а на добротные штаны, рубаху и сапоги точно хватит. Покажи мне, что есть в наличии. Нужно теплую рубаху, крепкие штаны, исподнее, теплые шерстяные носки, сапоги лучше охотничьи, с мягкой подошвой, шапку, если есть, вязаную. Куртку можно кожаную или замшевую, рукавицы или перчатки. Еще из съестного чего-нибудь — копченого мяса, конфет.

— Ты деньги-то вначале покажи! — насторожился лавочник. — Хотеть-то много чего можно! Какой прок мне лазить по складу и искать тебе товар, когда ты расплатиться не можешь?

Андрей шагнул к прилавку, достал из-под лохмотьев полный мешочек размером с его кулак и высыпал на прилавок часть монет, тускло светившихся желтизной настоящего золота.

— Достаточно? Или опять какие-то расспросы будут?

Он снова ссыпал монеты в мешочек и привязал его к поясу.

— Анупель, вот никогда у тебя не было чутья, — усмехнулся Гармаш. — Парень твою лавку скупить может под корень, а ты тут представление устраиваешь! Ищи давай ему барахло, да поскорее — глядеть на него страшно в этом тряпье!

— А может, оно у него колдовское, золото-то? Дотронуться до него серебром надо, может, оно вообще не золото? — окрысился лавочник. — Ты слишком много болтаешь, Гармаш! Язык у тебя без костей!

— Без костей и есть, а у тебя что, рыба кость в нем застряла? Или куриная? Ты глаза-то раскрой — среди золотишка серебро было! Как может в одном кошельке быть и магическое золото, и серебро? Это же и ребенку известно!

— Все умничаешь? Ладно, парень, вот тут смотри, подбирай себе чего надо. Если размер не подойдет, я тебе со склада принесу. А монеты я все равно проверю — своим серебром! Мало ли тут вас ходит! Оборванцев!

Андрей пожал плечами, чем вызвал неудовольствие Шанти, нервно переступившей лапами и побольше выпустившей коготки, затем прошел в указанный ему угол за печкой, завешанный всевозможной одеждой.

Перебрав несколько вариантов, он выбрал три рубахи и столько же пар штанов, носков, исподнего. Куртку решил взять простую суконную, памятуя о существе, сидевшем у него на плече и любящем запустить туда когти, — после нескольких подобных процедур кожа куртки точно превратилась бы в лохмотья. Сапог ему по размеру не нашлось, и лавочник пошел на склад, откуда и вернулся минут через пять с нужной парой.

Примерив, Андрей отсчитал положенную сумму, а лавочник с мстительным выражением лица потыкал в каждую монету своим серебряником, а потом еще и надкусил все под насмешливым взглядом Гармаша.

— Можно, я тут переоденусь?! — спросил Андрей, разглядывая кучу вещей, лежащую перед ним. — И еще — у вас есть какой-нибудь вещмешок, чтобы сложить все это?

— Есть мешок, — недовольно ответил Анупель, — старый, но крепкий. С тебя серебряник за него! Переодеваться тут, конечно, нежелательно, это не мойня, чтобы тут нагишом бегать. Ну что же с тобой делать, вон туда зайди, за занавеску. А я потом проверю, не упер ли чего!

Андрей осторожно снял с плеча Шанти, поставил ее на прилавок — нервно бьющую хвостом и очень недовольную всем, впрочем, как и всегда, и пошел в противоположный угол зала — там хранились метлы, ведра, тряпки, укрытые от глаз покупателей занавеской.

Сбросив с себя надоевшее тряпье, он с наслаждением надел чистую, крепкую одежду, сапоги, натянул вязаную шапку и, уже готовясь выйти, услышал шипение и вопль. Выскочив из-за занавески, увидел, как Анупель трясет окровавленной рукой, с которой скатываются красные капли, а Гармаш у печки смеется, схватившись за живот, как будто от острой боли.

Андрей непонимающе оглядел присутствующих и спросил:

— Чего случилось-то?

Гармаш сквозь всхлипывания, перемежающиеся приступами хохота, пояснил:

— Анупель-то... ха-ха-ха... решил твою кошку забидеть... хо-хо-хо... скинуть с прилавка... а она его не залюбила... хе-хе-хе... ка-а-ак тыпнет его за руку! А потом лапой ка-а-ак врежет ему по морде! Он аж в стенку улетел! Вишь, теперь руку баюкает! Ну и зверь у тебя кошатина! Не любит чужих рук, видать!

— Не любит, — усмехнулся Андрей и мысленно обратился к Шанти: «Ну ты чего, потерпеть не могла? Ну скинул бы и скинул! Вот теперь жди неприятностей!»

«Ни одна человеческая скотина не будет трогать меня без моего разрешения! — яростно выдала ему Шанти. — Пусть радуется, что я ему голову не оторвала!»

«Вот только этого нам еще не хватало! Давай сдерживай свои дурные манеры, когда мы будем жить среди людей! И вообще сдерживай! А то я сам тебе трепку задам!»

«А сумеешь?» — обманчиво ласково промурлыкала Шанти.

«Сумею! Еще не выросла, чтобы особо строить из себя большого дракона!»

«Ничего, вырасту! Жаль только, что тебя тогда уже не будет!» — многообещающе заявила Шанти и вызывающе потянулась, выпустив из лап огромные белые когти.

«Все! Сиди тихо и слушайся! А то я маме нажалуюсь, вот она точно с тобой справится, найдет тебе укорот!»

Кошка презрительно фыркнула и взлетела на плечо Андрея, а Гармаш сказал:

— Глянь, какая умненькая! Знает, кого драть и кого любить! Воспитанное животное!

Кошка расплылась в «улыбке» и фыркнула в ухо своему «хозяину».

— Валите отсюда! — с ненавистью крикнул разъяренный Анупель. — Чтобы духу вашего тут не было! А ее надо вообще прибить дверью! Бешеная гадина! Вон отсюда!

Андрей спокойно собрал вещи в старый рюкзак, к счастью оказавшийся чистым и крепким, кинул лавочнику серебреник и, не обращая внимания на его вопли, вышел из лавки, сопровождаемый Гармашем.

— Ты, парень, не обращай внимания, он всегда придурком был, сколько помню. Отец ему лавку оставил, он профукивает потихоньку, всех отпугивает своей грубостью, проедает капитал, думаю, через годик-два все профукает. Ну что сказать — придурок он и есть придурок. Ты хотел еды купить, — сменил он тему, — там возле храма трактир, ничего особенного, но кормят неплохо. Мы любим иногда посидеть там за кружкой пива. Спроси у Шемака пирогов — он знатно готовит пироги с олениной. Ну все, удачи, парень! И тебе удачи, чертовка зубастая! — Гармаш усмехнулся и быстро пошел по ступеням вниз, уже забыв о случайных собеседниках и, видимо, погрузившись в мысли о важных проблемах — отелившихся коровах, заготовке дров и побелке избы к празднику нового урожая.

Андрей с наслаждением вдохнул холодный осенний воздух, остро пахнувший опавшими листьями и дымом, и тоже сошел с крыльца, шагая в указанном ему направлении.

Встреченные им крестьяне больше от него не шарахались — молодухи провожали его вороватыми взглядами («Статный парень! Вот такого мужа бы... а мой-то сморчок!»), а мужчины при виде его плечистой фигуры уважительно смотрели на поясные ножны с кинжалом и думали о том, что тому, кто с ним свяжется, мало не покажется.

Вскоре показался трактир, он, как и сказал Гармаш, стоял рядом с

храмом Сагана, закрытым на большой амбарный замок, что с удовольствием отметил для себя Андрей. То ли народ тут был не особенно привержен сатанинской вере, то ли были какие-то еще причины, но так или иначе храм был закрыт.

Напротив, трактир всюду функционировал, что подтвердил пьяный мужик, вывалившийся из его дверей и подталкиваемый сзади крепкой бабой в армяке, ругающей его последними словами. Эта парочка, попрепивавшись минуты две и поливши друг друга отборными ругательствами, погрузилась в телегу с охапкой соломы на дне и унеслась по улице в свое неизвестное будущее, исчезнув из жизни Андрея, как никогда и не появлялась.

В трактире было тепло, пахло пирогами и, как обычно, пролитым пивом. Андрей повел носом и с надеждой спросил у посмотревшего в сторону клиента трактирщика:

— Мне сказали, что тут пекут замечательные пироги с олениной — или соврали?

— Да, пекут, — добродушно ответил румяный статный мужчина. — Садитесь вот сюда! Сейчас я вам принесу, только-только вынул пирог из печи! Вам сколько кусков? Один? Два?

— А какой размер пирога? — неожиданно для трактирщика спросил посетитель.

— Хм... вот такой! — развел руки Шемак.

— Несите весь, только нарежьте — что не съем, с собой заберу. И вот еще что, принесите блюдце для моей подруги... Не против, что я с кошкой посижу?

— Нет, не против. Животина чистая, маленькая — почему и нет? Еще что-то будете заказывать? — Трактирщик выразительно покосился на пояс клиента, где висел объемистый мешок с монетами.

— Еще? Пива кувшин... похлебка есть какая-нибудь? Из дичины с овощами? И ее давайте. Еще одно блюдце для моей Чернушки — она тоже любит пиво полакать.

«Лакают только животные! А я пью! А вообще — спасибо. Давно хотела попробовать, чего это люди такое пьют. Вместо пирога лучше спроси у него сырого мяса — как-то я настороженно отношусь к произведениям рук человеческих».

«Ешь, что дают! Привыкай, мы в человеческом обществе, и ты должна себя вести как все кошки».

«Пить алкогольные напитки?! Хороши же у вас кошки, в вашем мире!» — Шанти фыркнула, прыгнула с плеча Андрея и уселась у окошка,

изображая чистку усов и ушей, настойчиво теребя их лапкой.

— Вот вам, уважаемый. — Андрей достал из кошелька золотую монету, и трактирщик ушел исполнять заказ, пообещав принести сдачу.

Через четверть часа Андрей откинулся на стуле, расстегнул куртку, снял ее и повесил на спинку — горячая похлебка и пышущие жаром мясные пироги вогнали его в пот, а он с наслаждением глотал и глотал ароматную жидкость, заедая пирогами.

Они действительно оказались замечательными — вместо лука в них была какая-то лесная трава, придающая начинке острый и пряный привкус, а мясо буквально таяло во рту, не потерявшись среди не очень толстой, пропитанной соком корочки.

— Да-а-а... не зря хвалят ваши пироги, — с восхищением сказал Андрей принесшему сдачу хозяину трактира. — Вы настоящий мастер, вам надо в столице открывать свое заведение! Будете богатым!

— Я и так богатый, все, что надо, есть, мне и тут хватает, — улыбнулся польщенный Шемак. — Тут все свои, а деньги... ну куда особо деньги — в столице сплошные траты, а тут все свое, дешевое, да и народ попроще. Ну куда мне на старости лет срываться? Нет уж... отец мой тут помер, дед, и мне тут на погосте упокоиться. — Он присел к столу и с интересом спросил: — Извините, что лезу не в свое дело... Вы как тут оказались? Я чувствую, что вы откуда-то из города, наверное, из столицы, как вас в такую глухомань занесло? Тут купцы заезжие бывают раз в полгода — сидим как в берлоге медведь. А вот завалит снегом, так вообще до весны в спячку впадем.

Андрей подумал, основательно пожевал пирог, чтобы взять паузу, и пояснил:

— Ехал на разведку — новые места для торговли, опрашивал местных на предмет их потребностей, да нарвался на каких-то залетных разбойников. Моих спутников убили, а я с Чернушкой убежал в лес и скрылся — не нашли. Заблудился. Недельку шел по лесу, весь оборвался по бурелому, вот и вышел на вашу деревню.

— Так это вас приняли за лешего? Сегодня только и разговоров, что леший уже в село приходит, жертву ищет! Люди боятся во двор выходить, не то что в лес идти!

— Да что тут за такая история с лешим? Я в лавку пришел, так этот ваш... Антупель, так, что ли, его звать, чуть не обделался со страху! Что тут вообще происходит? И кстати, а чего храм здешний закрыт? Вроде деревня большая, обычно в таких обязательно по исчадию есть, а тут пусто.

— Вот от лешего все и есть... — неохотно пояснил трактирщик,

нахмурившись — видно было, что тема ему неприятна. — Сбежал наш исчадие, как только про лешего прошел слух. Да какой там слух — убивает, гадина, то одного, то другого, уродует, надругается... Мы уж к исчадию обращались, мол, убей сходи, найди лешего. А он — это не мое дело, я должен веру блюсти, а не ваши задницы спасать! И сбежал на следующий день. Вот такая история. Вчера вот девчонку тринадцатилетнюю убил — дурочка пошла в лес, грибов, мол, поищу, вот и нашли ее у околицы. Видать, в лесу убил и сюда подкинул. Завтра хоронить будут. Такая у нас жизнь, а вы говорите — разбойники! Тут почище дело будет, чем разбойники. Видите — в трактире пусто? Почти никого нет. А почему? Люди боятся выходить из дома, вот у меня сразу посещаемость и упала. Держу трактир открытым уже по привычке — а что еще делать-то, скучно. Заходят особо смелые или жаждущие выпить, а остальные... Ну да ладно, это наши дела, чего вам до них... Еще пирогов добавить? Вон вы сколько съели — сильно! Никогда не видал, чтобы столько съедали! И кошечка ваша покушала! Понравилось, киска? Ох ты, какая красавица! Ох, умница! Мечта, а не кошечка!

Прежде чем Андрей успел его остановить, трактирщик протянул руку и погладил Шанти по спине, не подозревая, что играет с огнем. Андрей мысленно ахнул, ожидая кровавой расправы и скандала, но «кошка» лишь замурлыкала, потянувшись и хитро покосившись глазом на «хозяина».

«Это чего же с тобой такое случилось? — усмехнувшись, спросил Андрей. — Почему ему руку не отхватила по плечу? Пива перепила, что ли?»

«К сведению — алкоголь на драконов не действует, теперь знаю точно. А не подрала его — он правильный человек, умеет ценить красоту!»

Андрей улыбнулся и заказал трактирщику еще пирогов — с собой. Надо было уже собираться — скоро стемнеет, а им еще лететь и лететь... Он с удовольствием подумал о том, что теперь полет будет не таким мучительным. Спихватился — веревок-то не купил! Вот чертова забывчивость!

— Уважаемый, у вас не найдется мотка веревки? Мне нужно поклажу через плечо повесить, забыл купить в лавке.

— Да зашли бы в лавку, и всех делов, там каких только веревок нет. Я погляжу сейчас, конечно. Но у меня только старые веревки, ничего?

— Ничего. Не хочу к этому вашему Апупелю идти, ну такой придурок! Грубиян!

— И не вы один это говорите, — хохотнул трактирщик. — Профукает, профукает он отцовское достояние.

«Где-то я это уже слышал», — усмехнулся Андрей.

— Ну что, принесете веревку?!

— Да-да, конечно! — заторопился Шемак. — Посидите пока, сейчас я в подсобку сбегаю. Десяти метров хватит?

— Хватит. Жду. Сколько с меня? Чтобы уж сразу расплатиться...

— Да не нужно ничего, я так дам. Вы столько заказали, что уж без пары медяков я не обеднею. Главное — добрые слова, от них людям на душе лучше становится. И даже кошкам. Правда, моя красавица? — Трактирщик улыбнулся и подмигнул Шанти, уносясь куда-то за прилавок, в низенькую дверцу сбоку от стойки.

Андрей сыто-расслабленно посмотрел в мутноватое маленькое окошко и подумал о том, что везде, даже в такой дыре, встречаются хорошие люди — вот Гармаш, к примеру, или этот трактирщик... Впрочем, и дерьма хватает, взять того же лавочника.

«Вот что я ему сделал? Покупатель пришел, да ты должен меня облизать, пылинки сдувать — я денег принес! Благодетель! А этот сучонок чуть не в морду плюет! Как в совковом магазине — „Ходют тут, топчут и топчут, топчут и топчут, ногами своими поганют!“»

Неожиданно слух Андрея привлекли звуки снаружи — кто-то кричал, топало множество ног и слышался звон, будто к трактиру подступало воинское подразделение. Он нахмурился и, рассеянно приняв из рук трактирщика сложенный моток веревки, уложил его в вещмешок и спросил:

— Чего там такое происходит? Что за шум такой?

— Не знаю! — озабоченно и недоуменно ответил трактирщик, открыл входную дверь и выглянул наружу.

Сразу стали различимы крики:

— Леший, выходи! Леший! Сейчас поджигать будем!

— Вы чего вопите?! — Трактирщик напряг голос, чтобы перекричать толпу. — Какой такой леший?! С ума посходили?

Толпа затихла, и знакомый Андрею голос сказал:

— У тебя сидит леший! Мужик с кошкой, демонским отродьем! Выдай нам его, а то подожжем!

Трактирщик беспомощно оглянулся и развел руками:

— Это лавочник всех баламутит, вас требуют, говорят — вы леший! Что делать-то?!

— А ничего, — спокойно ответил Андрей и приладил лямки вещмешка. — Сейчас я с ними поговорю, не беспокойтесь.

— Да-да, спасибо. А то эти придурки совсем спятили... еще и правда

подождут.

Андрей вышел из трактира и сощурился, посмотрев на небо — осеннее солнце клонилось к горизонту, еще пара часов, и будет смеркаться.

Толпа закричала, зашумела, поднялся хай — люди трясли поднятыми в воздух мотыгами и косами, орали, распаляя сами себя на плохое деяние, — ясно было, что все может закончиться плохо.

Лавочник, выйдя вперед, вопил:

— Вот он, демонское отродье со своей кошкой-демоницей! Откуда у него столько денег?! Где он их взял?! Небось грабил по дорогам, убивал, терзал людей! Убьем его и прекратим эти несчастья! Зальем кровью горе матерей!

Андрей подумал: «Глянь-ка, а придурок-то оратор! Ишь как излагает, как по писаному! Большевик, однако! Лавочник — большевик, ну не смех ли?»

Он улыбнулся, и лавочник это заметил — со злобой выкрикнул:

— Он еще над нами и смеется?! Бейте его, люди!

Толпа двинулась к Андрею, а тот кинул нужный мыслеобраз Шанти, тут же спрыгнувшей с плеча и улыбнувшейся то ли улыбкой Чеширского кота, то ли улыбкой зубастика из фантастического фильма. Скорее всего — второе, так как у кота не было такого ряда острейших белых зубов.

Воздух замерцал, и перед атакующей толпой вмиг оказалась не маленькая черная кошечка, а громадный кошак, котище, котяра — размером с лошадь, с зубами как клинок кинжала!

Шанти внимательно посмотрела на ошеломленную толпу голубыми глазами, а потом подняла хвост трубой и заорала диким голосом, как орут кошки во время драки, только этот кошачий вой был таким ужасным, что можно сравнить его с ревом гудка паровоза и электрички, вместе взятых! А если к этому присовокупить клацающие по земле когти да белоснежные клыки... В общем, толпа, побросав свои орудия убийства, бросилась наутек, завывая и теряя по пути башмаки и шапки.

Воздух снова замерцал, и кошка, мгновенно уменьшившись в размере, стала прежней.

Шанти с разгону взлетела на плечо Андрея, как будто оттуда и не слезала, и, ненароком потершись о его шею, сказала:

— Давно так не развлекалась! Нет, в путешествии с тобой есть свои преимущества! Можно неплохо развлечься! А может, еще прибьем эту вонючку? — Она кивнула на отползающего в сторону лавочника — на его штанах сзади отчетливо расплзлось пятно.

— Пусть живет. Мы убиваем только при абсолютной необходимости

это делать, запомни это. Лучше, знаешь что, давай поищем этого пакостника, терроризирующего деревню? Ведь, уверен, это кто-то из местных жителей. Кому надо переться сюда из другого села, чтобы убивать этих деревенских? Маньяк какой-то, и он живет именно здесь.

Из дверей трактира выглянул испуганный хозяин и осторожно спросил:

— Закончилось? Чего они хотели-то? Ни разу такого безумия не видал — они как спятили! Чего они разбежались?

— Кошечки моей напугались! — Андрей незаметно подмигнул сидящей на плече Шанти. — Больные какие-то... чего-то привиделось им. Послушайте, а вы не могли бы отвести меня в тот дом, где живет семья убитой девочки? Ну той, которую растерзал леший? Я бы хотел с ними поговорить — может, и помогу чем-то. Я отличный следопыт, могу по следам искать, кроме того, немного колдую, попробую найти вашего лешего.

— Точно? Ой, как хорошо было бы! Народ совсем пал духом, скоро друг друга резать будут, все боятся, что лешим может оказаться кто-то из нас.

— Вполне вероятно, — «успокоил» его Андрей. — Скорее всего так и есть. Ну что, проводите?

— Да-да, сейчас! — Трактирщик исчез за дверью, и стало слышно, как он кричит кому-то, чтобы проследили за работой.

Через пять минут он появился одетым, и вскоре они шагали по деревенской улице.

— Тут недалеко, через десять домов. Хорошая девочка была — ласковая, воспитанная, приходила иногда, пирогов брала — они со мной молоком рассчитывались. А тут возьми и пойдешь в лес — ну ничего не боялась! Ох, горе-то какое... ну кто мог такую красоту загубить?! Девочка-то красавицей бы выросла... если бы дали. Вы уж найдите его, гадину эту! А я вам пирогов дам, бесплатно! Мы все переживаем, уже человек двадцать нашли погибшими.

— А давно началось?

— В общем-то давно... но раньше не так часто было — а теперь уже два-три покойника в неделю находим. И все изуродованные. Как будто ему доставляет удовольствие их терзать, а не просто убивать и насиловать.

— А что, все подростки?

— Есть две женщины, молодые, одна на сносях была — так он вырвал плод из живота и унес куда-то... Это ужас такой был — кто видел труп, спать не могли! Мы уж просили исчадие, просили — найдите его, — а ему

все равно. Только разговоры о жертве да что надо принести кого-то на алтарь. А тут такое дело — у нас исчадия не особо в чести, и уж точно никто не даст своих приносить в жертву. Это в городе развлекаются таким делом, а у нас могут потихоньку и стрелу пустить. В лесу-то откуда узнаешь, кто пустил? Исчез и исчез в болоте — утоп! Глухомань. Недаром деревня называется Черный Яр — вон там такая топь, что всю деревню потопить можно и несколько городов вместе взятых! — Трактирщик как будто спохватился и опасливо поглядел на Андрея. — А вы не из них, не из исчадий? Нет? А то я не хотел бы неприятностей... что-то я разболтался. Вы выглядите человеком, которому можно доверять, вот я и расслабился, язык распустил.

— Не беспокойтесь. Я точно не исчадие и никакого отношения к ним не имею.

— Вот этот дом. Давайте я вперед пройду, объясню родителям суть дела.

Трактирщик ушел в дом, а Андрей задержался у калитки, оглядывая улицу.

Она и правда будто вымерла: ни людей, ни собак, ни даже кур — будто после апокалипсиса. Попрятались все...

— Пойдемте! Заходите в дом!

Андрей поднялся по скрипучим ступенькам в избу и сразу увидел гроб, стоящий на двух табуретах. Около него сидела красивая женщина лет за тридцать, с заплаканным и опухшим от слез лицом, которое даже в скорби удивляло правильностью и красотой.

Мужчина среднего роста, с кудрявыми темными волосами, тоже довольно симпатичный, стоял рядом и держал за плечи двух мальчишек — один лет десяти, другой чуть постарше. Его лицо было серым от горя, черты искажены. Он срывающимся голосом сказал:

— Вот наша Машенька... не пожалел, гад... надругался и убил. Изуродовал нашу радость, нашу дочушку...

У него из глаз закапали слезы, и у Андрея запершило в горле — вид такого неприкрытого горя, отчаяния никого не мог оставить равнодушным, даже такого бывшего человека, как он.

Посмотрев в гроб, Андрей увидел белое как мел лицо девчушки ангелоподобной красоты, чертами похожей и на мать, и на отца, она вобрала все самое красивое, что у них было, и вот — лежит в гробу, как деревянная кукла, разбитая злым кукловодом.

Даже Шанти притихла на плече, глядя на горе людей, и не мешала Андрею думать и строить планы, как изловить гадину.

Он отбросил все лишние мысли, жалость, свои проблемы и сосредоточился на одном — найти подонка.

Подойдя к отцу девочки, попросил:

— Выйдем? Мне надо задать вам вопросы.

Они прошли во двор, присели на скамейку у ворот, и, немного помолчав, Андрей спросил:

— Вы можете показать место, где все произошло?

— Да, конечно. — Мужчина тут же вскочил, готовый идти куда угодно, лишь бы помочь следствию.

— Постойте! У вас сохранилась одежда, в которой она была в тот день? Да? Несите ее сюда. Не стирали? Хорошо.

Мужчина исчез в доме и вскоре вернулся, держа в руках залитое кровью платье и нижнюю юбку.

— Куда их положить?

— В какой-нибудь мешок или наволочку сложите. Готово? Пошли. Показывайте, где это.

Они шли по улице, провожаемые взглядами из окон домов, мимо которых они проходили. Все уже знали о том, что вот этого высокого человека приняли за лешего, что он всех напугал своей кошкой, — и теперь этот колдун идет вместе с отцом погибшей девочки? Странно... и интересно.

Пройдя деревню насквозь, они оказались за околицей, возле погоста. На могилах вместо крестов стояли надгробия, очертаниями напоминающие храм, с именами и эпитафиями.

«Странно выглядит кладбище без крестов», — подумал Андрей.

— Вот тут ее нашли, возле этого дерева! — Мужчина показал на большой дуб, одиноко стоящий недалеко от леса, прямо посередине выгона для скота. — Она лежала на спине, платье было задрано до шеи. Горло разорвано. Все, я не могу больше тут находиться, смотрите сами, я посижу вон там, на бревне!

Пошатываясь, он ушел, а Андрей стал внимательно осматривать площадку. Наклонившись, увидел несколько больших следов, хорошо заметных на влажной земле под кроной дуба, но решил, что их, возможно, оставили те, кто нашел девочку, и зеваки. Ничего интересного он тут не нашел — всё затоптали. Разочаровавшись, Андрей пошел к отцу девочки и присел рядом.

— Ну что, нашли что-нибудь? — с надеждой обернулся тот и еще раз переспросил: — Есть что-нибудь?

Андрей покачал головой и задумался. Что делать? Обернуться Зверем,

вынюхать все? И что это даст? Все затоптано! Оставалось только одно — одежда девочки. Возможно, на ней остался запах. Но как идти Зверем по деревне? Люди точно решат, что он и есть тот самый леший!

Он стал рассуждать: «Если я могу увеличивать скорость по своему желанию, если сила у меня больше, чем у обычного человека, — почему не включить, так сказать, супернос? Тело-то одно и то же, просто в ипостаси Зверя включаются дополнительные функции. Так не могу ли я вытянуть способность к вынюхиванию из своего мозга? Надо попробовать!»

Андрей сел прямо, закрыл глаза и, войдя в состояние, подобное трансу, отрешился от всего мира — забыл о сидящем рядом отце убитой девочки, о самой девочке, о Шанти, вцепившейся в плечо коготками, об исчадиях, оставив только одно желание: нос! Нос должен работать, как у собаки! Как у Зверя! Нос!

И вдруг он ощутил все — запах навоза за пятьдесят метров отсюда, запах Шанти, похожий одновременно на запах ящерицы и нагретого железа, запах мужчины — пот, смешанный с запахом алкоголя. «Похоже, он накануне выпил», — подумал Андрей. Запахи били в нос — удушливые, густые. Не такие, какими их ощущают люди, — они не ощущают и сотой доли того, что чуют собаки или волки. Нос Зверя был гораздо более чувствительным, чем у простых зверей.

Андрей почти вырвал из рук у отца девочки мешок с ее одеждой и тут же почуял запах — это был запах другого мужчины, густой, терпкий и легко узнаваемый.

— Кто-нибудь, кроме тебя, трогал мертвую девочку, какой-нибудь мужчина? — быстро спросил Андрей. — Быстрее вспоминай! Трогали? Нес кто-нибудь из мужчин, переворачивал, нет?

— Нет, — удивленно и с надеждой ответил отец девочки, глядя в возбужденное лицо незнакомца. — Пастух ее нашел, но не трогал, сразу побежал к нам, а я ее поднял и понес в дом. Все, больше к ней никто не прикасался, кроме матери и женщин-обмывальщиц.

— Все. Я найду его, если он в деревне. Слушай меня внимательно... — И Андрей объяснил мужчине, что нужно делать.

Тот кивнул и ушел, а Андрей остался сидеть на бревне.

— И ты говоришь, драконы жестокие? — угрюмо сказала Шанти. — Вон что твои соплеменники творят! Никогда бы ни один дракон не поступил так со своим родичем!

— Верю. Ну что поделаешь? Вот такие уроды у нас бывают.

— Вижу, — угрюмо подтвердила Шанти. — Сумеешь найти его?

— Да. Я знаю его запах, не отвертится.

— А найдешь, что будешь делать?

— Там видно будет. Покажу на него — его деревенские сами разорвут на части, даже трудиться не придется.

— А жаль, — задумчиво протянула Шанти, — ради такого дела я бы потрудилась. Не люблю, когда девочек уродуют!

Отец убитой девочки появился через полчаса, взмыленный, тяжело дышащий, и сообщил:

— Все сделал, как вы сказали! Все по домам, ждут. Вернее, возле домов стоят.

— Не протестовали?

— Так, поворчали для виду, но все ждут.

— Тогда пошли!

Андрей быстрым шагом, почти бегом направился в деревню, отмечая себе группки людей, стоящих возле домов. Он подошел к первой группе и сделал какие-то пассы руками — им всем было объяснено, что приезжий умеет колдовать и с помощью особых заклинаний может найти убийцу.

Для деревни это было жизненно важно, а потому все беспрекословно согласилось на испытание. Убийца, конечно, тоже согласился — а что ему оставалось? Если бы он отказался — подозрение точно пало бы на него, а уж тогда за каждым его шагом следили бы, и в конце концов кто-нибудь его убил бы. Тот же неутешный отец Машеньки, к примеру. Вряд ли ему были нужны особые обоснования и неоспоримые доказательства...

Время шло — Андрей уже обошел около пятидесяти домов, но все без толку. Отец девочки, идущий рядом, подтверждал: больше мужчин в этих домах нет, все здесь. На всякий случай Андрей обнюхивал и женщин — как ни фантастично, но всякое бывает...

Возле лавки стоял злобный Анупель, уже сменивший обделанные штаны на чистые, и истерично кричал:

— Чего вы ему верите! Небось он и убил! Не дамся колдовать на себе! Не дамся!

Из толпы, сопровождающей Андрея и его спутника, слышалось угрожающее:

— Тогда заказывай себе гроб, Анупель!

Лавочник испуганно сник и позволил Андрею подойти. Тот понюхал — увы, Анупель не был искомым маньяком, хотя Андрей почему-то был уверен в обратном. Ну по принципу — подлец всегда подлец.

Он все шел и шел дальше, и с каждым проверенным домом его уверенность в успехе падала — оставалось уже меньше десятка домов, когда он подошел к группе, в которой узнал старого знакомого — Гармаша.

Тот стоял беспечно, впереди своей жены и двух сыновей, с любопытством посматривающих на происходящее.

Гармаш, улыбнувшись, помахал ему рукой и сказал:

— Прекрасно выглядишь, как я погляжу. Ты еще и колдун, оказывается?

Андрей утвердительно кивнул, просто для проформы понюхал воздух, и вдруг его как обухом по голове ударило — ОН! Это он — убийца! Этот приятный мужик, с семьей, с детьми — как он мог?

Андрей пристально посмотрел в лицо улыбающемуся Гармашу и тихо, но внятно сказал:

— Почему ты это делал? Как ты мог, девчонку?..

Тот, продолжая улыбаться и не глядя на окружающих, спокойно сказал:

— А что поделаешь? Сущность моя такая! Я хочу убивать и сейчас убью и тебя.

Андрей мгновенно отпрыгнул, отбросив рукой недоумевающего отца покойной девочки, и изготовился к жестокому бою.

Неожиданно Гармаш стал сбрасывать обличье дружелюбного, милого человека и превращаться в монстра — с горящими красным огнем глазами, длинными клыками и когтистыми лапами.

Это произошло практически мгновенно, но при ускоренном восприятии Андрея заняло времени достаточно, чтобы он мог принять решение, перекидываться ли в Зверя и пугать народ или попробовать биться в человеческом облике.

Вопрос разрешила Шанти — она спрыгнула с плеча Андрея и, увеличившись до нормального размера, вступила в драку с чудовищем.

Народ с визгом разбежался в стороны, и на образовавшейся площадке остались лишь Андрей да громадная черная кошка, с шипением и ревом вцепившаяся в монстра.

Все завершилось секунды за две, без особых боевых излишеств, без колдовства и каких-то красивых приемов — голова Гармаша отлетела в сторону, покотившись как футбольный мяч, а тело, дергаясь и испуская фонтан крови, осталось на месте.

Шанти уменьшилась и снова запрыгнула на свой насест — плечо товарища.

— Труп этого чудовища сожгите, чтобы и следа не осталось! И не пораньтесь — можно от него заразиться, я так думаю. Его кровь поганая. Мои соболезнования по поводу гибели Машеньки. И... вам по поводу гибели Гармаша, — обратился он к плачущей семье монстра. — Скорее всего он был захвачен в лесу монстром, который и принял обличье вашего

мужа и отца. Если хорошенько подумаете, то вспомните — у него должны были измениться привычки. То есть это был не Гармаш. Так что, селяне, не обижайте их семью — они ни при чем, они сами пострадавшие. Ну все, прощайте, мне пора! — Андрей посмотрел на красное солнце, до половины скрывшееся за деревьями, и решительно зашагал к лесу, под опасливыми и восхищенными взглядами деревенских жителей.

Он шел и думал: «Вот как бывает — я-то вообразил, что это исчадие где-то спрятался и убивает жителей или лавочник — поганец и негодяй, однако монстром оказался тот, на кого никогда бы не подумал. Отвратительно!»

— Эй, подруга, а ты-то зачем кинулась на него? Скучно стало?

— И скучно тоже. А кроме того, я тебе говорила — ненавижу тех, кто обижает маленьких девочек. И еще: а ты не подумал, что он вообще-то может быть заразным? Ты не забывай, что я хоть и в образе кошки, но на мне та же самая броня, что и на маме, броня, которую и ты-то пробить не смог, со своими когтями. Ну почти не смог... Так что, если я не хотела, чтобы ты превратился еще и в ЭТОГО монстра, надо было решать дело самой. Это был настоящий леший — кроме всего прочего, они еще любят попить свежей крови. Девочка, видел, какая бледная была? Он ее обескровил еще при жизни. Ну а надругательства, скорее всего, для того, чтобы отвести глаза. Если бы не твой нюх, его бы никогда не нашли! Ну что же, мне понравилась наша прогулка! Я очень довольна. Продолжай в том же духе!

Андрей грустно улыбнулся — у него все эти события не вызвали восторга, на душе лег горький осадок, не позволяющий ему воспринимать происшедшее как простое приключение.

Вскоре они вышли на поляну, где лежала скрытая невидимой завесой дракониха. Завидев их, она спросила:

— Как сходили? Вижу — ты приоделся! Как дочка? Хорошо себя вела?

— Хорошо, — улыбнулся Андрей. — Молодец у тебя дочка, умница и красавица.

Ему показалось, что кошка на плече замурлыкала от удовольствия... А может, не показалось?

Приладив веревку и соорудив из нее что-то вроде подпруги, Андрей исхитрился надеть на себя сразу два рюкзака, расположив один сзади, другой спереди — не бросать же драгоценные чешуйки, так тяжело доставшиеся? — и забрался на шею Гары. Теперь ему было тепло, и он не боялся замерзнуть даже во время ночного полета.

Гара мощными прыжками разогналась, подпрыгнула высоко над

кустами, и вскоре ее широкие крылья несли их над лесом, прочь от злосчастной деревни.

Дракониха все выше и выше поднималась над землей, и закатное солнце освещало крылья, серебристые облака и две темные фигурки на ее могучей спине.

Андрей и его новая подруга неслись навстречу новым приключениям, не зная, какие испытания ждут их впереди. Да если бы и знали — разве могли бы они изменить свою судьбу? А если могли — захотели бы?

Каждому дана своя судьба...